

география/этнография

Буддист-паломник
у святынь Тибета

Гомбожаб Цыбииков

Б

уддист-паломник
у святынь Тибета

Гомбожаб Цыбииков

Ломоносовъ

Гомбожаб Цыби́ков

Буддист-паломник
у святынь Тибета

По дневникам, веденным
в 1899–1902 годах

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 910
ББК 63.3
Ц93

Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-113-7

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2011

Осенью 1898 г. один мой знакомый, штатный лама Янгачжинского дацана Забайкальской области Цэбак-Данчжа Ирдыниев, прислал мне рукописное описание путешествия в Тибет и Непал нештатного ламы Болтиморского дацана Мичжэд-дорчжэ. Я, тогда студент Восточного факультета, представил эту рукопись на благоусмотрение профессора А. М. Позднеева*, который только что пред этим издал «Сказание о хождении в тибетскую страну Малодэрбэтского Базабакши»¹. Он, рассмотрев эту рукопись, посоветовал мне самому, по окончании курса университета, поехать в Центральный Ти-

* Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) — русский востоковед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор. Один из основателей и первый директор Восточного института. — *Здесь и далее, если не оговорено особо, — прим. ред.*

бет и в дальнейшем принял меры к осуществлению такого моего путешествия, рекомендовав меня Совету Русского Географического общества, который выдал мне средства на поездку, а тогдашний секретарь Общества А. В. Григорьев* с обычной своей любезностью и чисто отеческим попечением сделал все зависящее от него для снаряжения меня в далекий путь.

Получив командировку, я отправился сначала на родину, в Забайкалье, где, по домашним обстоятельствам и в напрасном подыскивании себе спутников-паломников, оставался до октября, когда поехал в Ургу. Здесь я прожил некоторое время в приготовлениях к дороге и 25 ноября 1899 г., наняв четырех верблюда из обратного каравана алашанских монголов, выехал по обычному пути монгольских паломников, имея при себе одного наемного слугу бурята Мархая Санчжиева.

В Урге, до выезда и по возвращении из путешествия, я встретил весьма сочувственное отношение нашего генерального консула Я. П. Шишмарева и секретаря консульства В. В. Долбежева, которые, на всякий случай, снабдили меня «билетом» на четырех языках: русском, маньчжурском, монгольском и китайском. «Билет» этот сослужил мне некоторую службу однажды у цайдамских монголов.

Пускаясь в путешествие как простой бурят-паломник, я должен был особенно считаться с предубеждениями местного населения. Поэтому нечего было и думать о собирании каких-либо естественнонаучных коллекций, съемке местностей, ведении правильных наблюдений и т. п. Взятый с собою фотографический аппарат и термометр Реомюра пришлось держать под замком в сундуке вплоть до Лхасы. При себе я постоянно имел только маленькую записную книжку, куда заносил заметки ежедневно, даже и в этом скрываясь от любопытных глаз.

В Центральном Тибете я поставил себе одной из главных задач изучение и приобретение оригинальных тибетских сочинений, из которых я мог бы дополнить литературными

* Александр Васильевич Григорьев (1848–1908) — русский ботаник и этнограф, секретарь Русского Географического общества в 1883–1903 гг.

данными свои расспросные сведения. С этой целью мною было приобретено, с немалыми денежными затратами и трудом по проверке их, более 300 больших томов сочинений разных писателей. Эти сочинения, пожертвованные Географическим обществом, хранятся ныне в библиотеке Азиатского Музея Российской Академии наук*. Я льщу себя надеждой, что они, с развитием у нас изучения тибетского языка, окажут специалистам значительную помощь как материал для научных исследований.

Представляя теперь отчет о своей поездке, я не могу, конечно, судить о достоинствах моих сообщений, но справедливость требует сказать, что в деле редактирования и приготовления к печати неоценимую услугу оказали моей работе покойный А. В. Григорьев и ныне здравствующий С. Ф. Ольденбург**, и я признаю, что если мой труд имеет какие-нибудь достоинства, то он в значительной мере обязан этим редакторам и в особенности А. В. Григорьеву. Оплакивая внезапную и преждевременную смерть Александра Васильевича, которого она застала среди сложных трудов по редактированию этой книги, я посвящаю труд свой дорогой памяти покойного.

Приношу искреннюю благодарность всем лицам, не отказавшим в просвещенном содействии моей поездке в Тибет и выходу в свет моей книги, главным образом Совету Русского Географического общества, давшему мне средства для путешествия в эту неизведанную страну.

Г. Цыбиков

* Список этих книг см.: «Изв. Академии наук». — 1904, июнь. — Т. XXI, № 1. — *Прим. авт.*

** Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — один из основателей русской индологической школы, академик Российской АН, секретарь Академии наук в 1904—1929 гг. Министр народного просвещения Временного правительства.

Автобиографическая заметка

Я, Гонбочжаб* Цэбекович Цыбиков, родился в местности Урдо-Ага, Забайкальской области, Читинского уезда в апреле 1873 г.** Отец мой, бурят кубдутского рода бывшей Агинской степной Думы (ныне Агинской инородческой волости) Цэбек Монтуев, в годы юности хотел посвятить себя в духовное звание, но был удержан от этого своими родителями — ярыми шаманистами. Несмотря на это, он научился самоучкой монгольской и тибетской письменностям, что позволило ему впоследствии быть избираемым на некоторые общественные должности.

* Имя Цыбикова имеет разные варианты написания. В настоящее время принят вариант, указанный на обложке книги.

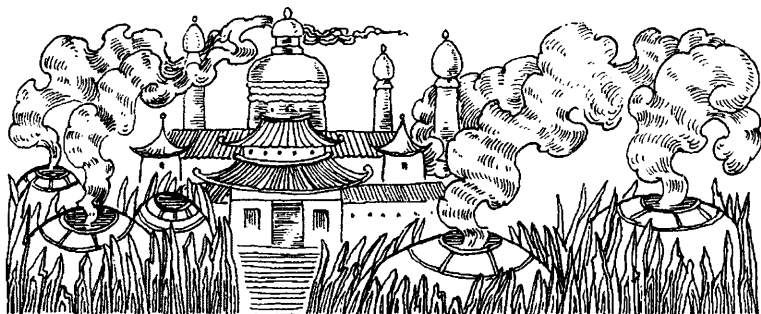
** В свидетельстве о рождении, составленном в 1884 г., неправильно поставлен 1872 г., потому что буряты считают лета со дня зачатия, относя этот день за год до появления на свет. — *Прим. авт.*

Он рассказывал, что, будучи удержан родителями от учения, он дал себе обещание, если только у него будут сыновья, во что бы то ни стало отдать их в учение, одного в светское, а другого в духовное. Смерть двух его старших сыновей в раннем детстве еще более укрепила в нем это желание. Лишь только мне минуло пять лет, и когда я, по природному недостатку, еще плохо выговаривал многие слова, он сам стал обучать меня монгольской грамоте, а через два года, в 1880 г., отвез меня в приходское училище при Думе, где преподавали русский и монгольский языки. Однако первый год я пробыл в училище только полтора месяца (с перерывом в пять месяцев). За это время учителя не указали мне ни одной буквы.

Более правильно мое учение началось со второго года. Через два года, в 1883 г., умерла моя мать. Тогда у отца еще более закрепилось желание держать меня как можно дольше в училище, чтобы я не подвергался обидам мачехи. Скоро к этому представился очень удобный случай: осенью 1884 г. в Чите была открыта гимназия, на которую буряты сделали значительные пожертвования. В благодарность за это местная администрация задумала привлечь детей инородцев в эту гимназию. От агинских инородцев потребовали четыре мальчика. Буряты, еще не привыкшие к училищу с почти десятилетним курсом, не проявляли особого желания посылать детей, потому начальство охотно соглашалось принять желающих. Отец мой воспользовался предложением администрации и ради предупреждения конкурса повез меня еще в начале августа. Когда я явился к управляющему гимназией инспектору К. Ф. Бирману, он, видя первого ученика из инородцев, охотно содействовал выполнению всех формальностей моим отцом, плохо говорившим по-русски и часто прибегавшим к мимике. На произведенных в тот же день испытаниях меня нашли возможным поместить в старшее отделение приготовительного класса. Спустя неделю привезли других детей, но так как инспектор К. Ф. Бирман настоял на принятии меня первым, то приняли еще только троих, а четвертому было отказано в приеме на общественные средства. Учение продолжалось девять лет, и мне удалось быть первым бурятом, окончившим в 1893 г. Читин-

скую гимназию. Кончил я с серебряною медалью, третьим по классу, потому что в VI классе мое усердие к занятиям значительно сократилось и я уже не был первым. По окончании мною гимназии педагогический совет постановил оказать мне содействие по продолжению образования и выдал прогоны и пособие, чтобы досхать до Томска, где я поступил на медицинский факультет. Но, уступая желанию моих сородичей и родных, я оставил этот факультет и, пропустив еще год, проведенный в Урге, поступил в 1895 г. в С.-Петербургский университет, на факультет восточных языков. Здесь я провел четыре года и окончил его в 1899 г. После этого почти три года провел в экспедиции Русского Географического общества. Возвратившись, был назначен лектором монгольского языка в Восточном институте во Владивостоке, в какой должности состою и ныне.

Глава I Паломники в пути от Урги до Гумбума

25 ноября 1899 г. Одевшись бурятским ламой-паломником к святым для ламаистов местам, я выехал из Урги на четырех наемных верблюдах с партией алашанских монголов, приехавших сюда для продажи риса и проса. Впрочем, хозяин нашего каравана Намчжал-тайчжи, придворный чиновник алашанского вана, говорил, что, собственно, главной целью его приезда с женою и сыном было поклониться ургинскому перерожденцу* Чжэбцун-дамба.

Мне и моему спутнику первый раз в жизни приходилось иметь дело с верблюдами, отчего и предположили ехать на ненавьюченных: наложили на спину верблюда войлоки и подушки, перекинули через них привязанные к ремням стремяна и сели, как на лошадей. Проехав, однако, пять-шесть верст, мы убедились, что такой способ езды очень неудобен, так как ноги, широко раздвинутые по толстому животу большого верблюда, сильно уставали; тем не менее пришлось таким же способом доехать до места первого ночлега в местности Бухук, где находится и первая почтовая станция по тракту Урга — Сайр-усу. Здесь пришлось

* Для ламаизма характерен культ гулку (хубилганов) — перерождающихся.

расположиться среди снеговой равнины, и так как невозможно было отыскивать из-под снега подножного, если так можно выразиться, топлива — аргал (сухой помет), то нам оказали громадную услугу дрова, захваченные с собою из Урги по совету возчиков. (Чрезвычайно развитое в Урге и ее окрестностях воровство заставило наших подрядчиков окрауливать всю ночь палатки и уложенных вокруг них верблюдов.)

26 ноября, наученные вчерашним неприятным опытом, мы пересели на верблюдов с легкими вьюками, что оказалось гораздо удобнее верховой езды на этих животных. Непривычным ездокам должно рекомендовать в продолжительной, в особенности зимней, дороге садиться на вьюки. Этот способ выгоден еще и тем, что при частых гобийских ветрах, несущих песок и пыль, можно сидеть, отворотившись в противоположную от ветра сторону. Ночевали в степи; названия этого урочища нам не удалось записать, так как возчики не знали его, а местных жителей мы не встретили. <...>

28 ноября начинается настоящая «гоби». Монголы в характеристике местностей употребляют слова «хангай» и «гоби». Первым словом обозначают места, обильные растительностью и проточной водой, а вторым — безводную степь со скудной растительностью; «гоби» местами обитаема. Ночевали у колодца Хара-толгой (Черная горка).

29 ноября ночевали у колодца Булум (Угол) близ монастыря Шинэчойра, что значит «новый учебный двор». Должно заметить, что такое название произошло вследствие недавнего основания монастыря, а не как отличие от прежнего «старого». Монастырь этот, принадлежащий хошуну* Дайчин-цзасака, отец которого именовался Уйцзан-гун, имеет около тысячи духовных. Хошун же состоит из пяти сомунов (рот) и должен быть признан одним из богатых хошунов Халхи вообще и тушету-ханского аймака в частности.

30 ноября — Хубер. 1 декабря — Дэрису. 2-го — Тэбчийн-булум. 3-го — Ара-чинда. 4-го — ключ Хармакту. 5-го — откры-

* Административная единица в Монголии при маньчжурском господстве; здесь — удельное княжество во главе с наследственным князем — цзасаком (дзасаком).

тая степь. 6-го — южный склон хребта Шанхай. 7-го — к ЮЗ от гор Хоир-ундур. Вот места ночлегов за эти дни.

8 декабря миновали по западной стороне монастыря Долон-шига-цзагин сумэ*, принадлежащий хошуну гобийского туше-гуна тушету-ханского аймака. Ночевали в местности Бударганайн-шинэ-усу, 9-го — степь. 10-го — высохшая речка Думда-гун. 11-го — степь к Ю от Ноян-элису. 12-го — степь. 13-го — колодец Арайн-гашун-худук.

14 декабря ночевали недалеко от колодца Добойн-цзак. Между кочевьями хошуна халхаского туше-гуна и землями алашанского вана находится западный угол владений трех уратских гунов, входящих в состав Улан-цабского сейма южных монголов.

15 декабря ночевали недалеко от монастыря Тукумун-сумэ, принадлежащего хошуну алашанского цинь-вана. Говорят, что этот монастырь был основан шестым далай-ламой Цаньян-Чжамцо¹, жившим в Тибете с 1683 по 1706 г., и имеет в настоящее время до двухсот постоянно живущих монахов. Оставляя до надлежащего места исторические сведения об этом далай-ламе, здесь приведем лишь народное сказание о нем. Шестой перерожденец далай-лама Цаньян-Чжамцо нарушил обеты высшего духовного звания и вступил в брак с одной женщиной. Она вскоре забеременела и должна была родить сына, который сделался бы всемирным царем. Но китайские астрологи-тайноведы узнали об этом и сообщили богдохану о грозившей его династии опасности. Богдохан в тревоге вызвал далай-ламу в Пекин для допроса, а жену его приказал тотчас убить. С дороги в Пекин, а именно из Алашани, опальный далай-лама послал ко двору труп своего случайно умершего спутника, выдав за свой, а сам, переодевшись нищим-монахом, скрылся и бродил инкогнито по разным местам непросвещенной Монголии, родного Тибета и священной Индии. Затем в Алашани он стал проявлять много чудес, на что обратила внимание Абао, супруга алашанского вана. Она признала в нем далай-ламу и воздала почести.

Внимание, оказанное княжеским двором, конечно, сильно подействовало на простой народ, и он стал уже боготво-

* Буддийский храм.

ритель вновь открытого далай-ламу. Последний, воспользовавшись приобретенным почетом и влиянием, основал в Алашани несколько монастырей, в том числе и этот Тукумун-сумэ. <...>

18 декабря миновали Чжартайн-дабасуну-байшин, т. е. домики Чжартайской соли, коих здесь три — один для надзирателя и сборщика пошлин с соли, другой — для казенных рабочих, третий — для соли. Они находятся на юго-восточной стороне озера Чжартайн-нур; соль же добывается на северо-западной стороне рабочими, нанимаемыми канцелярией алашанского вана, а вывозится отсюда добровольными извозопромышленниками главным образом в город Дын-коу, находящийся на левом берегу реки Хуанхэ, или Желтой, в расстоянии трехдневного караванного пути от озера. Соль извлекают из глубоких ям княжеские рабочие. Покупатель сам кладет в мешки и подходит к байшину для расчета. Я лично не видел работы, так как место добывания соли находилось по северо-западную сторону, верстах в четырех от байшинов. За количество соли, составляющее вьюк одного верблюда (около 10 пудов), платят, как передавал мне местный монгол, 4 фына (6 коп.) за труд по добыванию и 2 фына (3 коп.) пошлины в казну вана. Заплатив таким образом за вьюк соли на месте 6 фынов (9 коп.), продают таковой в Дын-коу, смотря по спросу, за стоимость от одного до двух кирпичей чая или от четырех до восьми циннов серебра (60 коп. — 1 р. 20 к.). Этим извозом занимаются главным образом ближайšie жители, начиная с наступления осенних холодов, т. е. примерно с октября. Говорят, что ежегодно вывозится отсюда соли не менее чем на ста тысячах верблюдах. Кроме этой соли, в Алашани славится еще соль, добываемая в Хотонугуй и Цаган-булак; эти места добывания соли находятся в западной части кочевий, а потому соль оттуда вывозят преимущественно в города Дэрисун-хото и Ланьчжоу.

Остановившись на ночлег недалеко от вышеупомянутых домиков в роще деревца цзак, более известного под названием саксаул. Вследствие того, что наши возчики брали домой из этой рощи дрова, нам пришлось продневать здесь следующее, 19-е число. 20-го — колодец Цзуха.

21 декабря прошли мимо колодца Чахарун-худук и пришли к стойбищу нашего возчика. Он жил в двух войлочных юртах, одна из коих представляла как бы чистую половиину, где стоял жертвенный стол с бурханами, а другая служила постоянным жилищем хозяев с домочадцами. Местность эта называется Гун-худук (Глубокий колодец), или по другому колодцу Сумэйн-худук (Колодец храма). Тот и другой колодец отстоят от этого стойбища не ближе четырех-пяти верст. Здесь провели мы и 22-е число.

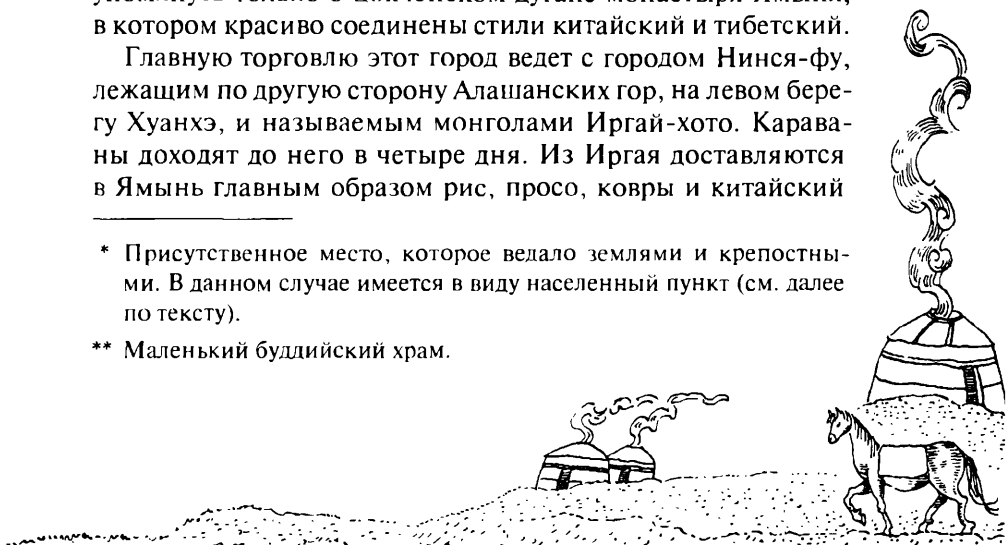
23 декабря доставили нас в Ямынь* алашанского вана, где мы прожили до 1 января 1900 г., подыскивая себе новых подрядчиков до Гумбума, так как прежний был нанят только досюда.

Город Дынь-юань-фу или Ва-ян-фу назывался монголами Алаша-ямынь, или Ямынь-хото, т. е. алашанской канцелярией, или канцелярским городом. Он находится на берегу речки, стекающей с горы Бугуту Алашанского хребта, и состоит из двух частей: кремля и слободы. Кремль расположен на южной стороне невысокого холма и обнесен толстой кирпичной стеной, обычной у китайских городов, доходящей вышиною чуть ли не до 10 сажений. Двое ворот с юга и востока, оба с обшитыми железом воротами, ведут во внутрь города, где помещаются дворец и канцелярия вана, цокчэнский дуган**, театр, лавки и дома маньчжуров, китайцев и монголов. Непосредственно к югу от кремля расположена слобода, превосходящая числом жителей и оживленностью торговлей первую часть города. Из достопримечательностей можно упомянуть только о цокчэнском дугане монастыря Ямыня, в котором красиво соединены стили китайский и тибетский.

Главную торговлю этот город ведет с городом Нинся-фу, лежащим по другую сторону Алашанских гор, на левом берегу Хуанхэ, и называемым монголами Иргай-хото. Караваны доходят до него в четыре дня. Из Иргая доставляются в Ямынь главным образом рис, просо, ковры и китайский

* Присутственное место, которое ведало землями и крепостными. В данном случае имеется в виду населенный пункт (см. далее по тексту).

** Маленький буддийский храм.

спирт в обмен на верблюжью и овечью шерсть, шкуры и соль. Иргай особенно славится выделкой ковров, большие заказы которых делают тангутские, монгольские и даже наши бурятские монастыри, специально для этого посылая сюда людей. Спрос на ковры для монастырей обуславливается тем, что в ламаистских храмах украшаются преимущественно коврами колонны и скамейки, на коих сидят монахи во время богослужения.

Через этот город проходят дороги, соединяющие южную и северную Монголию с Амдо, а далее — с Тибетом. Это выгодное для транзита положение, а также значительный вывоз из страны соли сделали большим подспорьем для хозяйства местных монголов извоз на верблюдах. Помимо провоза тибетских торговцев и монгольских богомольцев из этого города в Ланьжоу и Гумбум, с одной стороны, и в Ургу и Пекин — с другой, некоторые предприниматели вывозят в Ургу рис и просо, в Гумбум — кирпичный чай. Обратное ходят преимущественно с порожними верблюдами, почему за случайную кладь берут плату как раз половинную против приводимых ниже в передний путь. За полный верблюжий вьюк во время нашего посещения Ямыня брали: до Урги 8—11 ланов, до Гумбума 3,5—5 ланов и до Пекина 7—10 ланов серебра. Колебание цен, конечно, зависит от размера спроса и предложения, пользоваться которыми алашанские монголы умеют всегда с отменным искусством.

Вывозимый в Ургу рис покупают на месте по 5—8 цинов за четверик — сулга (30 гинов, т. е. китайских фунтов), в Урге дают от 15 до 22 гинов на лан серебра; цибик чаю, в 39 кирпичей, на месте покупают от 14 ланов 5 цинов до 15 ланов 5 цинов и в Гумбуме продают за 18 ланов 5 цинов — 20 ланов.

Алашанские монголы принадлежат к большой группе олётов* и составляют один хошун под управлением хошо-цинъвана, каковой титул впервые получил князь Лобсан-дорчжэ в 1765 году. Он женился в 1750 г. на царевне и получил звание богдоханского зятя. С тех пор до настоящего времени алашанские князья женятся на фиктивных (приемных) дочерях богдохана, вследствие чего забыли уже простоту монго-

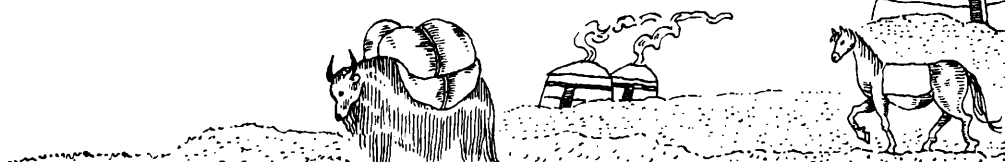
* Этногруппа монголов, проживающих на западе страны.

лов и приняли дурные стороны китайской жизни. Они обнаруживают чрезвычайный деспотизм и изолированность от подданных, содержат роскошный по-своему двор со множеством слуг и актеров для домашнего театра, многочисленных чиновников и лиц свиты, живущих взяточничеством; многие из князей предаются курению опиума или вообще ведут разгульную жизнь.

Такая жизнь правителей требует громадных расходов, к которым присоединяются еще ежегодные подарки в Пекин. Все эти расходы ложатся, конечно, тяжелым бременем на подданных — плательщиков, среди коих на каждом шагу слышится глухой ропот на разорение. Много семейств из северной части кочевий, отчаявшись в надежде на наступление лучших времен и боясь окончательного разорения, тайно откочевали в западную Халху и, может быть, еще дальше.

Особенной расточительностью отличается нынешний князь. От одного местного монгола пришлось услышать, что недавно их князь — ван, — нуждаясь в деньгах, продал европейцам сто молодых женщин, за что его хотели вызвать в Пекин на суд. Предугадывая дурной исход для своего дела, он велел донести, что князь умер, и ходатайствовать о назначении в правители его старшего сына. Поверить в Пекине мнимой смерти монгольского князя могли, конечно, только по внесении внушительного числа серебряных слитков чиновникам ли-фань-юаня, т. е. инородческого приказа².

Главным занятием простого народа служит скотоводство, или, точнее, верблюдоводство. Из осмотра алашанских юрт я получил впечатление, что они скорее походат на киргизские, лишь с меньшею выпуклостью концов «ханá». Народ алашанский сильно подвергся китайскому влиянию. Покрой одежды мужчин — китайский, и редкий мужчина не говорит по-китайски. Степные женщины более сохранили свои обычаи, хотя ямынские сильно стараются не отставать от маньчжурок, только мешает им монгольская прическа. С приближением к Ямыню начинают попадаться фанзы китайцев-хлебопашцев и огородников. Они, как и в Ямыне, живут вместе с женами, [находясь] на дневном расстоянии от Великой стены. В нравственности алашанца можно найти смесь худших сторон как китайской цивилизации, так

и характерных черт природного монгола. При первой встрече алашанец поражает наружной вежливостью и обходительностью, но после недолгой беседы нельзя не узнать, что у него одна мысль, как бы побольше получить выгоды для себя от случайного знакомого. Среди зажиточных и в особенности среди чиновничества много курильщиков опиума. Женщины весьма свободны на свои ласки, а в городе развита и проституция. У алашанцев встречается нередко двое- и многоженство.

В этом городе много китайцев, занимающихся торговлей, ремеслами и огородничеством. Также немало китайцев занимаются тканьем узкой шерстяной рогожи (по-монгольски — урмук), идущей на мешки и верблюжьи седла.

В 30 верстах на юго-восток от города, на северной стороне Баян-сумбэр, одной из трех выдающихся вершин Алашанского хребта, находится монастырь Барун-хит, известный усыпальницею шестого далай-ламы, о котором упомянуто выше. На северо-восток от горы Бугуту — Цзун-хит. Оба монастыря в обыкновенное время имеют по 200—250 духовных.

1 января 1900 г. нам были поданы верблюды, подряженные за два дня пред этим до Гумбума по четыре лана за каждого. Сегодняшний первый день нового года возбудил во мне воспоминание о дорогом отечестве, от которого я все более и более удалялся. О нем же напомнил мне сегодня и один из местных простолюдинов, рассказывая о первом европейце, появившемся в их кочевьях более 20 лет тому назад. Этот европеец (по-монгольски — орос) собирал шкуры диких животных и птиц, а также насекомых и травы, из чего я догадался, что речь идет о Н. М. Пржевальском³. К этому он добавил, что уже после него стали появляться европейцы на границе Алашани с Китаем и повысили цену на верблюжью и овечью шерсть.

Возчик, взявши воду из попутного колодца, довез нас до местности Цаган-хошун, где не было колодца. Затем стал отговариваться вести нас далее под предлогом, что должен подождать своего брата, с которым поедет далее вместе. Таким образом, он продержал нас в напрасном ожидании следующие 2-е и 3-е числа.

Ждать было тем неприятнее, что поблизости не было колодца, и мы должны были добывать воду, оттаивая снег,

смешанный с песком. Добытая таким способом вода была грязновата и мутна. К дести алашанцев должно сказать, что в их кочевьях почти нет воровства. Поэтому даже ценные вьюки оставляли мы вне палаток.

От нечего делать мы бродили по песчаным валам, и спутники наши собирали окаменелые трубочки из мелкого песка, уверяя, что они бывают нужны для заклинания жрецов секты сангаспа⁴, которая весьма распространена у амдоских тангутов.

«Нашими спутниками» я называю других членов этого каравана: шесть халхаских монголов-лам, ехавших в Гумбум для поклонения его святыням, двух бурятских лам, направляющихся в Лабран за выяснением перерожденца бывшего ширетюя* Цугольского дацана Забайкальской области Иванова, который очень славился среди прихожан своею ученостью, и одного тибетца, торговавшего в городе Донкоре.

Один из бурятских лам, по имени Шри-бадзар, вез список мальчиков, родившихся в год, следующий за годом смерти Иванова. По списку лабранский Чжамьян-шадба должен был указать перерожденца Иванова.

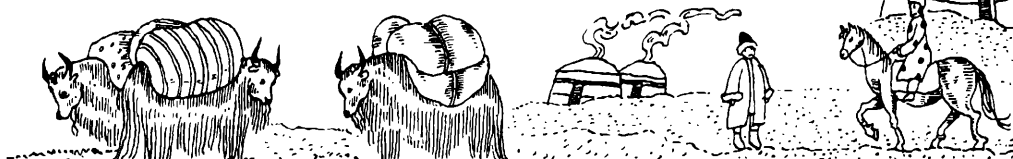
4 января наш подрядчик довез нас до колодца Тосо (Масло) и снова заставил продневать следующее 5-е число.

6 января двинулись далее, хотя не могли дожидаться товарища нашего возчика, и, взяв воду из колодца по восточную сторону горы Ундур-хайр-хан (Высокий милостивец), ночевали в степи. Настоящее название этой горы — Шангин-далай (в литературе — Сангун-далай (Море сокровищ)), но монголы из почтения к духам, владельцам горы, не произносят этого названия на виду ее, уверяя, что если произнести его, то случается вьюга или какое-нибудь другое несчастье в пути.

7 января прошли мимо монастыря Цокту-хуре и, взяв воду из колодца при начале песков Сэрхэ, остановились ночлегом среди самих песков. 8-го — Хара-обо.

9 января подошли к Тэнгри-элису (Небесные пески) — в смысле обилия, обширности песков — и, взяв воду из колодца Ехэ-тунхэ на северной стороне песков, перешли через это песчаное волнистое море. У богомольцев существует поверье,

* Настоятель буддийского монастыря.

что если перейти через эти пески пешком, то приобретается добродетель, равная прочтению сочинения «Чжа-дон-па»⁵, т. е. «Восьмитысячного» (8000 стихов — 8-тысячная Праджня-парамита). Поэтому некоторые из наших спутников слезли с верблюдов и отправились пешими. Среди этих песков, ближе к юго-западному краю их, находится при самой дороге обо, основанный, по преданию, третьим банчэн-эрдэни Балдан-Ешеем, переправлявшимся через эти пески при проезде в Пекин в 1779 г. Обо это представляет большой куст, вышиною около сажени, обвешанный хадаками* и лентами, привязываемыми набожными путниками. Кроме того, прохожие бросают в куст китайские медные монеты (чохи), сжигают курения и делают земные поклоны. Проходящие нищие-монахи подбирают эти чохи и снимают с куста более или менее ценные хадаки.

Ночуем тотчас по выходе из песков. 10-го — колодец Чулун-онгоца (Каменная колода).

11 января перешли через границу кочевьев алашанского вана и собственно Китая. Здесь подле дороги стоит на гранитном пьедестале таковая же плита вышиною около двух аршин, на лицевой и тыловой сторонах исписанная китайскими иероглифами, говорящими о поводе постановки, лицах, бывших при разграничении, и о годе постановки: «29 год правления Дао-гуан добавочного 4-го месяца 20-й день» (1838 г.)⁶ и на ребрах монгольские надписи: на северо-восточной стороне — «Алашань-цин-вангун нутугун чжиха», т. е. граница кочевьев алашанского цинь-вана, и на юго-западной — «Улаган-эргиин хушие чилагу», т. е. каменная плита из Красного яра.

Уже в четырех верстах к югу попались нам развалины китайской деревни. В них, впрочем, ютились в бедной хижине два китайца.

Ночуем на юго-западе от китайского поселения Байдун (по-монгольски — Цаган-сонджа — Белая пирамида), где живут китайцы-верблюдоводы, занимающиеся извозом.

12 января перешли через заставу Саянчжин, где для проходящих в западном направлении установлена уплата пош-

* Ритуальный длинный шарф, один из буддийских символов.

лины. Китайская административная беспорядочность не установила определенной платы, и здесь берут от 100 до 200 чохов с каждого, руководствуясь, вероятно, исключительно произволом.

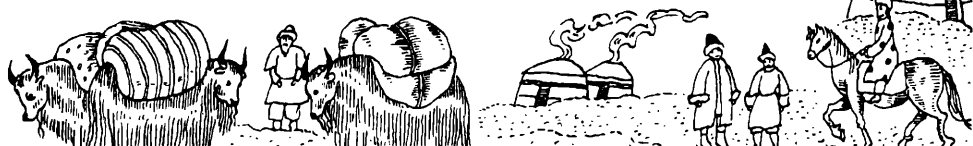
С нас взяли по 140 чохов, причем сборщик украл немало чохов, спуская их при счете в широкие рукава своего платья. <...>

14 января, пройдя около семи верст от места ночлега, остановились у деревни Сун-чан, где живут тангуты и китайцы. Сюда переселяется в настоящее время духовенство монастыря Даглун (Тигровая пасть), который находился прежде на северо-западе отсюда и был razoren во время мусульманского движения. Здесь приходили к нам пять оборванных китайских нищих и просили милостыню. Когда мы дали по несколько чохов, они отказались взять их, прося чего-нибудь съестного. Возчик наш уверял нас, что эти же нищие придут ночью для кражи и потому с сегодняшней ночи необходимо держать караул. Пришлось прибрать все вьюки в палатки и попеременно окарауливать весь лагерь.

15 января встретили по дороге чрезвычайно много цзэренов (хара-сульт), которые очень смирны, и я, благочестивый паломник, с трудом воздерживался от выстрелов по ним. Здешние места еще не успели заселиться после мусульманского разорения в 70-х годах XIX столетия⁷: там и сям видны развалины отдельных хуторов и деревень, а бывшие нивы заросли густою травой и служат теперь пастбищем одних только антилоп хара-сульт.

Ночевали в узкой пади, не доходя верст десяти до города Пин-хуа-чэнь.

16 января остановились ночлегом под городом Пин-хуа-чэнь, называемом тангутами и монголами Чжон-лун. Сегодня нас нагнал товарищ нашего возчика, в ожидании которого мы потеряли несколько дней в начале пути. Прибытие его было все же приятно для нас, так как теперь мы избавились от ночных караулов. По общепринятому обычаю здешних извозпромышленников и нанимателей, первые отвечают за ценность багажа, почему и окарауливание его лежит на их обязанности. Требовать исполнения этого условия от нашего возчика было невозможно, так как он был один и длинные ночи были весьма холодны.

17 января перешли по льду через реку Чжон-лун и, перевалив через правобережный хребет, расположились ночлегом.

18 января перешли по льду через реку Дайтун и, пройдя по правому ее берегу вниз по течению около пяти верст, стали подниматься по узкому ущелью, ведущему на Тэнгри-даба (небесный — в смысле высоты — перевал), и остановились ночлегом в этом же ущелье.

19 января — первый день китайского Нового года, или монгольский «цагалган». Утром все чины каравана поздравили друг друга с праздником, по обычаю соединяя руки и обмениваясь табакерками с просьбой принять «новогоднего табаку». Закончив этим празднование Нового года, мы навьючили верблюдов и направились к перевалу Тэнгри-даба. Подъем на перевал идет по извилистой дороге и, имея в длину около трех верст, в главной своей части довольно крут. На самой вершине перевала — китайские жилища содержателей почтовой станции и постоянных дворов. Склоны здешних гор сплошь обработаны трудолюбивым земледельцем.

Менее крутой спуск ведет в ущелье, выходящее в долину реки Синин. Мы проходим около семи верст уже по левому берегу последней реки и ночуем среди китайских пашен.

20 января, верстах в двадцати от места ночлега, прошли мимо города Няньбо-сянь, название которого в монгольских устах слышится Нямби-хото. Верстах в десяти — двенадцати выше города мы по льду перешли на правый берег реки Синин и ночевали.

21 января мы видели по другую сторону реки маленький монастырь Марсан-лха (у Потанина⁸ по амдоскому чтению — Марцзан). Про этот монастырь существует легенда, упомянутая у Г. Н. Потанина в его «Тангутско-Тибетской окраине Китая». Мы же со своей стороны добавим, что эта легенда относится к тибетскому хану Дарма, прозванному за гонение буддизма Ландарма (т. е. скот Дарма) и царствовавшему, по-видимому, в конце IX в. по Р. Х.⁹

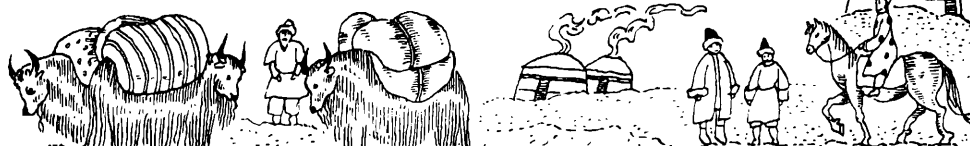
Убийцей его был лама-отшельник Лха-лун-бал-дорчжэ, который, отправляясь на убиение царя, выкрасил белую лошадь сажей и надел наизнанку черное платье с белой подкладкой. После убиения царя он смыл в воде черную окраску лошади и перевернул платье на черную сторону. Погоня

была обманута этой хитростью и не изловила его. В Марсан-лха, по преданию, находился прах этого Бал-дорчжэ, но во время последнего дунганского восстания был уничтожен. Разрушенный тогда же монастырь ныне восстанавливается. Название Марсан, как верно объясняет Г. Н. Потанин, происходило от красного цвета местных скал. Буквально Марсан-лха значит «красное» (доброе) божество.

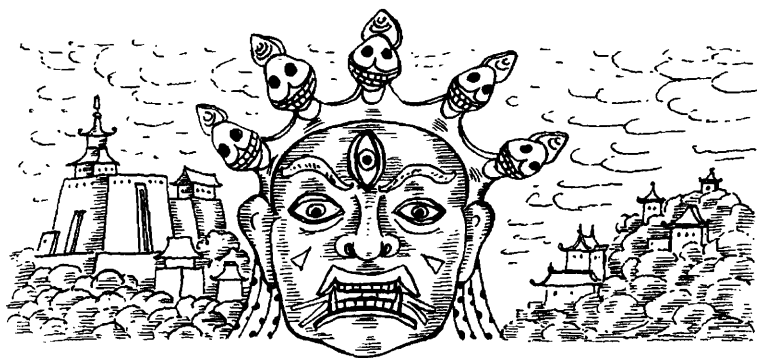
Далее, верстах в десяти выше этого монастыря, там, где горы обоих берегов подступают к самой реке Синин, перекинут деревянный мост. На правом берегу у самого спуска с моста находится таможня, где должны осматривать караваны, идущие из Монголии, чтобы не провозили кирпичного чая. При нашем проходе из таможни выбежал молоденький китаец и, как бы не обращая на нас никакого внимания, пропустил караван мимо себя и вернулся обратно в дом, вероятно, исполнив этим свой служебный долг. На моих глазах наши спутники провезли до 50 цибиков запрещенного чая, обернув их в войлоки, мешки и т. п. Ночевали верстах в трех выше таможни.

22 января навьючили верблюдов около полуночи и на рассвете уже проходили мимо города Синин-фу, называемого монголами и тибетцами Сэлин. Затем повернули на реку Гуй, поднимались по ней верст семнадцать и, взявши дорогу направо, перевалили через небольшой холм. С вершины этого перевала пред нами открылся вид на монастырь Гумбум, отстоящий от Синин-фу верстах в двадцати пяти. Не имея в монастыре знакомых, я недоумевал, где бы остановиться, но тотчас по въезде в монастырь с нами встретился один молодой бурятский лама, который посоветовал нам остановиться в доме прорицателя Лонбо-чойчжона. Здесь мне оказали хороший прием и отвели небольшую комнату, где я прожил от 22 января до 6 февраля и от 28 февраля до самого выезда в Тибет, 24 апреля 1900 г. Промежуток времени между 6 и 28 февраля я употребил на поездку в монастырь Лабран.

В следующей главе мы дадим краткое описание этих знаменитейших монастырей Амдо — Гумбума и Лабрана.

Глава II Амдоские святыни Гумбум и Лабран

Монастырь, известный в обыденной речи у тибетцев и у монголов под названием Гумбум, а у китайцев Та-сы (Монастырь ступы), в литературе имеет более полное название Гумбум Чжамбалин, т. е. «Мир Майтреи со 100 тысячами изображений», и находится в вершине речки или, вернее, глубокого оврага Цзонха, т. е. «Падь дикого лука».

Указатель святынь, или адресная книга этого монастыря, книга, которою мы пользовались, делится на четыре части, из коих в первой повествуется об основании монастыря, во второй перечисляются имена настоятелей с краткими биографическими данными, в третьей находится перечень достопримечательностей в смысле их святости, наконец в четвертой указывается польза от поклонения этим святыням. Не входя в подробности третьей части названной книги-указателя, скажем, что, судя по подробному перечню предметов и статуй, все храмы содержат статуи божеств и святых лам, субурганы* с прахом, волосами знаменитых лам, принадлежности одяния их, престолы, предметы, употреблявшиеся у знатных ламаистских святителей, и т. п. В храмах хранятся ценные экземпляры разных книг.

* Монументальное сооружение для хранения буддийских реликвий.

Рассказы об основании этого монастыря связаны с именем великого реформатора ламаизма Цзонхавы¹, фамилию которого можно было бы перевести «Цзонханец», или «Диколукский». Так, передают, что на том самом месте, где ныне стоит главная святыня монастыря — большой субурган (ступа), родился в 1357 г. сам Цзонхава и здесь была пролита кровь от его пупка. Через три года после этого на этом месте стало расти сандаловое дерево «цан-дан», на листьях которого были видны изображения божеств: Львиноголового, Манджуши, Ямантаки, Махакалы и др.

Затем, когда Цзонхава был уже в Центральном Тибете, его престарелая мать, скучая по сыну, письмом звала его на свидание. На это письмо матери Цзонхава ответил, что если она построит над вышеупомянутым деревом субурган со тысячами изображений (откуда и название Гумбум) Львиноголового, то это будет равносильно их свиданию и от этого произойдет великая польза для живых существ. Мать исполнила желание сына.

В 1560 г. лама Ринчэн-цзондуй-чжамцо построил подле субургана небольшую келью и в ней поселил около десяти своих учеников, число коих затем увеличилось до тридцати.

В 5-м году правления минского императора Вань-ли, в год огненной коровы (т. е. 1577 г.), был построен храм, в котором была поставлена статуя двенадцатилетнего «спасителя Майтреи» (по-тибетски — Чжамба-гонбо), сделанная из «лекарственной глины». Это обстоятельство послужило причиной происхождения второй части упомянутого выше полного названия монастыря. Храм этот стоит по правую сторону субургана, смотря от субургана.

В 1583 г. третий далай-лама Соднам-чжамцо, на вторичном пути к тумэтскому Алтан-хану², посоветовал ламе Цзоньдуй-чжалцан-санбо и местным светским правителям построить монастырь, что и было исполнено. Затем четвертый, монгольский, далай-лама Ион-дан-чжамцо на пути своем в Тибет, а именно в 1604 году, выселил из монастыря светских жителей.

Основанный таким образом монастырь находится на вершине обращенного на север глубокого оврага, который в свою очередь образуется из двух оврагов, соединяющих-

ся на южном краю монастыря. Все общественные здания, за исключением сада для летних диспутов, расположенного на правой стороне оврага, находятся на левой его стороне.

Среди них самой главной святыней должно считать вышеупомянутый субурган над деревом «цан-дан», который помещается ныне в особом здании, построенном на фундаменте из серого тесаного гранита; дерево, именуемое «сэрдон-чэнмо», т. е. большое золотое дерево, находится в пустоте внутри субургана. Здание это, довольно красивой архитектуры, имеет двойную золоченую крышу. Раньше храм назывался просто «Лхахан-чэнмо», т. е. Большой храм, и название «Сэрдэн-чэнмо» получил лишь после того, как лет пятнадцать тому назад была позолочена его крыша. Самый субурган облицован кованым серебром и задрапирован желтым китайским атласом. В верхней части его «бумбы» вставлена в углубление золотая статуя Цзонхавы вышиною в один аршин. Вышина субургана более трех саженей.

На нижнем, четырехугольном основании субургана, а также на отдельных подставках группируются многочисленные статуи и маленькие субурганы с прахом знаменитых лам этого монастыря. Перед субурганом на длинной синей доске в роскошной резной с позолотой раме находится надпись на одном китайском языке. Здесь же поставлен стол (скамейка) с беспрерывно горящими большими светильниками, среди коих один золотой, два серебряных, один каменный, а остальные из желтой меди; кроме того, набожные богомольцы постоянно ставят пред святыней светильники, покупая их здесь же готовыми по пять китайских чохов каждый (менее одной копейки на наши деньги).

У здания три двери, обращенные на восток, и над ними устроен навес, под которым на гладком деревянном полу богомольцы совершают земные поклоны, растягиваясь на земле всем телом. Сажень в двух от дверей находится другое дерево, которое, как верят, имеет один корень с заключенным в субурган цан-даном. На коре молодых отростков этого дерева более или менее ясно видны тибетские буквы желтого цвета. Про происхождение этих букв, однако, никто из европейских путешественников не дает положительного объяснения. Верующие, конечно, не сомневаются назвать их

самопоявившимися. Мы же скажем, что должен представлять какой-либо интерес только способ, каким воспроизводят так искусно буквы на древесной коре.

Рядом с этим храмом, направо, стоит небольшое здание с зеленой черепитчатой крышей, в котором помещается вышеупомянутая статуя двенадцатилетнего Майтреи, а налево — такое же здание, называемое Чжово-хан и заключающее в себе статую семилетнего Майтреи с тремя его главными спутниками, а также и изображение Чжово*, которое в смутное время произнесло слово китайскому войску. Немного впереди последнего храма стоит также черепитчато-кровельное здание, в котором поставлены статуи страшных охранителей учения, таких как однолицый Чжигчжэд, Чагдор, Лхамо, шестирукий Махакала, Кшэтрапала, Дэмчок и др.

Перед зданием, прикрывающим субурган, находится цокчэн-дуган, или «сборный дом великого собрания», где происходят общие собрания монахов всего монастыря. Он чисто тибетской архитектуры; золотой крыши, упоминаемой Г. Н. Потаниным, я не видел.

Ниже по оврагу в отдельном дворе растут такие же деревья цан-дан и также с «самобытными» буквами. Листья этих деревьев после спада тщательно собираются ламами, блюстителями храма Шабдан-лха-хан (т. е. храм долголетия, буквально — «прочности ног»), построенного для чтения молитв о долгоденствии 7-го далай-ламы Галсан-чжамцо.

Листья продают набожным богомольцам, верующим, что они, употребленные как чай, облегчают роды, в особенности при замедлении последов, так как здесь, по преданию, был зарыт послед матери Цзонхавы.

Еще далее по тому же оврагу находится храм Найчун-чойчжон с китайскою надписью, которую можно перевести «величественная добродетель блестяще правит». Он впервые построен в 1692 г. и включает много изображений охранителей учения и предметов, относящихся к их культуре. В этом храме прежде ниспускался дух одного из «хранителей учения» царя Бэхара, называемого чаще Найчун-чойчжон, но во время магометанского движения³ лама-прорицатель его

* Общее название статуй будды Шакьямуни.

в экстазе кинулся во вражью рать и был убит. С тех пор чойчжон уже ни на кого здесь не спускается, что объясняется его гневом на монахов Гумбума, которые принимали активное участие в борьбе с магометанами, нарушая таким образом заветы своей религии.

Что касается учебной части, то монастырь имеет у себя четыре дацана, или факультета: богословский, медицинский и два мистических: Дуйнхор и Чжуд. Основание богословского, или Цаннидского, факультета относится к 1612 г. В настоящее время цаннид изучается по руководствам Агван-цзондуя, первого перерожденца лабранского Чжамьян-шадба⁴. Лишь на восьмом году учения отделяются изучающие цаннид и по толкованиям сэраского Чжэбцунбы. Особого здания для этого факультета не существует, и учащиеся собираются в обширном дворе храма Чжамьян-кунсиг, подле цокчэнского дугана, а в дурную погоду пользуются последним. Летом собираются в особом саду, о коем упомянуто выше.

Медицинский факультет (по-тибетски — Манба-дацан) был задуман чубсанским перерожденцем Лобсан-данбийчжалцаном (18-м настоятелем Гумбума), но вследствие возникших тогда на Кукунуре беспорядков⁵ не был открыт. Открыт же он был лишь после умиротворения этих беспорядков, и основателем его называют врача Няндаг, а время определяется пятидесятью годами XVIII в. Здание его находится по левую сторону цокченского дугана.

Факультет Дуйнхор основан при 51-м настоятеле Гумбу-ма Агван-чжамьян-ван-чжале около 1825 года и посвящен мистическим обрядностям, относящимся главным образом к божеству Дуйнхор (по-санскритски — Калачакра). Здание его по правую руку от цокченского дугана.

Наконец, четвертый факультет Чжуд находится ближе к верхнему краю оврага и основан в 1649 г. ламой Лэгба-чжамцо по образцу первого мистического дацана в Лхасе, именуемого Чжуд-мад. В этом дацане хранится череп матери Цзонхавы, на котором само по себе явилось слово «хум». Он обделан в золото в виде чаши (габала) и, обращенный кверху, содержит в себе зерна риса, которые раздаются богомольцам, как священные, имеющие силу исцелять болез-

ни. Кроме того, говорят, что эти зерна сами размножаются, почему они очень способствуют обогащению своих владельцев. Вследствие строгости своей дисциплины факультет Чжуд-мад привлекает очень мало слушателей.

Всех духовных в Гумбуме не более 2000, причем более всего духовных из Южной Монголии.

Администрацию монастыря можно разделить на две части: духовную и светскую, хотя представителями той и другой являются духовные лица. Во главе всего духовенства стоит хамбо, именуемый в литературе «тигог», т. е. «главнопрестольный». Ныне он избирается из перерожденцев прежних хамбо и служит три года. Выбранный перерожденец живет в особом дворце, который стоит на том месте, где, по преданию, был построен маньчжурским правительством дом для третьего банчэн-эрдэни — Балдан-Ешея. Последний, по отбытии своем из Гумбума, предоставил дворец хамбо. Не знаем, насколько это верно, но в истории монастыря говорится, что в 1687 году перерожденец Ачжа, по имени Шэйраб-санбо, построил дворец для хамбо. Как бы то ни было, прежний дворец был разрушен во время дунганского движения в 70-х годах только что минувшего XIX века, и ныне на том же месте построен новый, который, по словам очевидцев, положительно нельзя сравнивать с прежним по богатству и красоте отделки: так-де он плох! Хотя это и так, но и нынешний дворец, окрашенный в красный цвет, является одним из лучших домов монастыря.

Внешними атрибутами должности хамбо служат желтый зонтик и желтая же шапка особого образца, называемая цзонхавинской или банчэнской, с длинными наушниками, по-тибетски — «банша-нэрин». Когда он проходит по улице, то его сопровождают игрой на особых духовых инструментах, вроде кларнетов, и впереди цокчэнский гэбкой несет зажженные курительные свечи. Играющие (двое) идут впереди хамбо. Когда они слишком забегают вперед, останавливаются, продолжая играть, обратившись лицом к хамбо, с приближением которого снова идут вперед. Слово «хамбо» — значит «учитель», соответственно чему хамбо является высшим наставником всего духовенства и периодически читает проповеди, раздает ученые степени и т. п.

Для полицейско-распорядительной власти под непосредственным ведением хамбо находится так называемый цокчэн-гэбкой, что можно перевести «правитель добродетели великого собрания», или шамо, следящий за исполнением духовными их дисциплинарных обязанностей. Он разрешает и судебные дела, возникающие в монастыре. За небольшие проступки наказывает тут же своим распорядительским жезлом, а для более серьезных случаев перед дверями дугана висят длинные плети. Он назначается на год и имеет помощника, назначаемого на полгода и называемого шабдог-ба, кроме того, каждый факультет имеет своего тибба, т. е. престольного, и гэскоя, власть коих по отношению к своему дацану такова же, как и вышеупомянутых лиц по отношению ко всему монастырскому духовенству.

Светская власть находится в руках трех чиновников, называемых китайским словом лао-е со степенями: да — старший, эррл — второй и сань — третий. Мне передавали, что да-лао-е является в настоящее время лишь почетным званием. Гораздо большую власть имеет второй чиновник, который утверждается в должности китайским правительством и ведет все деловые сношения с сининским амбанем*, в ведении коего находятся все амдоские монастыри. Сань-лао-е следит за прислугой в управлении и хозяйственными работами. Все лао-е, составляя особый комитет цокчэн-чжиба, заседают и живут в особом общественном доме, называемом цокчэн-чжисо (общее хозяйство большого собрания). Они заведуют всем общемонастырским имуществом и земельными угодьями, вместе с крестьянами, живущими на них. Монастырь особенно обогатился земельными угодьями после подавления недавнего мусульманского восстания, когда бесчеловечная резня, произведенная китайскими войсками над обезоруженными побежденными, высвободила массу пахотной земли в окрестностях монастыря, где обитало много магометан. Пашни сдаются в аренду обычно из 60 процентов с количества засеваемых семян, причем участки раз и навсегда измерены по количеству посева.

* Титул высших китайских чиновников.

Очень важные дела обсуждаются с участием старшин (по-тибетски — гэрган) шести отдельных общин (цо-дуг), на которые разделяются подданные монастыря.

Духовенство живет в домах, расположенных по обеим сторонам оврага, амфитеатром. Дома по большей части китайского образца, и лишь у богатых перерожденцев они тибетского стиля. Дома или подворья перерожденцев и отдельных общин называются карба или гарба.

Таких подворий насчитывают до 80. Самые знатные из владельцев гарба суть перерожденцы Ачжа и Шинза, считающиеся перерожденцами отца и матери Цзонхавы, Сэртог, Чэшой, Чжаяг, Гончжа, Миньяг, Тууган и др. Многие из этих перерожденцев живут по своим монастырям, находящимся в других местах, но числятся в списках монастыря и для своих временных посещений содержат гарба.

Улицы монастыря не отличаются прямизной, и многие из них довольно узки. Чистота их поддерживается лишь собаками и китайскими земледельцами, которые собирают человеческие нечистоты для удобрения полей и огородов в особые плетеные корзины, носимые на спине. Лошадиный же помет усердно собирают сами монахи для топки печей под нарами (каны), а также и кухонных. Впрочем, для топки последних чаще употребляют солому, и лишь более зажиточные топят мелким кустарником, продающимся сравнительно дорого (от 25 до 35 коп. на наши деньги за ослиный вьюк).

Торговым местом Гумбума служит площадь на нижнем краю монастыря; сюда, однако, приносят только мыло, булki, лук, топливо и т. п. предметы самой первой необходимости. Торжище это называют цон-ра, т. е. торговый двор. Гораздо оживленнее идет торговля в китайской слободе, расположенной в одной версте на север от монастыря и называемой Лаосир. Здесь, кроме китайских лавок и постоянных дворов, находятся еще дома земледельцев, огородников и разные мастерские. В этой же деревне происходят все жизненные сцены, запрещенные строгим монастырским уставом. Торговля ведется на весовое серебро и китайские медные чохи. За тысячу чохов здесь считают связку в 460 штук, следовательно, за сотню идут 46 чохов.

Занимая положение на пути караванов, ходящих между Тибетом и Монголией, Гумбум с давних пор извлекает большие выгоды от такого посреднического положения, как по отношению к торговле, так и по отношению к пропаганде ламаистских идей среди монголов. Многие из здешних монахов вывозят в Тибет китайские произведения, местных лошадей и лошаков и привозят тибетские произведения, идущие главным образом на удовлетворение потребностей монголов. Благодаря такому же положению Гумбум в разное время посетили 3-, 4-, 5- и 7-й далай-ламы и 3-й банчэн, каковые посещения немало послужили, понятно, сильному возвышению монастыря во всех отношениях. Не только они лично во время своего пребывания здесь, но даже оставленные ими престолы, на коих они сидели, и части их одеяний, не исключая юбок и сапог, привлекали и привлекают множество богомольцев. Затем, здешние ламы, получившие образование в монастырях Центрального Тибета, часто приглашаются в Монголию и служат таким образом посредниками духовного общения Тибета с Монголией. Сверх того, являясь ближайшим, а потому и доступнейшим местом, связанным с именем Цзонхавы, реформатора ламаизма, этот монастырь посещается ежедневно сотнями богомольцев. Все это служит источником существования и обогащения монастыря. Значительный сметный ежегодный доход получают от кукунурских или, точнее, цайдамских монголов: к последним ежегодно посылаются для сбора пожертвований специальное посольство, которое пригоняет сотни голов крупного и мелкого скота.

Во время нашего пребывания в этом монастыре 15-го числа первой луны (2 февраля) происходило празднество, называемое чжунгай-чодба, т. е. жертва пятнадцатого (числа), на которое стекается много народа из близких и дальних мест, а также из Монголии. Торговля, ищущая везде большое стечение народа, проникла на это празднество и, может быть, сама в свою очередь удвоила число посетителей, так что в настоящее время 15-е число является не столько религиозным праздником, сколько ярмаркой.

В заключение скажем, что Гумбум как монастырь не отличается особенной строгостью своей дисциплины, как учеб-

ной, так и нравственной. Масса монахов из местных чжахоров⁶ не умеют даже читать. Женщины свободно допускаются в монастырь и могут оставаться и на ночь; в домах можно застать попойку, курение табаку (нюхать табак нигде не воспрещается) и т. п.

Так как до обычного выезда богомольцев из Гумбу-ма в Тибет оставалось еще более 2,5 месяца, то я решил посетить другой знаменитый амдоский монастырь — Лабран, находящийся на юг от реки Хуанхэ. Для этого я нанял себе на службу одного бурятского ламу, направлявшегося в Тибет. Мой прежний слуга, дошедший до Гумбу-ма, отказался от дальнейшего пути и пожелал возвратиться на родину. Причиной отказа послужила его боязнь за свою жизнь, так как он наслышался от бурят и монголов немало страшного о путешествии в Тибет. Ему наговорили о вредном действии разреженного воздуха, о вооруженных нападениях голоков и черных тангутов и т. п. Пришлось, пожалев о его малодушии, снарядить его в обратный путь.

Сам же я стал отыскивать подводы до Лабрана. Впрочем, отыскивание это состояло лишь в непропускании случая нанять прибывших сюда китайских татар-саларов из деревни Ламурчжан, находящейся на правом берегу Хуанхэ, так как исключительно они возят путешествующих между Гумбумом и Лабраном. Эти подрядчики-монополисты имеют постоянно определенную таксу за проезд, а именно по 3 лана 5 цингов за каждые 150 китайских фунтов вьюка (5,5 пуда), причем человек считается за 120 китайских фунтов (4,5 пуда). Они ходят между Гумбумом и Лабраном партиями в 5—6 человек с 10—12 мулами. Отыскав нанимателей, они весят багаж и, получив половинную или полную плату вперед, сажают путешественников на лошаков, а сами идут пешими.

Постоянно промышляя таким образом, они ежедневно проходят определенные расстояния и ночуют постоянно в одних и тех же постоянных дворах. В последних пассажиры, возчики и их вьючные животные помещаются в одной комнате или, вернее, сарае, в котором у одной стены устроены нары для людей, а у другой — стойла для животных.

Наняв таких саларов, мы выехали из Гумбу-ма 6 февраля и ночевали в китайской деревне Дама.

7 февраля пришлось перевалить через два чрезвычайно высоких хребта. Всюду по дороге начинаются полевые работы: трудолюбивые земледельцы жгут на горах дерн и возят на пашни. Ночлег был в городе Цзаба.

8 февраля ночевали в городе Баянь, расположенном за высоким хребтом левого берега Хуанхэ. Хуанхэ зовется по-тангутски «Ма-чу», по-монгольски — «Хатунай-гол», т. е. река царицы, с каковым названием связан рассказ о кончине Чингисхана от коварной мести пленной царицы. Она, смертельно ранив ночью Чингисхана в детородный член, сама утопилась в этой реке.

На сегодняшнем пути по сторонам от дороги видны тангутские монастыри. Дешние тангуты занимаются исключительно земледелием.

9 февраля выехали задолго до рассвета и перевалили через вышеупомянутый хребет. В недлинной пади южной стороны перевала видны тангутские и магометанские деревни.

Спустившись по левому берегу Хуанхэ около 5—6 верст, против деревни Ламурчжан переправляемся на большом карбасе через реку и останавливаемся в названной деревней в доме нашего возчика.

Деревня эта называется самими саларами Магол, и в ней, как мне рассказывали, вспыхнуло начало последнего дунганского движения в 1893—1894 годах. Оно началось похищением молодой жены одного пожилого и богатого магометанина этой деревни. Оскорбленный муж со своими сторонниками понес мстительное оружие в деревню Хумэлун и убил несчастную женщину вместе с ее соблазнителем. Родственники убитых напали на деревню Магол, и чем дальше, тем больше разыгрывалась междоусобная распря. Район междоусобицы увеличился, и саларское оружие направилось против иноверных китайцев и амдосцев. Конец смутам положили китайские войска, проявившие после победы свою обычную беспощадную жестокость к побежденным.

В частности, деревня Ламурчжан была разрушена и сожжена, а остатки ее жителей, купившие себе жизнь у китайских военачальников, не успели еще обстроиться, но все же энергичные и крайне трудолюбивые салары начинают снова обзаводиться хозяйством.

Салары говорят между собою по-тюркски, носят костюм, одинаковый с китайцами, лишь шапочки у них отличаются от китайских синим цветом и заостренностью на верхушке, где помещается шарик, сделанный из золотых ниток. Женщины не уродуют, подобно китайкам, своих ног и носят широкие шаровары навывпуск. Прическа на затылке обыкновенно обвертывается черным платком наподобие конуса.

Салары, по-видимому, усердные приверженцы ислама, и среди них достаточно распространена тюркская грамотность.

10 февраля было днем обычного домашнего отдыха наших возчиков.

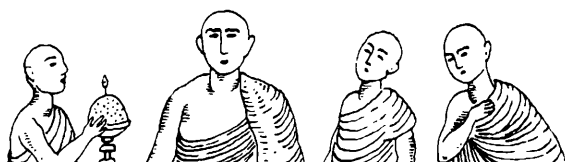
11 февраля двинулись в путь и шли по правому берегу Хуанхэ до устья речки Кушмык (саларское название), через которую перекинут хороший деревянный мост. Затем поднялись по последней речке до устья пади Сэшин (тангутское название), где и ночевали в магометанской деревне Хумэлун. Верстах в пяти ниже Ламурчжана находится городок Я-сы.

12 февраля. Наши возчики оказались вооруженными фитильными ружьями, так как путь до Лабрана населен тангутами, которые не прочь пограбить путников, если они им под силу. Ношение оружия дозволено магометанам только на этом пути, потому, идя обратно, оставляют ружья в Хумэлун. В пади Сэшин на левой стороне стоит тангутский монастырь того же имени, а на правом берегу в лесу — ритод*.

В вершине этой пади приходится переваливать через два хребта. Падь на южную сторону от них называется Нималайдун (Солнечная падь), где мы и остановились ночевать под открытым небом.

13 февраля спустились вниз по той же пади и вышли на широкую долину, называемую Ганчжа-тан (Снежная равнина). На этой равнине много тангутских черных палаток, и вблизи них пасутся многочисленные стада овец, яков и лошадей. Кстати скажем, что эти палатки называются банак. Буквальный перевод этого слова — черная палатка, что указывает на приготовление ее грубой ткани из черной яковой шерсти.

* Жилище отшельника.

Из Ганча-тана через высокий перевал попадаем в долину реки Сан-чу и монастырь Лабран. В нем я пробыл с 13-го по 21 февраля.

Полное название этого монастыря Лабран-дашийнчил или Балдан-дашийнчил, т. е. «Ламский дворец — круговорот благ». Основателем его считается первый перерожденец Чжамьян-шадбы, знаменитый философ своего времени Агван-цзондуй, который родился в Амдо в 1648 г. и двадцати лет от роду отправился учиться в Центральный Тибет. Там он обнаружил прекрасные способности и был в близких отношениях с пятым, «Великим», далай-ламой. В 1700 г. он сделался настоятелем Гоманского дацана в монастыре Брайбун и составил свои толкования по богословию. Эти толкования были приняты за руководство сначала в Гоманском дацане, а ныне ими руководствуются почти все богословские факультеты Амдо, Монголии и нашего Забайкалья. Еще в 1703 году его приглашал на родину, в Амдо, олётский князь Галдан-эрдэни-чжинон и предлагал основать монастырь, но он возвратился из Центрального Тибета лишь в 1708 году и в 1709 году положил основание монастырю, известному ныне под названием Лабран. Умер Агван-цзондуй в 1721 году.

Основанный этим ламой монастырь находится на левом берегу речки Сан-чу (Чистая река) у южной подошвы высокой горы. При въезде в монастырскую улицу все должны слезать с лошадей и идти далее пешком. При этом путешественника приятно поражает чистота улиц, хотя узких и кривых: на них нет бродячих собак и человеческих нечистот, обычных для других ламаистских монастырей.

Дома простых монахов низенькие, одноэтажные, глинобитные и окнами выходят во двор. Среди них там и сям возвышаются храмы и дворцы (нанчэн) перерожденцев.

Самой чтимой святыней этого монастыря является медная вызолоченная статуя восьмидесятифутового Майтреи. Она стоит в высоком каменном здании с золоченой крышей, имеющем над наружными дверями доску, на которой надпись на четырех языках — знак утверждения китайским императором. Слова надписи можно перевести: «благословеннорадостный храм». Вообще же про статуи, называемые

«80-футовыми», должно сказать, что они обыкновенно не достигают сих размеров, но именуется так потому, что, по верованию ламаистов, Майтрея, будда будущего мирового периода, будет иметь 80-футовый рост. Для оправдания же меньших размеров статуй говорят, что это Майтрея такого-то возраста, часто детского — 8 или 12 лет. Далее немного влево и впереди от названного храма находится большое здание цокчэн-дугана, в котором в особой комнате у задней стены находятся субурганы с прахом предыдущих перерожденцев Чжамьян-шадбы. Из других достопримечательностей, пожалуй, упомянем про большие медные статуи Цзонхавы и Долмы (Дара-эхэ), имеющие каждая особые храмы. Про амдоские статуи божеств вообще можно сказать, что они в большинстве случаев делаются в Долон-норе из меди.

Что касается предметов изучения, то в этом монастыре пять дацанов, или факультетов, из коих четыре одинаковы с упомянутыми выше гумбумскими, как по названию, так и по изучаемым предметам. Пятый же дацан, основанный при нынешнем, четвертом перерожденце Чжамьян-шадбы, зовется просто Дацан-сумэ, т. е. «новым» дацаном, и занимается изучением мистической философии, а равно и богослужениями о благополучии своего основателя. Время основания прочих факультетов относится к XVIII столетию, а именно: богословский или Цаннидский факультет учрежден тотчас по основании монастыря, дацан Чжуд — в 1720 г., Дуйнхор — в 1759 г. и медицинский — в 1792 г. Большая часть монахов состоит на богословском факультете и поступает на другие факультеты по крайней мере по выслушивании 5 первых курсов цаннида.

Монастырь отличается строгостью своей дисциплины, касающейся всей жизни монахов, не исключая и их домашней обстановки. По правилам, предписанным ею, каждый монах должен иметь отдельную келью особого устройства. Она состоит из двух комнат: рунхана, или кухни, и симхана, или спальни. При этом последняя находится над каном, под которым проходит труба кухонной печи, устраиваемой у самого кана и отделяемой деревянной перегородкой от чистой комнаты. В перегородке между кухней и спальней проделаны дверцы, и, открывая их, монах, сидя в спальне,

может доставать из котла на печи чай и пищу. Топливом для печи должен служить исключительно овечий сыпучий помет.

Затем, в каждом дворе должны находиться колодец и клозет. Колодцы, как говорят, содержат дурную воду, и потому монахам разрешено брать воду из реки Сан-чу.

Каждое утро монахи собираются в цокчэнском дугане. Во время этого собрания разбираются проступки монахов и виновные наказываются тут же розгами. Считается особым удалством не кричать от боли и не просить пощады. Участие в этом общем собрании не для всех обязательно, но ежедневная раздача во время чая небольшого кусочка (приблизительно четверть русского фунта) масла привлекает многих небогатых монахов.

После сего собрания монахи могут выходить на рынок, который происходит на южном краю монастыря. В Амдо рынок называют цон-ра, в Центральном Тибете — том. Торговля производится под строгим контролем монастырской администрации и прекращается около 10 часов утра. На этом рынке производится также последнее наказание приговоренных к изгнанию из монастыря: их бьют розгами и оттаскивают за ноги.

После рынка монахи обязаны посещать в учебное время (по-тибетски — чой-тог) факультеты своей специальности. В общем, учебное время бывает только полгода, а остальные полгода уходят на перерывы.

В неучебное время (по-тибетски — чойнцам) с наступлением сумерек монахи ниже 8-го богословского курса должны взбираться на крышу своего дома (по-тибетски — лха-ха) и здесь читать вслух заучиваемые наизусть тексты. Такое чтение продолжается зимой приблизительно до 9 часов, когда прислуга цокчэнской кухни начинает «сливать» чай для завтрашнего дня, сопровождая этот процесс громким чтением известной формулы «мани» — ом-ма-ни-пад-мэ-хум. «Сливать» в Забайкалье называют процесс заваривания чая. Берут ковш и, черпнув им чая из котла, поднимают вверх и понемногу льют обратно. Чем дольше делают это, тем лучше получается чай или, вернее, тем равномернее распределяются чай и молоко по огромному котлу. В Тибете это делается для замешивания масла. Монахи высших курсов не обя-

заны выходить на крышу, но должны сидеть дома в темноте и предаваться созерцанию. В это время ворота монашеских дворов не должны быть заложены для того, чтобы администрация могла свободно наблюдать за исполнением правил. Часто надзор ходит тайком. Уличенный в нарушении правил тут же наказывается розгами.

Духовная администрация монастыря такая же, как и в Гумбуме, поэтому не стоит повторять уже сказанного. Добавим только, что здешний хамбо именуется цокчэн-тиба. Но если Гумбум имеет в свое управление выборное начало, то над должностными лицами Лабрана стоит особа перерожденца Чжамьян-шадбы, хозяина этого монастыря. Все должности замещаются или утверждаются этим перерожденцем. Немалое влияние на монастырские дела имеет и правитель его дел, именуемый шацзадба, слышится скорее шанзаба или шаганзад. Заведующим монастырским имуществом и управляющим данниками монастыря является старший казначей монастыря, именуемый чжиба.

Нынешний перерожденец Чжамьян-шадбы, имя коего Кал-сан-тубдан-ванчук, считается четвертым от основателя монастыря Агван-цзондуа. Как известно, Агван-цзондуй возвысился в глазах ламаистов еще в Тибете благодаря своим обширным сочинениям, которые затем, если можно так выразиться, популяризировались в громадном большинстве факультетов. Олёты, завладев Кукунуром и Тибетом, всюду старались покровительствовать желтошапочной секте. Поэтому и князь их Галдан-эрдэни-чжинон приглашает в Амдо Агван-цзондуа, просит основать монастырь и дарит землю вместе с подданными. Его примеру последовали и другие князья, вследствие чего Агван-цзондуй оказался не только духовным, но и светским князем. Затем имя знаменитого первого перерожденца Чжамьян-шадбы и следующих также не бездарных его перерожденцев Гончог-чжиг-мэда и Тубдан-чжиг-мэда привлекало сюда много монахов и «милостынедателей» из Амдо и Монголии, которые быстро обогатили монастырь, чем дали возможность содержать еще большее число монахов. Следовательно, этот монастырь обязан своим процветанием появлению даровитой личности Агван-цзондуа, следующие перерожден-

цы которого сумели удержать за собою авторитет и влияние свое в Лабране. Они имеют несколько дворцов в монастыре и вне его.

В настоящее время в Лабране есть еще несколько преемственных перерожденцев, хотя менее влиятельных, чем Чжамьян-шадба, но сильно чтимых в Амдо и в особенности в Монголии. Главнейшие из них суть: Соднам-дагба, известный под сокращенным названием Содаг, Гунтан, Ньяндаг, два Гомана, перерожденцы двух брайбун-гоманских хамбо, Корсан — перерожденец 51-го галданского сэрти⁷, Чжамба и другие.

Всех монахов в монастыре около 2500, и они делятся на много мелких общин. Монголы выделены в особые общины, числом 9, из коих одна принадлежит нашим забайкальским бурятам. Во время моего посещения в последней общине было около 70 членов. Каждая община получает утвердительную грамоту (по-тибетски — чжа-иг) от перерожденца Чжамьян-шадбы, в которой излагаются и правила для общины. Кстати скажем, что официально признанная местными властями община лам из наших забайкальских бурят встречена нами только здесь.

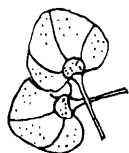
В полуверсте на восток от монастыря находится торговая слободка Таба, населенная преимущественно саларами и отчасти китайцами и тангутами, эти последние зовут себя «амдо-ба».

Между упомянутой слободкой и монастырем находится большой субурган, поставленный, как говорят, на том месте, где впоследствии должен быть построен дуган для «лхасского монлама» (о нем будет сказано подробно ниже), когда центр религии перейдет из Внутреннего Тибета в Амдо. Материалом для постройки будет служить тот, ныне заповедный, лес, который растет против монастыря на склонах горы правого берега Сан-чу. Ежегодно в 13-й день белой (первой) луны происходит церемония встречи этого «монлама», состоящая в выезде в нарядных костюмах и на украшенных лошадях старшин монастыря верст на пять на запад и исполнении чтения молитв. Основатель монастыря, положивший начало такому поверью, может быть, честолюбиво помышлял о том, что его монастырь будет центром ламаизма. Во всяком слу-

чае, это поверье сильно притягивает сердца набожных к этому монастырю.

В ущелье, на север от монастыря, находится род монастырского кладбища, где трупы умерших отдаются на съедение грифам. Родственники или знакомые покойного выносят труп сюда и кладут на определенной площадке. Тотчас прилетают жадные и привыкшие к человеческому мясу громадные грифы и ягнятники и принимаются клевать труп. Для ускорения уничтожения трупа мясо разрезают на мелкие куски, а кости толкут на камнях. Все это быстро уничтожается упомянутыми птицами. Только трупы совершенно безродных бросаются сюда целыми и обращаются теми же птицами в скелеты.

В заключение опишу церемонию ниспускания Найчун-чойчжона, которую мне пришлось видеть здесь 19 февраля, второго числа второй луны по местному счислению. Днем для ниспускания чойчжона предпочтительно избирают именно второе число каждой луны потому, что, по верованиям почитателей, в тот день чойчжон нисходит сам, а в другие дни посылает кого-нибудь из своих товарищей-помощников (по-тибетски — «хор»). Прорицатель был приглашен из монастыря Чувсан, находящегося в северном Амдо. Местом для ниспускания служит особый храм, называемый Найчун-цзанхан, посвященный этому чойчжону. Он находится саженях в двухстах от западного края монастыря и представляет дуган обыкновенного тибетского типа с небольшим двором перед собою. В назначенный день с раннего утра монахи выходили на рынок и покупали хвою древовидного можжевельника (по-тибетски — «шуг-па»). Затем начали понемногу собираться во дворе цзанхана и сжигать упомянутую хвою в двух особых печеобразных курильницах. Около 8,5 часа утра явился под звуки труб лама-прорицатель (по-тибетски — «чойрчжэ» или «гуртэнба») со свитой. Спустя немного прибыл и перерожденец Чжамьян-шадбы, несомый четырьмя ламами в маленьких, прекрасно сделанных носилках китайского образца. Верхняя часть их желто-зеленого цвета, а нижняя — красного. Собравшиеся монахи толпились во дворе. Перерожденец Чжамьян-шадбы стоял перед дверями храма, откуда слышны были звуки труб, желто-медных

ударных тарелок и барабанов: читали, как говорили, призывные молитвы. Спустя немного под те же звуки показался на крыльце прорицатель в полном облачении, главную часть которого составлял шлем с флажками и одежда из парчи. В правой руке он держал саблю, упирая конец ее в свое бедро, а в левой — лук. Лишь только он вышел, перерожденец Чжамьян-шадбы перекинул через его шею длинный шарф (хадак). Прорицатель, приняв этот дар с видимым почтением, направился к особо устроенному седалищу. Лицо его было искажено, и из раскрытого рта выступала пена, которую прислужники вытирали хадаками. Сначала к нему подходила монастырская администрация и просила предсказаний относительно благополучия монастыря, а затем и частные лица, интересующиеся своей судьбой. Прорицатель хриплым голосом отрывисто указывал, какие книги и сколько раз нужно читать и т. п. Все это он делал стоя. Затем он сел на седалище, и тогда стали по порядку подходить для прикладывания простые монахи, поднося большую часть хадаки. Некоторые давали на благословение особые ленточки с узелком посередине для ношения на шее. Благословение состояло в том, что прислужник прорицателя подносил ленточку ко рту и вытирал выступавшую изо рта пену, если прорицатель не предупреждал его легким плевком на ленточку. Когда приложились все монахи, прорицатель в новом, усиленном экстазе кинулся к наружным воротам и от них выпустил стрелу из лука. Возвратившись снова на террасу храма, он произнес краткую наставительную речь, обращаясь ко всему духовенству, и после сего ушел вовнутрь храма. Церемония кончилась. Все стали расходиться. Уехал и перерожденец Чжамьян-шадбы. Немного спустя вышел из храма и прорицатель, уже обратившись в простого ламу.

28 февраля мы покинули этот монастырь, который по своей дисциплине занимает в настоящее время первое место среди ламаистских монастырей. Обратный путь мы сделали с теми же возчиками саларами и по тем же местам, что и вперед. Поэтому не стоит перечислять снова места ночлегов. Разве скажу, что в долине Хуанхэ уже сеяли хлеб. Пахали обыкновенно на паре ослов, лошаков, волов, и часто можно

было видеть пашущих на паре осла с волом, лошади с волом и т. п.

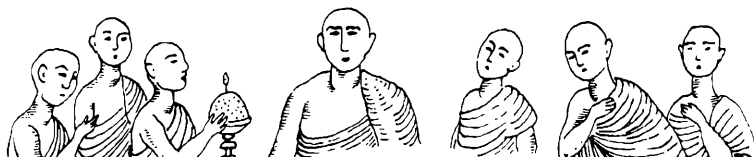
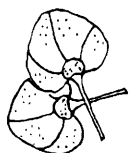
29 февраля мы прибыли снова в Гумбум, где и провели, как уже сказано выше, время до 24 апреля, когда мы выехали в Тибет.

Время это я отчасти провел в научных работах, а отчасти в приготовлениях к дальнейшему пути. Приготовление требовало немало труда и затрат. Дело в том, что далее приходилось ехать на своих лошадях. К сожалению, не способный к физическому труду, я уже не мог рассчитывать на свои силы для навьючивания и ухода за животными. Поэтому пришлось нанять трех товарищей, причем один впоследствии оказался лишним и нанятым лишь по моей неопытности. Увеличение числа их повлекло покупку большего числа подвод, что, в свою очередь, заставило запасти больше провизии как для людей, так и для лошадей. В конце концов пришлось купить 14 животных, в том числе 4 лошади и 10 мулов. Лошади стоили от 18 до 50 ланов, а мулы от 25 до 40 ланов.

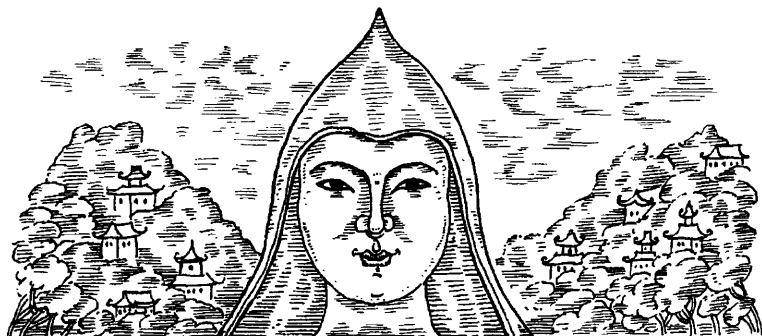
Для пути в Тибет мулы предпочитают лошадям потому, что они выносливее для вьюков и их можно выгоднее продать в Лхасе.

Затем пришлось приготовить полный комплект верховых и вьючных седел, закупить для людей сушеного мяса, крупчатки, муки, поджаренного ячменя (по-тибетски — цамба) и масла, а для вьючных животных — дробленого гороху. Все это, за исключением мяса, надо было запастись в количестве, достаточном для всего пути до Лхасы (3 месяца).

Ко дню выезда было все готово. День этот был определен ламами-гадателями, по просьбе большинства богомольцев, и приходится на девятое число четвертой луны, какое число соответствовало 24 апреля старого стиля 1900 года.

Глава III
Дневник паломника от Гумбума
до Лхасы

24 апреля. Заранее было условлено, что богомольцы отправятся в Цайдам по южному берегу Кукунура потому, что, во-первых, по этому пути бывают лучше корма для животных и, во-вторых, идя этим путем, избегали неприятного столкновения с начальником тангутов гансаламой Рабтаном, живущим на северо-восточной стороне упомянутого озера и привыкшим брать пропускной налог со всех монголов, едущих через его кочевья.

По рассказам, этот лама в ранней молодости учился в Гумбуме, но потом мирной монастырской жизни предпочел более деятельную, разбойничью на своей родине, где он неоднократно принимал участие в войне с каким-нибудь враждебным племенем или просто в нападении на проходящие караваны монгольских богомольцев. Отличаясь большой физической силой и отчаянною смелостью, он приобрел громадное влияние среди своего племени и сделался его главой. Однажды при прохождении чрез Кукунур каравана, везшего ургинского хутухту* из Тибета в Монголию, он дерзновенно окружил этот караван и потребовал выку-

* Один из важнейших титулов, которые жалуются в Монголии перерожденцам.

па. Ни многочисленные монголы, сопровождавшие хутухту, ни даже китайский амбань не могли ничего сделать с настойчивым разбойником: пришлось дать большой подарок, причем для снискания его благосклонности на будущее время от имени хутухты просили оказывать покровительство всем проходящим через его владения монголам. Кори-столубивый Рабтан быстро сообразил, какая выгода может быть извлечена из такого поручения, и дал тотчас свое полное согласие. Покровительство это стало выражаться в том, что Рабтан стал брать со всех проходящих через его кочевья богомольцев-монголов известный налог, приблизительно по 2 цина (30 коп.) с каждого человека, как бы плату за свои заботы по благополучному прохождению караванов. В случае отказа он требовал уплаты вооруженною силой, и горе, если караван оказывался ему под силу. Тогда он грабил все дочиста. Монгольские богомольцы, сознавая невозможность бороться с таким сильным разбойником, заботятся только о том, чтобы подешевле отделаться от него, покорно уплачивая несправедливый налог, санкционированный будто бы ургинским хутухтой.

При нашем прохождении через Кукунур Рабтан был в глубокой старости, ослепшим человеком, но все же повелевавшим своими соплеменниками. На нашем обратном пути его уже не было в живых.

Вследствие вышеупомянутого условия, пройдя по дороге Гумбум — Донкор только 5—6 верст, мы поворотили на левую руку и, перевалив через один хребет, вышли на речку Раку, объявленную местом сбора всех паломников. Здесь пришлось простоять до 28-го числа, выжидая прибытия запоздавших. Молодой травы почти не было, и лошадям приходилось довольствоваться только прошлогодней. Местность эта принадлежит кочевым чжахорам (окитае-отангутившиеся монголы)¹ — данникам монастыря Гумбума. Близ нашего стойбища не было видно жителей, которые, говорят, имеют привычку приносить молоко и разные молочные продукты, коими напутствуют путников, конечно, не без желанья получить отдарки. Пройдено за день примерно 30 верст.

28 апреля. К сегодняшнему дню собралось из разных мест более полутораста человек, помещавшихся в двадцати вось-

ми палатках различных размеров и типов. Тронулись постепенно в путь и остановились в пади правого берега реки Донкор, сделав переход почти в 10 верст.

29 апреля перешли на левый берег реки Донкор и, двигаясь по ней вверх, миновали монастырь того же имени, прошли через ворота, отделяющие земли Кукунура от собственно Китая, и остановились немного выше этих ворот, сделав путь примерно 30 верст, близ местечка Чжинь-ху (Чжинькоу). Сегодня выпал небольшой снег, что заставило нас передневать на том же месте следующее, 30-е число.

В день этой своей дневки богомольцы по инициативе старших сложили из дерна жертвенный стол вышиною около 1,5 аршина и на нем стали сжигать собранные от всех палаток муку с маслом, благовонную хвою и травы. К этому же столу снесли все свое оружие, состоявшее из фитильных ружей, сабель, европейских винтовок (бердана) и нескольких револьверов, и привязали к воткнутым в землю пикам с развешивающимися небольшими кусками материи вроде флагов с напечатанными на них молитвами. Когда все было готово, собравшиеся ламы заняли места вокруг жертвенника и стали читать так называемый сан, т. е. молитвы о благополучном пути. Такое чтение было приурочено именно к сегодняшнему дню потому, что завтра мы вступали в кочевья кукунурских тангутов, отличающихся любовью к воровству и грабежам. «Тангутами» называют этих людей монголы. Сами они называют себя или бо(д)ба, т. е. тибетец, или амдо-ба (амдосец), или еще по более частному названию своего рода, например, миньяг и т. п. Оружие было собрано для освящения, так как с завтрашнего дня приходилось быть постоянно готовыми отстаивать свою собственность с оружием в руках.

После окончания чтения молитв каждый взял свое оружие, и эта вооруженная толпа обходила вокруг временного жертвенника с криками «лха-ржял-ло» («божество победило»), соответствующими нашему «ура». Затем здесь же состоялся сход представителей от каждой палатки, который избрал, большинством голосов, начальником каравана казначей перерожденца Чэшой из Гумбума. Он ехал в Лхасу за своим хозяином, который жил там уже целый год. Этот казначей был прежде в Тибете только один раз, поэтому неко-

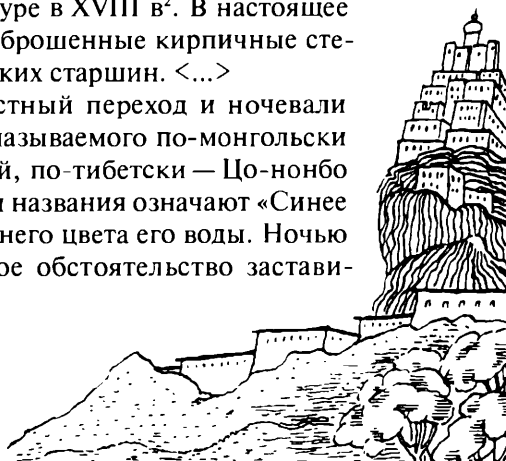
торые желали избрать предводителем другого члена каравана, некоего Ешей-тамба, бывавшего в Лхасе девять раз и прекрасно знавшего путь. Перевес пал на сторону казначея перерожденца Чэшой только благодаря богатству и знатному имени перерожденца, который должен был заочно покровительствовать своему человеку и потому отвращать все путевые неприятности.

На обязанности главы каравана, по установившемся с давних пор обычаю, лежало определение времени отправления, назначение мест для ночлегов и дневок, наблюдение за тем, чтобы в местах, опасных от разбоев, ехали все вместе, и т. п.

1 мая, рано на рассвете, со стороны палатки главы каравана раздалась команда начинать навьючивать животных. Когда все были готовы к выступлению в путь, весь караван понемногу стал трогаться. Глава каравана ехал на хорошей лошади, с саблей за поясом, длинной пикой в руке и ружьем за плечами и, по-видимому, имел самодовольно воинственное настроение. Вообще все амдосцы, ехавшие в этом караване, были более или менее сносно вооружены, и у них заметно было решение не быть пассивными свидетелями грабежа своего имущества. Большинство же монгольских богомольцев не имели, напротив, никакого оружия и готовы были перенести все обиды, философски объясняя их только «плодом» своих же «деяний».

В этот день мы увидели озеро Кукунур с бугра после перехода через высокий хребет Алтан-сорго. Сделав за весь день путь около 30 верст, остановились возле небольшой китайской крепости на правой стороне реки Ара-гол, впадающей в Кукунур. Крепость эта, как говорят, была построена во время беспорядков на Кукунуре в XVIII в². В настоящее время она представляет лишь заброшенные кирпичные стены, где собирается сейм тангутских старшин. <...>

3 мая сделали почти 40-верстный переход и ночевали в двух верстах от берега озера, называемого по-монгольски Кукунур, по-китайски — Цинхай, по-тибетски — Цо-нонбо (разговорно — Цо-омбо). Все три названия означают «Синее озеро», вследствие красивого синего цвета его воды. Ночью выпал небольшой снег, каковое обстоятельство застави-

ло нас продневать следующее, 4-е число. В день этой дневки спутники наши ходили на берег озера мыться его водой с верой, что она исцеляет от многих болезней.

5 мая прошли около 25 верст и остановились почти против острова-горы, находящегося посреди озера. На этом острове-горе, как передают, находится небольшая монастырь с 5—6 ламами. Они сообщаются с окрестными жителями только зимой по льду и, запасшись провизией на лето, уходят в монастырь. Здесь за неимением лодок они проводят в полном уединении от мира все время, пока холод следующей зимы не устроит для них ледяного моста.

6 мая прошли около 30 верст.

7 мая я впервые увидел стада диких ослов, называемых по-тибетски — кьянг (по-амдоски — ржян), а по-монгольски — хулан (каурий) или чихэтэй (ушатый). Резвилось также немало стад антилоп. Прошли около 35 верст.

8 мая дорога, шедшая до сих пор в виду Кукунура и частью по берегу, оставила озеро и направилась на северо-запад к верхним монголам. В этот день мы прошли также около 35 верст и, вступив в долину реки Бухайн-гол («река дикого яка» по-монгольски), ночевали у подошвы гор правого ее берега.

9 мая перевалили через Южнокукунурский хребет, который по высоте перевала оказался весьма тяжелым для наших животных. Поэтому пришлось остановиться ночлегом тут же под перевалом, сделав за день около 25 верст.

10 мая прошли по степи к северо-востоку от соленого озера Дабусун-нур по-монгольски, а по-тибетски — Ца(м)цо и остановились после 35-верстного перехода.

Здесьние места носят чисто гобийский характер: солончаковая почва поросла растениями «дэрсису» и «бударгана», на коих пасутся стада антилоп. Озеро Дабусун-нур находится во владении кукунурско-олётского Корго-цзасака, подданные которого, как и все вообще кукунурские монголы, сильно подвергались влиянию тангутов. К нам во время пути подъехал один молодой парень, по внешности чистый тангут, и заговорил по-тангутски. Из дальнейшей беседы выяснилось, что он местный монгол, но знает свой родной язык до того плохо, что не может вести разговора на нем.

Соль этого озера в значительном количестве вывозится тангутами и монголами в город Донкор. Ее на месте добывают беднейшие из жителей и продают извозопромышленникам за невысокую плату, преимущественно в обмен на съестные припасы.

11 мая, перевалив через значительный хребет, вступаем в ущелье Шарга, где кочуют тангуты из рода миньяг большого племени бумгар. Прошли около 35 верст.

12 мая происходила дневка. В этот день двое из моих спутников подверглись небольшой опасности. Они пошли нарубить кольев для палатки в лесу на соседней горе. В ущелье горы к ним подъехал верховой тангут-пастух с обычной саблей за поясом и, слезши с лошади, попросил показать топор русского изделия, бывший в руке у одного из них. Тот доверчиво подал топор, но тангут, поспешно вырвав его, замахнулся на подающего, и только проворство избавило последнего от удара. Затем оба бурята обратились в бегство, тангут за ними и уже нагонял их. К счастью, один из них вспомнил про револьвер, находившийся у него за пазухой, и, вытащив его, погрозил знаками, что будет стрелять. Это обстоятельство произвело на тангута сильное впечатление, и он уже сам обратился в бегство, бросив топор. Товарищи были так испуганы происшедшим, что не нарубили кольев и впопыхах, прибежав в лагерь, рассказали о маленьком трагикомическом случае. Тангут, вероятно, хотел, напугав их, воспользоваться их топором.

13 мая прошли мимо монастыря Дулан-кит, принадлежащего цинхайскому вану, которого монголы зовут Шинханван. По внешности этот монастырь представляет общий тип всех цайдамских монастырей. Посредине — дуган с глиняной оградой и кругом около десятка дворов с убогими глинобитными домиками.

В этом монастыре имеет почти постоянное местопребывание перерожденец Хутухтайн-гэгэн, которого очень чтут и соседние тангуты. Вследствие этого он часто выступает в роли третейского судьи и примирителя между монголами и тангутами.

Подле монастыря сравнительно много хвойного леса, что дает жителям его возможность заниматься столярным

мастерством. Весь Цайдам снабжается домашней деревянной утварью почти исключительно отсюда. Материалом для выделывания посуды служит древовидный можжевельник (*Juniperus pseudosabina*), душистая хвоя которого, как упомянуто выше, идет на воскурение перед буддами, а истолченная древесина составляет главную часть смеси, из коей выделяются курительные свечи (по-тибетски — бой).

Сам князь Цинхай-ван живет на Кукунуре, здесь же находится небольшая часть его подданных. Хошун его официально называется «западное переднее знамя цинхайских хошотов*».

Ночевали немного ниже монастыря, пройдя за день не более 15 верст.

14 мая. Нам попадались на пути небольшие пашни, а затем встретились остатки города, приписываемого преданием некоему Цокто-хану. По этому преданию, ламы однажды предсказали Цокто-хану, что ему угрожает большая опасность от врагов. На просьбу указать средства отвращения ее они в ответ посоветовали ежегодно строить по одному большому субургану. Цокто-хан последовал этому совету и стал строить субурганы. Прошло шесть лет, и его подданные, утомленные ежегодной работой и притом не видевшие никакой явно угрожавшей опасности, подняли ропот и отказались от работ.

Прошло еще несколько лет, и вдруг напал на Кукунур Гуши-хан³. Он убил Цокто-хана и разрушил его город. Остатки развалившихся стен ныне называются «городом Цокто-хана», а субурганы, сильно испорченные временем, уже не возбуждают у ламаистов никакого религиозного чувства.

Предание это связано со следующим историческим сказанием: «В 1582 г. у хошотского хана Гонбо родился сын Турубайху, который двадцати пяти лет получил прозвание Гоошри⁴, по-монгольски — Гуши-хан. В феврале 1637 г. он пришел на Кукунур и в происшедшей битве без остатков истребил сорокатысячное войско Цокто».

* Этногруппа монголов, проживающих на западе страны. «Хошотом» назывался «полк тысячи отборных богатырей», входивший в число телохранителей Чингисхана.

Ночевали в безлюдной местности Дам-намак, пройдя за этот день около 25 верст. На левую руку остается озеро Хара-нур, а на правую — соляное озеро Сэрку, принадлежавшее Кукэ-бэйлэ. К востоку от этого озера видны развалины селения Кукэдэй-байшин, разрушенного недавним дунганским движением.

Вечером, когда привязывали на ночь своих вьючных животных, двое бурятских лам, ехавших в нашем караване, заметили исчезновение двух своих лошаков: они бежали обратно. Лошаков обыкновенно делят на две породы: ослиный лошак и лошадиный лошак. Первый бывает небольшого роста, крепкого сложения и чрезвычайно вынослив, но имеет дурную привычку скучать по родине и потому старается при всякой возможности бежать обратно; второй же красивее и больше ростом, но слабее первого. Убежавшие лошаки принадлежали как раз к «ослиной» породе и не раз до сего дня делали попытку бежать. Удача выпала им только сегодня по неаккуратности окарауливавшего их халхасца, который, как выяснилось, заснул.

15 мая, уступая просьбе спутников, с одной стороны, а с другой — следуя этике путешественников, глава каравана и я остались на месте ночевки и снарядили в погоню за лошаками двух их хозяев, одного из моих слуг и одного бурята, добровольно присоединившегося к ним. В час дня они вернулись ни с чем, говоря, что, судя по следам, лошаки долго шли по дороге, но вдруг кто-то выехал на дорогу сбоку и увел лошаков в сторону, чем скрыл и следы. Не оставалось делать ничего другого, как помириться со случившимся и поспешно ехать вдогонку ушедшего утром каравана, который прошел за этот день около 45 верст и остановился в местности Далан-тургэн.

16 мая после 25-верстного перехода остановились в местности Эргэцэ или Эргэцул, где дневали и 17-е число.

Мы находились уже в Цайдаме. Слово это тибетское и значит «соляное болото» или «соляная грязь», что весьма метко характеризует эту обширную равнину. Местные монголы часто называют свои кочевья Табун-Цайдам, т. е. пять Цайдамов. Такое название, без сомнения, произошло оттого, что в Цайдаме в настоящее время находят-

ся пять хошунов и цзасаков: Кукэт-бэйлэ, Курлук-бэйсэ, Барун, Цзун и Тайчжинар. В китайском сочинении «Мэн-гу-ю-му-цзи» они названы: западное заднее знамя, знамя северного левого крыла, заднее знамя западного правого крыла и среднее знамя западного правого крыла цинхайских хошотов.

Я, по крайней мере теперь, не могу объяснить происхождение названия Кукэт, но остальные объясняются так: Курлук, правильное Курлок, произошло от того, что хошун этот прежде находился на берегах Хуанхэ у горы Кур; затем он был вытеснен оттуда тангутами и, поселившись в Цайдаме, стал называться «возвратившимся (по-тибетски — лок) от Кур», Барун (западный) и Цзун (восточный) — названия по месту расположения их кочевьев. Наконец, название Тайчжинарского хошуна произошло от того, что в 1725 г. в нем было учреждено выборное дзасачество из 33 тайчи. В настоящее время дзасачество, или правление хошуном, находится в руках только трех княжеских домов, наследующих дзасачество попеременно.

В частности, местность, где мы сегодня остановились, принадлежит Кукэт-бэйлэ. Здесь живут только около 60 семейств и называются цабсар-кукэт, т. е. промежуточными кукэтами.

18 мая во избежание сильно топкой грязи мы взяли дорогу левее по пескам, находящимся на краю болот, и, сделав переход около 35 верст, достигли реки Шара-гол. Остановились здесь в кустах тамариска (по-монгольски — сухой).

19 мая сделали переход почти в 15 верст и остановились на реке Баян-гол. Местные жители надоедают расспросами о русских, пришедших в хошун Барун-цзасака, т. е. об экспедиции П. К. Козлова⁵. Вспоминают также об «эхэ гэдэсугу амбане» (большебрюхом генерале), под которым должно разуметь знаменитого Пржевальского, а также о многих других европейских путешественниках, собственных имен которых не знают, но определяют по каким-нибудь отличительным признакам.

В их рассказах с примесью былей и небылиц замечается какое-то уважение к русским⁶, сознание справедливости их требований, сознание того, что даже «уртай-амбань»,

т. е. «сердитый генерал» (Пржевальский) наказывал лишь за неправый поступок и щедро награждал за полезные услуги.

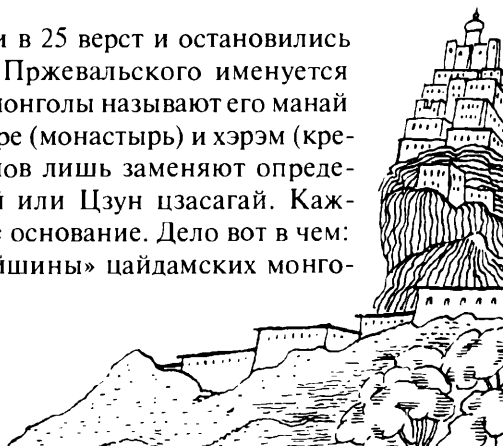
Здесь надо было решить вопрос об избрании дальнейшего направления пути. Главных дорог, ведущих из южного Цайдама в Тибет, две: первая через перевал Бурхан-будай, вторая через Найчжи. Первая идет из хошуна Барун-цзасака, вторая из хошуна Тайчжинаров. Из них наш караван избрал вторую дорогу ввиду того, что она изобилует травой и короче в той своей части, которая пролегает по северотибетскому безлюдному плоскогорью.

Про происхождение названия первого перевала рассказывают следующую легенду. Халхаский хан Абатай⁷ (XVI в.) приобрел в Тибете статую божества Гонбо-гуру. Когда он, везя ее, поднялся на этот перевал, то статуя спустилась на землю. Люди Абатая никак не могли поднять ее для навьючения. Тогда рассерженный хан рассек статую пополам со словами: «Не желающий зад останься, а желающее туловище пусть пойдет» и повез одно туловище, которое теперь читается в халхаском монастыре Эрдэни-цзу.

Слово «спуститься» будет на разговорном монгольском языке «буху», а божество — «бурхан». «Бурхан бусан» — божество спустилось, но каким образом получилось слово «будай» — мне неизвестно. Но верно лишь то, что это название перевала все монголы связывают с упомянутой легендой.

Продневав на реке Баян-гол два следующих дня — 20-го и 21-го числа, 22 мая переправились через реку Баян-гол (богатая река) верстах в десяти ниже стоянки и по левому берегу ее сделали еще около четырех верст, пересекши затем песчаную и болотистую площадь, переправились через речки Эбкэсун и Цаган, где и остановились после 25-верстного пути.

23 мая сделали переход почти в 25 верст и остановились у Цзунэй-байшин, который у Пржевальского именуется Хырма Цзун-цзасака. Местные монголы называют его манай (наше) байшин (построение), хуре (монастырь) и хэрэм (крепость), а жители других хошунов лишь заменяют определение «наше» словами Цзунэй или Цзун цзасагай. Каждое из этих названий имеет свое основание. Дело вот в чем: Цзунэй-байшин, как и все «байшины» цайдамских монго-

лов, представляет небольшую группу глинобитных домиков, расположенных на сравнительно сухом месте среди топких болот. В центре этой группы, среди прочих строений, немного возвышается здание (сумэ), где совершаются ежегодные богослужения в первом, шестом и десятом лунных месяцах. Постоянно же при сумэ живет лишь настоятель его (по-монгольски — ширету), приглашаемый на три года из тибетского монастыря Галдан, с тибетской же прислугой в 3–4 человека. Третье название «хэрэм» происходит от того, что здесь укрываются во время грабительских набегов тангутов.

Упомянув о годовых богослужениях, должно, однако, сказать, что они совершаются всеми местными ламами. Среди них иногда бывают и те, которые живут и учатся в монастырях амдоских и тибетских. Впрочем, таких лам едва ли наберется более десяти человек со всего Цайдама.

Озабоченные хозяйством и семьей местные ламы, конечно, не могут жить при сумэ постоянно, но собираются лишь в вышеуказанные периоды. При общей бедноте цайдамцев, называемых другими монголами «верхними», каждый принужден искать средства для существования лишь в своем труде — скотоводстве, которое, сверх того, требует вооруженной охраны от тангутов.

Между тем, влекомые религиозным чувством, многие стремятся посвятиться в духовные обеты. Поэтому у них очень много лам и все они женаты, чего, как известно, не допускает исповедуемый ими буддизм вообще и цзонхавизм в частности.

Причинами такого противоречия между исповедуемой религией и жизнью служат: во-первых, необходимость жены-помощницы в скотоводческом хозяйстве и, во-вторых, естественный закон борьбы за существование, которое они должны отстаивать физической силой от вышеупомянутых разбойников.

Домики, находящиеся у сумэ, не столько служат для проживания в них, сколько для складывания излишнего домашнего скарба и всего, что ценно в невзыскательном инвентаре домашнего имущества кочевника. Поэтому в этих домиках можно найти разные шкуры, кошмы, шубы, домашнюю утварь, принадлежности жертвоприношений богам, лучшие

ружья, сабли, пики и вообще все то, что не требуется для постоянного употребления в юрте. Сохраняются эти вещи здесь для того, во-первых, чтобы избавиться от лишней клади при перекочевках и, во-вторых, чтобы было безопаснее в случае разбойничьих набегов.

В тех же видах здесь постоянно находится и канцелярия хошунного цзасака, где хранится печать и скудные канцелярские принадлежности. При канцелярии постоянно дежурят чиновник, начальник стражи, лама для чтения жертвенных молитв перед чойчжоном (духом-хранителем) и шестнадцать человек стражи.

Должно сказать, что нигде у цайдамских монголов не наложено столько натуральных повинностей, как у Цзун-цзасака. Он постоянно держит при своей юрте десять юрт подданных, дежурящих по году. Сверх того по десяти дней у него дежурят по пяти человек: один пасет его табун лошадей, другой — овец, третий — рогатый скот и двое помогают в домашнем хозяйстве. Подданные не должны кочевать на заранее назначенных местах, где будет жить цзасак, а в случае поправки таких запретных пастбищ налагается штраф.

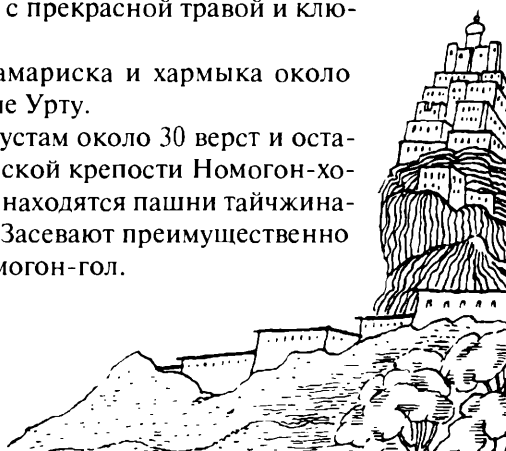
Года три тому назад цзасак Бутучи, знакомый генерала Пржевальского, вышел в отставку, передав власть своему восьмилетнему сыну, Вандан-дорчжи. Сам, неизлечимо больной калека, состоит регентом и отличается среди своих сородичей образованностью и хитростью, что у всех монголов отождествляется с умом.

24 мая сделали переход около 20 верст и остановились на речке Хорголчи. Сегодня пришлось делать обходы топких грязей, но и то лошади часто вязли в грязи.

25 мая, пройдя всего около 12 верст, остановились на поляне, называемой Исэлчин, с прекрасной травой и ключевой водой.

26 мая прошли по кустам тамариска и хармыка около 10 верст и остановились на ключе Урту.

27 мая прошли по таким же кустам около 30 верст и остановились близ покинутой китайской крепости Номогон-хото. Здесь под кустами тамариска находятся пашни тайчжианов и подданных Цзун-цзасака. Засевают преимущественно ячмень и орошают из речки Номогон-гол.

28 мая несколько западнее Номогон-хото, на песчаной площади, встретили развалины какого-то другого укрепления, вероятно, относящегося к событиям, происходившим в Центральном Тибете и Кукунуре в начале и середине XVIII в.⁸, потому что деревянные части его сохранились по сие время. Но местные монголы не задумываются рассказывать, что это остатки города ширагольских ханов, с которым воевал легендарный Гэсэр-хан⁹. В этих развалинах монголы иногда находят порох, что заставляет их говорить, что Гэсэр взорвал этот город порохом.

Немного дальше этих развалин на краю кустов тамариска находится своеобразный маленький домик из сырого кирпича с куполообразной глиняной крышей. Обращенная на юго-восток дверь этого домика довольно высока и широка, в нее можно свободно въехать верхом на лошади. Северо-западная сторона крыши проломилась и выпала. Конечно, от местных жителей и на этот раз не удалось узнать положительных данных, а пришлось услышать следующий рассказ. В этом домике жил заклинатель (тарничи) ширагольских ханов. Он читал заклинания и был ими так силен, что его не мог победить ни Гэсэр, ни покровитель его, хранитель учения (чойчжон) Дамдин. Тогда последний употребил хитрость. Он обратился в двух ворон, считаемых у этих монголов священными птицами, под видом коих может являться Дамдин-чойчжон. Вороны стали драться на крыше домика заклинателя в то время, когда он читал свои заклинания. Шум дерущихся ворон отвлек внимание заклинателя и прервал сосредоточенность его мысли. Этим моментом воспользовался Гэсэр-хан и, проломив крышу, задавил заклинателя ее обломками.

После 20-верстного перехода остановились в местности Тэнгэлик.

29 мая весь караван двинулся далее за исключением нашей палатки. Мне со спутниками пришлось простоять здесь еще 30-го и 31-го числа, в ожидании трех мешков гороха, отправленного в марте из Гумбума в Цзунэй-байшин и по недобросовестности подрядчика попавшего в Барунай-байшин. Узнав об этом, я из Цзунэй-байшина послал одного монгола привезти мой горох в Тэнгэлик. Горох был доставлен 31-го числа.

1 июня, наняв проводника, мы выступили в путь и после 22-верстного пути по грязному грунту остановились в местности Ехэ-намак, где дали лошадям отдых. Так как прямая, так называемая цайдамская, дорога чрезвычайно грязна и почти непроходима, то, по совету проводника, решено было ехать через твердую песчаную площадь (по-монгольски — «шила»), находящуюся по левую руку, ближе к Южно-Цайдамским горам. При этом, вследствие неудобства схать по пескам в полуденную жару, мы предпочли перейти шила ночью, пользуясь лунным светом, и двинулись в путь в 10 часов вечера. Часа через два (8 верст) мы были уже на краю шила, но ветер, дувший тихо с вечера, постепенно усилился и поднял песок, бивший нам прямо в лицо. Ни зги не было видно. Пришлось остановиться и дожидаться рассвета. Мы слезли с лошадей, но не развьючивали животных, чтобы не потерять в песке мелких вещей. Держа животных за поводья, мы легли на землю и проспали до утра.

2 июня утром ветер понемногу стих, и мы после 30-верстного перехода достигли местности Далай.

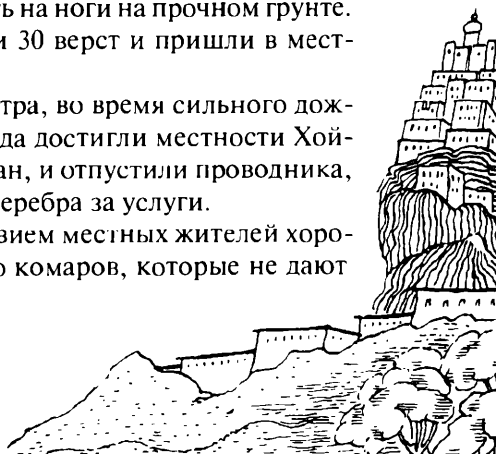
3 июня. Со вчерашнего полудня до сегодняшнего утра шел дождь. Навьючили животных в 6,5 часа утра и двинулись далее, держась по возможности левой стороны во избежание топких грязей, но тем не менее часто вязли.

При проходе по топким местам худшими из вьючных животных оказываются лошаки, тонкие ноги коих сильно вязнут. Кроме того, по своему кровному родству с ослами некоторые из них бывают до того упрямы, что ни частые удары кнутами и палками, ни одобрительные крики погонщиков не побуждают их сделать усилие подняться даже тогда, когда весь вьюк снят. Тогда приходится пробовать свои силы, чтобы вытащить упрянца и поставить на ноги на прочном грунте.

В этот день мы сделали почти 30 верст и пришли в местность Урду-тулай.

4 июня навьючили в 6 часов утра, во время сильного дождя, и после 30-верстного перехода достигли местности Хойто-тулай, где нагнали наш караван, и отпустили проводника, выдав ему условленные 4 цина серебра за услуги.

Трава в этих местах за отсутствием местных жителей хороша, но здесь чрезвычайно много комаров, которые не дают

животным покоя. Они надоедают, впрочем, не одним выючным животным, но беспокоят и людей. От них немного можно избавляться только напусканьем в палатку дыма от аргала, выбирая из двух зол меньшее.

Здесь мы простояли до 13-го числа сего месяца. Во время этой стоянки я и другие богомольцы ездили к летникам местных монголов в местность Голнут или Голнус, т. е. Реки. Название это произошло оттого, что река Найчжин-гол, по выходе своем из юго-западных гор, разветвляется на три рукава, которые образуют как бы много речек, и урочища по этим рукавам называются Голнут. Эти места принадлежат кочевьям вышеупомянутого тайчжинарского хошуна, начинающегося у Номогон-хото на востоке и кончающегося урочищем Гас на западе.

Цель поездки моей и других была покупка баранов, масла и т. п. провизии, а также приобретение лошадей местной породы. Мерин стоит здесь от 10 до 20 ланов, а кобылица от 8 до 15 ланов. Я купил 8 баранов по одному лану 5 цинов и одного молодого мерина за 15 ланов.

13 июня. Караваны, идущие из Гумбума в Тибет, обыкновенно проводят в Цайдаме по меньшей мере полмесяца на одном месте для того, чтобы дать отдых животным после перехода сюда и позволить им набрать силы для предстоящего трудного пути по северо-тибетскому плоскогорью, отличающемуся скудною растительностью. Следуя этому обычаю, установленному многолетним опытом богомольцев, и наш караван должен был прожить здесь некоторое время. Остаться в Цайдаме не было целесообразно потому, что вышеупомянутые комары и мошки не только не давали животным отдыха, но истощали еще более их силы. Вследствие этого необходимо было избрать место, где не было этих назойливых насекомых, и таким местом было только верховье реки Найчжин-гол.

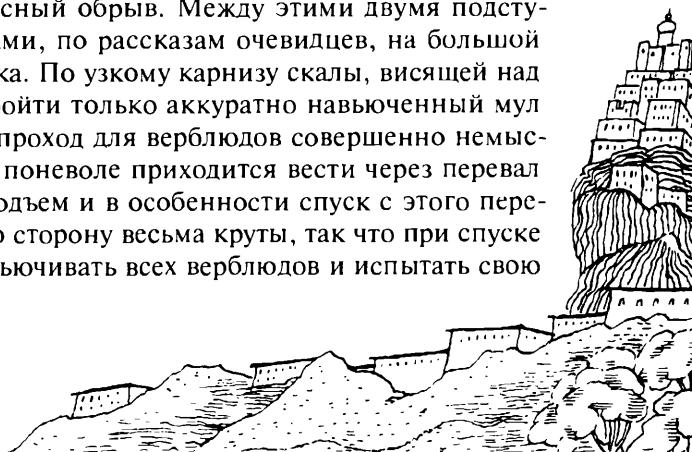
Закупив у местных жителей все необходимое для пути до самого Тибета, мы двинулись в путь. В первый день предстояло пройти очень большое расстояние, около 70 верст, тянущееся через площадь с твердой почвой, почти лишенной растительности. Она начинается тотчас по выходе из Хойто-тулай. Пообедавши на пути, мы лишь с закатом солн-

ца пришли на реку Шугуйн-гол и после переправы через нее остановились ночевать тут же в кустах тамариска. Бараны, коих у всего каравана было не более 40 голов, могли прийти к тому же месту только поздним вечером, когда было уже совершенно темно. Крутой, узкий спуск между двумя береговыми скалами так напугал баранов, что они, подойдя к нему, бросились назад и только после долгих усилий были спущены и переправлены через быструю, шумящую речку.

14 июня утром оказалось, что из стада баранов не доставало 10 голов, но в то же время на высокой скалистой горе против лагеря заметили 8 голов. Снаряженные за ними люди с трудом дошли до них, но запуганные вчера бараны кинулись в сторону. После долгой возни с ними четырех удалось добыть живыми, одного застрелить, три же убежали на другую сторону недоступных скал и были оставлены на произвол судьбы.

Затем двинулись в путь и, пройдя около 7–8 верст, переправились через Найчжин-гол. Остановились ночлегом здесь же у переправы на лугу, называемом Ногон-тохой, покрытом хорошей травой при отсутствии комаров и мошек. Вьючные животные, остававшиеся вчера голодными целый день, требовали ограничиться сегодня только этим маленьким переходом. Да и некуда было спешить. Предпочтительнее было делать небольшие переходы и предоставлять большую часть дня животным на отдых. Поэтому движение отсюда вверх по реке Найчжин-гол было медленное.

15 июня прошли около 15 верст. На этом пути пришлось переправиться через трудный перевал Куку-тоно. Дело в том, что горный нос левого берега Найчжин-гола близко подступает к руслу реки. Противоположный же берег представляет высокий отвесный обрыв. Между этими двумя подступившими берегами, по рассказам очевидцев, на большой глубине течет река. По узкому карнизу скалы, висящей над рекой, может пройти только аккуратно навьюченный мул или лошадь, но проход для верблюдов совершенно невозможен. Верблюдов поневоле приходится вести через перевал горного носа. Подъем и в особенности спуск с этого перевала на западную сторону весьма круты, так что при спуске необходимо развьючивать всех верблюдов и испытать свою

работоспособность, спуская вьюки на себе по ступеням скал иногда около аршина вышины при значительной абсолютной высоте места.

16 июня мы прошли около 18 верст.

17 июня сделали около 13 верст.

18 июня прошли около 18 верст и остановились против устья реки Думда-найчи. Так как на следующий день предполагали стать лагерем уже в вершине пади Думда-найчи, то решили сегодня выжечь углей для дороги. Во время дождей, когда помет животных в степи мокр, угли оказывают неоценимую услугу при разведении огня. Для сего делают в земле небольшое углубление, куда кладут немного углей. Затем накладывают на них аргал, выбирая посуше, и, раздувая огонь посредством ручных мехов, готовят пищу. Мехи эти состоят из цельной шкуры преимущественно домашней козы, содранной без разрезов вдоль тела, вследствие чего получается как бы мешок с тремя небольшими отверстиями (две передние ноги и голова), из коих два после выделки кожи зашиваются, а в третьем на переднем конце шеи вставляется железная трубочка. Раздувание состоит в том, что, взявшись двумя руками за широкое отверстие мешка, действуют так, чтобы воздух, заключенный в мешке, выходил при надавливании только через трубочку, направленную в огонь. Непривычный человек ничего не поделает на первые раза с такими мехами, потому что для успешного употребления их нужен большой навык, чтобы не выпускать воздух через верхнее, широкое отверстие мешка.

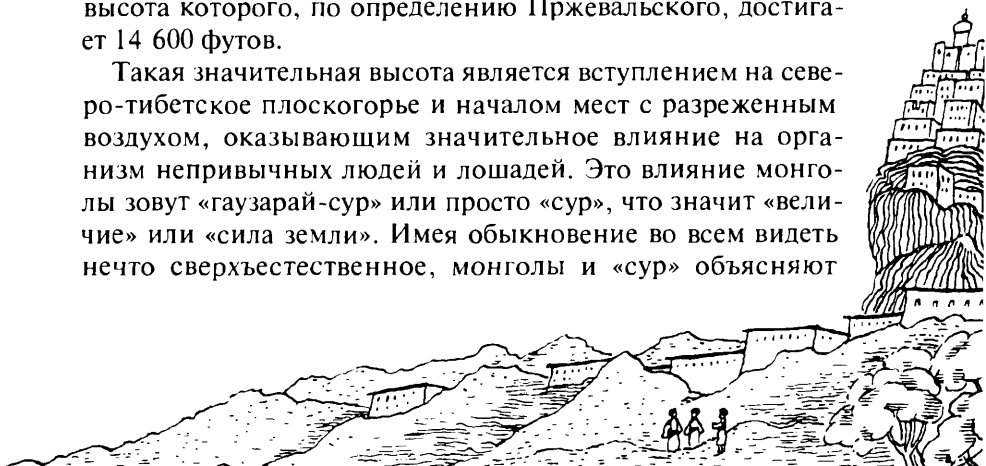
19 июня перекочевали верст на 5 вверх по вышеупомянутой пади и здесь простояли до 27-го числа. В долине Найчин-гол мы застали только пять монгольских юрт. Несмотря на прекрасные здешние корма для домашних животных и отсутствие назойливых комаров, монголы не селятся здесь, потому что эта местность часто посещается тангутскими и голокскими разбойниками. Но заманчивое обилие диких яков и упомянутые удобства все же привлекают сюда 4—5 смелых семейств, небогатых скотом и питающихся охотой на яков, черепа коих с громадными рогами валяются в изобилии в этих местах.

Открытое нападение тангутов никогда не встречает со стороны монголов серьезного сопротивления. Несмотря на это, сами тангуты стараются не прибегать к силе, а предпочитают или украсть, или отнять, лишь запугав. Такой характер тангутов и голоков объясняется отчасти влиянием ламаизма, но в большей степени врожденною трусостью их самих. Если в шайке их убить двух-трех, то они обращаются в бегство, бросая часто свое имущество. Местная хроника происшествий богата нападениями разбойников, перестрелками, убиением людей с той и другой стороны, но все рассказы о них свидетельствуют о перевесе тангутов.

За время здешней стоянки захворал от влияния разреженного воздуха один из моих людей, бурятский лама Дашийдондуб. Он жаловался на головную боль и учащенное дыхание. По совету спутников дали ему выпить китайской водки и выпустили кровь с внутренней стороны локтя. От такого врачевания ему стало легче, и он постепенно выздоровел, хотя делал уже свое духовное завещание. Он говорил, что уже однажды года три тому назад он доехал до Лабрана и на вопрошение у Чжамьян-шадба, может ли он тогда достигнуть Лхасы, получил отрицательный ответ. Пришлось ему вернуться на родину, расставшись с давно лелеянною мыслью. Ныне, когда прошло указанное в запрещении время, он снова предпринял путешествие и в Лабране от того же ламы получил благоприятный ответ. Он рассказывал это в ожидании смерти, но тем не менее не выражал своего недоверия к ламе, а говорил, напротив, что его грехи заставили его превратно понять слова «всеведущего ламы».

27 июня, на рассвете, тронулись с места стоянки и тотчас начали подниматься на перевал Найчжи, абсолютная высота которого, по определению Пржевальского, достигает 14 600 футов.

Такая значительная высота является вступлением на северо-тибетское плоскогорье и началом мест с разреженным воздухом, оказывающим значительное влияние на организм непривычных людей и лошадей. Это влияние монголы зовут «гаузарай-сур» или просто «сур», что значит «величие» или «сила земли». Имея обыкновение во всем видеть нечто сверхъестественное, монголы и «сур» объясняют

силой какой-то травы, выросшей по заклинанию нечистого духа. Кроме того, они верят, что «сур» насылают за непочтение духи-обладатели гор, рек и т. п. Поэтому и на перевал Найчжи богомольцы поднимаются с заметной робостью, стараясь предугадать, как вынесут они местный «сур», и все время не перестают читать разные молитвы.

На самой вершине перевала находится маленькое озеро от дождевой воды. Затем после крутого, но неглинного спуска дорога вступает на песчано-каменистую бесплодную полосу, находящуюся между хребтами Найчжи и Ангир-такчэнь. По миновании этой полосы мы перешли через несколько небольших холмиков и оказались уже по другую сторону последнего хребта, снеговые горы которого остались вдали на левую руку.

Пройдя за весь день около 45 верст, мы остановились ночлегом на первой попавшейся траве, хотя она была скудна, а топлива уже вовсе не было.

28 июня путь холмист. Ночевали после 40-верстного перехода на левом притоке реки Чу-мар (Красная река).

29 июня, пройдя около 7 верст от места ночлега, переправились через реку Чу-мар, или Улань-мурэн, или еще Хаптагай-улань-мурэн. Дно этой реки — с красным илом, от которого, без сомнения, произошло название ее. Когда мы переправлялись через нее, воды было мало, но лошади, шедшие первыми, вязли в иле и даже падали. Вода скоро уносила поднятый ил, и последние лошади переправились уже совершенно легко.

Затем взяли направление к Куку-шилэ, причем наш предводитель ошибся и повел караван немного левее. Верст через 25 от места ночлега остановились лагерем у подошвы Куку-шилэ.

В этот день некоторые амдоские ламы ходили на охоту и убили трех антилоп оронго («оронго» — по-монгольски, а по-тибетски — «цзол»), *Pantholops Hodgsoni*. Принеся мясо в лагерь, они сварили его и угощали всех спутников. Этим они платили дань своему родному обычаю устраивать пиршество после охоты. Я спрашивал их, почему они, будучи ламами, убивают животных. На это они отвечали, что они еще на родине отказались от духовных обетов и примут их

снова лишь по возвращении туда, потому что на трудном пути в Тибет, где могут быть случайные сражения с разбойниками, невозможно соблюсти монашеских правил. Вследствие этого они теперь простолюдины и им можно убивать животных. Таково было рассуждение сих лам-охотников!

30 июня пришлось искупить вчерашнюю ошибку перевалом по довольно высокому месту через Куку-шилэ, тогда как немного правее перевал был бы почти незаметным. Путь — 25 верст.

1 июля прошли около 20 верст.

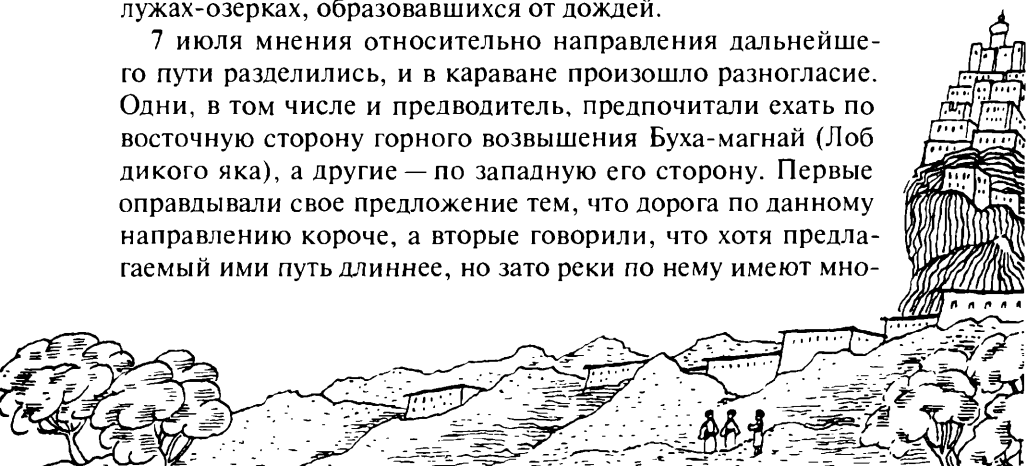
2 июля переправились через реку Хапчик-улань-мурэн, вода которой доходила до животов лошадей. Дно ее — с красным илом, но не особенно вязко. Затем поднялись по пади перевала Дун-буре и остановились здесь после 30-верстного, приблизительно, перехода.

3 июля, а равно 4-го числа были дневки, вследствие выпавшего снега. Во второй день мне нездоровилось: меня лихорадило, и когда измерил температуру тела, то оказалось 38,5°. Пришлось принять порядочную дозу хинина; после того заснул, закутавшись потеплее.

5 июля я встал совершенно здоровым. Прошли около 20 верст, перевалили через Дун-буре и остановились в одной из южных падей.

6 июля прошли вниз по той же пади около 5 верст, перевалили через небольшой хребетик между двух скал, прошли твердую песчаную площадь, усеянную диким луком «мангир», и, перевалив еще через невысокий холм, вступили на довольно широкую равнину с двумя извилистыми речками. Миновав эти речки, ночевали после 40-верстного перехода на равнине с хорошей травой и обильной водой в маленьких лужах-озерках, образовавшихся от дождей.

7 июля мнения относительно направления дальнейшего пути разделились, и в караване произошло разногласие. Одни, в том числе и предводитель, предпочитали ехать по восточную сторону горного возвышения Буха-магнай (Лоб дикого яка), а другие — по западную его сторону. Первые оправдывали свое предложение тем, что дорога по данному направлению короче, а вторые говорили, что хотя предлагаемый ими путь длиннее, но зато реки по нему имеют мно-

го рукавов и потому не так глубоки, что чрезвычайно важно ввиду дождливого времени года. Произошло нечто вроде безмолвной баллотировки, состоявшей в том, что каждый отправился по желанному им пути. Мы, в частности, присоединились к первым, но другая партия взяла перевес, и первые присоединились ко вторым, и соединенным лагерем остановились ночлегом, пройдя только 13 верст.

8 июля переправились через Напчиту-улан-мурэн, которая текла в этих местах в трех рукавах. Течение — быстро и дно — илисто. Вода доходила до середины животов лошадей (около 5 четвертей), особых несчастий при переправе не было, хотя некоторые лошади и лошаки падали в воду, но благополучно были вытаскиваемы. Затем, переехав через невысокий хребетик, остановились по северную сторону горы Буха-магнай у источников речки, текущей на юг. Лед, накопившийся здесь за зиму, еще не оттаял и имел вид небольших озерков. Обильные почвенной водой места тибетского плоскогорья бывают обросшими травой буха-чигирик (в разговоре «буха-чирик» — «сила яка»). Трава эта имеет твердый стебель и небольшую головку и растет густо. Будучи твердой, она плохо поддается зубам старых животных, которые скоро худеют и делаются негодными для пути. Поэтому едущим в Тибет должно рекомендовать брать с собою только молодых животных, так как во многих местах кормом для них будет служить исключительно эта трава.

Пройдено за этот день около 30 верст.

9 июля подошли к реке Мурсэйн-гол немного выше соединения двух главных верховьев этой реки. Первая река была неглубока и доходила лишь до животов лошадей, зато переправа через вторую стоила немалых хлопот, как по поиску брода, так и по самой переправе. Испробовав на расстоянии одной версты много бродов, мы наконец выбрали один из них в том месте, где река течет во многих руслах. Брод можно было назвать удачным, так как серьезных несчастий не было. Лошади шли вплавь с вьюками. Подмочка почти всего багажа и шедший в это время снег заставили нас остановиться тут же на правом берегу, хотя трава была скудна, а топлива еще меньше. Сделали за день почти 35 верст.

10 июля, вследствие вчерашнего трудного пути и подмоченных, но еще не высушенных вещей, мы должны были сделать переход лишь до первой хорошей травы. Она нашлась верстах в пяти от места ночлега, после того как мы перевалили через невысокий холм. Здесь остановились и провели остальную часть, к счастью, ясного дня.

11 июля путь наш лежал к месту соединения двух дорог, ведущих из Цайдама через перевалы Бурхан-будай и Найчжи на речке, текущей с хребта Дан-ла. Собственного названия этой речки мне не удалось узнать, но по ней находятся известные богомольцам три хабцагай (горы): Эхин, Думда и Адак, т. е. Верхний, Средний и Нижний, которые представляют собою выступы левобереговых холмов этой речки. После 30-верстного перехода остановились на месте соединения вышеупомянутых дорог.

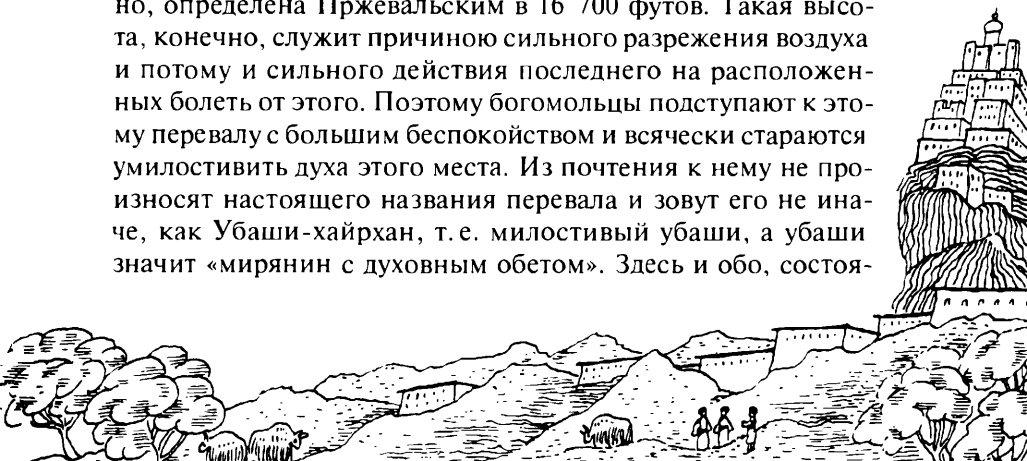
12 июля шли по той же речке и, после 25-верстного перехода, ночевали в Думда-хабцагай.

13 июля идем далее и ночуем у Эхин-хабцагай. Переход 25 верст.

14 июля, после 20-верстного перехода, остановились на поляне с обильным буха-чириком, которая богомольцами зовется Хуйтун-чирик.

15 июля подходили к перевалу Дан-ла, и здесь у северной его подошвы нам впервые от Найчжи попались жители. Это были еграи, принадлежавшие к племени голоков. Их было около 80 банаков. Мужчины с женщинами и детьми выбегали на дорогу и с любопытством осматривали проходивший караван.

Самый перевал очень каменист и по отношению к окрестностям невысок, хотя абсолютная высота его, как известно, определена Пржевальским в 16 700 футов. Такая высота, конечно, служит причиной сильного разрежения воздуха и потому и сильного действия последнего на расположенных болеть от этого. Поэтому богомольцы подступают к этому перевалу с большим беспокойством и всячески стараются умилостивить духа этого места. Из почтения к нему не проносят настоящего названия перевала и зовут его не иначе, как Убаши-хайрхан, т. е. милостивый убаши, а убаши значит «мирянин с духовным обетом». Здесь и обо, состоя-

ший из кучи камней и разных других приношений, как то: яковых рогов, костей, тряпок, хадаков и т. п., гораздо больших размеров, чем на других перевалах. Богомольцы, проходя мимо него, непременно сжигают курения и т. п. Прошли около 25 верст и остановились недалеко от перевала. Сегодня к нашим баранам пристала овца, блуждавшая по горам, очевидно, потерянная прежними богомольцами. Когда пришли к месту ночлега, на овцу предъявил свои права один монгольский лама, как увидевший ее первым, и хотел зарезать. Но нашелся один благочестивый человек из амдосцев, который купил ее за 1 лан серебра и, привязав на ее шею цэтар (охранение жизни), состоящий из разноцветных лент, прогнал снова на гору.

16 июля прошли по пади помянутого перевала около 25 верст. На сегодняшнем пути найдены один истощенный верблюд и собачка-дворняжка, брошенные на произвол судьбы. Целый день шел дождь, под вечер обратившийся в снег, что заставило нас продневать на этом же месте 17-е число.

17 июля сделали переход лишь в 15 верст вследствие того, что много лошадей захромали при перевале через каменистый хребет Дан-ла. Верблюд, которого нашли третьего дня, оставался в день дневки на попечении одного амдосца, пожелавшего вести его далее, но сегодня положительно отказался встать и только жалобно кричал. Амдосец с сожалением снял с него надетую им попону и оставил. Собачка пристала к моей палатке и следовала за караваном до самой Лхасы.

19 июля прошли около 25 верст и остановились на реке Сан-чу. Невдалеке был виден банак тибетских сторожевых солдат, набранных из местных жителей, которых еще не было видно. Еще в феврале я слышал в Гумбуме, что старшина тибетских торговцев в Донкоре отправил 12 верховых людей в Лхасу с донесением о приходе русских, т. е. экспедиции П. К. Козлова, и о намерении их отправиться в Тибет.

Поэтому тибетское правительство дало местным жителям приказ особенно зорко сторожить границу и немедленно донести в Накчу, а оттуда в Лхасу, о появлении русских. Лишь только мы расположились лагерем, пришли к нам эти солдаты проведать, кто мы такие, и кстати захватили с собою

масла на продажу. В обмен брали тибетские монеты, китайские материи, но охотнее всего китайскую водку. Если они находили у кого-нибудь водку, то нельзя было отделаться от их настойчивых просьб продать. Желаящий совершить выгодные, но, в общем, грошовые сделки мог хорошо поэксплуатировать страсть этих дикарей к водке.

20 июля перевалили через хребет Бум-цзэй (Сто тысяч вершин) и после 30-верстного перехода ночевали по южную сторону его.

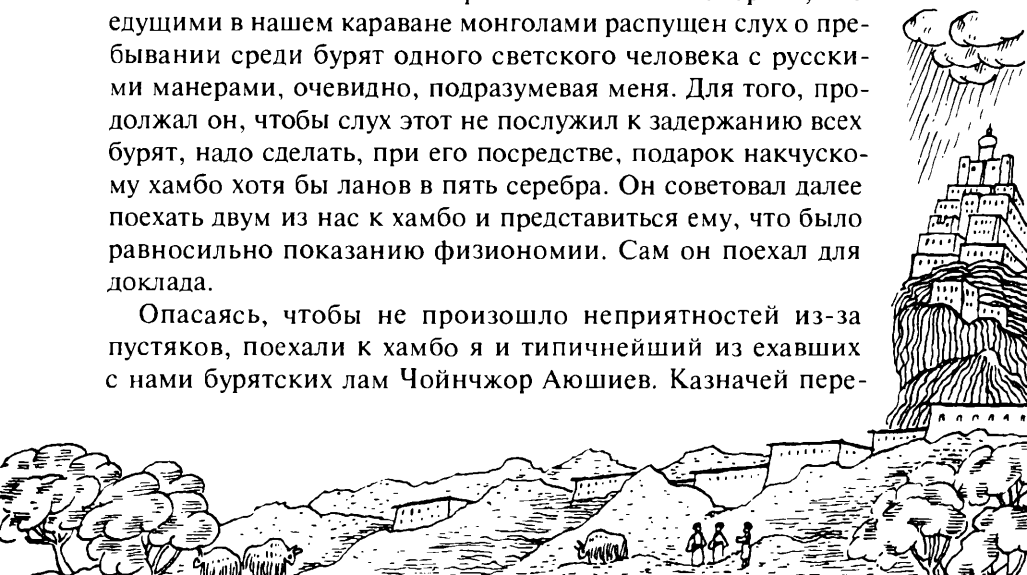
21 июля, после 35-верстного перехода, достигли местности, называемой Накчу-цонра. Это широкая равнина, на юго-западном краю которой находится небольшое озеро.

Богомольцы, прибывающие из Монголии, останавливаются тут у своих знакомых банаков, если бывали здесь прежде, или же знакомятся вновь по рекомендациям бывавших.

22 июля караван разбился на партии, и каждая группа поехала к знакомым банакам. Мы последовали за казначеем перерожденца Чэшой к его знакомому и, пройдя около 20 верст, остановились вблизи его банака. Богомольцы, намеревавшиеся через месяц возвратиться обратно, оставляли здесь для обратного пути животных, остатки съестных припасов и т. п. Некоторые скупали исхудалых лошадей, чтобы, оставив их здесь для отдыха, воспользоваться ими на обратном пути. Желаящие оставаться в Лхасе на более продолжительное время продают за бесценок таким скупщикам животных, которым не дотащить до места назначения.

23 июля глава нашего каравана <...> стал говорить, что едущими в нашем караване монголами распушен слух о пребывании среди бурят одного светского человека с русскими манерами, очевидно, подразумевая меня. Для того, продолжал он, чтобы слух этот не послужил к задержанию всех бурят, надо сделать, при его посредстве, подарок накчускому хамбо хотя бы ланов в пять серебра. Он советовал далее поехать двум из нас к хамбо и представиться ему, что было равносильно показанию физиономии. Сам он поехал для доклада.

Опасаясь, чтобы не произошло неприятностей из-за пустяков, поехали к хамбо я и типичнейший из ехавших с нами бурятских лам Чойнчжор Аюшиев. Казначей пере-

рожденца Чэшой представился хамбо первым, как прежний знакомый, оставив нас во дворе присутствия. Хамбо жил в двухэтажном доме тибетской архитектуры. Снаружи перед дверями висели плети для наказания виновных. Плетни эти состоят из палки 2,5 четверти и плетеной из кожи веревочки к ней. Нижний кончик веревки имеет более или менее значительный узел, который и причиняет самую чувствительную боль. В Гумбуме они одинаковы с описанными. Из нижнего этажа выходили какие-то молодые люди и с любопытством осматривали нас. После продолжительной беседы казначей перерожденца Чэшой позвал нас к хамбо во второй этаж. Мы поднялись по каменной наружной лестнице и, войдя в комнату, на правой руке у окна увидели обыкновенного тибетского ламу средних лет, правителя здешних кочевников. На левой стороне сидел светский человек, довольно пожилой, с бамбуковым пером, воткнутым в волоса. Перед ним были письменные принадлежности, и он, как оказалось потом, был секретарем.

На наш привет хамбо кивнул слегка головой и продолжал беседу с казначеем, по-видимому, несколько не касавшую нас. Затем последний вышел с нами и предложил ехать обратно в лагерь, так как хамбо приказал прикочевать к монастырю всем и, по уплате налога по 2 тибетские монеты с каждой палатки, отправиться в дальнейший путь. Мы возвратились к своей стоянке.

24 июля, через десятиверстный, приблизительно, путь, прибыли к небольшому монастырю Накчу-гонба (в разговоре «гомба»), резиденции вышеупомянутого хамбо, лежащему верст в 10 севернее реки Нак-чу. Это поселение со светским и духовным населением, строго говоря, нельзя назвать монастырем, хотя в нем имеются два дугана. Оно, как административный центр окрестных кочевий тибетцев, называется еще Накчу-цзон, где живут два равноправных правителя: один духовный (хамбо) и один светский (нансо).

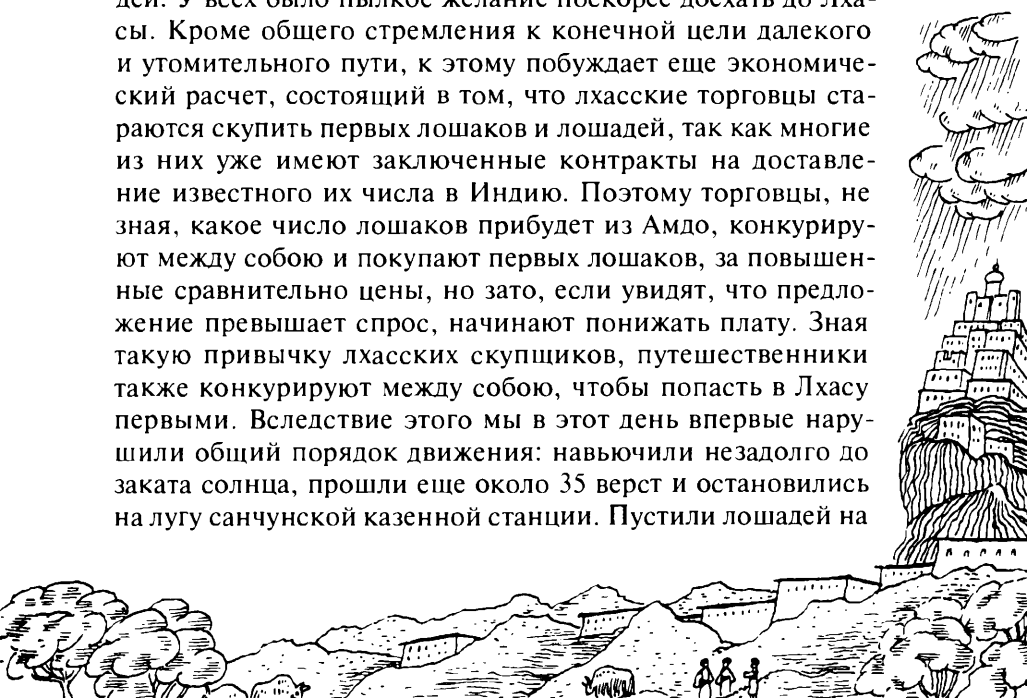
Мы остановились лагерем саженей на 400 западнее монастыря, находящегося на левом берегу речки Дре-чу, левом притоке Нак-чу, верстах в 7–8 от последней. Никакого особого осмотра палаток не было. Выходил, между прочим, на поляну между лагерем и монастырем хамбо со свитой (свет-

ский правитель был болен) и изъявил желание купить лошадь или лошака. Богомольцы показывали животных, но он давал столь низкие цены, что не состоялось ни одной сделки. Вечером казначей перерожденца Чэшой пришел ко мне и попросил дать 5 ланов серебра, будто бы требуемых хамбо. В противном случае последний, по его словам, хотел задержать нас и послать в Лхасу нарочного за справками. Хотя было обидно за такую выходку казначея, но пришлось примириться, памятуя пословицу: «худой мир лучше доброй ссоры».

25 июля, переправившись через Дре-чу и отойдя от монастыря верст восемь, мы пришли к реке Нак-чу. Здесь пришлось остановиться на левом берегу, так как вода в реке была чрезвычайно высока и переправа совершенно невозможна. В ожидании убыли воды пришлось передневать здесь и 26-е число.

27 июля переправились благополучно через реку, хотя вода доходила до седел лошадей, а малорослые лошаки шли вплавь со своими выюками. После переправы дорога идет через холмы в юго-западном направлении. Сделав за день путь в 30 верст, остановились на ночлег.

28 июля тронулись в путь еще до рассвета. Пройдя около 30 верст, остановились для обеда и кормления лошадей. У всех было пылкое желание поскорее доехать до Лхасы. Кроме общего стремления к конечной цели далекого и утомительного пути, к этому побуждает еще экономический расчет, состоящий в том, что лхасские торговцы стараются скупить первых лошаков и лошадей, так как многие из них уже имеют заключенные контракты на доставление известного их числа в Индию. Поэтому торговцы, не зная, какое число лошаков прибудет из Амдо, конкурируют между собою и покупают первых лошаков, за повышенные сравнительно цены, но зато, если увидят, что предложение превышает спрос, начинают понижать плату. Зная такую привычку лхасских скупщиков, путешественники также конкурируют между собою, чтобы попасть в Лхасу первыми. Вследствие этого мы в этот день впервые нарушили общий порядок движения: навьючили незадолго до заката солнца, прошли еще около 35 верст и остановились на лугу санчунской казенной станции. Пустили лошадей на

корм, а сами легли спать, не разводя огней: луг этот, назначенный для станционных животных, запрещен для пользования посторонними. Снеговая гора Самтан-кансар остается по правую руку.

29 июля, тайно потравив казенный луг, мы, понятно, должны были и откочевать с него до рассвета, что и сделали. Затем, пройдя около 20 верст, повернули немного направо, перешли одну речку, название которой я не узнал, и другую речку, Ра-чу, и перевалили через хребет Чог-ла. На западной стороне перевала стоят восемь субурганов, поставленных рядом и ныне пришедших в большую ветхость. По этим субурганам монголы и место нашего ночлега называли Найман-субурга (Восемь субурганов). За день сделали около 30 верст. Чог-ла является южной границей распространения диких ослов, кои впервые начали попадаться нам на Кукунуре. У них в то время был самый разгар течки. Более сильный жеребец, победивши и прогнав своих соперников, собирает табун ослиц и старается держать их в одной куче. Неприятные крики ослов-жеребцов оглашают окрестности.

30 июля, пройдя далее около 20 верст, поворотили на юг в узкое ущелье, при устье которого стоит домик с цилиндром со ста тысячами мани*. Затем перевалили через двойной перевал Лани и ночевали в ущелье с южной стороны его. Прошли за день около 30 верст.

31 июля, идя далее по этому ущелью, встретили сначала 4—5 банаков, но скоро стали попадаться первые пашни тибетцев, с населением, оседло живущим в домах. Здешние жители находятся в подданстве радэнского хутухты, владельца монастыря того же имени, находящегося на реке Ра-чу, верстах в пяти в стороне от дороги. Мне не удалось побывать в нем. Очевидцы же рассказывают, что он расположен на южной стороне горы в густом лесу древовидного можжевельника. Основан этот монастырь отшельником, известным под именем Бром-гон-бо¹⁰, который жил в XI столетии и был главным учеником знаменитого индийского проповедника Чжово-балдан-адиша.

* Знаки тибетской письменности, символизирующие буддийскую молитву.

У устья помянутого ущелья мы нагнали ушедших вчера вперед спутников и, двинувшись далее вместе с ними вниз по реке Ра-чу, прошли всего за день 18 верст.

1 августа, утром, после 6–7-верстного движения пришли к речке Помдо, которая является одним из главных притоков реки Уй. Вода была довольно высока, почему пришлось перевести багаж на кожаных лодках, а животных погнать вплавь. Лодок было только две, и потому переправа тянулась довольно долго, так как одна лодка могла вмещать вьюки только шести лошаков. Через эту реку перекинут своего рода цепной мост. Он состоит из двух железных цепей, натянутых на расстоянии 1,2–2 аршин друг от друга параллельно между быками на обоих берегах реки. Затем между этими цепями натянуты ремни в виде слабых петель, около аршина по стороне. На ремнях наложены то узкие доски, то тонкие жерди. По мосту может одновременно пройти только один человек с ежеминутным опасением поскользнуться и упасть в воду. Страх, наводимый этим мостом на идущих по нему, послужил поводом появления поверья, что при переправе очищаются все грехи.

На другой стороне реки находится замок Помдо-цзон, где сосредоточено управление местного уезда. В пади этого «цзона» находится монастырь красношапочной секты Даг-лун¹¹, владельцем коего является весьма чтимый лама Даг-лун-маринбочэ. Дорога наша, не доходя около 2,5 версты до этого монастыря, поворачивает на левую руку. Мы ночуем, сделав от Помдо-чу около 25 верст.

2 августа перевалили через высокий хребет и по южной его пади стали спускаться в долину реки Пэнбо. Ближе к устью этой пади находится на отдельной горке замок Лхун-дубцзон. Обедали на самой речке Пэнбо. Долина этой речки, известная в литературе под названием Пэн-юл¹², является одним из густонаселенных мест Центрального Тибета. Жилища расположены или отдельными поместьями, или небольшими деревнями.

Тибетцы любят, по-видимому, садить возле домов все новые деревья или по крайней мере сохранять прежние.

После обеда мы снова навьючили и стали подниматься вверх по пади перевала Го-ла (Перевал-голова) и ночевали почти на середине подъема, пройдя за день около 30 верст.

Из Пэнбо в Лхасу ведет еще другая дорога. Она длиннее на расстояние однодневного караванного пути, потому стараются, по возможности, избегать ее. Впрочем, казенные караваны и вообще проезжающие по казенным станциям ездят по этой обходной дороге, поневоле избираемой и караванами на верблюдах, которым крутой и каменистый перевал Го-ла очень неудобен или даже невозможен для движения.

3 августа поднялись на перевал Го-ла, откуда в ясную погоду бывает видна Лхаса с золочеными крышами своих храмов, а также и дворец далай-ламы Потала. В частности, при нашем проходе на темени гор был густой туман, сквозь который ничего, конечно, не было видно. Я не в состоянии описать того чувства радости и нравственного удовлетворения, которое является у набожных богомольцев, когда они при виде вдали священного города падают ниц на землю и делают три земных поклона в сторону его. Приятно было также и мне увидеть наконец конечную цель моего назначения, к которой я стремился уже девятый месяц.

Версты четыре не доезжая до Лхасы, мы встретили одного монгольского ламу, вышедшего навстречу монгольским паломникам. Он был послан, по обычаю, халхаским мицаном монастыря Брайбуна для указания богомольцам квартир знакомых, если таковые есть у кого-нибудь из них, или отвода общественной квартиры, если нет вовсе земляков. Услышав о приезде бурят от прибывших в город первыми, бурятский лама Гончок встретил меня со спутниками за городом и, осведомившись о моей родине, повел к ламе, земляку моему Данпэлу Суходоеву, у которого я и остановился. Спутники мои были отведены к своим знакомым и землякам. Пройдено за этот день 20 верст.

Мой земляк жил почти в центре города в доме, называемом Чжамьян-шяг и принадлежащем дацану Гоман в Брайбуне. В частности этот дом назывался «восточным» (шяр), так как таких домов было три, стоящих рядом и купленных известным настоятелем Гомана, первым перерожденцем Чжамьян-шадбы; при отбытии своем из Лхасы он пожертвовал свои дома дацану, который увековечил его имя названием этих домов. Связь же этих домов с перерожденцами своего владельца сохраняется лишь в том, что во время пре-

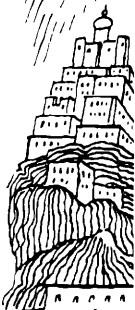
бывания в Лхасе лабранского перерожденца Чжамьян-шад-бы ему отводится квартира в «восточном» подворье.

Лишь только мои вьючные животные были введены во двор нашей квартиры и развьючены, начали приходиться разные покупатели за лошадьми. Мой хозяин, проживший в Тибете около двадцати лет безвыездно, взял всех животных под свою опеку и начал продавать. В Монголии и Тибете, как, вероятно, и всюду в Китае, принято запрашивать возможно больше, а покупатель дает возможно меньше. Сделка совершается после продолжительных переговоров «сбавлений и прибавок», всегда сопровождаемых многократными клятвами «Чжу-ше» («знает Будда»). В течение двух дней были проданы все мои лошади и лошаки, за исключением двух, не нашедших покупателей. Расплата производилась исключительно местными монетами, причем покупатель, по обычаю, должен был заплатить по 2 монеты за каждое животное в пользу домовладельца. За животных была выручена их первоначальная стоимость в Гумбуме, не считая, конечно, прокорма на месте и в пути, а также седел и прочего снаряжения, часто остающегося в Лхасе без покупателей. Но если умело покупать лошаков в Амдо, можно, по приходе в Лхасу, покрыть все путевые расходы, а при удаче получить еще прибыль. Для этого следует покупать высоких иноходистых лошаков, исключительно кобылиц саврасой, каурой, гнедой и вороной мастей с белыми ртами и пахом. Кроме того, лошаки должны быть, по возможности, не старше четырех лет. Лошаков-жеребцов или мерингов, а также и пожилых, тибетцы покупают очень неохотно, даже за низкие цены.

Теперь, оглянувшись на путь от Гумбума до Лхасы, подведем ему итоги. От Гумбума до конечного пункта пути в Цайдаме — Хойто-тулай — сделано 30 переходов при 12 дневках, от Хойто-тулай до Думда-найчжи 7 переходов. В Хойто-тулай и Думда-найчжи отдыхали всего 15 дней.

От Думда-найчжи, являющегося краем северо-тибетской пустыни, до селения Накчу сделано 24 перехода с четырьмя дневками, от последнего до Лхасы — 10 переходов с одной дневкой в ожидании спада воды.

Нисколько не претендуя на точность, мы полагаем, что приблизительное расстояние от Гумбума до Хойто-тулай

примерно 800 верст, от Хойто-тулай до Думда-найчжи — 150 верст, от Думда-найчжи до Накчу — 625, от Накчу до Лхасы — 275 верст, т. е. от Гумбума до Лхасы — 1850 верст.

Что касается обычного порядка движения, то утром старались встать и приготовить чай до рассвета, а напившись, выючили животных. Затем двигались в путь, и движение в среднем продолжалось 5–6 часов, после чего останавливались лагерем, делая из палаток, по возможности, круг, и пускали животных на подножный корм.

При этом от Гумбума до Цайдама, где возможны нападения разбойничьих шаек, животных постоянно пасли вооруженные люди. С закатом солнца животных пригоняли к лагерю, где, привязав их внутри круга, образованного палатками, давали понемногу гороха. Они оставались на привязи всю ночь, причем от Гумбума до Цайдама и от Мурсэйн-гола до самой Лхасы окарауливались. Особенно беспокоят богомольцев воры из накчуских тибетцев, коих монголы, по их распущенным волосам, зовут просто сэксэгэр, т. е. «мохнатые». В случаях совершившегося конокрадства монголы совершенно беззащитны. Обратиться с жалобой к их правителям — значит прибавить в их актив новый доход. Они так или иначе отыщут укравших и, получив от них, что следует, отпустят с миром, а в случае справки потерпевших ответят, что все еще не могут отыскать воров. Лишь взятки, поднесенные им в размере, не меньшем стоимости украденного, могут тронуть великодушие правителей и возвратить потерянное имущество. Зная из многолетнего опыта такие местные порядки, монголы предпочитают вовсе не отыскивать потерянного, если сами оплошали досмотреть за своим имуществом.

Глава IV Лхаса, город и его главные святыни

1. Город

Живая речь и прозаическая литература называют этот главный город Центрального Тибета не иначе, как Лхаса, что в переводе на русский язык значит «страна небожителей» или «область богов». Только в поэтических произведениях иногда встречается название Лхадан, т. е. «полный небожителями».

Происхождение этих, в сущности, однозначных названий объясняется пребыванием в этом городе двух статуй будды Шакьямуни, полученных, согласно преданию, тибетским царем Сронцзан-гамбо (629–711 по Р. Х.)¹ в качестве приданого двух его жен — царевен непальской и китайской.

Статуи эти тибетец называет Чжово (слышится скорее Чжу), причем большая статуя именуется Чжу-ринбочэ, малая — Чжу-рамочэ. Общее название Чжу в форме «Цзу» перешло к монголам не только для обозначения сих статуй, но и их местопребывания — города Лхасы. В дальнейшем монголы стали называть этим именем вообще весь Центральный Тибет.

Точного года основания Лхасы мы пока не можем назвать², но историческое предание говорит, что жена царя Сронцзан-

гамбо, непальская царевна, построила в 653 г. для привезенной с собою статуи Чжу храм, находящийся ныне в центре города и называемый Прул-нан-цзуг-лаг-хан³, что буквально значит «храм чудесного сияния», а царь построил замок на горе Марбо-ри, где ныне Потала, дворец далай-ламы. Этот период, т. е. пятидесятые года VII столетия, вероятно, можно назвать временем основания Лхасы.

Город этот находится на правом берегу реки Уй-чу, почти в одной версте от ее русла. Река Уй-чу в литературе носит чаще название Чжи-чу, а по другой транскрипции Кьи-чу — «счастливая река», но в разговоре чаще называют ее Уй-чу — «срединная, центральная река». Может быть, последнее название более позднего происхождения, так как явилось вместе с возникновением Уйской провинции (как главной, центральной), т. е. когда политический центр Тибета перешел в долину этой реки. В этом месте северные горы отступают от реки верст на пять и образуют таким образом довольно широкую равнину, на которой возвышается продолговатая скалистая горка. На трех вершинах этой горки построены Потала и другие здания, о коих речь будет впереди.

Ежегодный разлив реки Уй, да и вообще ближайших речек, происходящий от обильных летних дождей, по-видимому, издавна служит причиной забот правительства об искусственной защите от этих разливов. Так, по берегу реки Уй, на протяжении почти десяти верст, устроена каменная плотина, ежегодно подновляемая особым видом общественной работы. Кроме того, для речки, текущей с перевала Го-ла, устроено искусственное русло с высокими песчаными валами по обоим берегам. К целям же защиты города от наводнения, без сомнения, должны быть отнесены и многочисленные отводные каналы, устроенные как по городу, так и вне его. Тем не менее обилие летних дождей нередко заставляет воду выступать из канав и образовывать небольшие озера и лужи на городских площадях и во дворах, а некоторые улицы обращает в быстро текущие ручейки.

Направление больших улиц Лхасы преимущественно с севера на юг и с востока на запад, хотя, при отсутствии правильной планировки города, много улиц тянется и в дру-

гих направлениях. При этом большинство улиц кривы, узки и грязны.

Дома преимущественно из сырого кирпича, но нижний этаж у большинства из них из каменных плит, а у богатых из тесаного камня. Они по большей части двухэтажные, хотя между ними немало одно- и трехэтажных. Строятся же «колодцем», т. е. со внутренним двором наподобие больших европейских домов, причем бельэтаж имеет перед собою навес, который поддерживает ход в квартиры верхнего этажа.

Квартиры в домах по большей части состоят из двух комнат: кухни (по-тибетски — «рунхан») у самого входа и горницы (по-тибетски — «симхан», т. е. спальни), но много квартир и однокомнатных. Вообще должно сказать, что квартиры, ради экономии места, устраиваются довольно тесными. Зато и плата сравнительно невелика. Например, за квартиру в две квадратные сажени в нижнем этаже платится приблизительно 10 тибетских монет (2 рубля на наши деньги), я же лично платил 40 местных монет в год за квартиру в две комнаты, пространством по 4 кв. сажени каждая, в бельэтаже. Крыши — плоские.

Окна достаточно велики, но, за отсутствием стекол, заклеиваются на зиму бумагой местного производства или обтягиваются белым коленкором; у некоторых богатых домов встречаются решетчатые рамы китайского стиля. Для ограждения от воров окна закрываются ставнями с внутренней стороны.

Полы глинобитные, в богатых домах встречаются глянцевитые, сделанные посредством трамбовки мелких камней вместе с глиной. Потолки поддерживаются колоннами и балками, на коих разложены тонкие жерди. Промежутки между последними закладываются сверху щепками и каменными тонкими плитками для удержания глинобитной крыши или такого же пола следующего этажа.

Дымовые отверстия находятся лишь в верхних этажах, и для защиты их от дождя над ними или устраивают небольшие навесы или в них вставляют горшки без дна. Последние, конечно, только для того, чтобы дождевая вода не размывала отверстий. Дыму же из печей нижних этажей предостав-

ляется выходить через окна и двери, что, конечно, не обходится без того, чтобы он предварительно не наполнил кухни.

Спальни не имеют вовсе печей потому, что сравнительно теплые зимы позволяют обходиться без них; нагреваются эти комнаты только посредством углей, наложенных в особые глиняные посудины, называемые «мэ-пор».

В богатых квартирах кухонные печи имеют трубы, выводящие дым наружу по стенам дома. Такие печи устраиваются вроде печей, предназначенных для топки каменным углем, т. е. с отверстием внизу (поддувалом) для лучшей тяги воздуха.

Квартиры нижних этажей отличаются сыростью, потому в них по необходимости ютится беднота или для удобства помещаются лавки торговцев; верхние этажи вследствие сильных дождей часто страдают подтеками с крыши, следовательно, лучшими являются квартиры средних этажей.

В каждом порядочном доме устраивается отхожее место, одно на весь дом, для чего избирается обыкновенно верхний этаж, с таким расчетом, чтобы нечистоты могли стекать на площадь или безлюдную улицу. Впрочем, тибетцы никогда не стесняются отправлять свои естественные потребности ни местом, ни присутствием людей другого пола. Поэтому пройти по излюбленным обывателями улицам можно, только крепко зажавши нос и пристально смотря под ноги. Содержание в чистоте дворов и прилежащих улиц лежит на обязанности квартирантов, над которыми в каждом доме есть надсмотрщик или надсмотрщица вроде наших старших дворников. Этот же надсмотрщик заведует сдачей внаем квартир и сбором платы, почему и называется хан-ньер.

На обязанности хан-ньеров лежит окрашивание каждую осень (в октябре) домов в белый цвет известью. В это время бывает сухой период года, и все жители возобновляют окраску домов, изрядно смытую летними частыми дождями. Окрашивание производится посредством окатывания ведрами в нижних частях, а в верхних краска пускается особыми желобками, проводимыми под самой крышей. Такое окрашивание очень неряшливо и неравномерно. Только богатые дома, не шалеющие красок, бывают издали достаточно белы.

Особых названий частей города нет, если не считать восточную часть города, где группируются преимущественно торговцы из Кама⁴ и которая называется «Банак-шод». Другие же части именуются по близ находящимся известным домам или подворьям.

2. Храм Большого Чжу

Переходя к описанию отдельных достопримечательно-стей, должно, понятно, поставить на первом месте храм большой статуи Чжу — главной святыни города Лхасы.

Он находится в самом центре города и составляет с пристройками значительную часть центрального квартала.

Главный фасад этого храма обращен на запад.

Подходя к главным воротам с запада, посетитель вступает под навес, поддерживаемый шестью деревянными столбами, под которыми на левой руке в углу — большой молитвенный цилиндр, приводимый во вращение нищим, специально приставленным к нему по своего рода конкурсу, так как должность приносит некоторый доход. Под этим же навесом с раннего утра до поздней ночи можно встретить поклоняющихся монахов и простолюдинов. Вся наружная стена под этим навесом покрыта вставленными в нее большими каменными плитами, исписанными вырезанными китайскими текстами. Несколько плит находится и на боковой стене на левую руку от смотрящего в ворота.

Далее, зайдя под ворота направо и налево в плохо освещенных помещениях, за решетчатыми перегородками, он увидит четыре обычных для каждого буддийского храма статуи (по-тибетски — «чжал-чен-ши» — «четыре великих царя» или санскрит. — «махараджи»⁵), — по две статуи с каждой стороны прохода, обращенные лицами во двор, вышиною в 4–5 аршин. Миновав их, вступают в довольно просторный двор, именуемый Чям-ра, где происходят богослужения, требующие большого числа духовенства, главным образом во время собрания духовенства окрестных монастырей, именуемого «Лхаса-монлам», в этом дворе рассаживаются высшие ученые и старшие монахи монастыря Брайбун. На левую руку от

вошедшего, у самых дверей, стоит каменная, вышиною около одного аршина, тумба, на верхнем конце которой укреплено железное приспособление для сжигания воскурений, которые, по-видимому, здесь уже давно не производились. Тумба эта стоит перед написанным на стене изображением бородатого героя с женой и сыном, героя, покорившего Тибет и подарившего его далай-ламе. Это монгольский Гуши-хан⁶. Он изображен беседующим с первым банчэн-ринбочэ, своим влиятельным современником. Легенда говорит, что изображение его было воспроизведено здесь по приказанию благодетельствованного им пятого далай-ламы. Спустя некоторое время оно чудесным образом произнесло: «Мне одному скучно, дайте мне собеседника». Тогда к нему подрисовали банчэна, которым он удовлетворился, но еще раз проявил чудесное неудовольствие по поводу того, что далай-лама при посещении храма Чжу входит чрез главные ворота, заставляя таким образом «его, старца, вставать очень часто». Вследствие этого далай-лама, ради того чтобы не беспокоить старика, доныне входит чрез вторые западные ворота и проходит далее по узкому проходу, соединяющему Шин-ра с Чям-ра. Затем, у северной стены под навесом, устроена высокая каменная кафедра для восседания далай-ламы во время помянутых богослужений, а по обе стороны — скамейки для настоятелей отдельных дацанов.

Пройдя этот двор, поклонник уже подходит к собственно храму Большого Чжу, ныне представляющему квадратное здание, каждая сторона которого равна приблизительно 20 сажням. Внутри него маленький дворик, обнесенный невысокой деревянной решеткой и называемый Чилхордин, т. е. «круговой навес». В этом дворе находится большая статуя Будды будущего мира в обыкновенной позе Майтреи (по-тибетски — «Чжамба») из золотистого металла. Лишь только войдешь в этот двор через единственные двери, обращенные на запад, и начнешь обход, подчиняясь общему обычаю ламаистов, т. е. посолонь*, то в стенах встречаются маленькие двери, ведущие в отдельные комнаты со статуями разных

* По солнцу, по направлению от востока к западу.

божеств, перед коими горят светильники в разной величины лампадах, между которыми много каменных.

Общее устройство этих комнат таково. По стенам на каменных или глиняных скамейках аршин в 1,5–2 вышины находятся статуи божеств. Середина комнаты занята столбом, вокруг которого размещены светильники. Огромное большинство этих статуй глиняные, раскрашенные в соответствующие цвета. Лица у многих золоченые.

Не все божества пользуются одинаковым почетом, и посетитель сразу может отличить более чтимых. Так, в середине северной стены находится комната с большим числом светильников, среди коих находятся 4–5 золотых лампад и большие каменные с прислуживающими при них ламами. В этой комнате помещена весьма чтимая статуя десятиликого Арьябало, или Авалокитешвары (по-тибетски — Туг-чжэ-чэн-бо — «Великомилосердный» или Чжан-рай-сиг — «Видящий глазами»), перерожденцами которого считаются далай-ламы. Статую эту, по преданию, слепили из смеси разных благовонных трав по приказу царя Сронцзан-гамбо и поместили в ней также сандальную статую того же Авалокитешвары, привезенную из Индии. К этому присовокупляют еще предание, что в год железной собаки, т. е. в 650 г. нашей эры, сам царь с двумя супругами, непальской и китайской царевнами, слился с этой статуей, проникнув во внутрь ее⁷. Согласно такому поверью, ее принято называть в литературе «Туг-чжэ-чэнборан-чжон-нья-дан», что значит «самопоявившийся, полный пятью Великомилосердный», подразумевая, что она состоит: во-первых, из главной статуи, во-вторых, сандачной, привезенной из Индии, в-третьих, царя Сронцзан-гамбо, и в-четвертых и пятых, двух цариц, жен этого царя. Статуя Арьябало, сделанная по приказанию Сронцзан-гамбо в его именно рост, стоит на полу, и лицо его — вровень с лицом человека среднего роста.

Далее через одну комнату, над лестницей, на антресолях под самым потолком, находится большая глиняная и раскрашенная статуя в платье Цзонхавы, сделанная, по-видимому, в натуральную величину еще при жизни самого реформатора ламаизма и сидящая обращенной лицом в южную сторону. Про эту статую говорят, что ее сдела-

ли по приказанию и указанию еще хана Сронцзан-гамбо, который-де предсказал, что впоследствии явится такой лама, который в сильной степени распространит буддийское вероучение. Когда сам Цзонхава увидел ее, то признал в ней самого себя, о чем сообщил посторонним. Те тогда были изумлены действительно поразительным сходством и воздали почести как статуе, так и самому великому ламе. Перед этой статуей горят три золотых светильника, и при них постоянно сидит лицом к западу монах, читающий разные молитвы Цзонхаве.

Еще через одну комнату находится уже главная святыня: статуя Шакьямуни больше человеческого роста. Перед комнатой этой статуи устроена особая площадка, где висят два небольших колокола желтой меди (весом около 3 фунтов каждый). Богомолец, прежде чем войти к святыне, ударяет в один из этих колоколов деревянным языком, оповещая о своем приближении и увеселяя Будду музыкой.

Статуя Будды находится в особом, открытом с трех сторон киоте, поставленном почти посередине квадратной комнаты (2,5 × 2,5 сажени). Лицевая сторона киота совершенно открыта, и крыша поддерживается двумя столбиками с вьющимися вокруг них драконами довольно хорошей работы. Перед ним устроены одна ниже другой две длинные узкие полки, на коих расставлены жертвенные чаши и, преимущественно, золоченые лампы (сэргон). Пол этого балдахина-киота поднят над полом комнаты приблизительно аршина на полтора. Поэтому поклоняющийся, чтобы приложиться к коленам статуи, должен подняться по ступенькам лестниц, приделанных с правой и левой стороны статуи к отверстиям (около аршина шириною, в 1,5–2 аршина вышиною) в боковых стенках этого медного, золоченого киота. Обычно богомолец подходит сначала к правому колену. Внутри киота направо от входящего сидит лицом на юг (лицо Чжу обращено на запад) так называемый ханьер-чэн-бо, что можно перевести «старший святильщик», который почти непрерывно читает молитвы к Будде и в то же время следит за прикладывающимися богомольцами. В дни больших праздников, когда богомольцы приносят много хадаков, налево от поклоняющегося становится молодой монах, который собирает

хадаки и кладет на шею статуи. Когда же их наберется много, он снимает их.

Кроме чествуемой ныне статуи Победоносного (Будды), в этой комнате еще две его же: одна у задней стены около полутора сажени вышины, лепная из глины или же высеченная из камня, другая, около двух аршин вышины, позали киота на полу, обращена лицом к киуту, и потому поклоняющийся может видеть ее лишь сзади и то не всю, так как она помещена за загородкой. Сии статуи по своему построению и величине находятся в симметрии с упомянутой большой статуей. Это обстоятельство невольно вселило в меня мысль, что все три статуи Будды суть постепенно сменившие друг друга кумиры религиозного культа, который с развитием искусства всегда ищет более изяшных и дорогих изображений своих божеств. Подтверждением такой же мысли может служить историческое предание, рассказываемое в тибетских сочинениях, например пятого далай-ламы «Чжал-раб»⁸, Лондол-ламы⁹ и др. В них говорится, что вследствие распространявшегося слуха, что на Тибет идут китайцы, поставили Чжу в южных зеркальных дверях и, облицевав (заложив) дверь (проход), нарисовали тут изображение Манджушри. Спустя немного прибыли китайские войска и сожгли «Поталаский дворец»¹⁰. Хотя они не могли унести сокрытого в стене Чжу-Шакьямуни, но увезли на однодневный путь [статую] Мичжод-дорчжэ. Затем в конце VIII столетия китайская царевна, мать царя Тисрон-дэвцапа, «вызвала из южной зеркальной двери» Чжу, пребывавшего в темноте в течение трех царствований, о чем не знали тибетцы, и, поставивши посреди храма, принесла жертвы. По стенам расставлены высокие, приблизительно аршин в пять, статуи, слепленные, по-видимому, из глины, разных божеств-гениев.

Что касается ныне чтимой статуи, то она сделана из меди (предание называет ее золотою), вышиною около 1,5 аршина и изображает великого учителя в сидячем положении, с опущенной к колену правой рукой и согнутой левой, держащей обычную чашу нищенствующего монаха (по-санскритски — «патра», по-тибетски — «лхун-сэд»), но с другой стороны она отличается от знакомых нам изображений древнего индийского учителя своими более или менее роскошными украше-

ниями. Так, индийская прическа волос прикрита богатым венцом (урчжан) из кованого золота со вставками из драгоценных и дешевоценных камней; вокруг шеи и главным образом на груди ожерелье (гулчжан) вроде пластрона с большим числом крупной бирюзы, на груди вставлена белая цельная раковина с завитками по направлению часовой стрелки. Такие раковины называются «дункар-яй-чил», т. е. «белая раковина с кругами направо», и ценятся очень дорого сравнительно с раковинами, завитыми в противоположную сторону. Кроме того, на шее висят крупные четки, как у китайских мандаринов. Про эти четки говорят, что они первоначально были пожалованы китайским императором минской династии основателю монастыря Сэра и уже сим последним принесены в дар чтимой святыне. Все же остальные из упомянутых украшений были возложены на статую реформатором ламаизма Цзонхавой в 1409 г., как о том повествует его биография¹¹. На плечи статуи надета желтая мантия из китайской шелковой материи, поверх которой через шею перекинуты хадаки разных цветов.

Впереди статуи на особой подставке стоит вторая чаша (первая на левой руке статуи), наполненная жареным ячменем, куда поклонники кладут цветы, фрукты, монеты и т. п. На этой второй чаше ставится так называемый мандал — символическое изображение всего мира, с горою Сумеру посредине и четырьмя мирами вокруг него¹². Мандал делается из различных металлов: золота, серебра, меди и т. п. и представляет собою круг, среди которого иногда делается маленькая пирамида с уступами, долженствующая представлять гору Сумеру. Края круга, которые очень часто бывают чеканной работы, загибаются вниз, образуя как бы подставку. На мандал кладут зерна ячменя, золотые и серебряные вещи, драгоценные камни и т. п., из чего образуется особая конусообразная куча. Посредством поднесения мандала с молитвой: «Подношу, направляя в страну будд эти земли, окуренные благовониями и покрытые цветами, гору Сумеру с четырьмя мирами, украшенными солнцем и луной» и совершения обряда омовения «туй» чествуются в ламаистском мире особенно чтимые статуи божеств, а также и живые святые.

В северо-восточном углу одна за другой стоят две статуи каких-то святых, а в юго-западном углу стоит постоянно один монах, который наливает на подставленную ладонь богомольца «святой воды», находящейся здесь в большом чане. Вода эта собирается в чан из маленьких жертвенных чаш, стоящих перед статуей Чжу и наполняемых, должно быть, водою из колодцев.

Богомольцы часто приносят сюда для освящения статуи и писанные образа божеств. Статуи ставятся перед Чжу, а образа вывешиваются на западной стене, обращенными к святыне. За сутки обычного пребывания их здесь платят по одной монете со штуки.

Выйдя из этой комнаты, встречаем далее такие же комнатки с разными статуями милостивых и гневных божеств, но более чтимые святыни находятся вне комнат, под открытым навесом. Мы говорим о статуях хана Сронцзан-гамбо с двумя супругами и детьми хана и нерукотворном, по преданию, образе Манджушри с мечом в правой руке и книгой на лотосе в левой, нарисованном на шероховатой поверхности стены.

Говорят, что этот Манджушри однажды засмеялся вышеупомянутому Агван-цзондую, почему он и его перерожденцы получили наименование Чжамьян (тибетское название Манджушри) шадба, т. е. «смеющийся Манджушри». Еще нельзя не упомянуть о статуе певца людских страданий и блаженства, достигшего всеведения поэта XI в. Миларайбы¹³ (на северной стороне), изображаемого истощенным, полунагим, с распущенными волосами, приложившим правую руку к уху. (У ламаистов певцы любят держаться этой позы.) Он, по преданию, сделался «буддой» в течение этой одной жизни. Философы приводят его в пример, утверждая, что человек, при усердии, в одной земной жизни может достигнуть состояния «будды». Миларайба, выкрашенный белой краской, сидит здесь в прекрасно сделанной пещере.

Все промежутки между дверями этих отдельных комнат заняты или статуями, или субурганам, или же молитвенными цилиндрами. В последней перед выходом комнате находится, между прочим, деревянный, в обхват толщины подпирающий потолок столб, имеющий, по поверью, силу исполнять все желания. Поэтому постоянно можно видеть,

как богомolec, обхватив этот столб, нашептывает ему, как тайну, свои желания.

Затем по внутренней лестнице, имеющей вход с внутреннего двора в северо-западном углу здания, поднимаются во второй этаж, где поклонники изменяют обычное обхождение посолонь, так как северная и восточная стены заняты разным старым имуществом храма. В полутемном коридоре над лестницей стоят несколько больших молитвенных цилиндров, кои приводятся в движение бедными старыми монахинями и монахами (но не монастырскими). Эти вращатели цилиндров сопровождают свою ручную работу громким чтением нараспев мани или весьма популярной молитвы к 21-й Таре. Благодетельные поклонники подают им деньги.

В этом этаже также находится несколько комнат с разными статуями, в числе коих едва ли не наибольшим почетом пользуется статуя хана Сронцзан-гамбо.

Продолжение вышеупомянутой лестницы ведет в третий этаж, где богомольцу предоставлено поклоняться только одной святыне «Балдан-Лхамо», каковое название в живой речи звучит, скорее, Бэлхамо. Эта богиня чествуется всеми жителями Лхасы, но в особенности женщинами, которые во всех случаях душевных тревожений обращаются к этой покровительнице. Вследствие этого перед ней постоянно можно встретить много женщин и мужчин, держащих в руках глиняные или другие кувшинчики, наполненные ячменным вином «сэрчжэм» — «золотым напитком» для возлияния этой богине. Для чтения молитв при этом священнодействии постоянно дежурит лама; но едва ли в Лхасе найдется хоть одна женщина, которая бы не знала положенной молитвы наизусть и не вторила чтецу-ламе, получающему по 10 копеек с каждого поклоняющегося с возлиянием. По столу с жертвами, стоящему перед святыней, и по самой статуе бегают длиннохвостые мыши, для коих в одежде и углублениях статуи находятся отличные гнезда, а беспрерывно льющееся вино с щедро разбрасываемыми зернами ячменя доставляют неистощимую пищу. Они считаются священными, и продажа трупов издохших из них (по 10 копеек каждый) доставляет значительный доход ламам-служителям. Мясо их считается весьма полезным при затруднительных

родах и поэтому вывозится богомольцами за пределы Тибета. Статуя Бэлхамо роскошно украшена, и на ней можно найти много драгоценных женских украшений, как то: киотки для амулетов (гау), кольца, серьги и т. п., подаренные статуе благочестивыми владельницами или их наследниками.

В этом же, третьем, этаже, ближе к восточной стороне, сделано четырехугольное возвышение, на котором стоят две большие курильницы, в которых сжигаются благовонные травы и хвоя. На это возвышение ведет небольшая лестница, и часто можно видеть, как богомольцы, став на него, приносят жертву из вина, брызгая во все стороны обмакнутым в вино небольшим пучком травы.

Такая же лестница ведет на крышу, где собственно четвертого этажа нет, но на юго-восточном и юго-западном углах устроены небольшие комнатки, где находятся также статуи. Над четырьмя главными святынями разновременно были устроены золоченые крыши в китайском вкусе, называемые гьяпи.

Вне этого главного здания помещается еще одна, весьма чтимая святыня, находящаяся в отдельной комнате в углу первого двора, она обращена дверями на восток. Эта статуя богини Тары (по-тибетски — Долма), по преданию, прежде находилась внутри главного храма, но монгольский Гушихан, в гневе за ее молчание на его вопросы, повелел вынести ее вон; когда ее вынесли и дошли до момента нынешнего ее нахождения, она вдруг промолвила: «Я останусь здесь». Пораженные таким чудом, ее оставили на этом месте и воздали почести, которые продолжают и донныне. Здесь в различных местах тесно расставлены и другие статуи, изображающие различных Тара. Главная святыня выдается своей величиной, золоченым ликом и роскошной драпировкой одежды. По ней также бегают множество сереньких мышей, одинаковых с теми, что бегают по Бэлхамо, но они, по-видимому, не считаются священными. В этой комнате, налево от статуи, постоянно находятся два-три монаха, читающих молитвы и пристающих к богомольцам с просьбой о денежной подачке.

Приложившись к этой статуе, богомолец обыкновенно делает обход главного храма, проходя под навесом, подерживаемым рядом деревянных столбов, между коими

сплошь установлены небольшие деревянные молитвенные цилиндры, которые приводятся во вращение богомольцами посредством крестообразного приспособления, приделанного к нижней части их или же выступами граней. Стены по левую руку, равно как и наружные стены главного здания, разукрашены изображениями различных божеств и религиозных процессий. Двери же по левую руку, ведущие в комнаты со статуями различных божеств, открываются для публики только однажды в год (15-го числа IV луны).

Обходом вокруг главного храма оканчивается обычное поклонение богомольцев, но для полноты описания всех зданий мы должны упомянуть, что, пройдя из первого двора через ворота, попадают в другой, как бы второстепенный двор, именуемый Шин-ра (Дровяной двор), где высаживаются духовные младших курсов монастыря Брайбун во время «Лхаса-монлама». В этом дворе в юго-восточном углу находится кухня, кормящая чаем и похлебкой около 20 тысяч народа во время упомянутого собрания. Во втором этаже этого двора помещается администрация того же собрания, о чем будет упомянуто немного ниже.

В эти дворы ведут шесть ворот. Здесь сосредоточены не только главные святыни, но и главные присутственные места. Так, в северо-западном углу помещается временный дворец далай-ламы, на время его пребывания в (Лхасе) городе, затем над воротами высшее судилище га-шяг, где происходят совещания четырех галонов, а подле временного дворца — казначейство этого дворца и много других построек для хранения казенного имущества.

Для довершения описания этих зданий скажем, что на южной стороне, на площадке, где происходят диспуты духовных, устроено значительное возвышение — седалище для далай-ламы.

Перед главными воротами находится старинный, известный «дорин» (буквально «длинный камень»), каменная колонна, исписанная текстом договора между китайским императором и тибетским царем Адаг-ти-Ралпа-чаном¹⁴, который жил в конце IX и начале X в. Царь этот отличался покровительством буддизму и вел войну с Китаем. Распря между ними была улажена китайским хэшаном и тибетским

ламой, явившимися примирителями воюющих. В знак установления дружбы между Китаем и Тибетом был заключен клятвенный договор, который был написан на трех каменных колоннах, одной из коих является этот «дорин». Колонна эта представляет тесаную плиту шириною около одного аршина и вышиною около 1,5 сажени с небольшим расширением наверху, где сделан род украшений посредством закругления верхнего конца. Колонна врыта в землю. Китайский текст этой колонны попорчен тибетцами, которые просверлили на нем массу углублений своими руками и, по-видимому, также и камнями, считая это за какое-то богоугодное дело. Позади этого дорина, т. е. рядом на западной стороне, стоит дерево, называемое «коралловым». Дерево это окружено оградой, на западной стороне которой вставлены плиты с барельефными изображениями разных божеств, к коим прикладываются богомольцы.

Ограда эта продолжена далее на север и здесь находится другая колонна, которая, по-видимому, поставлена из почтения к храму Чжу. Видеть эту колонну из-за ограды нельзя.

Для поклонений богомольцев храм Большого Чжу открывается трижды в день: рано утром, в полдень и вечером. Богомольцы, становясь друг за другом по очереди приходят, составляют длинную цепь, подвигающуюся вперед, заходя во все комнаты со статуями будд. Многие носят в руках зажженные светильники или топленое коровье масло в кастрюлях. Из тех и других сосудов подбавляют по несколько капель в каждый светильник перед статуями. Налить же масло в золотые лампы разрешается только по внесении установленной таксы — одной тибетской монеты (20 копеек). Приносить и возжигать курительные свечи здесь запрещено.

3. Храм Малого Чжу или Рамочэ

Статуя Багавана (Будды), привезенная из Непала, находится в особом храме на северном краю города и именуется Чжу-рамочэ. Здание обращено фасадом на восток и отличается значительно меньшими размерами, чем храм Большого Чжу.

Войдя в ворота, вступают в пустой двор, где только на правой руке видны кухня и колодец, а прямо небольшие ворота, направо от коих (а от входящего налево) под навесом за деревянной перегородкой видны статуи четырех махараджей. Тут под потолком нечто похожее на шкуру громадной змеи. Вследствие большого слоя пыли, осевшей на нее, и вообще значительной ветхости нельзя разобрать хорошо, что это такое, но местные жители уверяют, что это — шкура змеи, посланной врагами «желтой веры» для истребления духовенства, но убитой хранителями учения прежде, чем достигла своей цели. Она ползла к Лхасе с северо-запада чрез гору, которая видна из монастыря Сэра. На вершине этой горы заметна желтая песчаная линия вроде дороги, которая образовалась будто бы от прохождения змеи.

Затем, пройдя еще ворота, посетитель оказывается перед наружными дверями храма, и войдя в них, на левую руку от себя видит темную, освещенную лампадами, комнату, откуда почти постоянно бывает слышен голос чтеца молитв, прерываемый ударами в музыкальные инструменты, и звуки трубы. Здесь чувствуется дух-хранитель этого храма. По открытии следующих дверей внутренность храма представляет обычный ламаистский дуган с рядами длинных скамеек для сидения духовенства дацана Чжуд-дод, о котором будет сказано ниже. В задней части храма устроена небольшая комната с дверями из железных колец, составляющих сеть.

В этой комнате на высоком сиделище сидит статуя Чжу, изображающая Будду в восьмилетнем возрасте. Статую эту называют также Чжово Мичжод-дорчжэ. Легенда говорит, что когда тибетский хан Сронцзан-гамбо послал непальскому хану многочисленных послов во главе с «Искусным сановником» (Лонбо-гар)¹⁵ и царица Лха-чжиг-ти-бцун, перерожденка «Гневной» (т. с. Тары), выходила замуж (за хана Сронцзан-гамбо), то Тибцун обратилась к своему отцу со словами: «Если я отправлюсь в такую далекую (непросвещенную) страну, то в святыни для обретения моих добродетелей прошу дать мне Шакьямуни, предмет чествования моего отца». В ответ на это отец объяснил происхождение этой статуи, сказав, что сам Будда освятил ее. Эта статуя во время пути в Тибет в теснинах, где скалы борются с водою, шла на

своих ногах, а также испускала лучи света. Она, по преданию, леплена из разных драгоценностей чудесными мастерами. При этом главнейшая составная часть — глина. Статуя облачена в мантию, а лицо вызолочено. Цзонхава, одновременно с украшением большой статуи Чжу, не оставил без таких же украшений и этого кумира, но они сделаны из серебра, а не из золота, как у Большого Чжу. Эта статуя, по-видимому, пользуется меньшими почестями у современных поклонников: перед нею меньше светильников и также поклоняющихся, чем у большой статуи. Выйдя из комнаты статуи, богомолец может, по общему обычаю, обойти эту комнату по узкому проходу, удобному только для одного человека, и выйти затем по прежней дороге наружу. Здесь он также обходит храм посолонь, причем может приводить во вращение многочисленные цилиндры, поставленные вокруг стен, расписанных прекрасною (по-местному) религиозною живописью. Над храмом, или точнее — над комнатой статуи Чжу, находится золоченая крыша в китайском стиле.

Все статуи обоих храмов помещаются в темных комнатах, так как в наружных стенах нет окон, вероятно, во избежание возможности проникновения вовнутрь воров. Комнаты эти освещаются главным образом светильниками и в меньшей степени светом, проникающим через небольшие двери. Для светильников употребляется исключительно коровье топленое масло, наливаемое в различнейших величин лампы, имеющие в диаметре от одного вершка до одного аршина, сделанные из золота или серебра, или красной и желтой меди, или выдолбленные из камня. В большие лампы вставляется до несколько фитилей. Посетитель ламаистских святынь Монголии и Тибета нигде в другом месте не увидит такого обилия светильников, как в храмах обоих Чжу.

4. Поклонения святыням

Чествования и поклонения этим двум святыням бывают следующих родов. 1. Простое прикладывание лбом к правому колену статуй. При прикладывании к левому колену богомольцы шепотом высказывают свои желания. Прикла-

дывание к левому колену Малого Чжу сопряжено с представлением особой лестницы за плату в размере половины тибетской монеты. 2. Поклонение со своими лампадами, кои носят в своих руках и масло их подливают в светильники, причем масло можно носить и в кастрюлях. 3. Поклонение с наполнением золотых лампад, что, кроме принесенного масла, требует, как сказано выше, платы по одной тибетской монете за каждую лампаду. 4. Поклонение с подношением золота ликам сих статуй. Дело в том, что вообще лики всех здешних статуй красятся золотым порошком, разведенным в воде с клеем. Такой порошок изготавливается непальскими мастерами и продается в виде маленьких круглых лепешек на вес тибетской монеты, причем за золото весом в одну монету платится 27–28 монет, т. е. цин золота стоит около 3 ланов. Червонное золото в слитках продается 3,5–4 лана за цин, следовательно, порошок в лепешках содержит значительную долю клея, а может быть, еще какой-нибудь смеси, что удешевляет его цену. Богомолец помимо своего золота должен уплатить казенному богомазу 3,33 монеты да прислужнику при статуе 2 монеты. 5. Поклонение с поднесением чжа-чод, т. е. «ста жертв», состоящих из ста лампад малых размеров и ста небольших балинов, фигур из теста, цзамбы. При этом лампы и балины приготавливаются на дому и, будучи принесены в храм, ставятся на полу перед дверями той комнаты, где стоит божество, которому они предназначены. За место, занимаемое этими жертвами, а также ламами, приглашенными для чтения установленной молитвы, взывается по 1 тибетской монете с каждой сотни лампад. Для чтения же молитв принято приглашать лам или лично знакомых, или принадлежащих к одной общине с жертвоприносителем. 6. Поклонение с подношением тысячи жертв дон-чод, состоящих из тысячи светильников и тысячи балинов, для приготовления коих особому заведующему или, вернее, откупщику этих жертвоприношений платится порядочная сумма (около 200 руб. на наши деньги). Для чтения установленных молитв приглашают всех или часть духовных одного из дацанов Чжуд. Размер платы духовным зависит от воли жертвоприносителя, но обыкновенно не менее одной тибетской монеты на каж-

дого простого монаха. 7. Человек, не верующий в силу разных жертвоприношений, едва ли найдет самым полезным поклонения в растяжку перед главными воротами святынь. Поклонения эти состоят в том, что совершающий их складывает ладони и подносит их ко лбу, затем, опустив руки, опускается на колени и протягивает руки вперед и весь растягивается ничком, как бы измеряя на земле свою сажень, потом встает и повторяет то же самое. Так как поклонник обыкновенно стремится совершить сто тысяч поклонов, то такое обстоятельство обращает поклонения в машинальную работу с ведением счета по четкам. Хотя падение всем телом сразу, т. е. со своего рода самоистязанием, и считается более добродетельным, но большинство поклонников опускаются сначала на колени, затем на руки и т. д. Во избежание ссадин многие подкладывают под ладони тряпки или специально изготовленные подушечки. У дверей Большого Чжу во всякое время можно встретить не менее десятка таких поклонников. Подобная гимнастика едва ли принесит значительную пользу для укрепления здоровья. С подобными же поклонами многие обходят Лхасу по внешней круговой дороге (Лин-хор); есть и такие, которые доходят до Даший-лхунбо; хоть изредка, но находятся и обладающие таким усердием и настойчивостью, что доходят непрерывными поклонами до столицы Непала, в окрестностях коей находится весьма чтимый ламаистами субурган «Чжа-рон-ха-шор»¹⁶. При таких трудных поклонениях на ладони рук надевают небольшие дощечки, а на колени и грудь кожаный фартук.

Конечно, у читателя явится вопрос, кому же идут доходы с этих двух храмов, доходы, которые должны быть значительны? Они всецело поступают в доход надсмотрщиков. Дело в том, что в силу когда-то приобретенных прав надзор за храмом Большого Чжу принадлежит духовенству дацана Лосаллин в Брайбуне, а Малого — духовенству дацана Чжуддод. Не знаю, как устанавливается этот надзор среди духовенства последнего; но Лосаллин сдает этот надзор кому-нибудь своему богатому члену за известную откупную сумму. Откупщик содержит от себя всех своих помощников. Вообще в монастырях очень практикуется образование сво-

его рода артелей. Какой-нибудь влиятельный лама собирает себе прислужников, соединяя свое имущество с их добром. Доходы составляют также общую собственность.

5. Потала — дворец далай-ламы и его окрестности

Продолжая описание достопримечательностей Лхасы, мы переходим к описанию местопребывания другой святыни, которая в глазах набожных стоит едва ли ниже статуй основателя буддизма. Мы говорим о далай-ламе, дворец которого находится почти в одной версте на запад от города.

Дворец этот, вне всякого сомнения, является самым замечательным зданием не только Лхасы, но и всего Тибета. Полное название его Ду-цзин-ньибий-побран Потала, что в переводе значит «Потала, дворец второго кормчего». Основание этого дворца, как мы имели уже случай упомянуть, приписывают царю Сронцзан-гамбо. Несомненно одно, что на этой скале, именуемой почему-то Марбо-ри, т. е. Красной горой, находился замок прежних владельцев, испытанный, может быть, много превратностей судьбы сообразно с переменой счастья мелких удельных князей. Наконец, в середине XVII столетия Потала делается резиденцией пятого далай-ламы, знаменитого Лобсан-чжамцо, который приобрел первенствующую власть в Тибете.

К его времени относится постройка главных частей дворца и отделка прежних зданий. Народное предание вспоминает о том тяжелом времени для тибетских простолюдинов, когда они, как рабы, строили сей дворец в течение десятков лет. По этому преданию, для воодушевления изнемогавших под тяжелым трудом рабочих находчивый далай-лама составил песню, которую поют чернорабочие и доныне. Еще рассказывают, что смерть застала пятого далай-ламу, когда дворец не был окончен, почему правитель дел и приближенный сотрудник его Санчжай-чжамцо¹⁷ скрывал от народа смерть своего патрона в течение шестнадцати лет, будто бы только с тою целью, чтобы тибетцы, потеряв влиятельнейшего сво-

его главу, не бросили бы постройки, которая требовала больших затрат и труда.

Построенный таким образом дворец представляет целый квартал на южном склоне скалистой горки и имеет в длину, по глазомерному определению, почти 200 саженей. Лицевая сторона окружена стеной, которая в нескольких местах заменена постройками.

Главный дворец построен на вершине горки; архитектура его общетибетского стиля, и основание заложено, сообразуясь с природой самих скал, т. е. не затрагивая выступов и только заполняя углубления. Довольно красивый вид дворца с лицевой (южной) стороны, однако, значительно исчезает с боков и еще более сзади, где к непривлекательности задних стен зданий присоединяются отбросы человеческого организма, в изобилии стекающие из отверстий клозетов.

Во дворец ведут три каменные лестницы с лицевой стороны и две дороги — с северо-запада и северо-востока. Впрочем, дойдя до круглого двора, последние обращаются в лестницы. Эти задние пути предназначены для должностных лиц при далай-ламе и вообще для тех, кои могут подняться на лошадях до упомянутого двора и, оставив здесь животных, продолжать дальнейший, более короткий путь пешими.

Внутренность дворца делится на множество комнат, число коих, по рассказам, доходит до 999.

Главные святыни и апартаменты далай-ламы находятся в центральной части дворца, выкрашенной в красно-коричневый цвет и называемой Красным дворцом (Побранмарпо).

Здесь в среднем этаже находится зал для духовенства дворцового дацана Намчжал (или Намчжа-ра). Духовенство это, в числе 500 человек, постоянно живет здесь и совершает богослужения за здоровье далай-ламы. Выше его — субурганы далай-лам, начиная от пятого перерожденца. Прах предшественников находится в брайбунском Галдан-поброне, за исключением первого далай-ламы, похороненного в монастыре Даший-лхунбо. Самым великолепным из них нужно считать субурган пятого далай-ламы, сделанный из кованого золота. Говорят, что на него ушло все золото и все драгоценные камни тибетского казначейства. Субурган этот пре-

восходит остальными размерами, возвышаясь в высоту более трех саженей. Из прочих субурганов отличается богатством отделки субурган седьмого далай-ламы Галсан-чжамцо.

Покои далай-ламы находятся в самом верхнем этаже. Нам удалось побывать в числе поклоняющихся лишь в одной приемной зале. В этом же дворце находятся квартиры так называемого чжишаб-хамбо далай-ламы, четырех высших сановников-лам, именуемых придворными писцами, по-тибетски — дун-ягши и т. д. Совет их называется иг-цан и, являясь одним из отделов верховного правления Тибета, заведует духовными делами.

В прочих частях здания, именуемых Белым дворцом (Побран-карбо), помещаются квартиры придворного штаба, приемные залы, кладовые и т. п. На левом от дворца углу на скале находится главная тюрьма верховного правления Тибета. Под горою во дворе находятся разные здания, между которыми должно упомянуть о монетном дворе и ямыне «поталаского низа».

Дворец этот построен с таким замыслом, чтобы, в случае надобности, мог служить крепостью. С этой целью трое ворот, ведущих вовнутрь стен с трех сторон, совнутри защищены особою стеной, так что, войдя в наружные ворота, должно пойти в сторону и, обогнув этот стеной шит, войти уже во двор. Кроме того, если верить рассказам, из дворца устроены подземные ходы и т. п.

Снаружи стен находятся уже частные дома. Впрочем, на южной стороне стен, в некотором отдалении от них, находятся два желтеньких домика с крышами в китайском вкусе, обнесенные каждой стеной. Внутри их я сквозь щели неоднократно видел каменные плиты, из которых одна была поставлена на большой каменной черепахе, а другая — на каменном же пьедестале, и сожалел об отсутствии возможности проникнуть вовнутрь и прочесть надписи. Однако перед самым отъездом моим из Тибета двери открылись для ремонта развалившихся крыш, покрытых зеленой черепицей, но неразборчивость надписей, вследствие высоты и загрязненности плит, да к тому же постоянное присутствие ремонтирующих рабочих помешали мне сделать более полные списки. Мне удалось сделать лишь список монгольско-

го текста той плиты, которая стоит в домике на левой руке, если смотреть от Поталы.

Надпись эта сделана по повелению императора Кан-си¹⁸ в шестидесятый год его правления, т. е. в 1721 г. по Р. Х.

Надпись вырезана на четырех языках: на лицевой стороне плиты находятся маньчжурский и монгольский тексты, а на тыловой — китайский и тибетский.

Надпись на другой плите — на тех же языках, но я по вышеупомянутым причинам не мог разобрать всей надписи. Судя же по прочитанным строчкам, она носит наставительно-законодательный характер и поставлена в 57-й год правления императора Цянь-луна¹⁹, т. е. в 1792 г.

Между этими домиками по другую сторону дороги стоит гранитная колонка (по-тибетски — «дорин») на таком же пьедестале. Теперь, если от этой колонны обходить Поталу посолонь, т. е. имея ее с правой руки своей, то, пройдя перед рядами низеньких домиков, образующих довольно кривую линию, приходят к большому субургану, называемому Барчод-дэн, или Бар-го-хан, что в переводе значит «Промежуточная пирамида» или «Промежуточный портик» (проходной дом). Субурган этот соединяет вершину Марбо-ри с другой вершиной, называемой Чжагбо-ри, или, по другой транскрипции, Чагбо-ри.

Говорят, что эта цепь скалистых горок представляет собой дракона, который, как известно, служит гербом Китая и в то же время есть владыка водной стихии. Как корыстолюбивая китайская власть, так и вода, угрожающая наводнениями, породила в тибетцах опасение, что этот дракон причинит бедствия стране. Поэтому, чтобы парализовать его силу или, точнее, убить его, рассекли гору на две части. На месте этого сечения поставили субурган.

Скорее, возникновение этого субургана должно приписать тому обстоятельству, что по этому месту лежит главная и самая удобная дорога из Лхасы на запад. Для удобства прохожих и проезжающих должно было вырыть проход. Исполнивши эту задачу, строитель, побуждаемый, может быть, своею набожностью, а может быть, просто художественным вкусом, задумал поставить над проходом субурган. Далее этот же вкус, вероятно, подсказал ему поставить два

небольших субургана на выступах соседних скал и соединить их с большим посредством проволоки, увешанной колокольцами, издающими тихий звон при колебании ветром.

Богомолец, совершающий так называемый «лин-хор», т. е. круговой обход всех святынь Лхасы, не проходит под воротами, а минует их, оставив их по правую руку свою, и идет по подошве горы Чагбо-ри, вдоль берега речки. На этом пути нет ничего особо замечательного вплоть до юго-западной стороны этой горки, где дорога поднимается на скалистой ее выступ к берегу реки Уй-чу. Здесь на скалах он встречает массу высеченных на природной скале и на отдельных плитках изображений божеств различной величины. Большая часть этих изображений раскрашена в соответствующие цвета. Здесь же в углублениях скал, образующих как бы неглубокие пещеры, сидят мастера-каменосеки с инструментами и красками. Они изготовляют на плитках иконы, и желающий может тут же сделать заказ или купить готовую. Затем, выбрав местечко, не подверженное возможности быть замоченным дождем (краски акварельные, потому могут смыться), набожный богомолец ставит свою икону. От множеств таких приношений эти скалы представляют как бы громадный иконостас или стены со множеством икон.

Затем дорога спускается со скалистого подъема и идет далее по ровному месту, оставляя по правую руку Чагбо-ри и ее небольшой отрог на западную сторону, идя все время левым плечом вперед. Обогнув гору и поворотив резко в северо-восточном направлении, богомолец пересекает описанную ниже дорогу, идущую из Лхасы на запад, и направляется к задней стороне Поталы.

Далее приходится пройти по пустынному сравнительно пути и только сзади, против красного дворца, встречаются конюшни далай-ламы и другие постройки, во дворе коих содержатся, между прочим, слоны. Во время нашего посещения было два слона, один большой и другой маленький, недавно привезенные из Индии специальным послом. Перед отъездом моим прошел слух, что маленький слон погиб.

Немного позади и восточнее этих зданий стоит особый храм, посвященный драконам и именуемый поэтому Лу-хан — Драконов храм. Здесь совершается постоянное богослужение

о правильности, т. е. своевременности и соразмерности осадков, имеющих сильное влияние на экономическое благосостояние населения, занимающегося почти исключительно земледелием. Затем, уже до конца кругового обхода, не встречается ничего достопримечательного.

Последовательность описания местопребывания знатнейших святынь и влиятельнейших особ духовной иерархии заставляет обратиться теперь к так называемым линам, что переводится на русский язык «мир» или «местопребывание». Лины суть дворцы или, вернее, домовые храмы знатных хутухт, которые занимали «ханский» престол, т. е. должность верховного правителя Тибета. При этих дворцах находится свой штат духовенства, живущего на иждивении у такого-то перерожденца и пользующегося значительными привилегиями. Таких линов пять. 1. Танчжай-лин («местопребывание распространения учения», «распространяющий учение мир») находится на западном краю города и принадлежит перерожденцам Дэмо-хутухты, ведущего свое происхождение от известного по легендам Урана («Тангарик» — по-монгольски, по-тибетски — «Гар»), жившего при царе Сронцзан-гамбо. 2. Шидэ-лин («местопребывание четырех отделов», «четырёхотдельный мир») расположен на северо-западном краю города и является собственностью Радэнского хутухты, хозяина одного из древнейших монастырей того же имени, о котором мы упоминали выше. 3. Почти рядом, налево от него, находится самый большой из линов Цэмо-лин («местопребывание желания долголетия», «желающий долголетия мир»), принадлежащий чжонзэйским номун-ханам. 4. Далее на северо-восточном краю города находится старинный Мэру-лин, основанный еще при тибетском царе Адаг-ти-Ралпа-чане, но пришедший затем в упадок. Чжово-Адиша возобновил его. Во время правления 3-го далай-ламы он присоединен к цзонхавистам. В нем в последнее время поселился чжалронский хутухта. 5. Последний лин, называемый Гундэ-лин («Всеспокойный мир»), находится в некотором удалении от города, а именно на юго-запад от Поталы, на южную сторону большой дороги, ведущей на запад. Он принадлежит хутухтам Дацаг или Дагца.

Затем к достопримечательностям же города надо отнести храм Чжан-бум-ган, находящийся на одной улице с Рамочэ, заключающий в себе большой субурган и имеющий много ценных типографских досок; дуган дацана Чжуд-дод²⁰, расположенный направо от Мэру-лина почти рядом с ним; Гарма-шяг в юго-восточной части, служащий местопребыванием прорицателя божества того же имени.

Наконец, должно упомянуть о медицинском дацане (Манба-дацан), едва ли не единственном в Центральном Тибете, расположенном на указанной уже выше скале Чагбо-ри. Он представляет небольшое здание, где в комнате у задней стены указывают статуи разных божеств, сделанных из коралла, бирюзы, малахита, белого сандала, и другие святыни, связанные с именами знаменитых врачей индийско-тибетской медицины. Например, указывают каменную ступу и пест, принадлежавшие будто бы основателю индийско-тибетской медицины Сочжэд-шонну, что по-тибетски значит «молодой исцелитель»²¹. Особенно почитается здесь тибетский врач Ютог-гонбо²². Этот дацан основан или коренным образом реформирован знаменитым пятым далай-ламой. Многие думают, что он принадлежит «красношапочной секте»²³. Утверждать это, однако, нельзя, так как здесь, с одной стороны, читается, между прочим, так называемая «миг-цзэ-ма» — молитва к Цзонхаве, основателю «желтошапочной секты»²⁴, с другой стороны — читают и некоторые из сочинений пятого далай-ламы из отдела «красной секты», которою он, по-видимому, в значительной степени интересовался, а может быть, и сочувствовал. Штат духовенства состоит из 60 человек, специально прикомандированных по одному человеку из разных монастырей. Они получают содержание из казны далай-ламы и живут в домах, построенных на этой же горе, подле дацана. Монахи эти и составляют студентов факультета. Заведует ими хамбо, который в мое время состоял также лейб-медиком далай-ламы.

Немного западнее, на низеньком отроге этой горы, находится китайская кумирня Ба-мо «синей секты»²⁵.

Окончив речь о святынях и дворцах духовных особ, прибавим к этому несколько слов и о домах светских правителей. Дело в том, что каждый родовитый, богатый вельмо-

жа, всякий дослужившийся до высоких степеней чиновник, равным образом и тот своего рода «счастья баловень безродный», который оказался отцом или братом далай-ламы, строит себе особый дом, отчасти напоминающий те же лины.

К таким домам относятся: Рага-шяг, находящийся против южной стороны храма Чжу на другой стороне улицы; Шадда, дворец, принадлежащий известной фамилии калонов*, один из коих занимает эту должность и в настоящее время; старинный дом фамилии Дорин, расположенный почти против вторых западных ворот храма Чжу, владелец которого ныне находится в заточении по проискам брата бывшего дэмохутухты; дворец брата нынешнего далай-ламы Ябши-гуна, построенный на южном краю города с обширнейшим садом; дом гуна Ютог (фамилия князя), находящийся на западном краю города.

Все эти дома построены в тибетском стиле, но неизменный китайский консерватизм сохранил свою архитектуру в доме высшего представителя китайского императора — маньчжурского амбана²⁶. Дом и канцелярия его находятся на юго-западном краю города подле остатков старинной городской стены и ничего особенного не представляют, только две высокие мачты перед ними подскажут знатоку характера китайских присутственных мест, что здесь местопребывание китайского сановника, облеченного властью карать и миловать.

Собственно казенное здание, где отводятся помещения для лиц из дальних стран и послов от князей, приносящих значительные дары далай-ламе, называется Томсихан, т. е. «дом, смотрящий на рынок», и находится в центре города, недалеко от квартала Чжу, и обращен своим длинным фасадом на рынок.

Другой дом, уже пренебрегаемый тибетским правительством и почти заброшенный на произвол действия времени, называется Галдан-кансар. Это громадное здание, служившее некогда дворцом тибетских правителей, находится

* Калоны составляли в Тибете высший орган исполнительной власти — Кашаг. Калоны назначались далай-ламой и приносили ему клятву верности.

между храмом Малого Чжово (Рамочэ) и Цэмо-лином. Он уже не подкрашивается известью, как другие дома, потому стены его темного цвета.

О каких-либо общественных благотворительных заведениях не может быть речи. Также нет и увеселительных заведений, как театры, рестораны и т. п. Существующий, едва ли не единственный, театр, или, точнее, открытая сцена, находящаяся в юго-западной части города, принадлежит китайцам. Равным образом несколько ресторанов, находящихся в центральной части города, принадлежат китайцам, которые содержат их при помощи тибетской прислуги. В них продаются чай, кушанья и китайские лепешки. Горячительных напитков нет, но допускается игра в китайские карты. Китайской водкой торгуют один-два кабачка в невидных местах. Гораздо больше кабачков тибетских с местной водкой. Китайская водка (спирт) — ара, местная — чан.

Выше было сказано, что по городу проведено много канав. На местах пересечения этих канав улицами и дорогами устроены каменные или, реже, деревянные мосты, между коими первенствующее место занимает «Бирюзовый мост» (по-тибетски — «Ютог-самба»), поставленный на главной дороге от ворот храма Чжу к Потале. Это род галереи, покрытой зеленой черепицей. Тибетцы очень гордятся этим мостом и относят его к «чудесам» своей столицы.

Этим можно кончить описание всего того, что находится внутри круговой дороги, именуемой Лин-хор и имеющей в длину около 10 верст. Что же находится вне этой дороги? С северной и восточной части города близко подходят к нему возделанные поля; по юго-восточную, южную и отчасти юго-западную и западную сторону, там и сям, находятся более или менее обширные сады. Дело в том, что тибетцы очень любят деревья и весьма охотно отправляются пить самодельное вино (или пиво) в тени деревьев.

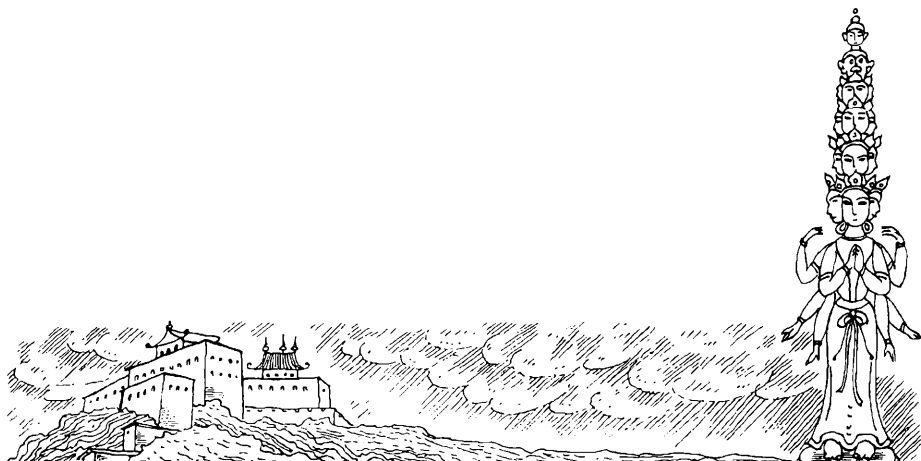
Богатые люди имеют вне города дома и огороженные сады, которыми, впрочем, может пользоваться всякий, только не портя деревьев и не срубая их. К числу таких дачных мест относится и летний дворец далай-ламы Норбулинха, находящийся на самом берегу реки Уй, к юго-западу от Поталы. Здесь далай-лама проводит большую часть года. Из других же

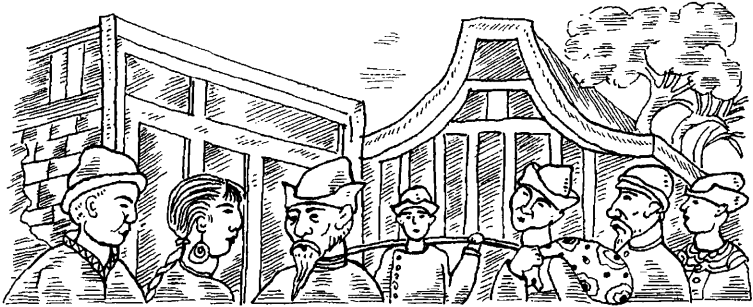
подобных дач остается упомянуть о Чжашитане (Равнина усмирения врага), где находятся казармы китайского гарнизона, канцелярия и квартира начальника этого гарнизона. Часть гарнизона, состоящая из туземных и давно живущих китайцев, живет в городе, в различных частях. О более мелких дачах не стоит уже говорить, разве упомянуть только, что на северо-западе от Поталы находится большое поместье гуна Лха-лу, потомка родителей двенадцатого далай-ламы.

Против Лхасы на другой стороне реки находится монастырь Цэчог-лин (Мир высокого возраста).

Улицы Лхасы весьма неправильны и, как уже сказано, грязны. Вследствие того, что тибетец особенно любит пачкать берега канав, конечно, не может быть и речи о том, чтобы пользовались водой из этих канав; поэтому город берет воду исключительно из колодцев, которые весьма неглубоки и достаточно многочисленны.

Еще упомянем о домах бедняков и хлевах для свиней, сделанных из яковых рогов. Они находятся преимущественно в юго-восточной части города, где находятся и бойни, если таковыми называть улицы, на коих режут скот. Рога скрепляются глиной. Такое обилие этого ценного в Европе материала объясняется тем, что из рогов тибетцы ничего не выделывают, за исключением разве небольших табакерок из верхних кончиков их.

1. Состав

В столице далай-ламы насчитывают до 10 тысяч постоянных жителей, большинство коих по племенному составу, конечно, тибетцы, а по половому различию не менее двух третей приходится на женщин.

Тибетцы именуют себя бо(д)ба, каковое название в Лхасе, однако, относят только к жителям провинции Уй, жителей же других местностей принято называть по собственным названиям провинций, а для более точного определения и по названиям отдельных уездов и т. п. Так, уроженец Кама называется кам-ба, Цзана — цзан-ба, Амдо — амдо или амдо-ба, Ария — арий-ба, Лхоха (южный Уй) — лхоха-ба и т. д.

Второе по численности место занимают китайцы, коих литература зовет «чжанак», а народная речь из учтивости к ним — «чжами». Они большею частью выходцы из провинции Сычуань и главным образом из города Да-цзян-лу (по-тибетски — «Дарцзэ-до»), который служит главным транзитным пунктом для товаров, идущих в Тибет из Сычуани. К китайцам же относятся и китайские мусульмане, бежавшие в Тибет во время дунганских беспорядков. По прибытии в Лхасу эти мусульмане вступают по религии в общину каш-

мирцев, а в административном отношении — в китайскую. При этом нужно заметить, что природных китайцев гораздо меньше, чем потомков их от тибетских матерей. Эти тибето-китайцы носят китайские костюмы, хотя часто не знают китайского языка. Большая часть китайцев числится в местных гарнизонах и обеспечена содержанием, некоторые ведут оптовую торговлю, еще меньше ремесленников, преимущественно парикмахеров и столяров, немногие содержат частные дома и бойни скота. Однако последние два предприятия ведутся почти исключительно через местных рабочих и приказчиц.

Затем почти равными по числу являются кашмирцы (по-тибетски — «хачэ» — большеротый) и непальцы (по-тибетски — «бал-бо»). Непальцев едва ли не больше, чем кашмирцев. Те и другие ведут свои сношения с Тибетом уже с давних времен, причем у непальцев эти сношения, судя по историческим сказаниям, сначала имели под собою скорее религиозную почву, и только со временем, с упадком буддизма в Индии и процветанием его в Тибете, они перешли всецело на торговые и промышленные интересы. Ныне они ведут более или менее крупную торговлю, не исключая, впрочем, и молочной. Кроме того, непальцы с древних времен являются наилучшими архитекторами — строителями ламаистских храмов, художниками, скульпторами и иконописцами, наилучшими красильщиками местных сукон, ювелирами, слесарями, кузнецами и т. п. По вероисповеданию кашмирцы — исключительно магометане, а непальцы — буддисты.

Первые по характеру своих религиозных убеждений, конечно, не имеют в духовном отношении ничего общего с туземцами, поэтому у них своя отдельная моленная в южной части города, свое отдельное кладбище верстах в четырех к западу от него, они строго соблюдают свои праздники и обычаи, как обрезание и др. Несмотря на это, они беспрепятственно вступают в брак с туземками, предварительно обратив их в свою веру и взявши клятву не поклоняться Чжу-ринбочэ (т. е. статуе Чжу). Впрочем, случаи женитьбы на туземках очень редки, так как мусульмане воспитывают своих детей непременно в мусульманстве же,

почему и нет недостатка в мусульманках, которые, в свою очередь, могут связывать себя брачными узами только с правоверными. Мужчины носят халаты преимущественно синего или темно-синего цвета из дешевых бумажных тканей, на голове их — неотлучный тюрбан белого цвета, на ногах чаще всего можно видеть китайские башмаки.

Вторые, т. е. непальцы, вследствие единства веры поклоняются местным святыням едва ли с меньшим усердием, чем туземцы, но не признают тибетских лам, так как не принадлежат к «желтошапочной секте». Какова сущность секты буддизма непальцев, я не знаю, но знаю, что они имеют своих духовных лиц и читают молитвы не только на своем языке, но и на санскрите. Они свободно совершают религиозные процессии по улицам города и вокруг храма Большого Чжу, среди золотых светильников коего немало лампад с вырезанными именами непальцев, благочестивых и щедрых жертвователей. Все непальцы носят длинные халаты, преимущественно коричневого цвета, из местных или европейских сукон, особые шапочки черного цвета, часто с меховой отделкой, и унты, не отличающиеся от местных женских.

Во время религиозных процессий и дома более зажиточные непальцы надевают костюмы европейского образца несколько своеобразного покроя. Браков с туземками непальцы избегают, потому что, как мне сказали, по их государственным законам, вступившего в такой брак на родине ждет смертная казнь. Поэтому нарушившие этот закон остаются в Тибете навсегда, спасаясь, если только верно первое сведение, от неминуемой смерти. Непальцы благодаря воинственным наклонностям господствующего на их родине племени гурка* умеют оберегать свои интересы от посягательства местного населения. Так, рассказывают, что около четверти века тому назад местное духовенство, недовольное высокомерным отношением к ним непальских купцов, однажды по

* Имеются в виду гуркхи. Под этим названием объединяются родственные народности Непала, составившие ядро современных непальцев. Гуркхи традиционно составляли отдельные подразделения британских колониальных войск, отличавшиеся смелостью и строгой дисциплиной.

незначительному случаю подняло беспорядки, чем воспользовалась и толпа. Разграблены были почти все непальские магазины. Непальское правительство потребовало от тибетских властей полного возмещения убытков, угрожая в противном случае войной. Тибетское казначейство принуждено было выдать потребованные суммы. Но, как уверяют ламы, этот инцидент заставил и непальцев быть более почтительными к местному духовенству.

Монголов, живущих в самой Лхасе, почти нет, за исключением, конечно, временных посетителей-богомольцев. Во время моего пребывания там постоянно жил один халхасец, прежде бывший духовным лицом и за провинности выгнанный из монастыря. Он сожительствовал с тибетяночкой, и оба питались попрошайничеством и другими честными и нечестными заработками, но все же он не покидал надежды увидеть когда-нибудь родные кочевья. Еще жила одна старушка, принявшая обеты монашества. Она происходила из Алашани и, проживая на счет добровольных подаяний, неуклонно стояла на своем решении продолжить до самой смерти счастье — каждодневно лицезреть обе статуи «Учителя» — Будды.

2. Социальное деление¹

В социальном отношении туземное население делится на светское и духовное. Во главе первого сословия стоят потомственные князья с маньчжурскими титулами не выше пятой степени, т. е. гунов. При новой организации управления в 1751 г. их было утверждено очень немного, но впоследствии число их стало увеличиваться, так как отец или брат каждого далай-ламы и банчэн-эрдэни обычно возводится в степень гуна. Второе сословие делится на перерожденцев и простых монахов без различия того, из какого сословия они вышли.

Князья, высшие персрожденцы, монастырские общины и высшее центральное управление являются собственниками земель, имеют своих подданных (по-тибетски — «ми-сре» или «ми-сэр»), которые живут на этих землях и являют-

ся как бы свободными крестьянами, и рабов, уже невольных работников («ёк» или «цзэ-ёк»). Однако подчиненность ми-сре выражается главным образом в уплате аренды за земельное пользование, а кроме того, они подвергаются суду владельцев, которые высылают на свои земли правителей или назначают их из местных же жителей. Вследствие постановления на первый план исправного поступления податей здесь чрезвычайно развита откупная или арендная система. Получая известный участок с аукциона, откупщик или арендатор, понятно, старается извлечь как можно больше выгоды для себя, что является большим материальным гнетом для подчиненных. Однако оставление земельного пользования не избавляет крестьянина от податей и повинностей, и он должен уплачивать, смотря по средствам, известную сумму своим господам.

Духовенство по законам религии считается «вышедшим из дому», поэтому оно свободно от податей и подчиняется только своей монастырской администрации. Но суровая действительность с постоянной борьбой за существование приводит бедных из них к родным, чтобы принимать участие в обработке полей или отыскивании других заработков. Все же они являются лично свободными, лишь бы не нарушали монастырских уставов настолько, чтобы быть прогнанными.

3. Домашняя обстановка

Домашняя обстановка различных классов населения, конечно, отличается таким разнообразием, что никак не может быть подведена под одну категорию. Вообще же можно сказать, что каждый класс живет относительно грязно, иначе говоря, чистота в жилищах никогда не соответствует роскоши обстановки.

Кроме того, сама домашняя обстановка по большей части не соответствует состоятельности хозяев; однако наибольшая роскошь с затратой значительного капитала наблюдается в предметах культа, коим в богатых домах отводятся даже отдельные комнаты. С другой стороны, беднота часто име-

ет лишь одну глиняную лампаду, поставленную на полочке в переднем углу перед каким-нибудь старым и убогим изображением божества. Не беря на себя задачи описания домашней обстановки таких разнообразных слоев местного общества, я все же хотел бы дать в общих чертах картину квартирной обстановки тибетца среднего класса.

Этот класс населения занимает квартиру в две больших комнаты, одна из коих служит кухней, а другая — спальней. В последней, обыкновенно в одном из противоположных входу углов, находится стол для будд, или иначе — домашний алтарь. На нем, ближе к стене, расставляют статуи будд, которые чаще находятся в отдельных киотах или имеют один общий шкаф с открытой передней стенкой, иногда заделанной оконным стеклом. Перед ними два или три ряда жертвенных чашек, наполненных водой, цзамбой, ячменем, цветками и т. п. Каждый ряд этих чашек имеет по одной лампаде, наполняемой исключительно коровьим топленым маслом.

Затем по стенам комнаты — низенькие деревянные кровати с тюфяками, называемыми по-тибетски «бойдан». Последние покрываются сверху коврами местного производства. Вместо тюфяков часто встречаются и войлочные постели, покрытые местным сукном или другими материалами. Специальных подушек замечать не приходилось. Под голову кладут чаще платье, свернутое и сложенное в мешки. Одежда ткется из овечьей шерсти, узкими полосами наполибие ковров, так что со внутренней стороны немного напоминают искусственный мех. Затем эти полосы сшиваются между собой. Такие одеяла стоят, смотря по качеству, от полутора до четырех рублей.

Перед кроватями — небольшие низенькие столики, на коих ставят тарелки, чашки и т. п., но почти неотлучно на них стоит цзампор, большая деревянная чашка с крышкой, обыкновенно выкрашенная в красный цвет. В нее кладется мука цзамба, которая постоянно предлагается гостям первым кушаньем. Тут же, поблизости, можно найти так называемый мэ-пор, род глиняного горшка с большим отверстием сверху: в него плотно накладываются угли догорающего аргала. Мэ-пор, служа для поддержания постоянно теплым

поставленного на него чайника с чаем, в зимнее время, кроме того, нагревает комнату, заменяя печь, которой не бывает в спальне. В этой же комнате хранятся деревянные сундуки и вообще все пожитки хозяев. Стенных украшений почти нет, если не считать таковыми разные изображения религиозного характера.

На кухне самое главное — печь или, вернее, очаг (по-тибетски — «таб»), который при взгляде сверху напоминает внешними очертаниями трапецию, имеющую ближе к более узкому концу большое круглое отверстие для вставления при приготовлении пищи котла, а по острым углам своим небольшие отверстия с выступающими подпорками по краям. На них ставится небольшая посуда. Вышина такой печи не бывает более 0,5 аршина. У узкого же конца, сбоку, делается большое отверстие для накладывания топлива. К нему приделывается полукруглая с невысокими стенами отгородка, в которую вделывается конец железной трубы раздувального ручного меха. В противоположной к ней стороне пробивается небольшое отверстие для выбрасывания золы. Печь эта делается из глины и, хорошо обожженная, продается на базаре отдельно.

Для удобства она ставится на особое основание, вышиной около трех четвертей аршина, со скамейкой для сидения истопника и загородкой для сваливания золы. Подле каждой печи почти всегда устраивается помещение для хранения топлива, которым в Лхасе, да и по всему Тибету, служит преимущественно сухой помет рогатого скота (по-тибетски «мэ-шин» — дрова).

Здесь же на кухне, конечно, можно видеть и всю кухонную посуду, которая почти целиком сделана из хорошо обожженной глины. Кстати, должно сказать, что в гончарном искусстве тибетцы достигли значительного совершенства, как по художественности отделки, так и по умению обжигать глину.

Касаясь частности, назовем главнейшие виды глиняной кухонной посуды. 1. Чурама — большой сосуд для воды. 2. Чубин — такой же сосуд меньших размеров для носки воды (носят на спине). 3. Хог-ди — чайник для наливания приготовленного для питья чая. 4. Чжа-хог — горшок для хранения чайной настойки, из которой берут небольшую дозу и, разба-

вив кипятком, получают чай для питья. 5. Хог-ма — котел для приготовления пищи. 6. Мо-хог — особый высокий горшок с выступами внутри для вставления деревянных решетчатых загоронок параллельно дну, предназначенный для испечения посредством пара особых пирожков («момо»).

Кроме этих глиняных вещей, почти в каждом доме можно найти особый цилиндрический сосуд, называемый «домо» или «донмо» и служащий для взбалтывания (заделывания) чая с маслом посредством поршня. Если к этому прибавить деревянные и медные ковши, а также деревянные и китайские фарфоровые чашки, то этим и ограничивается кухонный инвентарь первой необходимости.

В настоящее время в зажиточных домах глиняная посуда уже начинает уступать место эмалированной, которая в последнее время в прогрессирующих размерах стала ввозиться из Британской Индии. Кроме того, в богатых домах в большом употреблении посуда из красной меди и в особенности желтой меди, но у бедных вся посуда исключительно глиняная, приготовленная, как мне говорили, на гончарном круге. Сам я не видел производства глиняной посуды, так как в Лхасе нет заводов за отсутствием соответствующей глины. Гончарные работы производятся где-то в стороне от Лхасы.

4. Одежда и украшения

Светские мужчины Центрального Тибета имеют тройного рода прическу волос. Высший и средний классы, а также окраинные пастушеские племена никогда не бреют волос на голове. При этом первый класс, состоящий из наследственных титулованных князей и высших чиновников, делает особую прическу, собравши все волосы на темени в пучок, который украшается еще золотым или серебряным с камнями (преимущественно бирюзой) гау (хранилищем амулетов). Второй же класс заплетает одну косу на затылке, делая спереди пробор точь-в-точь как у русских деревенских девушек. Пастушеские племена чаще ходят с распущенными волосами. Простой народ бреет часть головы, оставляя косу наподобие китайской.

Те и другие украшают косы, ближе к плечам, разными кольцами или же болс или менее дорогими гау.

В правом ухе носят преимущественно одну бирюзу (ю) на шелковой ниточке, а в левом — большое кольцо с бирюзой (по-тибетски — «алун»), знатные, а также богатые носят в левом ухе одиночную золотую серьгу («со-чжа»), состоящую из кольца около 1,5 дюйма в диаметре. Один конец его остается свободным для вдевания в ухо, а другой продолжается книзу, и на него надеваются шарики с бирюзовыми вставками. Оканчивается он продолговатым заостренным книзу зеленым камнем или стеклом.

Головные уборы, или шапки, не отличаются однообразием. Простой народ носит обыкновенно войлочные шапки без козырька, какие носят китайские крестьяне сининского края, а также шапки различнейших образцов своего изготовления. Торговцы и зажиточные люди в обыкновенное время любят надевать известные китайские шапочки. Более своеобразными являются шапки, надеваемые должностными лицами. Князья и высшие сановники в торжественных случаях носят соболями шапки маньчжурского образца, а в обыденное время — шляпы с неширокими прямыми полями. Те и другие украшаются пучком ниток, поверх коего прикрепляется шарик степени его чина и павлинье перо (по-китайски — «лин-цзы»). Потомки древних князей, покровителей религии, являющиеся духовной аристократией, в большинстве случаев занимают должности начальников и носят особые белые шапочки на самом темени, прикрывая известную прическу. Более низшие должностные лица обыкновенно носят желтые шапки, напоминающие фуражки без околышей и козырьков (по-тибетски — «богда»), а свитная прислуга сановников носит шапку, состоящую из большого красного круга, по краям которого торчит красная же бахрома из шерсти, и небольшого приспособления для надевания на голову, делаемого из парчи. Мне приходилось слышать объяснение, что такие шапки представляют шею после отрубления головы, из которой льется кровь, изображаемая бахромой. Этим символизируется то, что слуга постоянно должен опасаться быть обезглавленным своим господином, если только обнаружит неповиновение.

Покрой одежды тибетцев, как и у всех восточных народов, отличается однообразием, отличаясь, конечно, цветом и разнообразием материи, из которой она строится. Мужская одежда состоит из: 1) рубашки (огчжу), которая делается или с широкими рукавами, но без пуговиц, или без рукавов, но застегивающейся пуговицами; та и другая запахивается к правой руке; 2) панталон (гутун) с разрезами внизу для отправления потребностей без помощи рук; у рабочего класса панталоны чаще делаются вместе с безрукавной рубашкой, как у наших маленьких детей; 3) унтов (лхамгой), состоящих из войлочной, часто простеганной подошвы, края которых изогнуты кверху приблизительно на 0,5–1 дюйм; к этим краям пришивается головка из разноцветного европейского сукна (гоньям), от которой идет вверх голенище из местного сукна, почти исключительно темно-красного цвета. Так как голенище очень мягко, то оно требует повязки (лхам-чжю (г)) на верхнем конце. Рабочий деревенский люд носит чаще сапоги с сыромятными головками и голенищами из полосатого местного сукна; 4) поверх рубашки любят носить род нашего жилета; 5) сверху же надевают халат (чуба), который всегда запахивается к правой руке. Халат постоянно подпоясывается кушаком (ира).

Что касается цвета чуба, то у князей он желтого цвета (обыкновенно китайский атлас), у среднего класса — темно-красного, у простолюдинов — белого, у солдат — темно-синего. Края одежды отделяются парчой, привозимой из Индии.

От дождя и солнца зажиточные жители Лхасы защищаются зонтиками европейского изделия и по большей части черного цвета, изредка можно видеть и неуклюжие китайские зонтики красного или красно-желтого цвета из промасленной материи.

Персходя к описанию женских нарядов, предварительно заметим, что по прическе и костюму почти нельзя различить взрослых девиц и замужних женщин. Разве скажем, что девицы чаще оставляют одну маленькую косу на макушке головы, но и это не всегда, по-видимому, соблюдается. Только маленькие девочки носят одну большую косу, но как

только им наступит двенадцать-тринадцать лет, родители всеми силами стараются сделать им прическу взрослых с ее неотлучными принадлежностями. Эта прическа состоит из одной маленькой косы, упомянутой выше, и двух больших кос сзади ушей. Они спускаются на спину и снабжаются от начала до конца немалым количеством фальшивых волос. Вследствие этого лхасские и вообще уйские женщины могут поразить густотой и длиной своих волос человека, незнакомого с этой подделкой. В концы этих двух кос вплетают красные шнурки с пучками на концах, доходящих почти до пяток. У поясницы эти косы соединяются несколькими нитками, длиной около 7—8 вершков, нанизанные у богатых жемчугом, а у менее зажиточных — мелкими фарфоровыми белыми бусами.

Поверх кос на голову надевается убор, называемый «бачжу». Он состоит из упругого, деревянного, почти круглого обруча, обшитого обыкновенно красным европейским сукном, кругом его попеременно пришиваются коралл (шюру) и бирюза (ю).

В ушах женщины носят большие своеобразные серьги, называемые «эго» и делаемые у зажиточных из золота, а у небогатых из серебра. Они одного образца и отличаются лишь размерами, а также и качеством бирюзы, которую они облицовываются.

На шее поверх одежды носят небольшие киты, называемые «гау», предназначенные для хранения амулетов, но в настоящее время являющиеся исключительно грудным украшением. На лицевой стороне его вставляется преимущественно бирюза, но у богатых нередко приходилось наблюдать между бирюзой бриллианты и рубины.

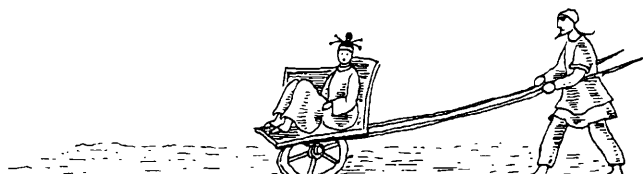
На правой руке у кисти носят браслет из цельной, просверленной вдоль белой раковины и называют его «дунко». Он надевается девушке, когда ей около десяти-одиннадцати лет, так что, когда она достигнет полного физического развития, браслет не может уже сниматься через кисть руки. На пальцах носят различные кольца (цэго). На левой руке носят обыкновенно браслеты из разных металлов.

Женщины обыкновенно не носят шляп, но в жаркое и холодное время года, в особенности в дороге, употребля-

ют как головную повязку красный шарф (карай — кашемирская материя). Нижняя рубашка по покрою сходна с мужской. Панталон они не носят вовсе, но их заменяет юбка, называемая, однако, «гутун» (т. е. панталоны), в отличие от ламских мад-ёг. Сапоги одинаковы с мужскими, только на головках их синяя полоса мужских заменяется зеленой. В холодное время женщины обыкновенно надевают халаты, похожие на мужские, но в теплое время большинство носят халаты без рукавов (пуми — безрукавка), так что получается отдаленное сходство с сарафаном русской деревни. Сходство костюмов еще увеличится, если добавим, что все женщины носят четырехугольный фартук (бандэ), сшиваемый из местного, специально для него изготовляемого, сукна. Затем богатые женщины, являясь в лучших своих нарядах, привешивают на пояс, немного сзади бедер, серебряные цепочки (их пара), называемые «паг-го(й) хаб-шю(г)», что значит «поясной футляр для иголок»; таково, очевидно, было первоначальное назначение привесок, футляр находился в нижней части; теперь это только украшение. Нижние концы цепочек заканчиваются пучками шелковых ниток, достигающими почти до земли.

Помимо этих нарядов должно упомянуть об обычае тибетянок намазывать лицо темно-коричневым составом, приготавливаемым, как передавали мне, путем долгого кипячения чая. Красят лицо или часть его, по своему усмотрению, и молодые и старые. Не мажут их только княжеские жены, да жены магометан, да изредка какие-нибудь кокетки. Показываться на улице с невымазанным лицом считается неудобным.

Таковы вообще костюмы и украшения уйских тибетцев. Упомянем о некоторых отступлениях, делаемых в зависимости от состояния и звания. Так, богатые женщины обыкновенно носят жемчужное бачжу (мудиг-бачжу), которое в таком случае имеет ромбоидальную форму. На четырех углах его по два крупных коралла; промежутки обтянуты нитями, нанизанными жемчугом. Жены князей и высших сановников носят поверх халата еще особую пеструю накидку и на голову надевают особую шапочку, похожую на ермолку, сделанную из ниток мелкого жемчуга.

Касательно материи, из которой изготавливаются эти костюмы, должно сказать, что преобладают сукна местного производства, но в последнее время получают большое распространение сукно и бумажные материи европейского изделия.

5. Рынок и торговля

Главными рыночными местами Лхасы являются улицы вокруг квартала Чжу-ринбочэ, которые почти сплошь заняты лавками и мелочной торговлей. При этом лавки и магазины занимают обыкновенно нижние этажи почти всех частных домов по обеим сторонам этих улиц. Хозяевами этих лавок являются преимущественно непальцы, кашмирцы и тибетцы из Бутана (бруг-па). Все они предпочитают торговать английскими, индийскими и китайскими товарами²; впрочем, непальцы торгуют и местными сукнами. Особенно бойко торгуют дешевыми английскими сукнами, молескином, коленкором, бязью, эмалированной посудой, вывозимыми из Англии и Британской Индии; кораллами, привозимыми из Италии; кашмирской парчой, тростниковым сахаром и другими многочисленными предметами, при выборе которых торговцы, по-видимому, руководствуются дешевизною, отводя уже второе место качеству товара. В лавках происходят более крупные сделки, но гораздо оживленнее идет уличная мелочная торговля, которая представляет следующий вид. На улицах — в узких местах под стенами домов, а в широких как на восточной, так и отчасти на северной сторонах от квартала Чжу — располагаются рядами торговцы и торговки, выставив свой товар на разостланных подстилках из грубых материй и на циновках. Большая их часть — женщины, проводящие время не особенно скучно в сообщении друг другу сплетен и пересудов о прохожих, в остроумных замечаниях покупателям и веселых шутках с последними, что всегда сопровождается хоровым смехом соседок, и т. д. Среди них же сидят и сурово-мрачные кашмирцы, часто занимающиеся чтением своих книг, и женственно-грациозные непальцы, назойливо зазывающие покупателя. Преобладающим видом товара на рынке являются английские без-

делушки: стеклянные бусы, жестяные баночки с портретами на наружной стороне крышки европейских и азиатских подарков, среди коих чаще всего встречаются изображения германского императора, турецкого султана, персидского шаха с соответствующими надписями вокруг них на английском языке, хотя на дне этих баночек надпись: «Made in Germany»; затем дудочки, иглы, карандаши, записные книжки, жестяные тарелочки, красильные вещества, серные и шведские спички, преимущественно «made in Japan».

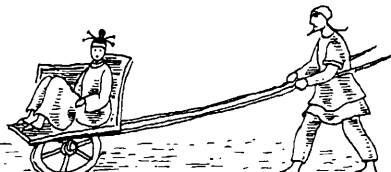
Всматриваясь в эти вещи, случалось поинтересоваться оценкой всего товара отдельного торговца и часто не удавалось насчитать и на пять рублей. Какую же выгоду получают от такого капитала? Без сомнения, весьма малую. Но эти торговки никогда не теряют даром времени и все бывают заняты каким-нибудь посторонним делом: одна нянчит и кормит грудью своего ребенка, другая прядет овечью шерсть для тканья местных сукон, третья вяжет чулки, четвертая, в более преклонных летах, вертит молитвенный цилиндр и т. п.

Помимо этих торговцев тут же сидят торговцы местными произведениями: сукном (по-тибетски — «нам-бу»), «тэрма» (более тонкой и узкой материей, чем первая), деревянными и глиняными изделиями, разным готовым платьем и т. п. Здесь же происходит продажа старья, на которое очень падки тибетцы. Под видом же продажи старья часто происходят вольные или невольные аукционные торги.

Съестные продукты продаются преимущественно на прилежащих улицах. Розничная продажа чая и масла главным образом находится в руках местных торговцев, хотя привоз из Китая и оптовая продажа первого продукта производятся камскими купцами, а масло оптом покупается от перекупщиков, кочевых тибетцев, живущих на окраинах страны.

Хотя рынок бывает довольно оживленным весь день, от восхода и до захода солнца, но самое большое оживление замечается под вечер, когда происходит так называемый «гун-том» (вечерний рынок).

В это время жители Лхасы имеют обыкновение обходить посолонь (т. е. оставляя святыню по правую руку) вокруг квартала Чжу и в то же время просматривать выставку товаров, соединяя таким образом приятное с полезным и душе-

спасительным. Путь, по которому обходят квартал Чжу, называется средним кругом — бар-хор. После захода солнца к ним присоединяются окончившие занятие торговцы, часто неся на себе весь свой товар, так что в это время вся улица заполняется бесконечной вереницей идущих в одну сторону, только кашмирицы демонстративно прогуливаются в противоположном направлении. С наступлением темноты эти улицы пустеют, и места людей занимают бродячие собаки, ищущие, чем поживиться на местах выставки съестного, и положительно осаждающие запоздалых прохожих.

Для дополнения обзора рыночной деятельности скажем о мерах и монетах, употребляемых в здешней торговле. Для сыпучих тел употребительная мера четверик (ду) — китайское «доу», — равный 10 гарнцам (брэ); но цзамба при продаже измеряется коробкою, емкостью меньше китайского гарнца, — шэн-цзы. Весовой единицей служит ньага, равная четырем китайским ланам; 5 ньага образуют 1 бо, а четыре бо равны одному кхэ. Эта последняя обыкновенно служит наибольшей весовой мерой. Весовыми инструментами служат безмены китайского образца, но можно с уверенностью сказать, что редко двое весов бывают согласны между собою. Поэтому покупатель всегда следит, у кого весы добросовестнее, и, понятно, у того и покупает охотнее. Многие торговцы имеют одни увеличенные весы для покупок, другие уменьшенные для продажи.

Это обстоятельство заставляет оптового продавца сравнивать весы у многих покупателей и сообразно качеству их назначать цены. Значит, добросовестность весов нормируется только интересами самого мелочного торговца. Самая мелкая продажа делается на глазмер.

Материи расцениваются и продаются сообразно своей ширине (по-тибетски — «ха-рот»), а местное сукно — на маховую сажень или кусками, приноровленными к количеству, достаточному на известную вещь.

Торговля во всем Центральном Тибете ведется на монеты (по-тибетски — «дам-ха»), которые были заимствованы у непальцев³, но в настоящее время чеканятся ручным способом на монетном дворе у Поталы местными наемными кузнецами под присмотром казначеев-лам. Мне раз уда-

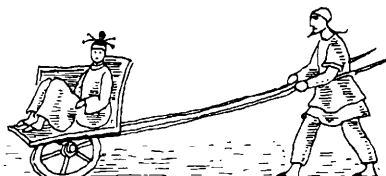
лось видеть чеканку монет. Она производилась кузнецами ручным способом из сплава серебра и меди. Сначала выковывают на каменных наковальнях длинные, узкие, тонкие полосы, затем из них вырезают ножницами кружки, которые затем выбиваются в тисках с вырезкою. Во время моего пребывания в Лхасе один иностранец, по-видимому, индеец, установил на монетном дворе машину для чеканки монет, но монет этой новой чеканки мне не удалось видеть.

Дам-ха номинально равняется по весу 1,5 китайского цина; из этого количества один цин — чистого серебра, а 0,5 цина меди. На деле же теперешняя монета не достигает этого веса, и проба ее гораздо ниже, хотя старые монеты более добросовестной чеканки. В обращении находится много и совершенно недобросовестных монет, кои у нас именуются фальшивыми. Но в Тибете в подделке их нередко виновны сами казначеи и правители, выпускающие такие монеты из личной корысти.

Дам-ха в разное время чеканки имели и разные рисунки. Самой распространенной в современном обращении является монета с надписью: «Галдан-побран-чог-лай-нам-чжал», т. е. с названием далай-ламского дворца в Брайбуне, где она, как говорят, сначала и чеканилась, но сохранила свою надпись и по перенесении монетного двора в Поталу. Следующими по численности являются монеты с обозначениями годов чеканки, выраженными группами цифр, первая из коих показывает «рабчжун», т. е. шестидесятилетие⁴, начинающая с 1027 г., а вторая — порядок года в нем. Мне попадались лишь монеты с обозначением двух годов 13/46 и 15/24, что соответствует 1792 г. и 1890 г. христианской эры. Кроме того, в ходу непальские монеты даже XVII и XVIII вв.

Курс этой монеты на китайское весовое серебро в последнее время сильно менялся. Мне передавали, что лет двадцать тому назад за лан китайского серебра на монетном дворе давали 12 монет, лет десять тому назад давали 10 $\frac{2}{3}$ монеты, но во время моего пребывания в Лхасе лан серебра выменивался лишь на 8 монет. Немного дороже скупают китайское серебро камские купцы, торгующие в Да-цзян-лу.

Особых монет большей ценности нет, и более крупными единицами счета служат: а) с(р)ан (по-китайски — лан),

который состоит из 6 $\frac{2}{3}$ монеты (так что 20 монет равны трем сранам), и б) доца(д), или ямбу, заключающий в себе 50 сранов или 333 $\frac{1}{3}$ монеты. Равным образом нет монет и меньшей ценности, а при дробном счете употребляют монету особого образца (более высокой пробы), рассекая ее двояко: или пополам, или на три части. При последнем рассечении две трети оставляются вместе. Одна треть монеты, долженствующая весить 5 китайских фынов, называется «гармана», что буквально значит «пять звездочек», а в переносном значении 5 фынов; $\frac{1}{2}$ монеты называется «че(дб) чжа(д)», «рассеченная половина»; $\frac{2}{3}$, соответствующие одному цину, называются «шоган» — «один цин»; разница между двумя последними, а также между чечжа и гармана, т. е. монеты, называется «кхаган», т. е. «одна шестая часть», но для последней нет отдельного кусочка, и в обиходе она уплачивается вышеупомянутыми разнищами. Точно так же нет, конечно, отрубка для монеты, хотя и существует для них особое наименование «хача(д)», т. е. «недостаток (до монеты) одной части». К этому следует добавить, что рассеченные части почти никогда не встречаются в целом виде, а обращаются в дуги слесарями, видящими выгоду в серебре, отсеченном из середины полукруга.

Золотых монет в обращении нет, а золото продается в слитках. В 1901 г. лан золота стоил около 40 с(р)анов местных монет, т. е. 53,33 руб., или 1 золотник золота стоил около 5 рублей.

Кроме местной монеты, в Лхасе охотно принимаются за 3 и 3 $\frac{1}{2}$ монеты британско-индийские рупии (по-тибетски — «пилин-гормо»). Монеты эти охотно скупаются купцами из провинции Кам, где, как говорят, индийские рупии стали ходячей денежной единицей.

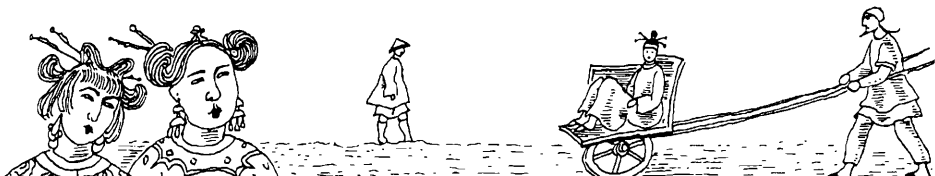
При торговле принято употреблять все способы, рекомендуемые известной поговоркой «не обманешь — не продашь». Поэтому привыкли при продаже весьма сильно запрашивать цену наряду с неперменным восхвалением предлагаемого товара и неоднократным призыванием в свидетели своих слов «Чжу» или «Чжу-ринбочэ», к которому в таких случаях прибегают и магометане-кашмирцы. Покупатель, понятно, начинает давать с самой малой цены. Постепенным понижением запрошенной цены продавцом и повышением дан-

ной цены покупателем, наконец, приходят к соглашению. После отмерки покупатель обычно просит сделать прибавку; это практикуется в особенности при покупке съестных припасов. Тогда продавец обычно делает прибавку, а затем и следующие, постепенно уменьшая дозу, более назойливые покупатели просят прибавки до 6—7 раз. Принято делать обыкновенно прибавку три раза, хотя бы такими долями, что приходится удивляться терпению той и другой стороны. Если продавец не уступчив на прибавку, нередко покупатель бросает товар и удаляется. Когда сделка уже кончена и стоимость уплачена, покупатель заставляет продавца «сказать благопожелание» (по-тибетски — «монлам-даб» или «чжаб»). Тогда продавец берет проданный товар в руки и читает заговор, смысл которого сводится к тому, чтобы вещь служила очень долго и доставила счастье и долгоденствие потребителю. Потом, приложив ее к своему лбу, отдает покупателю, который и уносит купленное.

6. Занятие жителей

Лхаса не отличается никакой отдельной промышленностью, которой можно было бы охарактеризовать занятие его жителей. Жизнь этого города обусловлена тем, что он является религиозным и административным центром ламаистского мира и Центрального Тибета, притягивающим многочисленных богомольцев и немало чиновного люда. Скопление народа, как известно, требует торговли, которую и можно охарактеризовать занятие жителей этого города. Торговля, как сказано выше, преобладает мелочная, состоящая в перепродаже деревенских продуктов и товаров оптовых продавцов.

Оставив подробности о занятиях исключительно столичных жителей, скажем несколько слов про занятия жителей вообще Центрального Тибета. Главным занятием тибетцев должно считать земледелие и скотоводство, причем земледелием заняты все долины рек и вообще более низкие и удобные места, а скотоводством — травянистые горы и высокие окраины страны.

Земледельцы сеют главным образом ячмень (арнаутская пшеница), из которого готовится мука цамба, составляющая главную пищу всех классов населения; затем пшеницу для производства крупчатки, горох и бобы. Огородники сажают преимущественно китайскую (с красной кожурой) и тибетскую (с белой кожурой) редьку, которая служит главным приварочным и закусочным овощем, два вида капусты, затем картофель, репу и морковь.

Скотоводы разводят яков и овец, а также небольшое число лошадей. Разводят также и помесь между яком и рогатым скотом, называемую цзо. Это более красивое и выносливое животное, чем его родители. Земледельческое население подспорьем своего главного хозяйства разводит ослов и простой рогатый скот, идущих под полевые работы и вьюки, а также овец для получения шерсти и мяса. Кроме того, уже в самом ограниченном числе разводят мулов и лошадей. Все эти животные отличаются низким ростом и вообще некрасивым видом, но зато чрезвычайно выносливы и невзыскательны в пище и уходе за ними.

Обработка полей производится небольшими сохами, в которые впрягается преимущественно пара цзо или яков. Борьба чаще производится ручным способом: граблями и деревянными молотками. Нам не приходилось наблюдать отдыхающих полей. Вследствие недостатка в удобной для хлебопашества земли пашни засевают ежегодно, причем удобряются золой, смешанной с человеческими извержениями. Весною, при посеве, поля обильно орошаются посредством канав, в достаточном числе проведенных даже на большие расстояния. В земледельческом районе очень мало подножного корма для скота даже летом, поэтому зимою кормят скот исключительно соломой и горохом. Трава, вырываемая с болотистых мест и промежутков засеянных нив, стоит сравнительно дорого и составляет корм более дорогих, преимущественно городских животных. Трава, растущая на болотистых местах, высокая, грубая, вроде камыша. Ее скармливают зеленой, так как, высыхая, она настолько твердеет, что делается негодной для корма.

Пастушеское население не делает запасов сена, и животные целый год проводят на подножном корму.

Передвижение по стране совершается только верхом и вьючным способом. Нам приходилось видеть неуклюжие двухколесные телеги только для перевозки больших каменных глыб, и то очень редко. Толстые бревна, даже на большие расстояния, переносятся пешими людьми на плечах.

7. Общие замечания

Из сказанного выше, что Тибет страна ламаистов, читатель уже может заключить, что среди населения должно быть очень большое число духовенства, требуемое уже характером религиозного учения. Эти рабчжун — «совершенно вышедшие» (подразумевается из мирской жизни) — делятся на монахов и монахинь. Те и другие, по теории, должны питаться на доброхотные подаяния мирян. На деле же, конечно, этого нет, но тем не менее духовенство составляет уже особое свободное сословие, имеющее громадное влияние на быт и экономическое положение простолюдинов. Общая численность монашеского сословия нам неизвестна, но монахи или, вернее, духовные численно далеко превосходят мирян-мужчин, монахини же составляют меньшинство женщин.

Недостаток мужчин-мирян обуславливает то, что женщины должны переносить на себе все тягости как отдельных хозяйств, так и общественных повинностей. Вековая борьба с жизненными невзгодами развила в женщинах Центрального Тибета значительную самостоятельность, т. е. умение существовать без помощи мужчин. Поэтому женщина является главною рабочею силою страны, и затруднительно найти такой род занятия, где она не принимала бы преимущественного участия. Так, мы видим более или менее обширные монастыри, принадлежащие исключительно самостоятельным общинам монахинь; видим по городам и селам отдельные группы последних (обыкновенно четыре человека в каждой), ходящие с предложением совершить чтение кратких молитв, видим прорицательниц, предвещающих, наравне с ламами-прорицателями, судьбу того или другого общества и человека и подающих разные советы вопрошателям; затем

видим их торговками и приказчиками, нередко ведущими значительное предприятие самостоятельно; чернорабочими в полевых работах, при постройках домов; прядильщицами и ткачихами при приготовлении местных шерстяных материй; подмастерьями в типографиях; кузнечных, слесарных, токарных мастерских, кожевенных заводах; водоносками, чистильщицами нечистот в городах и селениях; сторожихами и дворничихами при правительственных и общественных учреждениях и т. д.

Эта самостоятельность, вызванная общественной жизнью, оставляющая большинство женщин вне брака, с другой стороны, даст им полную свободу в любви, которая выражается, как известно, в распушенности. Разврат этот мы не хотели бы назвать — применительно к большинству — проституцией как ремеслом, так как даже в сравнительно многолюдном городе, как Лхаса, нет специальных домов и даже специальных одиноких женщин, какие встречаются в других странах. Конечно, немало женщин, пользующихся мужской слабостью и эксплуатирующих дурные наклонности мужчин, но, повторяем, это совершается тихо, некриливо и не оставляя своих обычных занятий. Зачастую женщина имеет знакомого из окрестных мест, который во время своих приездов в город квартирует и живет, как с женой, часто имея от нее детей. Рождение ребенка несколько не считается позором для женщины, а лишь радует материнское чувство и обнадеживает ее иметь со временем помощника в трудной борьбе для изыскания средств к существованию.

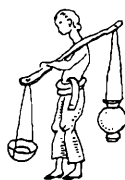
Содержание большого числа духовенства, малопродуктивность страны и почти полное отсутствие промышленности служат, по-видимому, причиной общей бедноты простого народа. Беднота эта заставляет тибетца ограничиваться самыми малыми потребностями. Простой народ очень скромно питается исключительно низшим сортом ячменного толокна (цзамба), почти никогда не употребляя мяса и лишь изредка забеленный маслом чай. Его можно обвинять разве только в страсти к ячменному вину, но опять-таки чрезмерно пьяных редко можно встретить даже в дни больших праздников.

Только при малых потребностях тибетца может существовать такая заработная плата: чернорабочий получает в день не более одной трети дам-ха (около 7 коп.) на хозяйском продовольствии; наилучший ткач местного сукна — две трети дам-ха (14—20 коп.) при тех же условиях; домашняя прислуга — не более 20 дам-ха в год, но чаще живет за пищу и небольшое пособие в одежде; монах-чтец — 20 коп. за день непрерывного чтения, группа из 4 монахинь за 1,5—2-часовое непрерывное чтение хором — не более 7 коп. на всех и т. п.

Эта общая бедность служит причиной господства богатых, которые, пользуясь своими капиталами, подчиняют себе бедноту. Этим, без сомнения, объясняется преклонение перед всемирным кумиром — деньгами, которые в Тибете имеют особенную силу, служа мерилем добродетели до святости и знатности, до высших степеней сановничества. В этом преклонении перед богатством кроется причина забитости и показной лъстивости тибетца. Он, увидев на улице хотя не знакомого, но более или менее хорошо одетого человека, не преминет показать знаки почтения, которые состоят главным образом в снятии шапки и высовывании языка, почесывании затылка или еще почтительнее — прикладывать свою руку на задницу, а при разговоре ежеминутно называть собеседника «поило» (высокородный, святой) и на всякое слово отвечать «Лха, лагсо» («Хорошо!»).

Бедность и отсутствие общественного призрения развили в стране огромное число нищих самых различных возрастов обоего пола. Часто попрошайничество сопровождается чтением молитв или пением с игрою на двухструнной скрипке, пляской малышей и т. п.

Особенно назойливыми являются могильщики — донцхон-па, люди, которые относят трупы на съедение собакам (в городах) или птицам (в монастырях). Они ходят толпами и выпрашивают с громким хоровым криком, сопровождаемым по временам страшно жутким визгом. В случае подачи малого количества цзамбы или денег они отказываются брать, но если их прогнать, то при уходе не стесняются выругаться и погрозить намеком, что хорошую расправу

сделают они с телом скряги после его смерти. Это, конечно, неприятно действует на иных людей. Не менее нахальными, но не связанными известным отношением к жителям после смерти, являются нишис-преступники. Эти лишенные тсх или иных органов и частей тела, как то: глаз, носов, кистей рук, закованные в вечные кандалы и колодки по судебному приговору, обыкновенно ходят также небольшими группами и при малейшем недосмотре хозяев крадут все, что плохо лежит.

В семейной жизни у тибетцев существуют, между прочим, полиандрия и полигамия⁵. При этом нам довелось только узнать, что женитьба нескольких братьев на одной и выход нескольких сестер за одного считаются идеалом родственных отношений. К этому добавим, что даже во временных связях с женщиной братья имеют одну любовницу и несколько сестер — одного любовника...

Монахи в силу религиозного учения избегают непосредственного убиения насекомых своего платья, но, поймав их, бросают на землю или на пол, так что гость монашеской квартиры не гарантирован от унесения с собою приставших к его платью назойливых насекомых. Во время обычных долгих и монотонных богослужений в храмах в задних рядах сидящих монахов можно видеть черномазых малышей, которые, добыв из-под платья насекомое и оглядываясь на строгих блюстителей порядка, ловят удобный момент, чтобы положить в рот пойманное насекомое. Малыши эти очень напоминают обезьян. И действительно, это сходство заставляет ныне обратиться к легенде о происхождении тибетцев⁶, легенде, которая, на тибетский взгляд, оправдывает эту современную некрасивую манеру уничтожения насекомых.

Эта легенда, как известно, приписывает происхождение тибетского народа связи обезьяны с женским духом (якша). Потомство появилось похожим на обезьяну. К нему принадлежат все цари Тибета и вообще благородное сословие, покровительствующее и покровительствовавшее ламаизму. Поэтому всякий тибетец не гнушается давить в своем рту насекомое, отысканное на своем теле: ведь это признак благородного (благочестивого) происхождения.

8. Секты

Ввиду особенного положения, какое занимает в Лхасе и в Тибете духовенство, не лишним будет сказать несколько слов о буддийских сектах в Тибете.

Туземное население по вероисповеданию почти все буддисты, и притом самых различных сект, появившихся уже на туземной почве. Первоначальное введение буддизма как известного религиозно-философского учения относится к VII столетию по Р. Х.; в VIII столетии главным проповедником его называют Бадма-Самбаву⁷. Но его проповедь придавала преобладающее значение мистике и, по-видимому, была очень близка к первобытной народной религии. Распространившись по Центральному Тибету, это учение стало подвергаться различным изменениям благодаря нововведениям и влиянию более или менее знаменитых проповедников. При сильной обособленности общественной жизни во время удельной системы ни одно вероучение не могло охватить всей страны, что послужило причиной развития и сохранения разных сект посредством введения тех или других учений. Таких сект насчитывают до восемнадцати, но мы упоминаем здесь только о главнейших из них, так как мы лично имели дело почти исключительно с представителями господствующей секты гэлугпа.

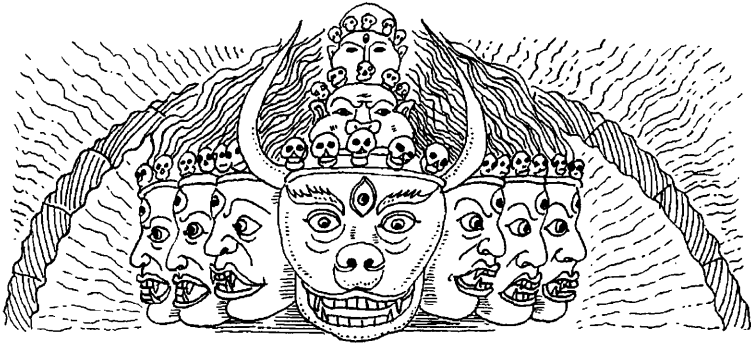
Первоначальная туземная религия была бонская (по-тибетски — «бон-па» или «бон-по»), которая сходна с древней религией монголов — шаманством (по-монгольски — «бо»)⁸. С введением буддизма она была оттеснена на окраины, и в настоящее время один бонский монастырь, ближайший к Лхасе, находится в верховьях долины Пэн-бо.

Буддийские секты делятся на две большие группы, которые принято называть в нашей литературе «красношапочной» и «желтошапочной». Первая группа имеет общее определение «нынма», т. е. старой, и, в свою очередь, делится на много отделов, самыми крупными представителями коих считаются: сакья, главный монастырь которой находится к западу от Даший-лхунбо; каргью(д)ба, нинмаба, брихунба (или дихунба) и др. Последняя господствует в восточной

части провинции Уй и имеет своего перерожденца. Вторая группа, называемая иначе еще «сарба», т. е. новая, имеет своим главным представителем секту гэлугпа, основателем коей был не раз упоминавшийся выше Цзонхава. К этой секте принадлежат главнейшие монастыри около Лхасы, цзанский монастырь Даший-лхунбо и много мелких. Она является господствующей не только в Тибете, но и в других ламаистских странах. Не входя в разбор тонкостей отличий этих старых и новых сект, мы скажем, что духовенство первых может вступать даже в открытый брак, тогда как монах гэлугпа должен вести безбрачную жизнь.

Кроме того, должно заметить, что при существовании всех этих подразделений не только простой народ, но и само духовенство питает одинаковое религиозное чувство к жрецам других сект.

Для полноты описания обычной жизни города сделаю теперь несколько выписок из моего дневника, когда обыденная однообразная жизнь — и городская, и моя — немного разнообразились; оставляя до другой очереди описание жизни окрестных монастырей, придержемся порядка очередных записей 1900-го и 1901 гг.

16 августа 1900 г., по местному 2-го числа 7-й луны, местный прорицатель Карма-шяр совершал шествие вокруг квартала Чжу в сопровождении многочисленных вооруженных пиками и шашками слуг в особых нарядах и нескольких лам-музыкантов. Густая толпа народа следовала за ним. Двое прислужников поддерживали его под мышками. В большом шлеме с изображением человеческих черепов и развевающимися флажками, одетый в пеструю парчовую одежду, с искаженным донельзя лицом, шел он ускоренными шагами, порывисто покачиваясь из стороны в сторону. На южной стороне квартала он быстро обратился назад. Толпа в испуге остановилась и через минуту в страшном смятении отстранилась на обе стороны: прорицатель бросил в толпу меч, который во время шествия он держал в правой руке. Меч ни в кого из людей не попал и упал безвредно для вилимых существ на землю, недалеко от меня. Я, в удивлении

от такой неожиданной выходки, при которой прорицатель мог ранить кого-нибудь, поинтересовался посмотреть — что это за меч. Оказалось, что он был сделан из тонкого медного листа, так что, и, попав в человека, не причинил бы большого вреда, но, по верованию народа, в толпе невидимо шел какой-нибудь враг религии, которого чойчжон, без сомнения, поразил этим мечом. Далее церемония продолжалась по-прежнему. Дойдя до главных ворот Чжу, прорицатель и процессия отправились на поклонение Чжу-ринбочэ. При выходе оттуда процессия в том же порядке направилась в дом прорицателя...

Начиная с 16 августа, почти целую неделю шли представления уличных актеров, коих я видел 12 августа (по местному 30-го числа 6-й луны) в Брайбуне на церемонии смены шамо, речь о чем будет впереди. Эти актеры дают групповые представления во дворах богатых домов и на площадках рынка. В тех и других случаях им дают деньги и чаще съедобное (цзамба) и хадаки. Торговцы дают какую-нибудь безделицу. Актеры ходят и поодиночке, и попарно. Тибетцы, вообще большие охотники до зрелищ, сопровождают актеров большой толпой и скопляются на местах представлений.

25 августа. Подле дома Томсихан, где остановился проездом из Пекина непальский или, вернее, гуркаский князь, собралась большая толпа. Народ хотел ворваться во двор. Вдруг кто-то выскочил из дома, откуда раздавались чьи-то душераздирающие крики, и, выгнав всех, человек закрыл ворота. Народ был в сильно возбужденном состоянии. Мелкие рыночные торговцы ближайших мест стали убирать товары, за ними поспешно стали закрываться и лавки в домах, в особенности непальские. На мой вопрос мне разъяснили, что свита князя затащила к себе одного простого монаха и, связав, била весьма жестоко. Толпа, однако, успокоилась, когда узнала, что был виновен сам наказываемый. Говорили, что если толпа возмутится, то происходит уличная драка, легко переходящая в разграбление лавок.

11 сентября, сегодня (по китайскому счислению 30-е число 7-й луны, а по тибетскому — 1-е 8-й луны) видел церемонию поклонения маньчжурского амбаня статуе Чжу. Утром стали собираться у наружных ворот китайские чиновники.

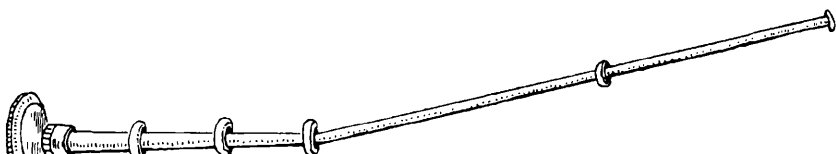
Незадолго перед амбаном приехал на лошаке его помощник с красным шариком на шапке и с красным почетным зонтом, который несли сзади его. Амбань явился в синих носилках, несомых четырьмя китайцами. Впереди шли до двадцати солдат, вооруженных секирами, трезубцами и копьями, в красных с черными каймами куртках, с обычными китайскими надписями, обозначающими их воинскую часть. Сзади ехали свитские чиновники и несли также красный зонт.

18 сентября (8-е число). Процессия, состоящая приблизительно из 30 человек тибетских чиновников и лам, верхом объехала посолонь квартал Чжу и направилась в сторону китайского амбана. Мне объяснили, что это едут для осмотра казенных хлебов, посеянных и сжатых в окрестностях города. Действительно, при вечернем их возвращении можно было видеть на копьях хлебные колосья, пестро украшенные цветами.

18 ноября 1900 г. нам пришлось видеть одну церемонию, исполненную совместно двумя дацанами Чжуд¹. Тибетское правительство, оповещенное тогда об известных беспорядках в Китае, потребовавших вмешательства оружия европейцев², заказало обоим дацанам Чжуд чтение книги «Дордок-Кшэ-трапалы» с приготовлением двух соров* и опрокидыванием котла. Для исполнения этого поручения монахи двух упомянутых дацанов три дня собирались во дворе Большого Чжу и читали вышеназванное сочинение. В назначенный день (18 ноября 1900 г.) собралась депутация от Сэ-нбра-гэ-сума³, т. е. трех главных монастырей, в 500 человек. Все монахи дацанов Чжуд во главе с настоятелем Галдана и депутаты с высшими хутухтами по определенному церемониалу вышли на восточную сторону города, где приготовлены были солома для сожжения соров и большой котел с чаем, в который было наложено много масла и яств.

Первыми отправились на церемонию духовные Сэ-нбра-гэ-сума, впереди коих шел старший шамо Брайбуна с пачкой зажженных курительных свечей. Сзади его шли последова-

* Пирамида из реек и бумаги, увенчанная черепом из теста. В сор «вкладывают» плохую карму и затем торжественно его сжигают, что символизирует духовное очищение.

тельно: умцад (главный уставщик) Брайбуна, хамбо дацанов, перерожденцы и простые монахи. О каком-нибудь правильном шествии (марше) у тибетцев нечего говорить: его нет даже у солдат. Придя к месту церемонии, главный уставщик занял место на приготовленном возвышенном сиделище, а остальные — на земле. Распорядился общим порядком шамо, стоя и прохаживаясь взад и вперед. Началось чтение молитв. Спустя около часа времени приехал на лошаке со свитой прорицатель Гадон. Почти одновременно с ним явились и духовные Чжуд со старшими впереди и пешком галданский сэрти со свитой и своим отличительным желтым зонтом.

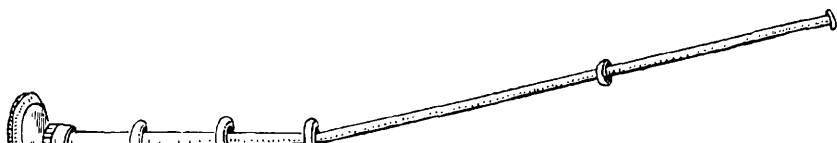
Сначала сожгли соры, затем прорицатель Гадон, о котором слово впереди, отправился к котлу, куда собрались и все монахи. После непродолжительной пляски и жестикуляций прорицатель выпустил из лука одну стрелу на восток, причем котел вместе с содержимым был опрокинут в яму, и монахи, сняв свои желтые шапки, потрясли ими, и этим церемония закончилась. Нам не удалось добиться удовлетворительного объяснения значения этой церемонии, но говорили, что кушанье готовится как бы для угощения чойчжонов-хранителей, а опрокидывается в наказание за их нерадение в войне с врагами богдохана. Тогда, говорят, страшные чойчжоны за лишение кушанья (т. е. воздаяния почестей) должны мстить врагам. Нам передавали, что точно такая же церемония была совершена во время недавней японо-китайской войны, исход которой благодаря этой церемонии был в пользу Китая, как установилось мнение простого народа в Тибете⁴.

4 февраля 1901 г. я был на поклонении у далай-ламы как обыкновенный богомолец. За три дня до этого я внес через монгольского переводчика, состоящего в штате далай-ламы в звании цзэдун, восемь ланов местных монет, т. е. 10 р. 66 коп. на наши деньги. Из этой суммы 5 ланов идут в казну далай-ламы за прокат упомянутых ниже предметов, а 3 лана — на угощение. Переводчик, обязанный руководить всеми поклоняющимися монголами, из предосторожности велел нам прийти во дворец немного позже полудня. В точности исполняя его слова, я в сопровождении

трех монгольских лам, пожелавших поклониться со мною, пошел в Поталу и поднялся по многочисленным лестницам в зал на лицевой стороне. В этой приемной не было никакой мебели. Только стены и частые колонны могли немного облегчить ногам неудобное времяпрепровождение. Здесь собрались и другие поклонники из верхних или цайдамских монголов, во главе которых был один дряхлый старик, принявший под старость обеты гэлона и приехавший со своим сыном, вероятно, на последнее в этой своей жизни поклонение далай-ламе. Он также внес, как оказалось, восемь ланов серебра — так что и он, и я оказались с одинаковыми правами на поклонение.

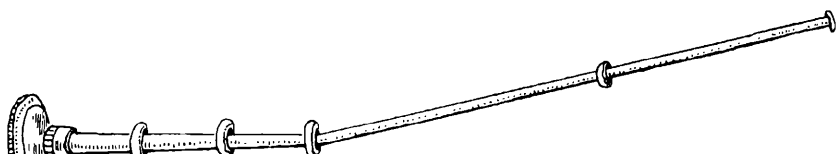
В числе людей, желавших воспользоваться случаем поклониться в качестве товарищей старика, оказался один цайдамский монгол вместе с женой. Эта супружеская чета, осмелившаяся или, вернее, вынужденная ехать из Цайдама в Лхасу только вдвоем, подверглась подле перевала Дан-ла нападению разбойников, еграев, которые отобрали у них лошадей и всю кладь, а самих, израненных, бросили на произвол судьбы. Счастье покровительствовало им — на них насхал караван камских торговцев, которые дали им подводы и довели до жителей Накчу. Там они оправились от изнурения и пешими пришли в Лхасу, где в них приняли участие сородичи. Впоследствии мне случайно пришлось узнать, что такая смелая поездка имела под собою романтическую подкладку. Именно этот несчастный супруг соблазнил жену своего соседа и, чтобы укрыться от преследования закона, принял данную поездку, кончившуюся так печально.

Во время долгого и скучного ожидания к нам изредка заходил переводчик и отбирал хадаки для той или иной надобности при церемонии поклонения. Немного раньше заката солнца, после того как мимо нас прошел первый советник далай-ламы чжишаб-хамбо в желтой длинной куртке, нас пригласили подняться еще на один этаж, и мы очутились под навесом второго сверху этажа Красного дворца, середина которого — обычный колодезь тибетских построек — была окружена решетчатой стеной. Противоположные решетки стены имели множество дверей, очень массивных и украшенных резьбою по косякам. Двери на южную сторону

вели в квартиры четырех придворных писцов (дун-ягши). На западной стене были решетчатые окна, из-за которых была видна верхушка золотой ступы с прахом пятого, «Великого», далай-ламы, а внизу были видны и ступы других далай-лам, бывших после него. На северной и восточной стороне было несколько дверей, ведущих неизвестно куда. С закатом солнца нас повели еще на один этаж выше, по деревянной, очень крутой лестнице, и мы очутились под открытым небом, имея перед собою широкую площадку перед дверью приемного зала далай-ламы. Здесь у стен, по сторонам от двери, на более высоких скамейках сидели знатные ламы, а под прямым углом к ним, на длинных коврах, сидели простые ламы из придворного штата. Поставили нас гуськом; впереди всех стал я, за мною следовали мои товарищи, за ними стал упомянутый старик монгол, имея с собою своих товарищей. Таких товарищей можно иметь сколько угодно. Здесь пришлось ждать недолго, минут через десять, в течение которых переводчик снова повторил правила предстоящей церемонии, нас ввели в зал, который представлял довольно большую комнату, страдающую, как всякая тибетская комната, малым количеством света, к чему в данную минуту присоединилось и позднее время. Прямо против двери был поставлен высокий трон, обращенный к двери, на котором по-восточному восседал далай-лама, завернувшись желтой мантией, называемой чжанши, что буквально значит китайская шелковая материя с разноцветным шитьем (рисунками), с богато отделанным воротом. Голова его была покрыта желтой остроконечной шапкой цзонхавинского образца. Его престол представлял простое возвышение из дерева около 1,5 аршина над полом вроде кубического сундука, но отделанного резьбой. Подробно рассмотреть резьбу не было возможности, но обыкновенно такие престолы бывают с изображениями двух львов в положении как бы поддерживающих престол (верхнюю доску). Остальное пространство наполняется различными рисунками, как то: цветов, листьев, просто узоров и т. д. Сверху дерева было наложено несколько толстых квадратных тюфячков, обшитых материей местного и китайского производства. Лицевая сторона престола была закрыта отдельным шелковым платком, на котором были изображе-

ны два вачира (по-тибетски — «дорчжэ»), сложенных крест-накрест; а за спиной была стенка, обшитая желтым китайским атласом. По обе стороны этого престола, над которым изображен сидящим ныне живущий восьмой перерожденец Чжэбцун-дамба, стояла свита, состоявшая из четырех-пяти человек, среди коих на первом плане стояли два телохранителя, выбираемые из самых высоких и представительных по наружности лам. Большая половина зала оставалась на левую руку от далай-ламы. Здесь, на низких скамейках, сидели знатные ламы и высшие сановники. Лишь только мы вошли в дверь, началась какая-то спешная погоня, нас стоявшие здесь ламы заставляли как можно скорее двигаться вперед, а если кто обращал взоры в сторону или иным образом мешкал, того немилосердно толкали вперед. Мы, приблизившись к далай-ламе, сделали поспешно три земных поклона, а затем, держа на вытянутых вперед руках длинные хадаки, приблизились к престолу. Тут сбоку один из свитских прислужников поставил на хадак последовательно четыре вещи: мандал, будду, книгу и субурган. Далай-лама дотрагивался до них, как бы принимая поднесение, а стоящий по правую руку свитский лама поспешно убирал. После всех подношений далай-лама принял хадак и благословил меня приложением своей правой руки к моему темени. В это время ему подали шнурок из ленты шелковой материи, он связал узел и, дунув на него, положил на мою шею. Такой шнурок с узлом называется по-монгольски цзангя (по-тибетски — с(р)ун-дуд), т. е. охранительный узел, освященный дуновением, после прочтения известного заклинания он считается талисманом, предохраняющим от несчастий. Я отошел в сторону; моих товарищей он только благословил помянутым способом. Когда очередь дошла до старого цайдамца, то он проделал то же, что и я. Затем нас посадили на тоненький коврик, разостланный недалеко от престола, против его лицевой стороны, перпендикулярно к ней, так что мы сидели боком к далай-ламе и спинами обращенными к тем лицам, которые были в аудиенц-зале. Перед нами в одной сажени была только голая стена; между нею и нами стоял один лишь достаточно надоевший нам переводчик. Внесли в кувшине чай. Я и старик должны были встать и подойти к пре-

столу и подставить свои чашки. Нам налили по глоточку. Мы выпили и сделали по три земных поклона. Тогда налили этого чая далай-ламе, который откушал один глоток. Тогда мы сели на прежние места, и всем в чашки налили по несколько капель чая. В это время далай-лама громко, обыкновенным голосом, но скороговоркой спросил: «Хорошо ли вы совершили путь и благополучны ли все на вашей родине?» Мы по церемониалу не должны были ничего отвечать, а только немного приподняться с места и сделать поклон в сторону переводчика, который передавал нам эти слова по-монгольски. Переводчик тоже безмолвно сделал поясной поклон далай-ламе. После этого принесли вареного риса, далай-лама также отведал из поданной ему чашки и сполоснул рот из особого кувшинчика. Нам же понаклали в чашки рису очень щедро и даже через края, но не успели мы и отведать его, как сказали, что церемония кончена и нужно поспешно удаляться. Конец вышел не особенно гостеприимный. Два громадных телохранителя с бичами в руках выталкивали и кричали в присутствии самого далай-ламы: «Убирайтесь поскорее!» Мы, понятно, в некотором смятении бежали вон и... ушли домой. Вся церемония не тянулась и десяти минут.

7 февраля 1901 г. был местный Новый год (по-тибетски — «ло-сар»). В этот день жители города встают задолго до рассвета и совершают поклонения дома и в храмах Чжу. Затем, после рассвета, начинают разносить по знакомым и соседним квартирам в особом кувшине ячменное вино и на тарелке цзамбу, из которой делают коническую кучку и втыкают в нее стебельки трав и вылепленные из масла цветки. Эта мука с украшениями называется чи-мар, т. е. мука и масло. Хозяева того дома, куда приносят чи-мар, сначала должны захватить щепотку муки и бросить вверх, как бы в жертву духам, а затем взять другую щепотку и положить в свой рот. Затем это запивается принесенным вином. Когда в этот день входят в знакомый дом, то гостей угощают тем же чи-мар и вином. Целый день тянутся поклонения в храмах Чжу. Дети и взрослые пускают беспрестанно бураки*, причем главное внима-

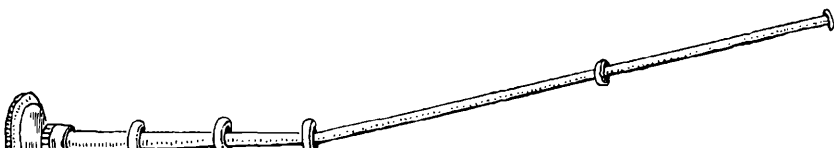
* Здесь: фейерверк. Бурак — специальная трубка для пускания фейерверка.

ние, по-видимому, обращают не на цвет, а на звук. В темноте разжигают спички, дающие розовый свет. На улицах пляшут хороводы с песнями; дети, взрослые и в особенности женщины бьют «жестку»* и прыгают через веревку следующим образом: две женщины держат за концы не особенно длинную веревку и вертят ее; третья женщина, преимущественно девушка лет десяти — пятнадцати, став посредине, перепрыгивает через веревку, переменяя ноги. Это проделывают или на ходу, или стоя на одном месте; причем между двумя женщинами, с одной стороны, и девичей, с другой, происходит короткий разговор, который я не записал в точности, но только узнал, что держащие за веревку первые спрашивают прыгающую: «Куда идете?» — «Туда-то». — «Зачем изволите идти?» — «Новый год справлять» и т. д.

8 февраля. За неимением у этой луны второго числа, сегодняшней день считают уже третьим. У тибетцев, как известно, счет времени по лунным месяцам. Астрологи, заготовляя заранее календарь на известный год, каким-то образом определяют неблагоприятное совпадение чисел с днями недели (7 дней). Этого не должно допускать, и такое число выключается. Например, вчера было первое число, сегодня третье, потому что второго числа не должно быть в этом месяце. Но если такое выключение причиняет неправильность в фазах луны, то какое-нибудь число удваивается. Например, может случиться два 21 числа и т. п.

Сегодня день приезда в Лхасу духовенства из Сэ-нбрагэ-сума, главным образом администрации, для предстоящего собрания духовенства, так называемого «Лхаса-монлам» или «монлам чэнмо», т. е. «лхасских благопожеланий» или «великих благопожеланий». Администрация эта состоит из двух цокчэнских шамо Брайбунского монастыря, из двух их помощников (шабдэгма), одного шин-пера (буквально — заведующий дровами, но собственно — хозяйственной частью), подчиненных ему 21 гэика, из которых четверо держат на плечах по железному жезлу, четырех старших админи-

* Жестка — изделие из кусочка меха с приделанным к нему грузом. Суть игры состоит в том, чтобы, подбрасывая жестку внутренней частью стопы, не дать ей упасть на землю как можно дольше.

страторов и нескольких светских прислужников (табьёков). Все они приезжают на разукрашенных лошадях в самых лучших своих нарядах и по пути в Лхасу заезжают на Поталу для поклонения далай-ламе. Только табьёки идут пешими; некоторые из них ведут под уздцы лошадей двух шамо и двух их помощников, а остальные, держа в руках длинные прутья, идут спереди и сзади и громко кричат: «Па-чжюг-чжи» — «Отстраняйся!» или «Беги прочь!».

Городские жители со страхом встречают прибытие сих полновластных временных правителей города, вычистив улицы, по которым они должны шествовать. Эти правители управляют Лхасой в течение двадцати дней в первой луне, вполне полновластно и с некоторыми ограничениями в течение одиннадцати дней в последней трети второй луны. Объехав квартал Чжу посолонь, они слезают с лошадей у вторых западных ворот храма Чжу и после поклонения Чжу размещаются по своим квартирам, отводимым во втором и нижнем этажах домов второго двора этого же храма. Все это происходило часа в 3 пополудни.

Незадолго до заката солнца по улицам раздаются те же крики, что и при въезде администрации. На этот раз все вышеназванные лица, за исключением двух шамо, уже пешими выходят из дома, где квартируют, и идут по тому же «солнцекругу», причем шабдэгма имеют в руках четырехгранные, железные, с позолоченной резьбой жезлы, шиннер — толстую палку длиной около двух сажений, совершенно освобожденную от коры, а гэики — палки немного менее сажени длиной, очищенные от коры наполовину. Эти палки бывают сырые, только что вырубленные из садов по реке Уй. Толщина и длина их находятся, как мне передавали, в зависимости от того, который год служит гэик, обладатель ее, — гэики, более старшие по службе, имеют менее толстые, но более длинные палки, а новички — самые короткие, но толстые. Впрочем, некоторую роль играет удальство гэика, т. е. тот, кто хочет показать свою физическую силу, берет палку потяжелее. Табьёки имеют те же длинные хворостины, какие имели при вступлении в город. Вся эта процессия проходит до площади перед судилищем города, называемым нанца(д) — шяг. Здесь гэики и табьёки окружают площадь,

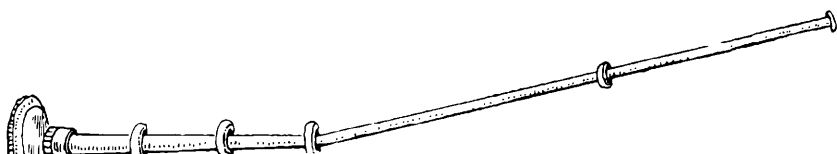
которая уже вычищена от мусора и разукрашена кругами из сухой извести. На середину выступают два шабдэгма и шинер. Народ окружает площадь и удерживается лишь угрозами и действиями вышеназванных лиц.

Первым выступает старший шабдэгма и, обращаясь к поставленным перед крыльцом судилища писцам и прислужникам нанцза(д) — шяга, стоящим изогнувшись в пояс, говорит в грозных выражениях так называемый цокдам, т. е. слово перед собранием или наставление собранию, состоящее в изложении происхождения и правил большого монлама. В конце он говорит, как должны вести себя жители города во время монлама.

По окончании его речи говорит второй шабдэгма, речь которого более касается наказаний, которые ждут нарушителей правил. Тот и другой при речи имеют на голове свои желтые монашеские шапки, называемые шасэр, и после каждой паузы стучат концом своего тяжеловесного жезла о землю. Речи произносят, расхаживая взад и вперед очень важной походкой, и при произнесении сильных выражений топают с силой ногами. В словах своих они ничуть не скрывают, что достаточно малейшего повода, чтобы безжалостно и беспощадно разорить каждого нарушителя установленных правил.

После окончания речей процессия тем же порядком движется далее, и на северо-восточном углу квартала ее ожидает прислужник от лхасского чойчжона, вышеупомянутого Карма-шяр. Он становится также в положении поясного поклона. Тут говорит речь только старший шабдэгма. Суть речи состоит в том, что теперь настало время выступления Лхасы под покровительством Найчун-чойчжона, а потому Карма-шяр не должен ни давать предсказаний, ни проявлять каких-либо действий в соперничество Найчуну.

Затем процессия движется к трем общественным колодцам, расположенным в различных частях города, здесь также говорят цокдам, чтобы они давали духовенству большого монлама хорошую и обильную воду. В противном случае угрожают совершенно засыпать ослушавшиеся колодцы. Значение этой церемонии зиждется, понятно, на вере, что каждый колодец имеет своего хозяина-дракона.

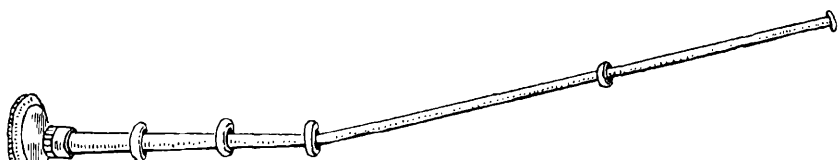
Обойдя с такими наставлениями почти весь город, процессия возвращается домой. Так начинается время лхасского монлама.

Сегодня же, как передавали мне, происходило спускание трех цзанцев по веревке с верхушки Поталасского дворца. Для этой ежегодной церемонии с юго-восточного угла Красного дворца натягивается веревка к каменному столбу-тумбе на земле перед дворцом. Эти три акробата надевают кожаные передники и рукавицы и скатываются сверху вниз по веревке на животе. Продолавший это освобождается, говорят, на один год от податей.

9 февраля. Сегодня первый день монлама. Происходит занятие мест монахами. Рассаживает их администрация каждого дацана. Главные места в двух больших дворах Чжу занимают монахи монастыря Брайбуна. У центральной колонны навеса северной стороны садится так называемый цокчэн-умцзад (главный уставщик) монастыря Брайбуна, обратившись лицом на юг. От него на юг идет главный ряд, состоящий, в свою очередь, из четырех рядов, обращенных по два на запад и восток. Ближе к умцзаду, в крайних рядах, садятся чтецы, из которых главные, именуемые кадайба, являются как бы помощниками умцзада. Они первые подхватывают начатую умцзадом молитву и читают установленным тоном до конца. Остальные из многотысячного духовенства участвуют лишь незначительным числом желающих, начиная и прекращая чтение совершенно произвольно. Далее садятся перерожденцы, приобретшие звание дацанского чоймцзада, а за ними — имеющие духовные степени лхарамбы, сограмбы, дорамбы, габчжу, т. е. так называемые «гэбшей», о которых речь будет ниже. Высшие перерожденцы, имеющие звание цокчэн-чоймцзад, садятся рядом и выше умцзада. Весь двор занимается такими четверными рядами, между коими оставляется узкий проход для надзирателей и лиц, раздающих чай и кашу. Точно так же занимается и рядом находящийся южный двор, где имеется свой умцзад. Монахи из Сэра и Галлана занимают места под навесом перед самым храмом Чжу и в круговом дворе его. Не поместившиеся во дворах рассаживаются на втором этаже или, вернее, на крышах навеса. Сюда, понятно, идут малень-

кие послушники, так как здесь слабее надзор и потому более свободы для детских шалостей. При занятии мест строго соблюдается порядок старшинства поступления в известный факультет. Занявшие не подобающее себе место наказываются плетями или дубинами гэиков, а иногда и железными жезлами высших распорядителей. Вообще должно сказать, что при исполнении всех распоряжений приходится в значительной мере прибегать к помощи дубин, жезлов и длинных прутьев.

Когда все монахи, числом около 20 тысяч, займут свои места во дворах Чжу, в главный двор являются все распорядители, и идут оба шамо по обе стороны центрального ряда, старший на восточной стороне, следующие два прохода занимают двое шабдэгма, гэики идут по разным рядам. Затем все, за исключением двух шамо и состоящих при шамо двух гэиков, расходятся по другим дворам. После краткого доклада собранию старший шамо читает так называемый чжаик большого монлама или, иначе, законоположение, составленное пятым далай-ламой. Чжаик написан на китайском желтом атласе и представляет сверток, бережно хранимый в двух шелковых платках. Сверток этот приносит гэик на своем плече и, ставши перед шамо, начинает разворачивать при помощи другого. Развернувши, один конец подают шамо. Тот начинает читать сначала речитативом, но затем переходит уже в беглую декламацию. По окончании чтения чжаик свертывается по-прежнему и уносится, а шамо, надевши свою шапку и взяв в руку жезл, начинает говорить цокдам, т. е. правила, какие должны соблюдаться при монламе. Излагает их, ходя взад и вперед по главному проходу, иногда останавливаясь и обращая свои взоры в какую-нибудь сторону. Собрание хранит глубокое молчание. Между прочим, он сказал: «Я не побоюсь человека высокопоставленного, я не обижу человека ничтожного». По окончании им речи говорил речь и второй шамо, но гораздо короче. Он угрожал, между прочим, тем, что так как он очень любит деньги, то карманам нарушивших установленные законы не будет никакой пощады. Речи эти, произносимые из года в год, имеют свою установленную приблизительную программу, и изменения делаются лишь в стилистическом отно-

шении, в зависимости от ораторского таланта и индивидуальных способностей каждого шамо.

Начало происхождения «большого» монлама относят ко времени реформатора Цзонхавы. В биографиях последнего говорится, что в 1409 г. Цзонхава, сделавши для статуй Чжу вышеуказанные украшения, установил чтение монлама. Говорят, что с этого времени вошло в обиходное чтение монлама, но, по-видимому, окончательное установление его относится ко времени пятого далай-ламы, современника маньчжурского императора Кан-си, который, как говорят, утвердил эти правила.

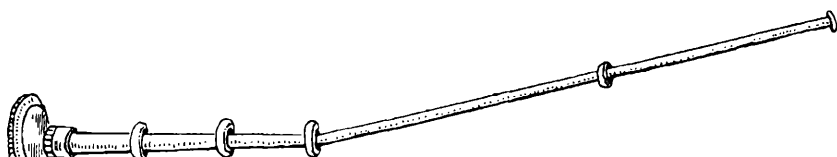
Лишь только входят шамо, за ними идут гуськом разливальщики чая с медными посеребренными или с чисто серебряными кувшинами. Кувшины обшиты или обернуты кожей или тряпками полотна, которые довольно грязны, и остается только удивляться совмещению грязи с роскошью, но это свойственно народам Дальнего Востока. Разливальщиками служат простолюдины, прибывшие, как передавали, из Цзана по долгу натуральной повинности. Между ними есть и пожилые, но большинство люди молодые и очень немного мальчиков от двенадцати приблизительно лет. Распоряжаются ими во время разливания несколько духовных из дацана Дзян в Брайбуне. Распорядители эти набираются из молодых людей, отличающихся более физическим развитием, чем умственным. Это особый контингент монастырской братии, известный под названием «добда» или «добдага» (силачи).

После окончания богослужения монахи расходятся по домам. Квартируют они в разных частях города, обыкновенно очень тесно, потому что при старании их поместиться по возможности ближе к центру бывает недостаток квартир, да к тому же и хозяева квартир стараются поместить возможно большее число, потому что с каждого лица взимается плата, установленная таксой, а именно 1,3 монеты или около 27 копеек на наши деньги за время монлама — т. е. за один месяц. Большой монлам, как уже сказано, длится двадцать дней и малый — десять дней.

10 февраля. Сегодня перед самым закатом солнца происходил обход двух шабдэгма. Они шли в своих шапках с обыч-

ными жезлами в руках. Их сопровождали по несколько гэиков и табьёков. Свита усердно выкрикивает знакомые нам слова «па-чжюг-чжи». Во время таких обходов домовладельцы должны держать в чистоте прилежащие улицы, а духовные вовсе не должны показываться обходящим на глаза. Говорят, что эти обходы стали происходить после упомянутых выше беспорядков с непальцами, учиненных духовными во время монлама и как раз в сумерки. Попавшихся по неосторожности или тут же наказывают розгами и отпускают, или сажают в кутузку, освобождение из которой уже обуславливается уплатою известного денежного штрафа.

20 февраля. Сегодня 15-е число первой луны. Утром происходило так называемое «круговращение Майтреи» (по-тибетски — «чжамкор»), т. е. обнесение кругом квартала Чжу изображения Майтреи — будды будущего мира. Церемония эта, весьма пышно обставляемая в монгольских и бурятских монастырях, проходит здесь совершенно незаметно, при весьма небольшом стечении народа. Этот будда будущего едва ли не больше почитаем настоящего Шакьямуни. Замечательна вера в будущее. Даже будды не вечны и должны уступить свои места другим. Нет надобности заботиться о настоящем, а можно заботиться только о будущем! Нужно примириться со всеми невзгодами в настоящее время, потому что они не вечны, а заботиться исключительно о лучшем будущем! Вечером были устроены обычные в ламаистских монастырях «жертвоприношения 15-го (числа)» (чжунгай-чодба). По улицам квартала Чжу на высоких столбах и подставках выставлены различных размеров щиты (натянутая на рамы яковая кожа) с барельефными фигурами и узорами из масла, окрашенного в разные цвета. Эти фигуры наклепываются на щиты. Более крупные фигуры делаются вчерне из дерева, затем облицовываются маслом. Перед ними поставлены столы, на коих горят светильники. Все щиты обращены тылом к Чжу, т. е. поставлены по правую руку от идущего посолонь. Столбы, по-видимому, не закапываются в землю, а укрепляются кучами камней. Особенно большими размерами щитов и изобилием и художественностью фигур отличается чодба далай-ламских казначеев, устроенная у главных ворот Чжу и двух дацанов Чжуд, помещенных

на восточной улице квартала. Таких чодба чрезвычайно много, и каждая устроена на средства отдельных монастырских общин. Фигуры лепятся особыми мастерами-монахами за особую плату, которая соразмеряется с искусством мастеров. Когда с наступлением ночи зажигаются светильники, выходы прилежащих улиц окарауливаются тибетскими солдатами, для того чтобы не допускать народ, пока не осмотрит чодба административная власть, в числе коей первое место принадлежит, понятно, далай-ламе и маньчжурскому амбаню. Далай-лама осматривает чодба только тогда, когда он специально поселяется в Лхасе (в самом городе). В нынешнем году его нет в городе, поэтому осматривали чодба маньчжурский амбань и местные князья и перерожденцы.

После осмотра высокопоставленными лицами к чодба допускается простой народ, который, как упомянуто уже раньше, вообще очень палок на зрелища. Женщины и мужчины ходят толпами и, взяв друг друга за руки, с громким пением пляшут перед каждой группой чодба. Многие ходят с факелами. Это удовольствие продолжается до поздней ночи. Под конец, как передавали мне, выступают различные хулиганы, которые ловят одиноких женщин. В этом преступлении особенно попадают природные китайцы, но еще в большей степени китайцы от местных матерей.

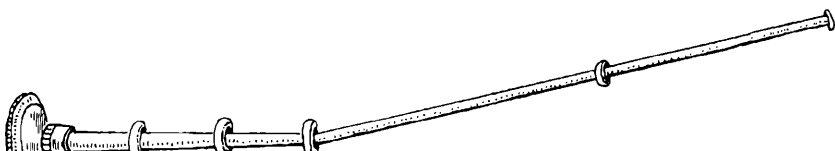
21 февраля. От вчерашних чодба уже ничего не осталось. За ночь успели их убрать. Камни сложены на боковых улицах в кубы. Они затем будут снесены благочестивыми монахами и простолюдинами на реку Уй и прибавлены к плотине, которая таким образом ежегодно надстраивается. Плотина эта или, вернее, обкладка правого берега камнем, как бы набережная, сделана там, где течение реки отклоняется к правому берегу. Ниже этого места набережной нет, небольшой участок ее есть только у Норбулинхи.

22 февраля. У набожных ламаистов в большом обычае поднесение пожертвований духовенству лхасского монлама или деньгами, или, так сказать, натурой. Последняя состоит из поднесения духовенству похлебки (тугпа) и чая. Самым дешевым, а потому более доступным и обычным, является подношение чая (по-тибетски — «ман-чжа», т. е. «чай для множества»), которое обходится приблизительно в 120 санов

местных монет (160 рублей на наши деньги). Я, со своей стороны, следуя, во-первых, обычаю средне-состоятельных богомольцев, каковым я был известен среди духовенства, а во-вторых, по свосму взгляду, почсму же не выразить свое сочувствие просвещению народа, которое у ламаистов выражается пока лишь односторонним изучением богословия и отчасти мистицизма, внес еще осенью 20 санов монет, 2 лошади и лошака в казну лабранского чанцзада, откуда мне выдали квитанцию в приеме стоимости одной ман-чжа большого моплама. Лабран-чанцзад называются казначеи или правители имущества дворца далай-ламы при Чжово-хане.

Вчера, через гэргана Брайбунского камцана Самло, объявили мне, что чай моего имени будет подноситься сегодня утром и чтобы я к тому времени был совершенно готов и приготовил бы три пачки курительных свечей, а также представил бы свой доклад, т. е. текст тех пожеланий, к исполнению коих я стремлюсь подношением ман-чжа духовенству. Текст этот я заготовил при помощи ламы-тибетца, который составил его по шаблону подобных речей.

Придя ранним утром с тремя пачками курительных свечей, опоясанных красной бумажной лентой, так как чай подносился за здравствующих (за умерших — белые ленточки), я встретил здесь гэргана Самлоского камцана, который был одет в свое лучшее платье. Когда младший шамо, заведующий специально разливанием чая, привел вереницы разливальщиков и поднятием своего жезла на плечо (вроде военного «ружья вольно!») дал знак начать разливание, разливальщики поспешно стали наливать чай в подставляемые монахами деревянные чашки. Когда они кончили разливание в средних рядах, старший шамо, став в нижнем конце главного прохода, снял свою шапку и мантию и сложил на «сэн» (по-тибетски; «орхимчжи» — по-монгольски), услужливо растянутый двумя монахами, сидевшими друг против друга по обеим сторонам прохода, сделал три молитвенных поклона, приставляя лоб к своей поднятой шапке, так как делать поклоны ниже не позволяют, во-первых, его ужасно тяжелый костюм, а во-вторых, и грязь пола, облитого чаем с маслом, к которому неудобно прикасаться не только нарядным костюмом, но даже самой оборванной юбкой

монаха-пролетария. После этого он снова надел свою мантию и, держа шапку в руке, начал читать тексты докладов тех лиц, которые в данный период подносят чай. В это время меня с камцанским гэрганом вел на конец главного прохода лама — депутат от лабранских чанцзадов. Он взял в руку одну пачку курительных свечей, вторую дал камцанскому гэргану, а третью — мне, и всем нам трем зажгли их. Лишь только кончилось чтение старшего шамо, мы один за другим в вышеназванном порядке стали проходить между рядами духовных. Когда дошли до дверей Чжу, то вошли в храм и поклонились статуе Чжу-ринбочэ. При самом входе в комнату Чжово свечи отбираются и выдаются при выходе. Затем мы обошли один раз внутренний храм посолонь; этим завершилась церемония, и у нас отобрали остатки пачек свечей. Остатки этих свечей продаются по две монеты (новая целая пачка стоит 1 монету) желающим благочестивым людям. Они покупаются с верой в особенную их целительную силу, как служивших такому множеству духовенства. С той же верой в благотворную силу покупаются и палки гэиков по 20 коп.

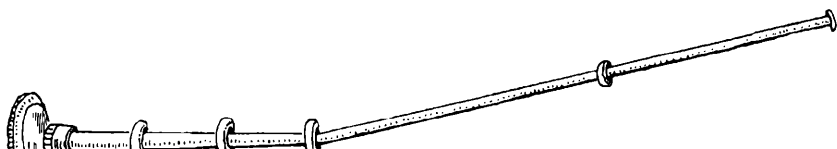
Депутату за сопровождение полагается уплачивать две монеты, камцанскому гэргану — пять монет; но, кроме этих узаконенных расходов со стороны жертвователя, к нему пристают находящиеся вблизи гэики, прося «на водку» или «на чай», что в большом обычае в Центральном Тибете, даже в гораздо большем, чем в нашем отечестве. Скупящийся на несколько монет должен как можно скорее покинуть храм. Когда я пришел в квартиру, то явились поздравители из служителей камцана, которых тоже неудобно отпускать с пустыми руками и нужно дать хотя бы по одной монете.

26 февраля приехал из нашего отечества Агван Доржив⁵ вместе со своими спутниками бурятами и ставропольским калмыком Овше Норзуновым, который взялся сделать снимки для Императорского Русского Географического Общества⁶. Он снабжен таким же аппаратом, каким я уже с осени делаю снимки. Чтобы не возбуждать разных толков, я скрываю аппарат вообще от всех местных жителей, не исключая и бурят, моих земляков, и монголов различных аймаков. Непосредственно мне не пришло никаких вестей с родины, но от вновь приехавших я узнал подробности боксерско-

го движения, охватившего тогда северо-восточный Китай, о чем очень смутные слухи уже раньше доходили из китайских и монгольских источников.

1 марта. Сегодня, 24-го числа первой луны, происходило обычное сжигание двух дугчжуба (шестидесятников), т. е. двух больших соров, так как дугчжуба — тот же сор. Дугчжуба состоит из деревянного столбика, прикрепленного к квадратной доске, с четырех углов которого к верхушке столба идут картонные полосы красноватого цвета, на полосах этих узорчатые вырезки, очень красивые, должны изображать огненные языки. На верхушке столбика прикрепляется сделанный из теста белый череп. В промежутках между полосами — еще бумажные украшения. Шестидесятником он называется потому, что служит в течение целого года из 60-летнего периода предотвратителем разных несчастий и бедствий, насылаемых нечистыми духами, врагами людей и религии. В чтении молитв и церемонии сжигания участвуют два дацана: брайбунский Агпа и поталаский Намчжал. На церемонию сжигания явился галданский сэрти, или наместник Цзонхавы, о котором будет сказано подробно в XI главе. Он шел впереди всех в предшестве старшего шамо, который нес зажженную пачку курительных свеч. Сзади него тянулись другие знатные люди. Немного поодаль по обе стороны шли один за другим монахи двух вышеназванных дацанов в лучших парадных костюмах, держа в руках: идущие впереди — медные тарелки (ручные музыкальные инструменты), а идущие позади — барабаны с деревянными рукоятками. Еще далее, уже по краям улиц, шли пешие солдаты с фитильными ружьями, из коих они попеременно стреляли холостыми зарядами в сторону.

Дугчжубы выносятся и сжигаются на площади перед домом маньчжурского амбана в двух кострах, устроенных из сена наподобие конуса, причем остовом служат длинные шести из сырого дерева. Лишь только бросят дугчжубы в костер, беднота бросается к кострам, желая достать что-нибудь из узорчатых украшений, а еще более — недогоревшие шести. Процессия после сего возвращается тем же порядком. Вслед за этим происходит пальба из пушки в гору, находящуюся против Поталы, на той стороне реки Уй. Медная

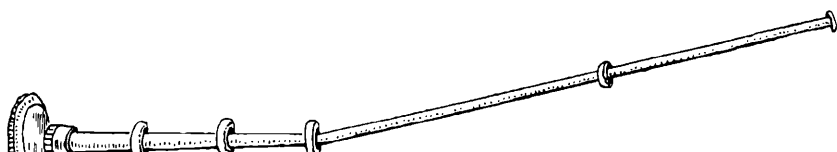
пушка вкапывается в землю на поле перед Поталой. Я не подходил к самой пушке, но наблюдал стрельбу с некоторого расстояния. Сначала делают три выстрела холостыми зарядами, а затем четыре — ядрами. Существует поверье, что гора эта, на которой находится могила злого хана Ландармы, известного гонителя буддизма в Тибете, понемногу приближается к реке и постепенно теснит воду к правому берегу, чтобы в конце концов совершенно загородить ее русло и, направив ее на город, потопить Лхасу с ее святынями. Для отвращения этого бедствия ежегодно обстреливают ее в этот день, после чего она отодвигается назад на прежнее место. Те люди, которые приносят обратно ядра, освобождаются на год от податей; поэтому там ожидают постоянно человека четыре, чтобы добыть упавшее ядро. Прицелом служит черная палатка, поставленная ближе к вершине горы. Мне передавали, что в этой палатке привязывают козла, но за достоверность этого не ручаюсь, так как не удалось добыть более точных сведений. Ядра, поднимая много пыли, падали не особенно близко от палатки, хотя стрелявшие, по-видимому, старались прицелиться в нее.

2 марта. Сегодня — 25-го числа первой луны — последний день большого монлама. После утреннего собрания духовных богослужения прекращаются и начинаются игры уже светских людей. Игры происходят на площади, на южной стороне второго двора Чжу. Знатные князья садятся на балконе второго этажа этого дома-двора. Народ стоит толпой на площади и сидит на крышах прилежащих домов. Уличный порядок поддерживается при помощи дубин гэиков и палок табьёков. Игры состоят в борьбе пары почти голых людей, вымазавших все свое тело бобовым или иным растительным маслом, затем в беге пеших людей и свободных лошадей. Те и другие «бегунцы» отводятся на поле, к западу от Поталы, на большую дорогу, идущую в Брайбун, и оттуда пускаются бежать. Свободные лошади бегут впереди, погоняемые пешими, а также и конными людьми. Впрочем, как говорили мне, некоторые лошади предпочитают этому славному состязанию насушенный хлеб и, уходя в сторону, щиплют траву. Я, стоя на площади, видел только двух лошадей, пригнанных одним верховым погонщиком. Они, ободряемые

дикими криками толпы, действительно очень стремительно бсжали по улице. Затем прибежали и пешие, разодетые в пестрые костюмы. По-видимому, ни те, ни другие не получают значительных поощрений своему искусству. Народ скоро после этого разошелся. Немного спустя уехали и брайбунские шамо, положительно державшие город в терроре двадцать дней. По дороге они заезжают на Поталу, к далай-ламе, который дает им (кладет на шею) хадаки, благодаря за труды, понесенные во время большого монлама.

Если подвести вкратце итог обычному ходу собрания монлама, то день его начинается ранним утром, при начале рассвета. В это время двое табёков выходят на два пункта в северной и восточной части города и громким криком призывают духовных на собрание. Когда духовные займут свои места, начинается чтение молитв и почти одновременно с этим разливание чая по две чашки, а затем одной чашки тугпа, или похлебки. Чай бывает черный, но забеленный маслом, которое, впрочем, попадает в изобилии только в чашки сидящих в центральных рядах, так как для них назначаются первые чайники из заготовленного чая. Занимающие такие места монахи имеют, кроме своих больших чашек, еще особые закрывающиеся сосуды для собирания масла посредством сдувания с поверхности чая. За все время монлама сидящие в центральных рядах собирают масла почти на шесть-семь рублей на наши деньги. Зато сидящим в последних рядах приходится довольствоваться только теплой водой, потому что по мере убывания чая в котлах к нему непрерывно добавляется холодная вода, чтобы напоить все собрание. Тугпа готовится из разваренного риса, с небольшим количеством мяса. Опять-таки и эта тугпа для «центральных» является более или менее густой рисовой кашей, для следующих постепенно обращается в жидкую похлебку, а самым последним нередко достается мутно-беловатая вода (рисовый отвар) с одним или двумя десятками зерен. После этого утреннего чая при выходе раздают обыкновенно по $\frac{1}{6}$ местной монеты на каждого ($3\frac{1}{3}$ коп.).

Немного спустя после этого происходит собрание на площади, называемой Сун-чой-ра, находящейся на южной стороне квартала Чжу, у имеющегося там далай-ламского сада-

лица из каменных плит, скрепленных глиной. Седалище квадратной формы со ступенями. Здесь, впереди сего трона, готовится престол для галданского наместника, а кругом, на ступенях этого возвышения, садятся ученые ламы, которым предстоит держать диспут для получения ученой степени лхарамба, значение коей будет выяснено в X главе настоящего труда. Предлагать им вопросы может всякий, присутствующий на диспуте. Я замечал, что в таких желающих не бывает недостатка: выступают по большей части молодые монахи, отчасти желающие выяснить интересующий их вопрос и услышать мнение почтенных ученых, отчасти и пылкие молодые люди, желающие блеснуть перед собранием своей эрудицией или просто ораторским искусством, а иногда и просто игрой слов. Но многие принимают участие в диспутах из убеждения, что посредством участия в религиозном собеседовании настоящей жизни они удостоятся в будущей неразлучения с учением Победоносного, т. е. Будды.

Далее, немного ранее полудня, происходит собрание, называемое «гунциг-ман-чжа» (полуденный чай) с двумя чашками чая и похлебкой.

После полудня происходит собственно монлам, т. е. чтение благопожеланий перед дверями храма Чжу. Для этого трон галданского сэрти устанавливается в некотором отдалении перед дверями храма Чжу, лицевой стороной к этим дверям. По обе стороны от трона садятся хамбы Сэ-нбрагэ-сума. Главный и второстепенные умцзады садятся против сэрти у стены храма, обратившись лицом к сэрти. Собрание это ограничивается чтением и священнодействиями без раздачи чая. На него собирается очень мало духовенства.

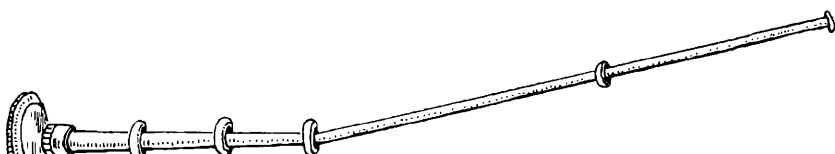
Последнее собрание происходит уже под вечер и называется «гончжа», т. е. вечерний чай. Во время этого собрания монахам подают по три чашки чая.

Если полагается раздача монет, то она происходит после гунциг-ман-чжа и гончжа, поэтому эти собрания бывают самыми многочисленными. Ввиду разноречивых указаний числа духовных Лхасского монлама, показываемого в некоторых источниках в 70 тысяч, а в некоторых 50 тысяч, я однажды стал считать духовных у главного выхода во время раздачи

монет. Я насчитал около 2250 человек. Таких выходов семь, следовательно, всего вышло никак не болсс 20 тысяч человек.

Интересно бывает смотреть выход многочисленного духовенства в дни раздачи монет. В главные ворота выходят сначала весьма чинно хамбы дацанов и высшие перерожденцы и ученые ламы, но после них начинается выход обыкновенных монахов, что сопровождается страшной давкой. Надсмотрщиками над порядком являются шамо и гэики, усердно пускающие в дело палки (шамо оставляют тяжелые жезлы и берут в руки более легкие палки). Жутко бывает иногда видеть, как гэик изо всей силы ударяет монаха своей дубиной, от такого удара иногда падают. По временам кажется, что гэик бьет ради своего удовольствия, так как, начав бить одного, ударяет всех его соседей поголовно, не разбирая ни правых, ни виноватых. Если гэик при исполнении своих обязанностей убьет монаха, то за брайбунского монаха штрафуются 20 копейками, а за монаха других монастырей 10 копейками, причем штраф увеличен для первых из тех видов, что у гэиков, назначаемых исключительно из Брайбуна, может проявляться месть к своим знакомым, которых больше всего, конечно, бывает в своем монастыре. Мне передавали старожилы, что такое убийство бывает очень редко, и последний на памяти случай относили за четыре-пять лет тому назад (1896—1897 гг.), когда поплатился жизнью один монах из Сэра, затеявший драку с гэиком в сообществе с другими товарищами. Гэик был поставлен в критическое положение и, обнажив постоянно носимую за поясом саблю, убил нападавшего.

Не менее интересно происходящее вне ворот. Тут на скамейке у одного столба стоит назначаемый от лабранских чанцзадов чиновник (светский или духовный). Против него, ближе к воротам, на полу стоит раздавальщик монет, а рядом с ним — слугитель, держащий мешок с монетами, на другой же стороне — счетчик. Монахи выходят один за другим и, подставляя руку, получают монету или ее часть. В последнем случае отсчитывают известное число монахов, смотря по тому, какая часть монеты выдается в данном случае, и монета дается последнему, который и делит ее. Гэики все время

желают разными неправдами и попрошайничеством получить монеты. Способов этих, как я наблюдал, три: 1) встать в шеренгу между простыми монахами и, спрятав свою дубину на другой стороне тесного ряда, протянуть руку, 2) провести, пользуясь своим правом входа и выхода, под своим покрывалом маленьких послушников и поставить их снова в ряд и 3) уже самый некрасивый, это — вырывание монеты у оплошавшего монаха после того, как казначей положит монету ему в руку, или же вырывание у самого казначея. Выдающие строго следят за проделками монахов, стараясь не поддаваться на их хитрости.

Я не говорю уже о том, как гэики выпрашивают подачки у казначеев, так как такое выпрашивание практикуется не только ими, но и полновластными шамо.

После гонча начинаются снова диспуты лхарамб уже в главном дворе перед храмом Чжу и продолжаются до вечера.

Этим кончается день монлама.

Раздача духовенству монет, кроме утренней, происходит по мере поступления пожертвований. Обыкновенных раздач бывает четыре: одна монета от далай-ламы, одна монета от банчэн-эрдэни, 15-го числа — одна монета из процентов неприкосновенного капитала одного камского купца и 24-го — одна монета от центрального правления Тибета — дэбашуна. Частный жертвователь должен внести при желании раздачи по одной монете 80 ямбов, или 26 666 $\frac{2}{3}$ местных монет (около 5333 р. 33 к.). Сумма пожертвований должна быть внесена в казну лабранских чанцзадов, которые и берут на себя дальнейшие хлопоты, конечно, не без выгоды для себя, так как установленная сумма взноса выше действительно раздаваемого количества.

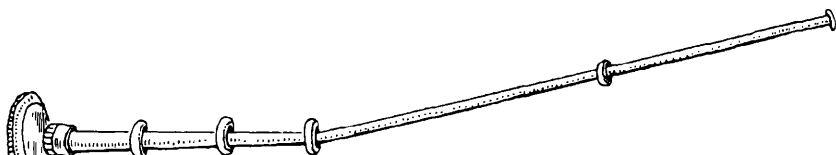
Всех денег, получаемых в обыкновенное время одним монахом во время всего монлама, бываст от 15 до 20 местных монет, т. е. от трех до четырех рублей.

В дни, когда нет раздачи денег, к воротам при выходе подходят те же лица и счетчики, и вместо денег перед каждым монахом помахивают хадаком, привязанным к свертку бумаги (или палке?). Этим действием как бы каждому духовному подносится хадак, так как нельзя отпускать духовных без вознаграждения. К этому добавляют, что прежде, когда

у людей было больше благочестия, жертвуемых денег хватало на каждый выход. Но теперь времена испортились!

3 марта. Незадолго до окончания монлама в Лхасу сзывается из своих домов по деревням гарнизон тибетского войска. Солдаты прибывают из деревень и размещаются по частным квартирам. Гарнизон этот состоит из пехоты и конницы. Обучение его производится за городом, на северной стороне его, но в городе он в полном своем составе участвует на церемонии сжигания дугчжубы, которая на этот раз происходила, как сказано выше, 24-го числа этой луны. Впереди пехоты ехали военачальники (дабонь), в конце каждой сотни на лошаках какие-то лица, по-видимому, нечто вроде знаменосцев. Вооружение пехоты: сабли, луки и щиты; на теле — чешуйчатый панцирь, на голове — шлем. Щиты, по-видимому, из плетеного тростника (мелкого бамбука). Впрочем, в вооружении нет единства: некоторые имеют пики, некоторые — луки, а некоторые — фитильные ружья. При вступлении в город и также при шествии церемонии пехотинцы то и дело палят холостыми зарядами. Конные — также в шлемах и панцирях, в руках у них пики, на спине фитильные ружья с рожками (ножками), на бедрах луки и колчаны с четырьмя стрелами. Военачальники ехали на прекрасных лошадях, в парчовых халатах, в собольих, на маньчжурский образец, шапках с шариками на макушках, вооружение их — лук и колчан с пятью стрелами; на плечах — коротенькая соболья накидка, вроде пелерины. По городу конница шла двумя рядами, гуськом, на некотором расстоянии друг от друга. Между этими рядами ехали военачальники со свитой. Лошади простых воинов плоховаты и малорослы, так как все местной породы.

Сегодня за городом на участке, принадлежащем князю Лха-лу-гуну, подле его усадьбы, происходил своего рода осмотр «конницы». Я не застал начала, но прибыл к середине его. По одному краю площади была вырыта прямая неглубокая канавка на протяжении около 100 сажен в направлении с юго-запада на северо-восток. На восточной стороне растянута большая палатка, под которой сидели военачальники. Площадь была свободною, а края ее и ближайшие поляны были заняты палатками более богатых зрителей, между

коими располагались там и сям кружки семейств и знакомых. Расставлены были и столы торговцев булками, лепешками, вином и вообще съестным. Тибетцы, не любящие упускать случая загородных гуляний с выпивкой и игрой в кости, прибыли сюда в большом числе.

Подле вышеупомянутой канавки, саженях в 50 друг от друга, были повешены мишени, состоящие из мягкого круга около 0,5 аршина в диаметре. Выезжают всадники к юго-западному концу канавки по пяти человек, затем скачут по очереди, по одному. Всадник пускает лошадь в галоп. Около первого круга он снимает из-за плеч ружье и стреляет по мишени холостым зарядом, затем, надев ружье, до следующего круга снимает лук, вынимает из колчана стрелу и пускает ее во вторую мишень. Это же самое проделывают и последующие. Несмотря на то что в мишени приходится стрелять почти в упор, многие промахиваются, и стрелы вонзаются в землю на площади. Кроме этого, бывает много неудач: некоторые падают с лошади, некоторые не успевают проделать второй стрельбы, некоторые вместо того, чтобы надеть ружье, роняют его за спину и т. п., но лошади всегда пробегают безошибочно по канаве, со свойственным тибетской породе смирением.

Когда кончается упражнение одной партии в пять человек, то она, спешившись, подходит к палатке военачальников, и все получают в подарок по два хадака, что ценится на наши деньги в 12 копеек. После получения подарка они делают перед начальством нечто очень похожее на дамский реверанс и уходят, размахивая руками, к своим лошадям, сев на коих отъезжают, а на смену им выезжает следующая пятерка всадников.

Это длится до самого вечера, и мне не удалось дожидаться конца, так как нужно было ехать домой в город.

Весь гарнизон, созданный в Лхасу, доходил до 500 человек — 3 сотни пехоты и 2 сотни конницы.

26 марта, а по местному 19-го числа второй луны, происходит второй съезд монахов Сэ-нбра-гэ-сума для чтения так называемого «малого» монлама или «цог-чод-монлама». Первый, большой, монлам читается ради долгоденствия и благополучия маньчжурского императора,

а малый — в тех же видах для далай-ламы. Разница между ними, во-первых, в числе дней чтения (первый длится 20 дней, а этот — 10 дней), во-вторых, на первый должны собираться все монахи без исключения, на второй же могут не являться те, кто внесет $\frac{1}{2}$ монеты в Брайбуне и $\frac{1}{3}$ в других монастырях — в пользу цокчэнских шамо. В остальном происходит почти буквально повторение большого монлама, но в соответствии меньших размеров.

30 марта я впервые увидел того человека, который вскоре должен быть изгнан в виде человеческой жертвы за долгоденствие далай-ламы. Это — мирянин, довольно хорошо одетый. Говорят, что он служил писцом в канцелярии духовных дел (иг-цан) при далай-ламе. Он обходил лавки торговцев и собирал милостыню или, скорее, подать с торговцев. Каждый торговец должен дать 0,5 монеты или вещь этой стоимости. Помимо этих обязательных подачек к нему стекается немало и доброхотных даяний, так как верят, что он примет на себя и грехи подающего. Он ходит с пушистым черным яковым хвостом, который он имеет при себе и при церемонии изгнания. Сопровождает его прислужник, которому он передает получаемые вещи.

4 апреля, по местному 28-го числа второй луны, за неимением завтрашнего 29-го числа, происходила церемония изгнания вышеупомянутого человека «лу-гон», т. е. высший выкуп или выкуп за спасителя (далай-ламу). Церемонию эту совершает духовенство монастыря Чжан-чуб-лина, основанного, как говорят, пятым далай-ламой и принадлежащего «старой секте» (ньинма), в сообществе с галданским наместником. Задолго до начала церемонии народ стоял непроницаемой толпой перед главными воротами Чжу, где происходит начало церемонии, и им же были заняты крыши соседних домов. Я поднялся на крышу одного из домов, составляющих главный двор. Чтение кури́ма, т. е. заклинаний, происходило внутри двора, и зрелище для публики открывается лишь с того момента, как за ворота выходят галданский сэрти в сопровождении духовных вышеназванного монастыря; сюда же выходит и лу-гон в одежде из белой козьей шкуры, надетой шерстью наружу. Половина лица у него вымазана белой краской, а другая половина — черной. Он держит свой

неотлучный черный яковый хвост. На голове — род шлема. Здесь между галданским сэрти и лу-гоном происходит как бы спор, кому из них быть изгнанным. Наконец они соглашаются метать жребий посредством кубиков с очками. У галданского сэрти небольшой кубик со многими очками на каждой стороне, а у лу-гона большой, грубо сделанный, у которого на каждой из шести сторон по одному очку. Метание происходит трижды, так как лу-гон не соглашается уступить после первых неудач. После третьего раза лу-гон в досаде топчет кубик и обращается в бегство на западную или, точнее, юго-западную сторону. Ламы Чжан-чуб-лина в облачениях тарнистических* церемоний совершают тут же мистическую пляску с соответствующими жестикуляциями. В это время выносят на одной подставке сор, а на другой изображение далай-ламы в фут вышиной в полном духовном облачении.

После окончания пляски начинается процессия вслед за лу-гоном. Впереди несут сор и изображение далай-ламы. За ним следуют ламы Чжан-чуб-лина в числе около двадцати человек. В некотором отдалении сзади них духовенство Чжуд-мад со своим лама-умцадом во главе выносит сор.

За ними идет галданский наместник. Вслед за наместником, вследствие отсутствия в настоящее время прорицателя Найчун-чойчжона, несли только полное его облачение и изображение чойчжона в сопровождении всей той свиты, какая полагается при жизни прорицателя, который умер от оспы, свирепствовавшей в Центральном Тибете в 1900 г. Впереди каждой из перечисленных групп шел один из высших членов администрации монлама. Так, перед ламами монастыря Чжан-чуб-лина шествовал младший шабдэгма, перед дацаном Чжуд — старший шабдэгма, перед наместником — старший шамо, перед Найчуном — младший шамо. Гэики и табьёки поддерживали порядок среди зрителей. Солдаты шли по краям улицы и часто стреляли холостыми зарядами из своих фитильных ружей.

Сжигание соров происходит перед домом амбаня.

Лу-гон, как говорили мне, добегает до реки Уй и там, переодевшись и вымывшись, садится на приготовленную

* Магических.

лодку, на которой уплывает в монастырь Самьяй. Там он делает пожертвования духовным и заказывает молебен уже за свою жизнь, так как он, продав себя за искупление жизни далай-ламы от нечистых духов, понятно, этим самым подвергается опасности быть фактически взятым сими последними, т. е. умереть.

Церемония началась в половине первого и кончилась в три часа пополудни.

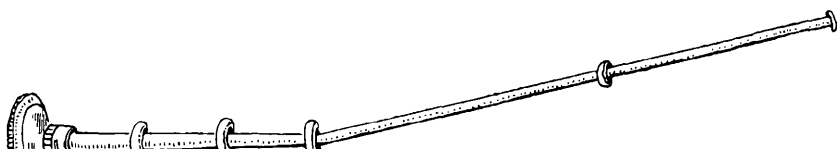
5 апреля, а по местному 30-го числа второй луны, происходило большое религиозное шествие, называемое сэр-прэн (по местному произношению сэр-тан), т. е. «золотые четки». Четки эти состояются из 1000 молодых монахов, назначенных пропорционально численности духовенства главнейших монастырей. Получившие назначение монахи за время всего малого монлама садятся в центральных рядах, чтобы получить выгоду от вышеупомянутой продажи масла, извлекаемого из чая.

Но зачастую вся эта выручка уходит на наем напрокат хорошего парадного платья, которое бывает или у очень богатых лиц, или у лам, занимающих административные должности.

Все они утром сегодняшнего дня собираются во двор Чжу и здесь из кладовых казначейства, при поручительстве администраторов своих факультетов, получают разные вещи, которые они должны нести во время процессии.

Вещи эти суть различные символические предметы из разноцветной шелковой материи, как чжалцаны (победный знак — цилиндр из материи), зонты, род хоругви, трубы, раковины, барабаны, мандалы, маски разных небожителей, балдахины, изображения слонов и т. п.

По мере получения священных предметов всех постепенно ставят друг за другом по улице квартала Чжу. После окончания расстановки участников эта длинная вереница гуськом тянется вдоль улиц, которые к этому дню старательно выметаются и посыпаются белым и желтым песком в виде дорожек. Обошедши один раз квартал Чжу, процессия тянется через Ютогский мост в Потале. К ее приходу на лицевой стороне Поталы бывают сделаны необходимые приготовления, а именно: на стене растягивается громадное

полотно с изображением будды Шакьямуни и белой Тары (по-тибетски — «Долкар»). У подножия его устраиваются сидища для высших светских сановников. Когда процессия подходит к этому месту, то выступают особые плясуны в масках и подобающем одеянии и совершают танцы, имеющие мистическое значение. Народ густой толпой размещается по утесам и крышам домов. Далай-лама, как говорят, смотрит на процессию из дворцового окна.

После этого процессия двигается далее и, пройдя под проходным субурганом, обходит вокруг Поталы. Во время этого прохождения провели большого живого слона, на спине которого было поставлено изображение кучи «чиндамани» (драгоценностей). По-видимому, слон не мог подделаться под тихое движение процессии и был проведен мимо идущих гуськом участников быстрым шагом, затем, вероятно, водворен в свой двор.

Далее процессия немного отдыхает на северо-восточной стороне Поталы и, обойдя храм Чжу-рамочэ, возвращается во двор Большого Чжу. Здесь сдают обратно взятые вещи, чем и оканчивается церемония. Процессия кончилась около двух часов, а началась она в семь часов утра. Такая продолжительная процессия чрезвычайно утомляет ее участников, в особенности тех, коим приходится нести более тяжелые вещи. Из них достойны упоминания барабанщики. Они несут на спине громадные барабаны, имеющие диаметр около 1,5 аршина, и во все время процессии должны приплясывать и ударять в эти барабаны.

Начало этой церемонии приписывают известному пятому далай-ламе, который, как говорят, однажды видел сон, что тысяча красивых монахов в наилучших костюмах, с разными драгоценностями и священными предметами обходят Поталу. Он объяснил это внушением богов и затем осуществил сон наяву.

6 апреля — конец монлама. Духовенство и его администрация выехали из Лхасы. Только галданские монахи остаются в городе, так как во главе со своим цзонхавинским наместником поклоняются далай-ламе в его летнем дворце Норбулинха.

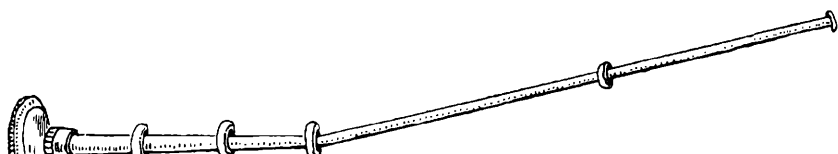
10 апреля. В последние дни на базарных площадях и на боковых улицах появилось около десятка мужчин и жен-

щин, по-видимому, низших степеней монашества, рассказывающих религиозные поэмы. Они натягивают на стене дома или забора рисованные изображения святых или будд. Между ними чаще всего встречаются изображения Бадма-Самбавы, известного проповедника буддизма IX в., и знаменитого Миларайбы, поэта и подвижника XI в. Они помещаются посередине полотна в сравнительно больших размерах, а вокруг них изображаются разные сцены из их биографий. Перед этими картинами ставят жертвенные чашки с ячменем или рисом, а иногда и совершенно пустые. Рассказчик становится подле изображения с железной указкой и нарасспев рассказывает подвиги святости или вообще биографические данные. Тибетцы, как не раз я упоминал раньше, остаются верными своему любопытству, но в данном случае к нему присоединяется еще религиозное благоговение перед святыми, которых восхваляют рассказчики, и потому любят их послушать, причем многие приносят муку цамба, ячмень (поджаренный), а более зажиточные — местные монеты. Все это кладется в жертвенные чашки перед изображениями и, понятно, поступает затем в пользу рассказчиков. Слушатели обыкновенно стоят, но более усердные просиживают перед рассказчиками целые часы, перебирая четки и вертя ручные молитвенные цилиндры.

С наступлением ночи или ненастной погоды рассказчики убирают эти изображения, складывают все в длинный, небольшой сундук и, положив его на спину, удаляются на квартиру.

Они бывают обыкновенно плохо одеты и суть, по-видимому, странствующие рассказчики, питающиеся добротными подаяниями. Мне говорили, что они периодически посещают различные города и местечки Центрального Тибета.

15 апреля. Сегодня я, проходя по городу, заметил у южных ворот второго двора Чжу очень представительного, порядочно одетого пожилого мужчину, сидевшего с большой колодой на шсс. Колода эта представляла квадратную (5 × 5 четвертей) доску толщиной около 1,5 вершка, в середине которой сделана круглая дыра, через которую проходила шея преступника. Подле него сидела какая-то женщина, по-видимому,

служанка, принеся ему местное вино. Он держал в руке четки и читал «мани». Лицо его имело довольно грустное выражение, и он поминутно выпивал подаваемое ему вино. Необыкновенный вид преступника и необычность места его нахождения заинтересовали меня, и я, подойдя к нему, прочел обычную надпись, приклеиваемую на верхней стороне колоды. В этой надписи было сказано, что он за своевольные проступки по приговору четырех галонов должен пробыть в этой колоде 20 дней, затем должен быть наказан 200 плетями и, наконец, надеть вечную колоду. Из собранных мною дальнейших сведений выяснились следующие подробности. Он — из местности Пэн-юл (Пэнбо), в молодости был беден и находился в услужении в одной богатой семье. Со временем он приобрел такую власть в доме, что сделался полным распорядителем имущества хозяев, из коих мужа уже не было в живых. Старший сын их, недовольный его своеволием, искал случая избавиться от него. Поводом к этому послужило, как говорят, то, что он после конфискации имущества и удушения дэмо-хутухты якобы высказал мнение, что далай-лама и галоны желали только воспользоваться большим богатством хутухты. Упомянутый сын донес об этом галонам, пошло расследование, следствием чего и явился настоящий приговор.

6 июня. Наступившая третьего дня пятая луна местного времяисчисления считается здесь месяцем спускания чойчжонов, т. е. в этой луне чойчжоны посвящают свою деятельность этому нашему миру, тогда как в другое время они могут быть заняты в других мирах. Поэтому центральное правительство, монастырские общины и частные лица имеют обыкновение обращаться к прорицателям с просьбой спустить их чойчжонов.

Следуя такому обычаю, и наша бурятская община монахов Брайбуна решила просить спустить чойчжона Гадона завтра 7-го числа. Община обыкновенно соединяет это с устройством своего рода загородного гулянья, свободного от строгого надзора монастырской администрации. Старшины общины пригласили и меня принять участие в этом соединении приятного с полезным. Я же, с одной стороны, заинтересованный случаем поближе видеть спускание одного из

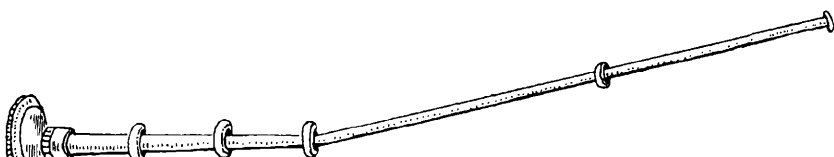
больших чойчжонов, с другой — желая провести некоторое время вне душливой атмосферы города на чистом воздухе, отправился сегодня в сопровождении одного халхасца-монаха в резиденцию вышеназванного прорицателя.

Он живет в монастыре Гадон, который до господства желтой секты был одним из больших монастырей в окрестностях Лхасы. Этот монастырь находится в первой от устья левобережной пади долины Додлун, верстах в семнадцати-восемнадцати от Лхасы, и расположен довольно высоко на склоне горы. Немного не доходя до него, указывают большую яму, глубиной около шести сажений, а в диаметре около трех. Есть поверье, что она образовалась во время последней войны с непальцами, будто бы от заклинаний последних. Но тибетцы, отыскивая средства противодействия, поставили подле этой ямы субурган, который остановил дальнейшее образование провалов.

Когда я с моим спутником подошел к монастырю, то узнал, что нашим бурятам отведен дом, находящийся в саду прорицателя на западной стороне монастыря. Придя в этот дом, мы застали там уже почти всех бурятских лам. Расположившись в довольно обширном, по местным понятиям, доме с отдельной кухней, монахи позволили себе некоторыевольности, как игру в домино, борьбу между собою во дворе на зеленой траве, бега вперегонки по обширному саду и проч. Стол, более роскошный, чем в обыкновенное время, был устроен общий, на собранные вскладчину деньги. Соблюдая полное равенство членов общины, был нанят особый повар-тибетец, тогда как все эти монахи в монастыре своем обходятся без прислуги.

Монастырь состоит из нескольких домиков, среди коих выделяется более солидное здание — дуган, где живет прорицатель и где происходит спускание чойчжона. Духовенство или, вернее, придворный штат прорицателя составляют около 25 человек. Большинство из них, равно как и сам прорицатель, могут быть женатыми. Поэтому здесь смесь светского и духовного населения, так что монастырь этот удобнее назвать тибетским селом.

7 июня. Сегодня около 9 часов утра происходило спускание чойчжона Радона. Прорицатель-лама, на которого спу-

скается чойчжон в настоящее время, занимает должность изэдуна (чиновник духовного звания) центрального управления дэбашуна. Дар или, точнее, право прорицания здесь передается от отца к сыну, поэтому прорицатель бывает в молодости женатым. Настоящий прорицатель — человек уже пожилой, на вид ему около 50 лет, и имеет уже взрослого сына, принявшего также духовные обеты, но женившегося недавно на княжне Лха-лу-гун. Этот сын постоянно прислуживает отцу во время спуска чойчжона и должен наследовать должность прорицателя.

В назначенное время, когда все буряты собрались в дугане, явилось придворное духовенство и стало со своими духовыми музыкальными инструментами впереди нас. У задней стены была небольшая комната, совершенно открытая в залу, так что представляла своего рода эстраду. На этой эстраде было поставлено большое кресло, а немного позади него небольшой столик, на котором было сложено полное одеяние прорицателя.

Прорицатель явился из своих комнат в сопровождении двух человек, сына и еще другого ламы. Поджидавшие его два прислужника, в сообществе с вновь прибывшими, принялись одевать его. В конце концов прорицатель оказался одетым в парчовый с широкими рукавами халат с разными привесками, из коих можно упомянуть о круглом металлическом зеркале на груди, на котором изображен вызолоченный мистический знак «хри». На левом бедре — шашка в ножнах, на правом — колчан со стрелами. На голове — своеобразный шлем со многими флажками на палочках, воткнутых нижними концами в шлем. Верхние концы их украшены шариками из белого пуха грифов. Шлем этот очень тяжел, и потому его надевают на прорицателя уже перед самым приходом его в экстаз.

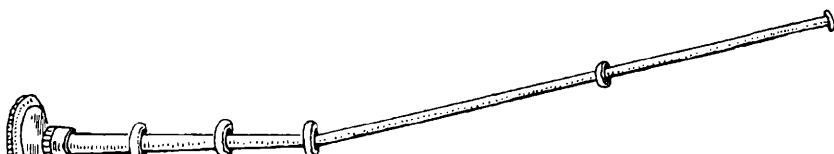
Затем прорицатель садится в кресло, обратившись лицом к публике, и ламы начинают читать призывные молитвы, сопровождаемые тихими звуками кларнетов. Один из прислужников усердно воскуряет благовонными травами вокруг прорицателя, который сидит первое время молча и неподвижно с почти закрытыми глазами, как бы стараясь внушить себе вхождение в него духа-хранителя. Но лишь только

мускулы начнут приходить в содрогание, прислужники надевают на его голову шлем и туго затягивают ленту, идущую от него, под подбородком. В правую руку дают меч, а в левую — лук.

Первыми начинают дрожать ноги, затем все выше и выше остальные части тела. Это происходит с такой постепенностью, что маленькие бубенцы (колокольчики), в изобилии привешенные к разным частям одеяния, начинают издавать звук, приводя слушателя в полную иллюзию приближения кого-то издали. В конце, когда все тело уже дрожит и лицо судорожно искажается, прорицатель, оставаясь на кресле, наклоняется вперед и проводит головой как бы полукруг от левой руки к правой так, что концы маленьких флажжиков почти касаются пола, а самые флажки тащатся по земле. Дойдя до конца полукруга, он моментально откидывает свою голову назад и смотрит вверх. Это проделывается три раза. Значение таких движений объясняют тем, что чойчжон до вопрошания поклонников о различных вещах обзвевает своими очами три мира, находящиеся, по верованию ламаистов, внизу, и три мира, находящиеся сверху⁷, в том числе и нашу землю.

После этого обозрения миров чойчжон является во всеоружии знания: он ясно видит видимых и невидимых врагов, видит судьбу каждого живого человека, а также участь покойников, он предвидит и будущее. Тогда двое служителей берут прорицателя под руки и подводят к краю эстрады, где ставят особое высокое кресло и стелют под ноги барсовую шкуру.

Грозный Гадон, царь премудрости (по-тибетски — «Енданчжалво»), стоит перед нами с сильно искаженным лицом, раскрыв рот и высунув язык. Из горла издается какой-то хриплый звук. В это время к нему по очереди начинают подходить поклонники с обычными хадаками в руках. Хадаки отбирает стоящий рядом прислужник, а поклоняющийся прикладывает лбом к зеркалу, висящему на груди прорицателя. В это же время желающие из поклонников предлагают те или другие интересующие их вопросы. Прорицатель по выслушании дает тот или другой лаконический ответ, который тут же записывается одним из прислужни-

ков на доску, обсыпанную золой. Всем поклонникам, знатым лицам — сам, а второстепенным — прислужник, раздаст благословенные шнурки, носимые на шее. Если же кто предлагает вопросы письменно, то текст читается теперь же, и краткий ответ записывается также на доске, откуда уже после переписывается в обработанном виде на лист самого перечня вопросов и возвращается вопрошателю с приложением печати чойчжона.

После того как не останется уже ни одного вопрошающего, прорицателю подают в чашке, сделанной из человеческого черепа, зерна ячменя, которые он благословляет легким плевком и бросает в толпу. Последняя жадно ловит их, подставляя подол платья или концы своих покрывал, если лицо духовное. По числу попавших зерен также определяют хорошие и дурные предзнаменования. Наконец, прорицатель тяжело падает в кресло, и в этот момент вселившийся дух как бы покидает прорицателя, с которого тотчас снимают облачение. Он обратился в простого человека и, сильно усталый, уводится своими приближенными в жилые комнаты. Мы же отправились на нашу временную квартиру.

Я поинтересовался узнать, сколько заплатили наши буряты за эту церемонию или, если хотите, за этот молебен. Оказалось, что уплатили 20 монет, т. е. около 4 рублей на наши деньги, но надо принять в расчет то обстоятельство, что мы пользовались квартирой, кухонной посудой и мебелью прорицателя в течение трех суток.

8 июня происходило спускание того же чойчжона для всего духовенства дацана Гоман монастыря Брайбуна. Для поклонения собрались почти все члены этой духовной общины: тут была вся администрация дацана со своим хамбо во главе, все знатные перерожденцы, старшим из коих является дацагский хутухта, имеющий право занимать «ханский престол» Центрального Тибета, и многочисленное простое духовенство, в числе которого были и наши бурятские ламы, проживавшие здесь уже третий день.

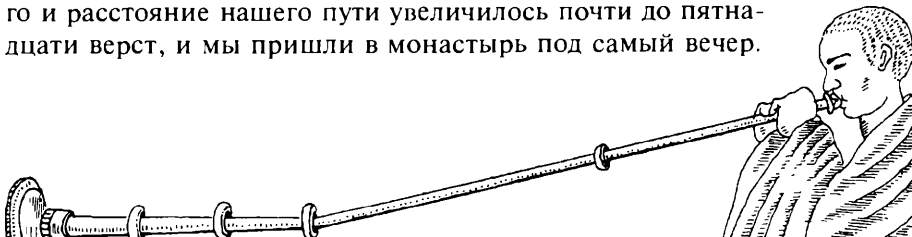
Спускание чойчжона происходило описанным вчера порядком, но к поклонению внутри дугана допускались лишь лица административные и высшие перерожденцы. К лицам поважнее прорицатель проявляет особую вежливость, дохо-

дящую даже до заискивания перед ними. Так, перед хамбо он делал значительный поклон вперед, а дацагского хутухту он нежно охватил за шею и что-то шептал ему на ухо. Такое обстоятельство нисколько не поражает ламаиста, так как он знает, что чойчжон — хранитель учения — должен относиться с почитанием к его «держателям» или, иначе, к тем, кто олицетворяет это учение. После окончания поклонения важных лиц прорицатель выходит на террасу перед дуганом, куда допускаются ламы и администраторы более низких степеней. Простое духовенство рассаживается во дворе. Прорицатель в предшествии трех-четырех музыкантов, поддерживаемый служителями, почти бегом обходит вокруг всего этого духовенства и, снова поднявшись на террасу, допускает уже единичных простых монахов, которые после поклонения снова занимают свои прежние места. После окончания подхождения всех поклонников прорицатель вместе с духовными издает один протяжный резкий крик или, вернее, визг, похожий на звук «гис», ударяя при этом в ладони. С этим криком как бы вылетает дух-хранитель, и прорицатель, уже совершенно изнуренный, тяжело падает на кресло, и его почти на руках уносят в дуган. Как и не утомиться! Почти 2,5-часовое страшно напряженное состояние с утомительной мимикой и в значительно тяжелых доспехах!

Высшие перерожденцы и администраторы прибыли на более или менее красивых лошадях, в сопровождении одного или нескольких лиц свиты: все же простое духовенство пришло пешком. В том же порядке тотчас же двинулись в обратный путь.

Воспользовавшись близостью монастыря Чжормолуна, находящегося почти против Гадона на другой стороне Додлунской долины, я решил сходить туда и в сопровождении своего слуги, халхасца, отправился в дорогу.

По прямому пути он отстоит от Гадона не более чем на восемь-девять верст, но по этому пути нет мостов, а река в настоящее дождливое время недоступна для брода не только пешеходам, но и верховым. Поэтому пришлось идти по обходной дороге, к большому мосту в устье долины, отчего и расстояние нашего пути увеличилось почти до пятнадцати верст, и мы пришли в монастырь под самый вечер.

Мы получили от своих сородичей рекомендацию остановиться у одного постоянно проживающего здесь монгольского ламы, которого легко отыскивали.

Он занимал довольно сносную, по местным понятиям, квартиру, состоящую из трех комнат с отдельной кухней, принял нас без видимого радушия, как бы исполняя только свой долг перед сородичами, и отвел нам отдельную комнату, предоставив, кроме того, пользоваться кухней и топливом. По родному обычаю угостил нас тотчас чаем, предоставив дальнейшие заботы о пище нам самим, что было, конечно, для нас очень удобно.

Из разговоров с ним, да и от других старожилов мы узнали, что он прожил в Тибете безвыездно 41 год, будучи родом монголом из тумэтов, входящих в состав Чжосотуского сейма южных монголов. Вскоре после прибытия в Тибет он благодаря своей представительной внешности и хорошему голосу приобрел должность умцзада в гоманском дацане, в котором он прослужил 22 года. Девять лет тому назад он — по объяснению его самого и его сторонников — по клевете недоброжелателей был изгнан из монастыря, причем все его значительное имущество было конфисковано властями. Поводом послужил следующий случай. Однажды после празднества в монастыре, на которое допускаются женщины, рано утром в его квартире застали мать одного из его учеников, а следовательно, его знакомую. Этого достаточно было для доноса цокчэнским шамо, которые и закончили дело вышеупомянутым образом.

После этого он не захотел вернуться на родину, хотя его приглашали неоднократно, и поселился в этом монастыре. Чем объяснить его решение остаться навсегда в Тибете — неизвестно. Но он говорит, что не желает или, вернее, стыдится показаться своим родным и землякам после такого фиаско его духовной карьеры. Ему теперь 61 год. Он питается заработком от чтения книг у зажиточных людей. Он говорит, что редкий день ему приходится быть дома: так любят окрестные жители приглашать его. Но, как известно, плата за чтение довольно низка (около 20 коп. за целый день), и только дешевизна местной жизни позволяет ему проводить свои последние годы безбедно.

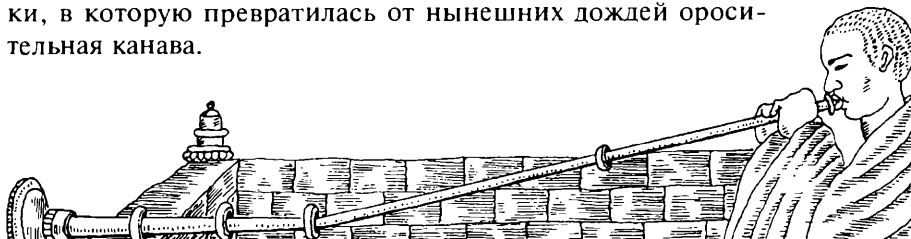
9 июня. Переночевав у этого бывшего умцзада, я отправился утром на осмотр монастыря, но в нем оказалось мало такого, что было доступно незнатным богомольцам.

Чжормолун — один из старинных монастырей, где в доцзонхавинское время процветала богословская школа, в которой учился и Цзонхава. Но как знаменитый ученик затмил имена своих учителей, так и монастыри, основанные его последователями, послужили причиной упадка прежних славных центров богословской науки. *Sic transit gloria mundi!*⁸ В настоящее время в Чжормолуне не более 100 монахов, большинство коих состоит в списках монахов Брайбуна, хотя отправляются туда только в дни раздачи денег. В главном храме указывают центральной святыней статую «Бесконечнолетнего» Аюши, а по-тибетски — Цэбагмэд. Здесь происходит спускание на местного прорицателя хана Похан, одного из пяти ханов или царей, к коим принадлежат вышеупомянутые Гадон и Найчун.

Рядом с этим храмом, выкрашенным в коричневый цвет, стоит белый дом-дворец хозяина этого монастыря, перерожденца Ария, который живет и числится в списках гоманского дацана Брайбуна. В настоящее время перерожденец в отсутствие; он приглашен в Западную Монголию.

Домов в монастыре очень мало, круговая дорога всего монастыря не более 400 сажен. Здесь живут и светские жители обоего пола.

Считая бесцельным дальнейшее пребывание, мы тотчас же направились к монастырю Санпу, расположенному по другую сторону реки Уй-чу, но по дороге узнали, что переправа через нее невозможна, почему пришлось повернуть к Лхасе, куда и прибыли в 5 часов вечера. По дороге зашли в одну тибетскую кухмистерскую, где попросили по чашке супу; но поданное блюдо было до того гадко, что я не мог ничего съесть. Только неизбалованный и небрегающий мой спутник уничтожил, не без аппетита, обе порции. Я же принужден был купить топлива и в саду одного поместья, с разрешения его караульного, приготовил чай, который выпил с большим удовольствием у быстрой речки, в которую превратилась от нынешних дождей оросительная канава.

14 июня мне сообщили, что на третьем этаже храма Большого Чжу происходит какая-то церемония. Я тотчас отправился туда, но застал только конец ее. На плоской крыше храма стояли три вооруженных солдата и пели что-то, размахивая шашками в ножнах. В одном углу (ю.-з.) крыши была натянута палатка, где сидели чиновники и ламы. Перед палаткой стояли три женщины в дорогих нарядах, с куполообразными шапками на голове, сделанными из ниток, унизанных как будто жемчугом. Такие шапочки, но только меньших размеров, носят княгини, о чем упомянуто выше. Они пели какой-то гимн перед старшим из чиновников. По окончании пения все стали расходиться. Расспрашивая затем о бывшей церемонии у местных жителей, я узнал только, что в этот 11-й день пятой луны происходит особое чествование покровительницы города Бэлхамо, о которой я упоминал раньше.

15 июня. Рано утром я отправился в поместье прорицательницы чойчжона Дамчжан-дорчжэ-дагдан, который принадлежит к средним хранителям и изображается едущим на буром козле. Поместье это было известно мне еще раньше, так как хозяйка его поддерживает знакомство со всеми бурятами, приезжающими сюда. Прорицательница — женщина на вид около 50 лет, невысокого роста, с открытым, довольно приятным лицом, достаточно хорошо упитанная. Поместье ее состоит из большого дома и хозяйственных пристроек. Рядом находится огород, в одном углу которого отведено место для цветника, устроенного в виде квадрата, с площадкой посредине. Немного далее был довольно большой сад, правда, с однообразными деревьями. Двор и дом содержатся в примерной чистоте. Во внутреннем дворе были отгорожены три молодых дерева, среди которых хозяйка не без гордости указывала на древовидный можжевельник, хвоя которого, как известно, идет на воскурения перед богами, в особенности перед чойчжонами. Она не скрывала своего мнения, что это дерево принялось здесь не без покровительства спускаемых ею чойчжонов, так как можжевельников в садах около Лхасы почти нет.

Сюда же собралась наша бурятская община и расположилась в саду, поставив большую палатку хозяйки. Здесь мона-

хи проводили время так же, как и в саду гадонского прорицателя: они намеревались провести здесь трое суток и сделали складчину на провизию из пяти монет, т. е. по одному нашему рублю.

16 июня происходило спускание чойчжона или, вернее, чойчжонов, но не так торжественно, как у гадонского прорицателя.

В верхнем этаже дома прорицательницы был особый зал, где у задней стены стоял стол с жертвенными чашами и другими принадлежностями культа. Направо от него — высокое сидалище для прорицательницы, а далее — шкаф с книгами и изображениями божеств. По стенам висели разные воинские доспехи и оружие. У двух срединных колонн зала стояли друг против друга изображения двух каких-то божеств в воинских доспехах, вооруженных пиками. Таким образом, комната напоминала оружейный музей.

Прорицательница перед спусканием чойчжона снимает с себя обыкновенные женские сапоги и надевает сапоги того образца, какой носят духовные; снимает с головы свою бачжу (т. е. головное украшение) и фартук. Затем надевает широкий парчовый халат и, подпоясавшись, садится на обыкновенный стул. Единственная прислужница, ее пожилая сестра, подает ей несколько зерен поджаренного ячменя. Она, взяв их в правую руку и приложив ко лбу, шепотом читает какую-то молитву с закрытыми глазами. Проходит около четырех минут, она вдруг встает, разбрасывает зерна по направлению жертвенного стола и, поднявшись по ступенькам на упомянутое сидалище, садится по-восточному, обратившись лицом к зрителям. Сестра быстро надела на ее голову бывший наготове шлем, но уже не такой громоздкий, как у Гадона, и затянула его шнурками под подбородком. Она дрожала всем телом и, схватив правой рукой поставленное у стены копьё, стала трясти его. В левой же руке она держала красный платок, которым поминутно вытирала рот и лицо, причем делала учащенные плевки. Тотчас же сестра подала ей в правую руку большой медный вачир (дорчжэ), а в левую — чашку с ячменными зернами. Тогда стали подходить поклонники с обычными хадаками. Прорицательница благословляла вачиром, прикладывая его кресто-

образно к спине поклонника. Затем сестра три раза меняла ее головной убор шапками трех других форм, и всякий раз подходили поклонники с новыми хадаками, причем прорицательница вручала только зерна, беря их тремя пальцами. Если же кто хотел спросить какое-нибудь предсказание, то он предлагал свой вопрос тут же, каковой вопрос повторяла сестра ее. Тогда она давала довольно лаконичный и непонятный для других ответ, обыкновенно скороговоркой своей сестре, которая затем более пространно передавала его вопрошавшему. При каждой перемене шапки ей подносили в серебряной чаше ячменное вино, которого она выпивала один глоток. После окончания всего этого она взяла коротенькую толстую палку, на одном конце которой были привязаны разноцветные хадаки, так что палка напоминала своего рода бич, и протянула ноги вперед, как бы готовясь слезть с седалища. Затем она сделала три удара концом палки о подушки на седалище, и каждый раз присутствующие произносили «лха-ржял-ло!». После этого она слезла с трона, пришла в обыкновенное состояние и, сняв свое облачение, уже вела обычную беседу со знакомыми. Когда же ее спрашивали о каком-нибудь непонятном ответе, она говорила, что совершенно не знает, что отвечала, и предлагала обращаться за разъяснениями к ее сестре. По теории выходит, что разум ее, как человека, совершенно исчезает при воплощении в нее чойчжона, потому сама прорицательница, придя в вид обыкновенной смертной, и не знает его ответа.

17 июня, проведя у гостеприимной хозяйки три дня, я под вечер возвратился в Лхасу.

18 и 19 июня в загородном саду прорицателя Карма-шяра происходило спускание этого чойчжона совместно с чойчжоном Сэтаб (Краснолицый на рыжем коне), прорицатель которого живет в монастыре Санпу. Оба прорицателя спустили вместе, одновременно. Спускание происходит в особом большом шатре. На поклонение стекаются преимущественно светские жители Лхасы. Эти дни являются как бы большим народным праздником. Все надевают свои наилучшие одежды и, взяв с собою съестные припасы и главным образом туземное вино, отправляются за город в упомянутый сад, а также занимают места в соседних садах. Они рас-

полагаются здесь отдельными семейными группами и пируют, посещая и своих знакомых. Проведя так весь день, под вечер возвращаются в город в веселом настроении, и многие усердные любители вина пошатываются, но, однако, нет безобразно пьяных, а тем более нарушителей общественной тишины. Только хороводы женщин и мужчин до поздней ночи оживляют город пением и пляской. Впрочем, в них принимает участие только низший класс населения. Так проходят два дня, в течение коих многие мелочные торговцы на рынке прекращают свои обыденные занятия.

5, 6 и 7 июля. В течение этих трех дней далай-лама пожелав желающим так называемые «Чжан-рай-сиг-ги-ван» и «Цэбагмэд-чжи-ван»⁹. Вообще в ламаистском вероучении строго соблюдается право преемственности, которое имеет свое основание в том убеждении, что никакие наставления и никакие мистические заклинания не имеют силы для руководствующихся и читающих, если только не выслушаны от лиц, преемственно унаследовавших их от самого составителя. Поэтому каждый ведет у себя более или менее длинный список, если можно так выразиться, генеалогию своего духовного наследства. Первоначальная цель преемственности заключалась в том, чтобы текст учения не подвергался изменениям. Это достигалось тем, что преемник не должен был ни сокращать, ни добавлять слов. Затем в этом же можно, пожалуй, усмотреть и материальную сторону авторского права, так как всякий, принимающий посвящение, по принятому обычаю, подносит более или менее значительное вознаграждение посвящаемому. Посвящение дается только по получении просьбы о разрешении проповедовать известную книгу, что, по отношению к далай-ламе, делается от лица знатных князей (совета галонов и др.), если нет, конечно, какого-нибудь постороннего знатного или, скорее, богатого «милостынедателя». Публика же собирается, как бы сочувствуя первым просителям, коим лестно иметь многих желающих, так как то обстоятельство, что они дают возможность многим выслушать учение, является их добродетельной заслугой.

Раздача вана происходила в загородном летнем дворце далай-ламы Норбулинха. Здесь во дворе была поставлена

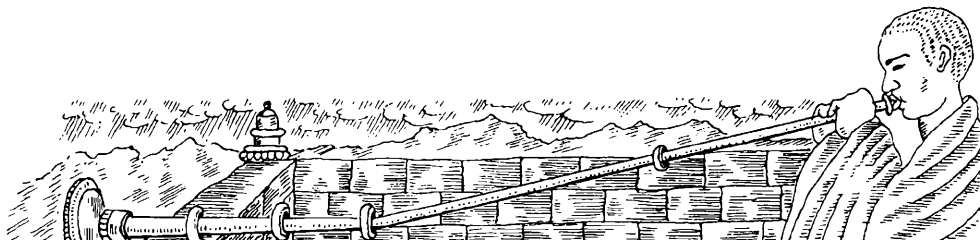
большая четырехугольная палатка с узорчато-вышитой крышей. Стена со стороны слушателей была высоко приподнята, так что внутренность палатки была совершенно открыта. Там посредине задней стены был поставлен высокий трон для далай-ламы. Собравшийся народ, в числе не менее 5000 духовных и светских людей, расположился под открытым небом, перед палаткой. Каждый стремился сесть ближе к палатке, отчего происходила страшная теснота и давка. Порядок охранялся телохранителями далай-ламы и придворными прислужниками при помощи плетей и палок.

Когда народ, утомленный долгим ожиданием, наконец был рассажён, и распорядители доложили об этом далай-ламе, со стороны дворца стали доноситься тихие звуки линбу (небольшая труба), которые постепенно приближались. Народ притаил дыхание, и взоры всех направились в ту сторону, откуда доносились эти звуки... Сначала показались музыканты, затем какой-то лама с пачкой горящих курительных свечей, а за ним уже сам воплощенец «Великомилосердного», т. е. далай-лама. Он был в духовном одеянии с шапкой цзонхавинского образца на голове (такая, как изображается на рисунках на Цзонхаве и далай-ламах). Над ним несли зонтик зеленого цвета. Непосредственно за ним шли высшие ламы и князья в своих обычных желтых шелковых халатах. Когда далай-лама подошел к своему престолу, он сделал ему три молитвенных поклона, сняв свою шапку. Свита стояла, предварительно заняв свои места, по обе стороны престола, вдоль боковых стен. Затем далай-лама сел на престол и накинул на себя свою желтую мантию. Тогда стали по очереди подходить лица свиты и, снимая шапки, нагибались перед ним. Он же благословлял их обычным прикладыванием руки к их голове. После этого ламы и князья заняли свои места и уселись, причем ламы сидели по правую руку от далай-ламы, а светские князья — по левую. Далай-лама начал чтение, которое продолжалось около 1,5 часа. После окончания народ, страшно утомленный теснотой под палящими лучами солнца, кинулся к выходу, и в общем смятении уже нельзя было увидеть обратного шествия. Я видел вышеописанное во второй день.

В третий раз народу собралось еще больше. Приход далай-ламы и церемония восхождения его на трон были совершен-

но тождественны со вчерашним. Побыв в начале чтения, я вышел на некоторое время из двора, чтобы прохладиться и отдохнуть под кустами на берегу реки, протекающей под самыми стенами ограды. Но, возвратившись обратно, я застал уже совершенно иную картину. Вся эта толпа просто ломилась в палатку, чтобы поскорее получить благословение. Происходила невероятная давка, и руки распорядителей устали бить народ, не разбирая ни возраста, ни пола, ни звания. Но всякий подошедший к далай-ламе получал благословение и знаковую ленточку с благословенным узлом, причем светским людям давали ленточку белого цвета, а духовным — красного. Уже выйдя за ворота, каждый, вздохнув свободнее, рассматривал повреждения в своих украшениях и на видимых местах своего тела. Особенно пострадавшими оказывались женские украшения: от ударов палками разбивались кораллы, рвались четки и т. п.

У меня не хватило терпения дожидаться конца и мужества протесниться через тысячную толпу, и я отправился домой в Лхасу, не получив благословения и не увидев окончания церемонии.

Глава VII Управление Тибета

Тибет находится под верховным влиянием Китая еще со времен Юаньской династии (XIII в. по Р. Х.)¹, хотя во внутреннем управлении всегда был независим².

Народы, обитающие в отдельных ущельях высоких, почти недоступных гор, сообщающиеся только через узкие проходы или крутые перевалы, обыкновенно жили в старину небольшими группами, политически независимыми друг от друга и часто враждовавшими между собою. В такой стадии исторической жизни как раз находился Тибет того времени. Он был раздроблен на несколько уделов, общее главенство над коими временами принимали только выдающиеся завоеватели или весьма энергичные и сильные волею люди. Чуть ослабевала по каким бы то ни было причинам общая верховная власть, уделы снова принимали самостоятельность и ждали нового возвышения какого-нибудь князя, который подчинил бы их своей власти. Точно такая же система существовала и в отдельных уделах — там власть принадлежала ловким и энергичным людям.

Поэтому в Тибете средних веков мы находим возвышения и падение разных главенствующих лиц или небольших династий. Затем, помимо светских правителей, на сцену жизни народа выступило новое сословие — духовенство, которое,

будучи, без сомнения, самым развитым и в то же время властолюбивым элементом, приобрело громадное влияние на народ и его правителей — князей, стоявших почти на одной ступени с ним по своему мировоззрению.

Помимо того, по характеру ламаистского учения, лама, в силу своих духовных обетов и предначертанной ему цели служить «для пользы всех живых существ», должен стоять выше своих духовных сынов. Насколько они умеют отстаивать свои права и независимость, а также подчинять себе даже сильных царей, видно из характерного эпизода, повествуемого в исторических сказаниях. Когда могущественный хан Хубилай³, по увещанию своей супруги, согласился принять наставления (духовное посвящение) от молодого ламы Мати-дхвалджа (по-тибетски — «Лодой-чжалцан»), если только тот сядет на престол ниже его, то молодой лама отказался давать наставления в таком положении. Только после обоюдных уступок они сели на троны одинаковой высоты.

Не входя в дальнейшие подробности об удельной системе Центрального Тибета, только скажем, что в старину Тибет делился на тринадцать главных уделов или областей, известных под названием ти-кор-чжу-гсум⁴, а также, оставив до следующей главы краткое изложение истории возвышения далай-лам, перейдем к тому времени, когда было положено начало нынешней системе управления.

В 1640 г. монгольский (хошотский) завоеватель Гушихан, о котором мы имели случай упоминать выше, подчинил своей власти Центральный Тибет. В 1642 г. он в сообществе с далай-ламой и банчэн-эрдэни, будучи осведомлен о возвышении маньчжуров, послал к ним в Мукден посольство с изъявлением покорности.

Конец этого столетия и почти все следующее XVIII столетие — время царствований в Китае знаменитых императоров Кан-си, Юн-чжэна⁵ и Цянь-луна — были ознаменованы в истории монголов и чжунгаров вообще большими смутами, приведшими их к полному подчинению Китаю⁶. Смуты эти охватили и Тибет⁷.

После событий, изложенных в следующей главе, в 1720 г. монголы были окончательно удалены из Тибета⁸, и в 3-м году царствования маньчжурского императора

ра Юн-чжэна (1725 г.) управление Тибетом было вручено следующим лицам, содействовавшим маньчжурам в борьбе с чжунгарами⁹: 1) бывшему дэба Ханчэн-наю, 2) Лумбабе (по-маньчжурски — Лумбунай), 3) Аподбс (по-маньчжурски — Арбуба) и 4) Полхабе (по-маньчжурски — Поланай).

Юн-чжэн в данном случае дал впервые тибетским правителям маньчжурские чины, а именно: Ханчэн-наю и Аподбе — «знаменных бэйсэ», Лумбабе — «помогающего государству гуна» (по-китайски — «фу-гогун»), Полхабе — «тайчжи первой степени».

Первым трем повелел управлять провинцией Уй, с местопребыванием в Лхассе, а последнему — Цзаном. Все они были названы галонами. Тотчас после этого начались интриги между лхасскими правителями из-за того будто бы, что Ханчэн-най, как прежний дэба, стал пренебрегать своими товарищами и хотел управлять Тибетом единолично. К двум последним присоединился еще некто Бжяраба (по-маньчжурски — «Джарнай»). Эти три сообщника вскоре убили Ханчэн-наю и захватили власть. Тогда против них поднял оружие Полхаба (имя его Соднам-добчжа). Собравши войска в Цзане, он, когда услышал про приближение маньчжурской армии для подавления мятежных галонов, поспешил в Лхасу и, привлекиши на свою сторону духовенство окрестных монастырей, схватил упомянутых трех галонов и представил маньчжурскому главнокомандующему, который казнил их вместе с их сыновьями.

За такие заслуги пред маньчжурами Полхаба, или Поланай, в 1728 г. был назначен правителем Центрального Тибета, затем в 1730 г. был награжден титулом князя третьей степени «бэйлэ», а в 1736 г. повышен во вторую степень — «цзюн-ван». Кроме того, за неизменное служение маньчжурским интересам император Цянь-лун пожелал утвердить означенный титул за его потомством наследственно и запросил самого Полхабу, которого из своих двух сыновей он предпочитает назначить наследником. Отец указал на младшего своего сына Чжурмэд-Намчжала, который и был утвержден императорским рескриптом в 1746 г. в степени «цзюн-вана».

Но этот новый князь не оправдал надежд ни императора, ни отца. Свою деятельность он начал с того, что в следую-

шем же году отравил своего престарелого отца, затем сформировал туземное войско и выказал явное неповиновение маньчжурским военачальникам, пребывавшим тогда в Лхасе, причем извел своего болезненного старшего брата Чжурмэд-цэбтана. Спустя немного (в десятой луне года железного коня — 1750 г.) военачальники Пуцзинь и Лабдунь пригласили его, посредством обмана, на второй этаж своего жилища, где и убили собственноручно. Сторонник убитого, лама Лобсан-ешей, сопровождавший его, тотчас спустился со второго этажа и стал призывать народ к мятежу. Возбужденная толпа подожгла дом военачальников, которые погибли тут же в пламени. Бежавший подстрекатель был пойман по приказу далай-ламы.

По усмирении этого мятежа в 1751 г. было учреждено новое управление Центрального Тибета¹⁰, во главе которого был поставлен Совет из четырех сановников-галонов (или шаб-па), назначаемых из туземцев высочайшею властью. Вот перевод указа Цянь-луна, данного первым галоном, из монгольской книги «Илэтхэл-шастир»¹¹ пекинско-го издания: «Тибет — чистая, безмятежная страна, сильно распространяющая желтое учение. Далай-лама заставляет весьма процветать религиозные правила, управляя принятым на себя учением будды западной страны. В прежнее время для всех дел по чувству и содержанию далай-ламы были утверждены четыре наследственных галона. Когда дело дошло до Чжурмэд-Намчжала, то амбани, пребывающие в Лхасе, казнили его по той причине, что он тайно составлял особые планы, присваивая себе все дела, не совещаясь с (другими) многими галонами и поступая своевольно, чем и отплатил неблагодарностью за милость. Вследствие того, что нельзя допускать, чтобы дела галонов насильно решал один человек, я, поистине, приказал Цэрину (командированному для решения тибетских дел, главнокомандующему маньчжурской армией) и другим старательно выбрать хороших, способных людей и снова, согласно прежним узаконениям, распределил управление между четырьмя галонами. Так как управление распределено между вами всеми, то вы, благоговевая пред моею милостью и усердно уважая далай-ламу, сообщая приложите усердие мыслей и сил, исполняя

должность, и не возбуждайте недоразумений, лелея впредь это в (своей) мысли! Заботьтесь, взаимно совещаясь и не различая друг друга: я, ты!.. Если будет важное дело, то, доложивши далай-ламе и лхасским амбаням, поступайте по их указаниям. Вы, преклоняясь пред моей милостью и выказывая усердие, содействуйте моим намерениям покровительствовать желтой вере и осчастливить все живые существа!»

Первыми галонами были назначены: 1) гун Гашиба-пандита (ноён), родственник упомянутого выше Ханчэн-ная, 2) тайчжи первой степени Цэрин-ванчжал, 3) Тон-ба и 4) духовный цзэдун Нима-чжалцан.

Кроме них, были назначены пять дабоней, три дэба и один хамбо. Дабони — это высшие военачальники (командиры 1000 солдат), соответствующие нашим генералам: дэба — начальники отдельных отраслей правления и хамбо — правитель по духовным делам. Все упомянутые выше лица должны решать тибетские дела общим Советом, подчиняясь далай-ламе и находящимся в Лхасе амбаням.

Такой состав центрального управления остался и по сие время.

Председателем этого центрального управления, именуемого обыкновенно «дэбашун», является далай-лама, который по этой должности титулуется в просторечии «тибетским ханом» (по-тибетски — «бодчжи-чжалбо»). Вскоре после утверждения нового управления, а именно в 1757 г., когда умер седьмой далай-лама, возник вопрос о временном исправлении должности далай-ламы. Вопрос этот был разрешен назначением первого заместителя далай-ламы, каковым и был дэмо-хутухта, по имени Чжамбал-дэлэг-чжамцо. С этого времени уже входит в обычай избрание такого наместника, который утверждается императорскою властью под наименованием «правителя казначейства далай-ламы», с титулом «номун-хан» (по-монгольски — «царь учения»). Тибетский литературный язык именует его «чжалцаб», т. е. наместник хана, а обыденная речь зовет «бод-чжалбо», т. е. тибетским ханом. Наместничество, или регентство, должно продолжаться до совершеннолетия вновь избранного далай-ламы, и оно замещалось до сих пор поочередно из числа пяти хутухт, хозяев пяти упомянутых раньше двор-

цов (линов). Каждый из них имеет при себе цзасак-ламу как личного секретаря, правителя дел. Впрочем, в 1862 г. в виде исключения эту должность занимал светский, бывший галон из фамилии Шядда, с титулом также номун-хана.

Желание занять эту высшую в стране должность, а затем стремление занимать ее как можно дольше служили всегда причиной многочисленных интриг между хутухтами.

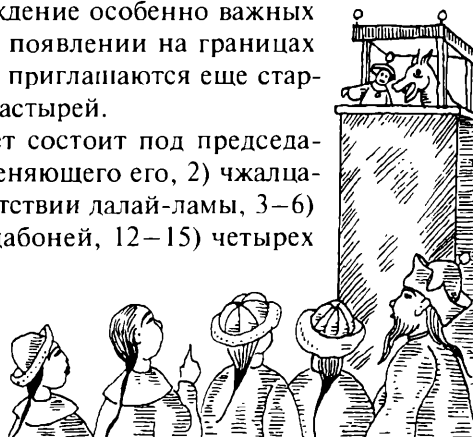
Обыкновенные заседания Совета четырех галонов, состоящего из трех светских лиц и одного духовного, происходят в особом доме, называемом га-шяг, т. е. приказный дом, или судилище галонов. Обыкновенный Совет происходит под председательством того галона, который дольше других занимал эту должность. Он именуется галон-тидба (предводительствующий сановник). В мое время таковым был галон из фамилии Шядда. Над балконом этого дома висит обычная доска китайского образца с надписью в высокопарных выражениях на четырех языках. Смысл этой надписи можно передать так: «Внутреннее государство и внешние отделы (его) в совокупности владеют добродетелью и благожеланиями».

Финансами и вообще государственным имуществом управляют два казначейства: одно — «талду» (сбор податей), заведующее казной и имуществом собственно далай-ламы, и другое, которое, по-видимому, не имеет особого названия и именуется по должностям казначеев «лабран-чанцзад», т. е. дворцовые распорядители, из коих двое старших, светский и духовный, заведуют общеказенным имуществом и казной.

Решение исключительно духовных дел находится в руках Совета четырех придворных писцов «дун-ягши» под председательством так называемого чжишаб-хамбо.

Все вышеуказанные должностные лица составляют большой Совет дэбашуна, но на обсуждение особенно важных дел, как, например, при слухах о появлении на границах Центрального Тибета европейцев, приглашаются еще старшие администраторы главных монастырей.

Таким образом, большой Совет состоит под председательством: 1) далай-ламы или заменяющего его, 2) чжалцаба, сохраняющего голос и в присутствии далай-ламы, 3–6) из четырех галонов, 7–11) пяти дабоней, 12–15) четырех

дун-ягши, 16–17) двух талду, 18–19) двух лабран-чанцзатов, 20–22) трех настоятелей Сэ-нбра-гэ-сума и 23) цзасак-ламы чжалцаба. Таков наибольший состав большого Совета дэбашуна. Точно установленного состава, я думаю, нет вовсе.

Для местного управления центральное управление назначает так называемых «цзон-бонь», начальников цзонов, преимущественно по два на каждый цзон или уезд. Таких уездов числится теперь 53. Главная обязанность этих цзон-боней, из которых духовного зовут «цзэдун», а светского «дунхор», заключается в сборе податей, поступающих большей частью натурой: хлебом, маслом, сукнами и т. п. Только в Накчу, ввиду важности этого пункта, духовный цзон-бонь называется «хамбо», а светский «нансо» (в просторечии «заботящийся о внутреннем»).

Нам, к сожалению, не удалось ознакомиться с кодексом современного судопроизводства в Тибете, но говорят, что руководствуются старинными правилами управления, составленными ханом Сронцзан-гамбо. По каким бы законам ни управлялась страна, правосудие в Тибете довольно призрачно, так как веками укоренившееся взяточничество сделало мерилом правоты количество поднесенных взяток. <...>

Самым жестоким наказанием подвергаются за воровство, совершаемое преимущественно, как и всюду на свете, бедною частью населения. Жертв страсти к чужой собственности ежедневно можно видеть в Лхасе с отрезанными пальцами, носами, а еще больше ослепленными, занимающимися попрошайничеством. Затем в обычае пожизненное надевание небольших круглых колод на шею, железных оков на ноги, ссылка на окраины и отдача в рабы князьям и начальникам цзонов. Самым большим наказанием является, конечно, смертная казнь, производимая утоплением в реке (в Лхасе) или сбрасыванием со скалы (в Шихацзэ). <...> За отменой нынешним далай-ламой смертной казни мне пришлось быть свидетелем лишь публичных наказаний посредством плетей.

Существование смертной казни в буддийской стране, у людей, которые избегают убивать даже насекомых, кусающих их, вполне объясняется философами-ламами тем, что ради блага многочисленных живых существ нет греха уби-

вать злонамеренных людей. Казнь, кроме того, весьма полезна для самого злодея, так как она избавляет его от дальнейших грехов! Таково оправдание смертной казни!

При допросе производятся пытки, практикующиеся, как известно, повсюду в китайской империи; самой жестокой из них здесь считают прижигание тела посредством расплавленного сургуча. От телесного наказания не избавляются и женщины, которые наравне с мужчинами подвергаются публичному наказанию плетью.

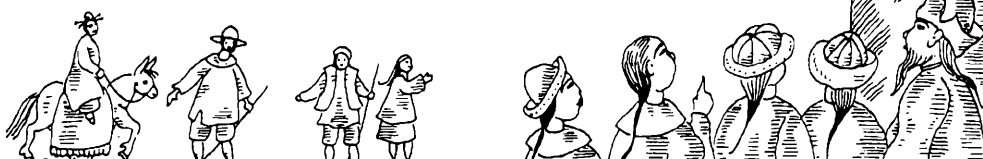
Зависимость Тибета от Китая, как известно, выражается ныне назначением одного или двух маньчжурских амбаней, которые следят за верховной политикой страны как во внутренних делах, так и в делах по сношениям с другими странами. <...>

Назначение же высших правителей еще более зависит от амбаня, так как он представляет на утверждение пекинского правительства предназначенных кандидатов. Все это служит доходной статьёй амбаней, и поэтому эти должности считаются весьма выгодными, но отдаленность Тибета от Китая и трудность пути туда служат причиной того, что амбаны назначаются из незначительных чиновников, часто зависящих от какого-нибудь влиятельного покровителя. Те же причины вызывают и то, что амбаны живут в Лхасе очень недолго, едва дослуживая трехлетний срок. За это время они стараются вознаградить себя за понесенные труды и с лихвой возместить предварительные расходы, сделанные в столице богдохана для получения должности.

Говоря об управлении Тибета, нельзя не упомянуть, что маньчжурские императоры после подчинения Тибета старались привить здесь такое же управление, как и в других подчиненных Китаю инородческих странах. Поэтому они хотели поставить в члены Совета управления Тибетом наследственных князей с маньчжурскими титулами.

Первые отличия от маньчжуров получили, понятно, те лица, которые содействовали им при подчинении Тибета активными действиями против сопротивлявшихся или же пассивным бездействием.

Вот перечень таких отличенных маньчжурским правительством лиц. 1. Упомянутый выше Чжурмэд-цэбтан, старший

сын Полхабы, еще при жизни своего отца был награжден последовательно младшими чинами до туше-гуна («чжэнь-го-гун» — по-китайски). В 1750 г. он был убит своим младшим братом Чжюрмэд-Намчжалом, который, как известно, был казнен маньчжурскими амбанами. Император Цянь-лун, во внимание к заслугам Чжюрмэд-цэбтана, наградил в 1752 г. его второго сына Чжюрмэд-Ванчжала титулом «помогающего государству гуна» (по-китайски — «фу-го-гун»). После смерти последнего титул перешел к его усыновленному сыну Норбу-Пунцоку, а в 1784 г. этот титул был закреплен за ним наследственно.

2. Отец седьмого далай-ламы, как будет сказано ниже, именовался Соднам-дарчжай. Он много содействовал маньчжурам при подчинении и успокоении Тибета, а также весьма усердно оберегал и воспитывал своего сына — далай-ламу. В 1729 г. он представился императору вместо своего сына и поднес подарки. За это был награжден коралловым шариком, павлиньими перьями на шапку и титулом «фу-го-гун». После его смерти император передал титул его второму сыну (старший был далай-ламой) по имени Гунга-Данцин. Этот умер в 1774 г., и ему наследовал сын его Даший-Намчжал: но вскоре в палате внешних сношений (лифань-юань) был возбужден вопрос о наследовании титула во многих поколениях родственниками далай-ламы. Император склонился в пользу мнения о неудобстве и незаконности такого наследования, но в данном случае, во внимание к исключительным заслугам отца 7-го далай-ламы, он захотел оставить за его потомством наследственный титул, пониженный в тайчжи 1-й степени.

3. Брат упомянутого выше князя Ханчэн-ная — Гашиба-цэбтан-даший, во внимание к заслугам убитого его младшего брата, был награжден императором Юн-чжэном в 1728 г. титулом тайчжи 1-й степени. У него было два сына: Гашиба-намчжал-цэбтан и Пандита, которые наследовали один за другим этот титул.

4. Цзасак тайчжи 1-й степени Цэрин-ванчжал по ходатайству Полхабы был возведен в 1729 г. в названную степень и назначен помощником Полхабы. В 1765 г. наследовал внуку его Соднам-ванчжал, который в 1789 г. во время

нападения на Тибет гуркасцев¹², провинился, и его потомство лишилось титула.

5. Ноян-хошочи, оказавший услуги во время усмирения мятежа галонов Аподбы и других, по представлению Полхабы в 1729 г. был награжден титулом цзасака тайчжи 1-й степени.

Таким образом, потомственных титулованных особ в Тибете было пять, из коих впоследствии был лишен титула один цзасак тайчжи 1-й степени. К этому нужно прибавить, что родитель далай-ламы, а если его уже нет в живых, то брат далай-ламы, обыкновенно возводится в титул гуна, который сохраняется теперь только в одном поколении.

Титулованные лица, если не занимают каких-либо должностей по высшему управлению Тибетом, не участвуют в решении дел, но они, как представители потомственных аристократических родов, пользуются большим почетом и по большей части занимают высшие должности.

Глава VIII О далай-ламах

У людей, сколько-нибудь интересующихся Дальним Востоком вообще и ламаистским в частности, едва ли не самым популярным является название далай-ламы, именуемого главой ламаистской иерархии. <...> Наш известный монголист профессор А. М. Позднеев в примечаниях к «Хождению в Тибет Базабакши» дает перечень их имен с обозначением времени их жизни по Waddel'у*, другой список находим и у проф. Грюнведсля¹. Мы собрали материал на тибетском языке, необходимый для составления биографий далай-лам, и намерены в будущем дать более или менее подробные сведения о них, теперь же ограничимся только кратким перечислением их.

Далай-ламы считаются перерожденцами бодисатвы** (одинадцатиликого Авалокитешвары (по-тибетски — «Пагба Чжан-рай-сиг»)).

* Лоуренс Остин Уодделл (1854–1938) — исследователь Тибета, подполковник британской армии, по образованию врач. Неоднократно тайно проникал в Тибет.

** Бодисатва (бодхисатва) (*санскр.* тот, чья сущность — просветление) — в буддизме идеальное существо, образец для других людей, наставник, ведущий людей по пути внутреннего совершенствования и тем приближающий их к освобождению от земных страданий.

Почитатели культа перерожденцев любят относить их происхождение к отдаленнейшим временам, например к эпохе жизни Будды. Так и в данном случае, первым воплощенцем считают бодисатву Пагба Чжан-рай-сига, ближайшего ученика Будды.

По сказаниям тибетских сочинений, составленных в более позднее время, первые 37 перерожденцев появлялись в Индии то царями — покровителями религии, то учеными-просветителями. В первый раз в Тибете появился 38-й перерожденец — хан Няти-цзанбо, живший в III в. до Р. Х.² Затем перерожденцами его являются знаменитые цари Тибета, известные покровительством буддизму, как то: 40-м — Сронцан-гамбо, 41-м — Тисроп-дэвцан (802–845)³, 42-м — Адаг-ти-Рал (866–902)⁴ и знаменитые ученые: 45-м — Бром-доньба⁵, 46-м — Сачжа (Сакьяский) Гунга-нинбо⁶ и т. д.

Первым перерожденцем, приверженцем цзонхавизма, считается Гэндундуб⁷, являющийся по прежнему порядку 51-м. Он родился в 1391 г., а умер в 1474 г. и был основателем цзанского монастыря Даший-лхунбо, при описании которого приведем некоторые биографические сведения о нем, здесь скажем лишь, что он оставил после себя пять томов сочинений, деревянные стереотипы коих находятся в поталаской типографии в Лхасе. Его сочинения, в числе прочих имеющихся в продаже собрания сочинений всех далай-лам, привезены мною.

Вторым перерожденцем считается Гэндун-чжамцо⁸, родившийся в 1475 г. в провинции Цзан от красношапочного ламы Гунга-чжалцана и жены его Гунга-балмо. В 1486 г. он был посвящен в монастыре Даший-лхунбо в первые духовные обеты и получил имя Гэндун-чжамцо. В 1494 г. отправился в монастырь Брайбун, находящийся у Лхасы. Здесь он обучался богословским наукам и путешествовал по разным местам Центрального Тибета для усовершенствования в науках. На 43-м году жизни, т. е. в 1517 г., он достиг места настоятеля (10-м по счету) Брайбуна. Лама этот отличался своею ученостью и пользовался большим почетом среди духовенства и народа. Его, по-видимому, стали считать за перерожденца его земляка, знаменитого Гэндундуба, но официального объявления об этом еще не было. В 1518 г.

китайский император повелел построить для него в Брайбуне дворец Галдан-побран. Умер он в 1542 г., оставив после себя три тома сочинений.

Третий перерожденец, Соднам-чжамцо⁹, был сыном начальника цзона Намчжал-дагбы от жены его Балдзом-бутид и родился в 1543 г. Его отец, как владетель цзона, был, без сомнения, очень влиятельным человеком и пожелал объявить своего сына перерожденцем только что умершего брайбунского настоятеля Гэндун-чжамцо. Он достиг своей цели, и в 1547 г. сын его был уже возведен в настоятели. Его взял под свое покровительство знаменитый ученый того времени, 15-й наместник Цзонхавы Соднам-дагба (1478–1554), который и был его первым учителем. Затем он получил отличное образование. Кроме того, положением настоятеля самого большого из тибетских монастырей, к тому же первого перерожденца-настоятеля, распространило о нем славу, которая дошла до монголо-тумэтского Алтан-хана. Последний в 1576 г. пригласил Соднам-чжамцо к себе в Монголию. По прибытии его в 1578 г. и по получении от него различных наставлений Алтан-хан дал ему титул «Вачира-дара-далай-лама». Следовательно, титул далай-ламы впервые был дан перерожденцам брайбунского настоятеля монгольским Алтан-ханом. Термин «далай-лама» сам по себе не имеет никакого значения. Он по-монгольски значит лишь «лама-море». Поводом к такому титулу, без сомнения, послужило собственное имя Соднам-чжамцо — «добродетель-море» (Соднам — добродетель, чжамцо — море), последняя часть имени перешла в титул. Этот титул сохранился за далай-ламами только в официальных бумагах, а народ и духовенство титулует их: «чжамгон-тамчжа-чэнба», что значит «всеведущий спаситель». После смерти Алтан-хана в 1584 г. наследники его снова пригласили Соднам-чжамцо, который и умер затем в Монголии в 1588 г. Он был признан «великим ламой, живым буддой» также Минским императором.

Четвертый перерожденец, Ион-дан-чжамцо, родился в Монголии от отца Сумэр-дайчина и матери Дара 1-го числа 1-й луны года земляной коровы, т. е. в 1589 г. Два влиятельных прорицателя Тибета — чойчжоны Найчун и Сэтаб — признали его за перерожденца далай-ламы Соднам-чжам-

цо. О последующем Санан-сэцэн¹⁰ говорит: «Когда услышали, что он поистине высокий перерожденец священного всеведущего Вачира-дара-далай-ламы, и прибыли послы для увоза его в Вечную страну (т.е. Тибет), то монголы не отпустили его, вследствие своей малой развитости и большой гордости, говоря так: “Наш ребенок мал, как его послать? Не пошлем раньше тринадцатилетнего возраста!”» Без сомнения, факт приглашения на престол настоятеля Брайбуна сына монгольского князя является самым интересным в отношениях тибетских лам к монголам, только что обращенным в ламаизм. В данном случае тибетцы, без сомнения, уступали настойчивому желанию воинственных монголов и главным образом имели в виду поднять успехи ламаизма в Монголии этой, с их стороны сравнительно небольшой, уступкой, так как далай-ламы в то время не имели еще того влияния, какое приобрели впоследствии пятый и седьмой перерожденцы. Если они думали и о материальной выгоде, то монголы могли принести громадные доходы тибетскому духовенству, о чем можно было судить по тем подношениям, какие сделали Алтан-хан и халхаский Абатай-хан третьему далай-ламе. Но как бы то ни было, новый перерожденец в 1604 г. был доставлен в Тибет, возведен в звание брайбунского настоятеля, принял духовные обеты, учился, путешествовал по Тибету и умер в 1616 г. Прах его разделили между собою халхаский князь Чихур и тумэтский тайчжи. Первый сделал для своей доли серебряный субурган и поставил его в брайбунском Галдан-побране. Среди монголов есть предание, что тибетцы убили Ион-дан-чжамцо из ненависти к нему, распоров ему живот, т.е. тем же способом, каким убивают монголы баранов.

Пятым перерожденцем, самым знаменитым из далай-лам, является не раз уже упомянутый Агван-Лобсан-чжамцо, именуемый сокращенно «А-ба-чэньбо — Великий пятый», сын начальника области Чон-чжай — Дуддул-рабтана и его жены Гунгал-хамдзей, родившийся в 1617 г. Он был посвящен в духовный сан ламой, впоследствии банчэном Лобсан-Чойчжи-чжалцаном, который был затем его воспитателем и наставником.

До сих пор далай-ламы считались перерожденцами брайбунского настоятеля и последовательно занимали лишь эту

должность. Хотя Брайбун был самым большим по числу духовенства монастырем Тибета, но в политической жизни всего Тибета ни монастырь, ни его настоятели не играли большой роли. Тибет в это время делился на уделы, управление коих было почти самостоятельным, и владельцы их вели между собою раздоры. Видя слабость тибетских светских правителей и желая захватить власть над ними, честолюбивый далай-лама Лобсан-чжамцо послал хошотскому Гуши-хану приглашение явиться в Тибет. История говорит, что у хошотского хана Ноян-хонхора было шесть сыновей. Из них четвертый Турул-байхур родился в 1582 г. Он уладил однажды спор между халхасцами и ойратами, за что получил титул Гуши-хана¹¹.

В 1637 г. Гуши-хан вторгся в Кукунур и овладел им. В это время пришло к нему вышеупомянутое приглашение, и он действительно явился на призыв в Тибет сначала лишь в качестве благочестивого богомольца, а спустя три года, т. е. в 1640 г., — во главе большого войска и вступил в борьбу с самым сильным из князей, жившим в городе Шихацзе, цзанским Гарма-данчжоном, дед которого был простым подданным владельца ронского Ринбун-цзона и достиг власти над Тибетом. В это самое время на востоке начинали вышатаваться маньчжуры, победившие одно за другим монгольские племена и шедшие победоносно к самому пекинскому престолу. Дальновидные Лобсан-чжамцо, Лобсан-Чойчжичжалцан и Гуши-хан, ища покровительства у этого народа, отправили в 1642 г. к маньчжурскому двору нарочитого посла, провозглашая Тайцзуна (так именовался полководец маньчжурский, покоривший Китай) «Великим-Хуанди-Манджушри» (тибетским Чжамьян), по созвучию названия этого божества со словом «манд-жу» — маньчжур.

В 1643 г. Гуши-хан после 7-месячной осады завладел Шиха-цзоном и убил его владетеля. Захватывая Тибет, Гуши-хан оправдывался тем, что он защищал угнетенную религию Цзонхавы. Логическим последствием такого оправдания было то, что он поднес власть над Тибетом далай-ламе, хотя власть эта пока была лишь номинальной, так как фактическим главой Тибета сначала был сам Гуши-хан, а затем он поставил своего сына Даяна, наименовав его Очирту-ханом

в силу принятого обычая давать особое наименование годам правления.

В 1652 г. далай-лама был принят маньчжурским императором Шунь-чжи на аудиенции и получил высочайшую грамоту и золотую печать. В этой грамоте он официально был титулован «Вачира-дара-далай-лама». В 1668 г. умер Очиртухан, и ему наследовал сын его Пунцок с титулом далай-хана. В 1695 г. принял подданство Китая сын далай-хана Лхавсан, или Лхацзан, который и был последним монгольским ханом Тибета. Пятый, знаменитый далай-лама, умер в 1682 г., оставив после себя 25 больших томов сочинений.

После смерти его наступает самый смутный период в новейшей истории Тибета вообще и далай-лам в частности. Дело в том, что еще при жизни пятого далай-ламы в 1675 г. во главе управления его делами стал даровитейший из его учеников дэба Санчжай-чжамцо, человек с большим образованием и замечательный политик. Он хотел отстаивать независимость Тибета как от Китая, так и от Монголии. Для этой цели он задумал воспользоваться междоусобиями монголов и враждою чжунгаров к Китаю и начал с того, что скрыл смерть пятого, великого далай-ламы, чтобы не терять своей власти. Затем он для вида высказывал повиновение Китаю, с одной стороны, и поддерживал тайно Галдана, хана джунгарского, в борьбе с халхасцами — с другой. Когда же переговоры между монголами не достигли умиротворения и чжунгарский Галдан был побежден императором Кан-си, обнаружилось деяния Санчжай-чжамцо, и он объявил далай-ламой своего ставленника Цан-ян-чжамцо¹², уроженца Мон-цзона, которого официальная летопись «Илэтхэл-шаштир» называет ламой Лобсан-ринчэном. Уличенный в своей двуличной политике Санчжай-чжамцо вступил в открытую борьбу с Лхавсан-ханом, но был убит последним в 1705 г. Лхавсан обвинил в измене и далай-ламу Цан-ян-чжамцо, которого хотел доставить в Пекин. Во время пути, по официальным данным, опальный далай-лама умер в Кукунуре, но народное предание заставляет его еще долго жить, о чем упомянуто выше. Он считается тибетцами шестым далай-ламой, жившим с 1683 по 1706 г. После этого спор о новом далай-ламе происходит уже между самими

монголами: с одной стороны, Лхавсан-хан желал провозгласить далай-ламой Агван-Ешей-чжамцо, а с другой стороны — кукунурские монгольские князья желали Галсан-чжамцо, уроженца камского Литана.

Когда Лхавсан-хан объявил о вновь определенном далай-ламе Агван-Ешей-чжамцо, то кукунурские князья возбудили вопрос о подозрительности такого определения Лхавсана, т. е. заподозрив последнего в ошибочном определении истинного далай-ламы, выставили со своей стороны кандидатуру вышеназванного Галсан-чжамцо, т. е. признали первого «лже-далай-ламой».

Ввиду таких разногласий пекинское правительство командировало сановника Хэ-шу для расследования дела. В 1709 г. Лхавсан-хан и банчэн-эрдэни доложили, что признанный ими новый далай-лама весьма сведущ в религиозном учении и делах правления, и просили пожаловать ему печать и грамоту. Тогда император возвел его в шестые далай-ламы, не признавая, конечно, прежнего ставленника Санчжай-чжамцо. В свою очередь кукунурские князья доложили, что слова Лхавсана — ложь, а истинный далай-ламский перерожденец — литанский Галсан-чжамцо. Император запросил банчэна, который подтвердил истинность слов Лхавсана.

Такой спор не предвещал ничего хорошего, и потому пекинское правительство сочло необходимым разрешить его каким бы то ни было образом. С этой целью оно командировало особого чиновника, который собрал на сейм кукунурских князей и показал им доклад банчэна с его печатью, в котором говорилось об истинности перерожденца далай-ламы, поставленного Лхавсан-ханом. Правительство предложило одновременно с этим поселить Галсан-чжамцо в Пекине. Кукунурские князья упорно отказывались от этого, говоря, что они не могут доставить его так далеко. Истинная же причина, вероятно, заключалась в их опасении, что правительство хочет захватить кандидата на далай-ламский престол и известить его как причину раздоров. Только после угрозы военной силой они согласились поселить его в монастыре Гумбуме. Спор продолжался, и кукунурские князья стали в весьма враждебные отношения к Лхавсан-хану. После разных козней и интриг между монгольскими

князьями в 1717 г. чжунгарский полководец Цэрин-дондуб¹³, посланный Цэван-рабтаном¹⁴, явился на границе Центрального Тибета. Ему противостоял сын Лхавсана Сурцза, но в происшедшей битве был разбит и бежал в Лхасу, где укрылся в Поталаском дворце. Тибетские изменники, войдя в переговоры с Цэрин-дондубом, открыли ему крепостные ворота. Тогда Цэрин-дондуб убил укрывавшегося во дворце хана Лхавсана и заключил в темницу далай-ламу Агван-Ешей-чжамцо. Сын Лхавсана Сурцза, пытавшийся бежать, был также схвачен Цэрин-дондубом.

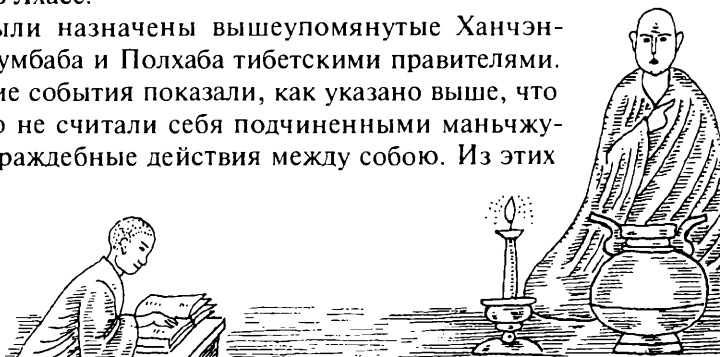
Когда маньчжурское правительство стало готовиться к походу в Центральный Тибет, Цэрин-дондуб возвратился оттуда и донес, что все тибетцы весьма почитают ламу Галсан-чжамцо и что если его возвести в далай-ламы, то страна успокоится.

Император, уступая таким обстоятельствам, в 1719 г. возвел в далай-ламы литанского перерожденца Галсан-чжамцо (опять в шестые же далай-ламы) и пожаловал ему грамоту и печать.

Таким образом, с 1706 по 1718 г. было двое далай-лам. В 1719 г. вновь утвержденный далай-лама был отправлен в Тибет под защитой кукунурцев и посажен на далай-ламский престол, а заключенный в тюрьму прежний далай-лама Агван-Ешей-чжамцо выпущен на свободу. Новый далай-лама, как сказано, официально считается шестым, а тибетцами седьмым. Отца его звали Соднам-дарчжай, а мать — Лобсан-чоймцо. <...>

Только после возведения на престол этого далай-ламы маньчжурское правительство стало считать, что в Тибете наступило спокойствие и что эта страна вполне подчинилась маньчжурской династии. По этому поводу император Кан-си написал грамоту, которую повелел высечь на каменной плите, о которой было упомянуто при описании города, и поставить ее в Лхасе.

В 1723 г. были назначены вышеупомянутые Ханчэн-най, Аподба, Лумбаба и Полхаба тибетскими правителями. Но последующие события показали, как указано выше, что тибетцы далеко не считали себя подчиненными маньчжурам и начали враждебные действия между собою. Из этих

междоусобий, как известно, вышел победителем приверженец маньчжуров Полхаба. Во время этих смут пребывание далай-ламы в Тибете стало уже небезопасным, почему пекинский двор приказал поселить его на родине, в камском Литане, откуда он возвратился в 1732 г., после пятилетнего там пребывания, но участия в светском управлении не принимал до 1751 г., когда был окончательно усмирен мятеж.

С этого времени далай-лама начинает иметь влияние на светские дела. Этот перерожденец был человек по-своему достаточно образованный и даровитый, оставивший после себя 8 томов сочинений, в коих преобладают статьи тарнистического учения. Умер он в 1757 г. Отец его Соднам-дарчжай был возведен в степень князя «фу-го-гуна» (помогающего государству гуна).

Восьмой перерожденец, далай-лама Чжамбал-чжамцо, родился в 1758 г. в провинции Цзан от отца Соднам-дарчжай и матери Пунцок-ванмо, которая была сестрой третьего банчэн-эрдэни Балдан-Ешея. Он был двоюродным братом четвертого халхаского Чжэбцун-дамба-хутухты, сына Соднам-дашия, старшего брата Соднам-дарчжая. В 26-м году правления Цянь-луна, т. е. в 1762 г., была дана императорская грамота, утвердившая его на престоле далай-ламы.

Небезынтересно, по нашему мнению, привести здесь текст этой грамоты в переводе на русский язык.

«Грамота Хуанди, имеющего, по предопределению неба, власть над обширной землей. Дана перерожденцу далай-ламы. Ныне управляющий делами Уй и Цзана, мэйрэн-цзангин Пу, согласно нашему повелению, торжественно принял тебя, перерожденца. Вследствие его доклада, что ты, перерожденец, имеешь удивительные качества, отличные от других, моя мысль чрезвычайно радуется. Далай-лама, в предыдущем образе, не ограничившись тем, что особенно усовершенствовался в религиозных познаниях, принял с почтением наши приказания и согласовал с нашей волей все предприятия для устройства в спокойствии всех уйских и цзанских подданных, вследствие чего мы сильно восхвалили (его) от своего радостного сердца. Когда он умер, я сильно сокрушался душой. Теперь выяснение в течение трех лет перерожденца (его), будучи приятным моей мысли, рас-

пространило обширную радость. Тебе, перерожденцу, весьма необходимы бдительные, беспрестанные упражнения в практических занятиях и др., усердно заботиться о выслушивании и размышлении для усиленного распространения законов «желтой шапки», сердца учения Будды.

Ныне ради благонамеренного праздника выяснения перерожденца пожаловали золотую статую Аюши, статую Шакьямуни из драгоценного камня «хас» (яшма) и драгоценные ручные четки. Пожаловано это ради долголетия перерожденца и распространения желтошапочного учения.

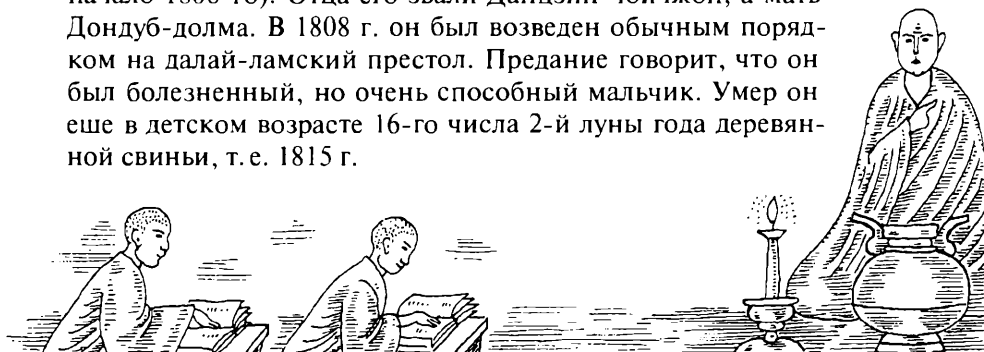
В 12-й день первой летней луны 26-го года правления Цянь-луна».

По смерти его предшественника был назначен регентом дэмо-хутухта, Чжамбал-дэлэг-чжамцо, который и начал ряд других регентов. Он управлял делами далай-ламы 21 год, после него должность чжалцаба занял чжонэйский уроженец, 61-й настоятель Галдана Агван-цултим.

8-й далай-лама Чжамбал-чжамцо, по-видимому, был человек ничем не выдававшийся, и всю свою жизнь он провел сначала в учении, затем в исполнении разных духовных треб. Избранию его в далай-ламы, затем выдаче ему в 1781 г. золотой печати много содействовал дядя его третий банчэн-эрдэни Балдан-Ешей, лама с отличными дарованиями, который сам был в Пекине и получил утверждение в звании банчэн-эрдэни. В этом же году император захотел дать титул отцу Чжамбал-чжамцо, по примеру отца 7-го перерожденца, но вследствие того, что отца его уже не было в живых, титул «гуна» был пожалован дяде его Соднам-дашию, который, как упомянуто выше, был отцом халхаского Чжэбцун-дамба-хутухты.

Умер VIII далай-лама в 1804 г.

Девятый перероженец, Лундок-чжамцо (полное имя его Лобсан-данбий-бжюнной-Агван-Лундок-чжамцо), родился в 12-й луне года деревянной коровы (конец 1805-го или начало 1806-го). Отца его звали Данцзин-чойчжон, а мать Дондуб-долма. В 1808 г. он был возведен обычным порядком на далай-ламский престол. Предание говорит, что он был болезненный, но очень способный мальчик. Умер он еще в детском возрасте 16-го числа 2-й луны года деревянной свиньи, т. е. 1815 г.

Десятый перерожденец, Цултим-чжамцо, родился на родине VII далай-ламы, в Камском Литане, от отца Лобсан-няндаг и матери Намчжал-бутид. Время рождения его биограф определяет «при появлении первой утренней зари 29-го числа третьей луны года огненной мыши», т.е. 1816 г. Правивший тогда делами далай-ламы дэмо-хутухта Лобсан-губдан-чжигмэд-чжамцо, по указанию чойчжонов-прорицателей и высших лам, хотел сразу возвести на престол этого Цултим-чжамцо, который до избрания носил имя Чжамбал-чжалцан, но в то время составила партия против такого избрания. Она настаивала на вынужти жребия посредством золотой урны (сэрбум), назначенной для определения высших перерожденцев еще императором Цянь-луном. Дэмо-хутухта не выполнил своего намерения вследствие своей смерти в 1819 г. В это время перерожденец Галданского ширетуя Агван-Чжамбал-цултим послал в Пекин посла с поздравлением императора Цзя-цина с 60-летием. Посольство это выхлопотало назначение правителем далай-ламского казначейства Агван-Чжамбал-цултима, каковое назначение и состоялось рескриптом от 8-го числа 2-й луны правления Цзя-цина, т.е. в 1820 г. В это же самое время пришел приказ избрать далай-ламу посредством жребия. На это новшество в практике избрания далай-лам тибетские ламы и сановники согласились с большим неудовольствием. Тем не менее с приказом императора, исполнителями коего являлись два маньчжурских амбаня, не могли не согласиться, и 15-го числа первой луны года водяной лошади, т.е. в 1822 г., в присутствии нарочито для сего приглашенного банчэн-эрдэни, одним из маньчжурских амбаней был вынут один из трех билетиков с именами кандидатов, писанными по-маньчжурски, из золотой урны, поставленной перед изображением императора в Поталаском дворце. Билетик оказался с именем Чжамбал-чжалцана, и тогда амбань, обращаясь к отцу мальчика, присутствовавшему здесь же, сказал: «Так как из золотой урны вышел твой сын, Чжамбал-чжалцан, кандидат в драгоценные далай-ламы, то молись милости великого императора!»

Так произошло избрание в десятые далай-ламы кандидата, выставленного большинством тибетцев, но мы не беремся сейчас сказать, было ли это случайное совпадение или

какой-нибудь подлог амбаней. Как бы то ни было, оно удовлетворило ту и другую стороны. Избранный таким образом новый далай-лама был посвящен в духовный сан и стал учиться духовным книгам. Главным учителем его был престарелый Агван-няндаг, отставной 66-й галданский наместник и бывший учитель VIII далай-ламы; после смерти его эту должность занял 70-й наместник Агван-чойнпэл. Но и этот далай-лама умер также в ранней молодости, в седьмой луне 1837 г.

Одиннадцатый перерожденец, Хайдуб-чжамцо, родился на самой границе с Китаем, в восточном Каме, в 9-й луне года земляного пса, т. е. 1838 г. Отца его звали Цэван-дондуб, а мать Юндун-бутид. По разным рассказам родителей и гаданию лам, в нем наметили перерожденца далай-ламы, но официальное избрание его произошло в 1841 г. посредством известной уже золотой урны. При этом случился какой-то подозрительный инцидент, про который биограф его рассказывает, что его имя не сразу вышло из урны, а появилось оно после многих молитв. Затем 16-го числа 4-й луны года водяного тигра (1842 г.) обычным порядком был прочтен рескрипт императора, и новоопределенный далай-лама возведен на свой трон. Он умер также в ранней молодости (17 лет) 24-го числа 10-й луны года деревянного зайца, т. е. 1855 г.

Двенадцатый перерожденец носил имя Принлай-чжамцо (скорее Тинлай-чжамцо) и родился в восточной части провинции Уй, в уезде Олха, в 1856 г. от отца Пунцок-цэван и матери Цэрин-юдонь. В начале 1858 г. он с двумя другими мальчиками баллотировался посредством золотой урны, и жребий быть далай-ламой пал на его долю. Но и этот далай-лама едва достиг 20 лет и умер в 20-х числах 3-й луны года деревянной свиньи (1875 г.) По рассказам современников, этот далай-лама умер уже явной насильственной смертью (отрава), о чем слышал и Н. М. Пржевальский.

Тринадцатый, ныне здравствующий, перерожденец далай-ламы носит полное имя Агван-Лобсан-Тубдан-Чжамцо-Чжигбрал-Ванчук-Чоглай-Намчжал, или проще Тубдан-чжамцо. Он родился в юго-восточной части провинции Уй в 1876 г., и, следовательно, ему в настоящее время (1903 г.) 27 лет от роду. Лет семь тому назад он кончил курс богословских наук и получил высшую ученую степень лхарам-

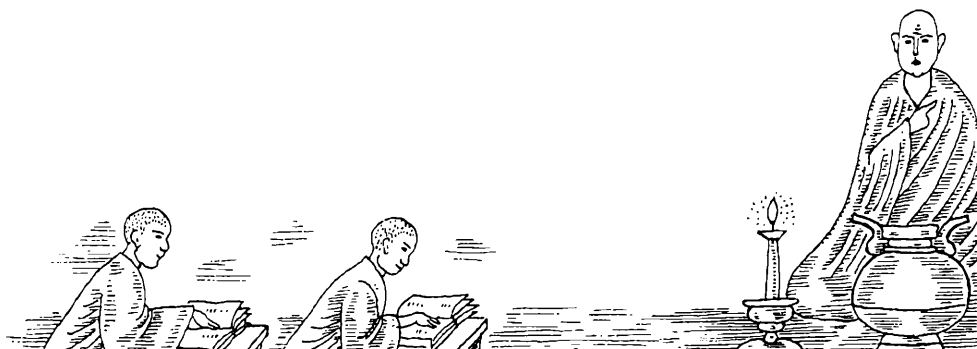
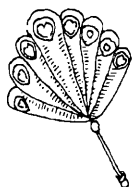

ба. Прохождение наук происходило под руководством его старшего учителя, или так называемого «Ендзин-ринбочэ», что значит «драгоценный учитель», по имени Лобсан-цултим Чжамба-чжамцо, известного более под именем «пурбу-чжогского перерожденца Чжамба-ринбочэ», который умер в августе 1901 г., достигнув глубокой старости. Для упражнения далай-ламы в цаннидских диспутах к нему были представлены от семи богословских академий монастырей Брайбуна, Сэра и Галдана по одному цань-шаб-хамбо, в число коих от гоманского дацана Брайбуна попал наш забайкальский бурят Агван Доржиев, которому сильно покровительствовал вышеназванный пурбу-чжогский перерожденец. Годов шесть тому назад произошла борьба между партиями далай-ламы и так называемого правителя его казначейства (тибетского хана) дэмо-хутухты. В этой борьбе победа осталась на стороне далай-ламы, вследствие чего дэмо-хутухта с приверженцами были обвинены в совершении заклинаний против жизни далай-ламы, имущество их было конфисковано, а сам хутухта посажен в заключение. Он умер затем насильственной смертью (задушен) осенью 1900 г. Взнявший верх в этой борьбе нынешний далай-лама, без сомнения, избавился от участи многих своих предшественников, умиравших в самом раннем возрасте. VIII далай-лама по наружности довольно красивый молодой человек и, по-видимому, с твердым характером, так как он проявляет в настоящее время много самостоятельности и энергии в светских и духовных делах Тибета. Он отменил, по крайней мере на первые годы своего правления, смертную казнь, отменил и открытую продажу должностей — мера громадной важности. Что касается влияния далай-ламы как духовного лица, то должно сказать, что он почитается лишь жителями ближайших местностей, а дальние, в особенности жители других провинций, знают его лишь как верховного правителя Тибета.

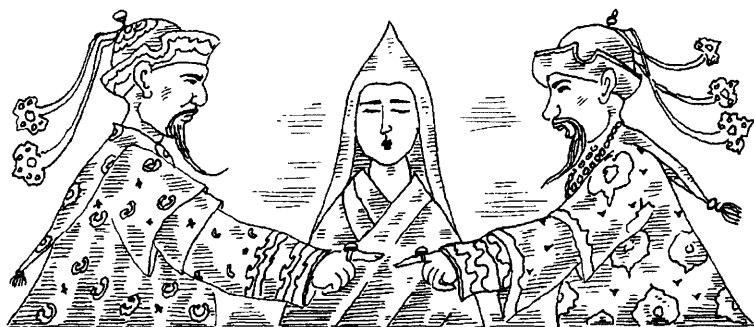
Являясь верховным правителем страны и в то же время будучи верховным ламой, далай-лама, понятно, мало доступен народу в обыкновенное время, и доступ к нему сравнительно легок лишь для поклонений. Всякий имеющий какой бы то ни было «хадак» может подойти к нему и получить благословение, состоящее в прикладывании непосред-

ственно правой руки далай-ламы на голову поклонника и пожаловании шнура с благословенным узлом. <...> Более сложные обряды поклонений требуют уже внесения известной суммы денег, самое меньшее 5 ланов местных монет, тогда поклоняющийся подносит далай-ламе мандал, статую Будды, книгу и субурган, которые как бы берутся напрокат за вышеназванную сумму. Если же поклонник желает поднести далай-ламе чай (по-тибетски — «сой-чжа») и рис (ши-брай), то должен внести еще три лана (4 руб.) Тогда его сажают у подножия трона и дают отведать чаю и вареного риса. Выше этой суммы подношения могут быть различные, в зависимости от усмотрения самого поклонника, но наивысшим подношением считается так называемый «цог-бул», т. е. поднесение собранию духовенства во время лхасского монлама. Это подношение требует не менее 20—25 тысяч рублей на наши деньги, которые раздаются всем духовным (20 000 чел.) и также подносятся самому далай-ламе вместе с приближенными, как духовными, так и светскими. Так как такие громадные деньги способен подносить не всякий, то «цог-бул» бывает сравнительно редко. В год нашего пребывания в Лхасе его не было.

Внешними знаками далай-ламского достоинства, помимо золотой печати, жалуемой императором, служат еще при шествиях: 1) желтые носилки — чжоз-цзы (слово китайское, по-тибетски — «чжад-чжог»), 2) желтый зонтик (по-тибетски «ву-дуг» — зонтик над головой) и 3) опахало из перьев хвоста павлина (по-тибетски «сил-ябма-бжяй до-дуг»). Эти знаки употребляются при парадных шествиях, а при второстепенных по крайней мере нынешний далай-лама больше любит ездить верхом только с желтым зонтом, символизирующим солнечный круг (по-тибетски — «нймай чжил-хор»).

Глава IX
Эпизод из жизни правящего ныне
далай-ламы¹

Считаем не лишним дать некоторые подробности дела вышеупомянутого дэмо-хутухты, которого обвиняли в покушении на жизнь нынешнего далай-ламы, причем предупреждаем читателя, что передаем лишь слышанное на месте от людей, стоявших далеко от правящих и потому не заслуживающих особого доверия; но в этих случаях отражается народное воззрение на это дело, может быть, воззрение, внушенное правительством.

Во время малолетства нынешнего далай-ламы регентом был гундэлинский дацаг-хутухта, но по его смерти около 15 лет тому назад должность эту занял дэмо-хутухта, лама лет тридцати с лишком, происходивший из незнатной семьи.

Лишь только он был назначен регентом, особенно сильно обнаружилось влияние на него его брата Норбу-цэрина, человека крайне корыстолюбивого и не брезговавшего никакими средствами для удовлетворения своих желаний. Норбу-цэрин благодаря назначению брата регентом добился значительного положения — «лабранского распорядителя» (лабран-чанцзад); благодаря этому стал очень близок к государственной казне, откуда он мог извлекать немало доходов. Затем он несправедливо обвинил в чем-то одного тайчжи старинного княжества дома Дорин и добился его ссылки на

окраины, чем освободил для себя его жену, с которой он стал явно сожительствовать и имел уже от нее детей. Продажность в канцелярии регента достигла высшей степени; для получения всякой должности и звания устраивались форменные конкурсы деньгами.

Такие поступки регента, находившегося всецело под влиянием своего брата, не нравились ни высшим администраторам, ни духовенству, ни народу, и все они стремились избавиться как-нибудь от господства этих братьев. Противопоставить регенту, понятно, можно было только самого далай-ламу, когда он достиг совершеннолетия. К тому же нынешний далай-лама оказался человеком очень предприимчивым и энергичным, так что нужна была только небольшая поддержка от некоторых высших правителей, чтобы он сам начал борьбу с регентом и его клевретами, благо немногочисленными. Сторону далай-ламы поддержали весьма влиятельный учитель его, вышеупомянутый пурбу-чжогский перерожденец, тогдашний чжишаб-хамбо и старший галон Шяда. Поводом к обвинению послужило то, что в подошве унтов, подаренных дэмо-хутухтой далай-ламе, были вложены какие-то заклинания, предназначенные для сокращения жизни далай-ламы. Раскрыть этот замысел помог брайбунский Найчун-чойчжон, указав по секрету далай-ламе о грозящей его жизни опасности. Тогда началось следствие. Были посланы чиновники к дэмо-хутухте для допроса о совершенных заклинаниях. Они, из почтения к хутухте и, вероятно, не уверенные еще в исходе начинавшейся борьбы, раболепно спросили, не соизволит ли хутухта знать что-нибудь о совершенных заклинаниях. Тот ответил отрицательно; допросчики возвратились к далай-ламе и передали результаты допроса. Далай-лама не был доволен таким приемом допроса и велел им отправиться вместе с палачами и допросить с применением пыток, как простого преступника. Хутухта не захотел подвергаться пыткам и принял на себя все обвинения, в которых упоминалось и об участии в них Норбу-цэрина. Очередь дошла до последнего, но никакие пытки и допросы не могли принудить его сознаться. Его стойкость в утверждении своей невинности создала даже легенду, что, когда били его плетями, он не издал ни одного звука, хотя кровь текла из

ран в изобилии. На следующий день, продолжают рассказывать далее, не оказывалось на теле ни одной раны, и он снова подвергался пыткам. Но, несмотря на это, он был отрешен от должности и заключен в особый арестный дом, а дэмохутухта заключен в особую комнату в своем дворце. Имущество того и другого было отобрано в казну, но немалая часть его расхищена высшими чиновниками и прислужниками.

Летом 1900 г. происходило первое путешествие далай-ламы по знаменитым монастырям южного Уя (Лхоха). Путешествие это было роковым для его предшественника, так как во время его он был отравлен. Так и на этот раз думали, что еще могут найтись сторонники низверженного хутухты и далай-лама сделается жертвой борьбы, но он благополучно совершил путешествие, хотя в монастыре Самьяй ему пришлось перенести натуральную оспу, свирепствовавшую тогда во всем Центральном Тибете.

Неизвестно, далай-лама ли, убедившись, что народные вожди стоят на его стороне, по совершении путешествия велел тайно прикончить опального хутухту, или сам хутухта, убежденный, что у него нет никакой надежды на возврат свободы и власти, счел за лучшее покончить расчеты с жизнью, но, как бы то ни было, осенью 1900 г. он оказался задушенным в своем заключении хадаком и был затем отдан на съедение птицам на погребальном камне монастыря Ербалха. Норбу-цэрин сидел в заключении и во время нашего выезда из Тибета.

Глава X Устройство и управление главнейших монастырей в окрестностях Лхасы

В окрестностях Лхасы как религиозного центра всегда было много монастырей. До появления Цзонхавы недалеко от нее находились три больших монастыря: Санпу, Чжормолун и Гадон, известные под общим именем Санчжор-гэ-сум, но с победой нового учения этого реформатора его последователи сосредоточились в основанных им трех больших монастырях: Галдан, Брайбун и Сэра, которые затмили своих предшественников и известны ныне под общим названием Сэ-нбра-гэ-сум.

В бытность мою в Тибете я одновременно посетил эти три, да еще четвертый большой желтошапочный монастырь Даший-лхунбо, принадлежащие господствующему ныне учению Цзонхавы, а также несколько малых монастырей, основание коих относится к более древним временам. Сии последние с появлением нового учения или сами приняли его, или, уступив первенство его последователям, сделались безызвестными и малолюдными. В нижеследующих строках мы будем говорить о быте только трех вышеназванных монастырей; притом ввиду того, что каждый из них имеет свои более или менее значительные особенности, которые нельзя без некоторого риска подвести под один итог, заметим, что все подробности будут безусловно верны лишь для само-

го большого из упомянутых монастырей — Брайбуна, жизнь которого нам ближе всего известна.

Всякий выдающийся своею ученостью и энергией лама, когда приобретает себе почитателей и обеспечит средства существования, если предвидит постоянный прилив доходов, стремится основать отдельную общину. Причиной этого преимущества служит желание распространять учение и способствовать его процветанию, что в воззрении ламаистов связано с увеличением числа монастырей и монахов. Оно и понятно, так как, собственно, по представлению буддистов, путь к спасению идет через монашество: только тот, кто берет на себя более трудные обеты монаха, может окончательно вступить на «путь». При этом, конечно, немалую роль играет и честолюбие — быть первым в деревне, а не вторым в городе. Задумав основать собственный монастырь, монах прежде всего избирает для него подходящее место, согласно астрологическим указаниям и благоприятным признакам, и, удаляясь на новое место, берет с собою самых преданных из своих учеников.

Большинство монастырей Центрального Тибета занимают места, негодные для земледельческой культуры, так, например: Галдан стоит на вершине горы, Брайбун — высоко на склоне среди камней, Сэра — хотя под горой, но на песчаной и каменистой почве, Даший-лхунбо — тоже и т. п.

Намеревающийся основать монастырь собирает пожертвования, и набожные люди оказывают ему помощь; наиболее обеспеченным бывает успех предприятия, конечно, когда является какой-нибудь сильный покровитель вроде местного князя; тогда основатель строит себе и ученикам жилища, а затем особый дом, где монахи собираются для совершения богослужений. Этот дом, принадлежащий всей общине, называется цокчэн-дуган. Слава основателя, деятельно поддерживаемая его учениками, притягивает новых почитателей, которые должны свидетельствовать свою набожность приношением пожертвований на монастырь и его общину, почему и называются «бжиньдаг», т. е. милостынедателями (буквально: «хозяевами даяний»). Приношения эти могут состоять из предметов культа, храмового инвентаря, припасов для духовных, денежных пожертвований, земельных

участков и т. п. Таким образом, возникает монастырь и обеспечивается его существование.

Во главе монастыря первоначально стоит, конечно, его основатель и именуется его «престольным» (по-тибетски — «тиба», по-монгольски — «ширету»), так как он занимает главный престол у задней стены дугана, а остальное духовенство располагается у подножия его. Тиба является учителем всей общины и как таковой должен быть почитаем учениками, согласно учению Цзонхавы, ничуть не ниже будд. Как хозяин монастыря, содержащий на свои средства монахов, он является полным распорядителем монастырских дел, но, с одной стороны, занятый делами, связанными со священным саном, с другой — с увеличением монастырской общины, не имея просто времени для занятия всеми делами, он поручает различные части управления другим лицам. Вследствие этого стала отделяться от тибы власть административно-судебная и экономическая.

Со смертью основателя монастыря община, конечно, не может существовать без начальника и учителя. Поэтому нужен наместник, который бы своей ученостью и влиянием на милостынедателей мог бы продолжать начатое дело. Избранный глава монастыря назывался «тиба» (в литературе — «титог») или, более скромно, «занимающим престол» или кафедру («тицзин»), и первое время эти звания были пожизненными. Избираемое наместничество, да притом пожизненное, естественно, должно было сделаться предметом разных споров, истекающих как из соревнования познаниями, так и из различных наклонностей наместника и т. п. Выход из таких раздоров был найден сначала в установлении срока наместничества, а затем самым удобным оказалось установить наследственность власти. Наследственность эта могла выражаться у последователей Цзонхавы, которые, как известно, безбрачны, только отыскиванием перерожденцев выдающихся лиц. В этом случае выгоды были следующие: во-первых, обаяние святости, производимое на монахов и милостынедателей, во-вторых, отсутствие споров об относительной учености того или другого кандидата и, в-третьих, все богатство, накопленное предшественником, оставалось в распоряжении его перерожденца. Первый

опыт возведения на кафедру перерожденца был сделан с вышеупомянутым третьим далай-ламой Соднам-чжамцо. Успех нововведения сказался сразу, и слава о перерожденце брайбунского настоятеля дошла до Монголии. Последующие политические события сделали далай-ламу главой всего Тибета. В настоящее время далай-лама является настоятелем монастырей Сэра и Брайбуна, а в монастыре Галдан из уважения к памяти великого основателя желтошапочного учения сохранена должность отдельного галданского настоятеля.

Вся монастырская община составляет так называемое «большое собрание» (цокчэн); затем она делится на дацаны (факультеты), камцаны (землячества) и мицаны (более мелкое, как бы родовое, подразделение камцанов). Духовная власть остается у наместника — основателя или настоятеля всего монастыря. Для административно-судебного управления назначаются настоятелем (в Сэра и Брайбуне далай-ламой) два гэбкоя, коих живая речь называет чаще «цокчэн-шамо». Оба они равноправны, но один из них, именуемый старшим, должен иметь обеты гэлونا, а другой, напротив, не должен иметь этих обетов, так как ему случается постановлять наказания до смертной казни включительно, недопускаемые гэлонам. Должность эта годовая, и смена «шамо» в разных монастырях происходит в различное время. Вследствие повсеместного взяточничества и узаконений о наложении денежного штрафа и конфискации имущества должности эти являются весьма доходными, так как все идет в пользу самих шамо. Особенно выгодными являются должности брайбунских шамо потому, что последние, помимо того что управляют самым многолюдным монастырем, заведуют административно-судебной частью так называемых двух «Лхаса-монлам» (лхасских монламов): «большого», происходящего с 3-го по 23-е число первой луны, и «малого», или цок-чод монлама, происходящего с 20-го по 30-е число второй луны в Лхасе. На большой монлам, читаемый за благополучие китайского императора, как сказано раньше, должны собираться все монахи из Сэ-нбра-гэ-сума и окрестных небольших монастырей. Он происходит как раз в то время, когда присутственные места Китая по случаю новогодних

каникул бывают закрыты, вследствие чего два шамо делают-ся полными распорядителями Лхасы. Они собирают за это время налоги с торговцев и хозяев лошадей, устраивают суд над всеми, ревизуют через своих агентов чистоту улиц, налагают штрафы, конфискуют имущество и т. п. В это время все жители города находятся в каком-то неопределенном страхе, ежеминутно опасаясь нарушить дисциплину или сделаться объектами клеветы недоброжелателей, чем не преминут воспользоваться шамо, видящие во всяком правом и неправом деле только лишнюю статью дохода. Чрезвычайная доходность служит, конечно, причиной того, что на эти должности является много претендентов из лиц, имеющих право занять их, а имеют на это право все бывшие гэбкой и нерцан-дэба (казначей) всех дацанов. До самого последнего времени должности эти покупались сравнительно дорого: так, во время регентства дэмо-хутухты цена на каждую доходила до 4000 ланов тибетских монет, или более 5000 руб. на наши деньги. С принятием же верховного управления страной нынешним далай-ламой беззастенчивая продажа прекратилась, хотя выставление своей кандидатуры не обходится без значительных расходов. Должности эти в других монастырях не столь доходны, но все же обеспечивают безбедное существование до конца жизни тем, кто умело прослужил в них.

Заведование общемонастырским имуществом лежит на обязанности цокчэн-дэбы, который назначается также настоятелем (в данном случае далай-ламой) с шестилетней властью. Про должность эту должно сказать, что она скорее может быть названа откупною. Дело в том, что казначею-дэба сдаются все доходные статьи монастыря вместе с деньгами, и он, эксплуатируя их по своему усмотрению, должен ежегодно выполнять все условия раздачи монахам денег, муки, провизии и ежедневного чая. Затем, по истечении шести лет, он обязан сдать монастырское имущество в первоначальном составе. Должность эта является весьма доходной, почему позволяет откупщику не только выполнять условия, но и сделать по выслуге срока какое-нибудь ценное пожертвование.

Все духовенство монастыря делится по дацанам, или факультетам. Каждый дацан имеет своего настоятеля, име-

нуемого хамбо (наставник, учитель), который назначается далай-ламой на шесть лет, причем может быть оставлен в должности и на следующие шестилетия. Он выбирается по возможности из самых ученых лам, хотя, по укоренившимся обычаям, ученость без денег должна уступать место посредственности с деньгами и связями. Хамбо, уже по своему усмотрению, назначает одного дацанского гэскоя, который является для дацана тем же, чем шамо для цокчэна. Имуществом дацана заведуют два казначея, именуемых нерцандэба.

Всякий монах должен причислиться к какой-нибудь земляческой общине, именуемой «камцан». Большие камцаны имеют еще подразделения на мицаны — еще более тесные родовые общины. Причислиться к тому или другому дацану, камцану и мицану для уйских тибетцев безразлично, но монахи других провинций должны причислиться к своим земляческим общинам. Например, относительно монголов существуют следующие, строго соблюдаемые правила: халхасцы, в том числе и наши забайкальские буряты и южные монголы, должны причисляться к монастырям Сэра и Брайбуну. <...> Исключение делается лишь для подданных (шабинар) ургинского хутухты, которые могут избрать монастырь по своему усмотрению. Точно так же Галдан из чувства уважения к основателю его оставлен доступным для всякого. Поступив в тот или другой монастырь, монголы должны непременно причислиться в Брайбуне к Гоманскому дацану, в Сэра — к дацану Чжеба и в Галдане — к Чжаяцзэ. Затем в этих дацанах халхасцы должны причислиться к камцану Самло, а остальные монголы — к Хамдону. В сих последних халхасцы составляют отдельный мицан — халхаский, а остальные монголы составляют три мицана: торговты — торгоутский, остальные олёты — цохаский, а южные монголы — чжурчед, т. е. маньчжурский.

Общее наблюдение за деятельностью администрации, а также решение важных дел в каждой общине, от общемонастырской до мицанов включительно, находятся в руках соответствующих советов. Так, общемонастырский совет, называемый «ла-чжи», составляется из всех хамбо, цокчэнского дэбы (в Брайбуне), правителя брайбунского двор-

ца Галдан-побран, старшин (камцан-гэрган) камцанов Самло и Хамдон и др. Заседания происходят под председательством старейшего по времени службы хамбо. Должно заметить, что отставные хамбо (хамбо сурба) участвуют в заседаниях на равных правах с настоящими, сядясь даже выше их.

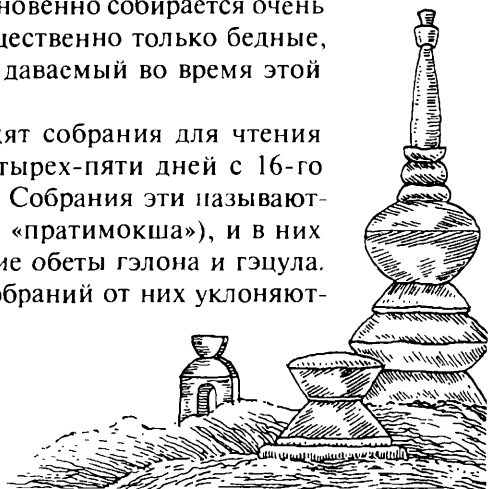
Заседания старшин дацана происходят под председательством хамбо или правителя его дворца, именуемого лабран-чанцад, а заседание совета камцанов и мицанов — под председательством старшего из членов.

Относительно материальной обеспеченности общин можно сказать, что в этом отношении между ними существует полное неравенство. В силу сложившихся исторических обстоятельств одни общины владеют значительными земельными участками, гуртами скота и денежными капиталами, приносящими доходы, тогда как другие ничего подобного не имеют и существуют почти номинально.

Общественная жизнь монастыря начинается утром после полного рассвета призывом на общую молитву в цокчэнском дугане. Призыв этот производится с крыши дугана в Галдане ударами в большой барабан, в Брайбуне — протяжным криком мальчика «Пэб!» («Пожалуйста!») и в Сэра — таким же криком взрослого. Впрочем, еще раньше этого один из лам читает на крыше трижды молитву к Цзонхаве, известную под названием «миг-цзэ-ма» («верх стремления»). Собравшиеся ламы в ожидании открытия дверей также громко читают эту молитву. Двери же открывают с прибытием двух шамо и цокчэнского умцада (соборного канонарха), который ведет весь порядок службы и начинает чтение каждой молитвы.

На эту утреннюю молитву обыкновенно собирается очень мало монахов, идут туда преимущественно только бедные, коих привлекает чай, ежедневно даваемый во время этой молитвы.

Ежегодно в цокчэне происходят собрания для чтения покаянных молитв в течение четырех-пяти дней с 16-го числа последнего летнего месяца. Собрания эти называются «ярнай» или «хайлен» (санскр. «пратимокша»), и в них могут участвовать только имсьющие обеты гэлونا и гэцула. Ввиду строгих требований этих собраний от них уклоняют-

ся очень многие, хотя участие обещает прощение почти всех грехов. Так, например, в 1901 г. в ярнае брайбунского цокчэна участвовало около 500 монахов, т.е. 1/16 или 1/17 часть всего духовенства.

Кроме этих обычных собраний, бывают еще экстренные, происходящие по особому заказу благочестивых людей. Такие собрания обыкновенно происходят тотчас за первым обычным утренним собранием.

После ежедневного утреннего собрания цокчэнские шамо выходят на крыльцо дугана и производят суд и расправу над всеми провинившимися против монастырской дисциплины. Допросы производятся с пытками посредством розог и привязывания к столбу в карцере. Признанные виновными наказываются, смотря по степени проступков, розгами, денежными штрафами, удалением из монастыря или изгнанием. При последних двух наказаниях имущество чаще всего конфискуется, равно как конфискуется оно при приговоре к смертной казни; но должно заметить, что к смертной казни официально не приговаривают, а казнят ударами розог (потолще) как бы во время допросов или во время приведения в исполнение приговора к известному количеству ударов.

Остальную часть дня монахи должны посвящать занятиям по избранным ими факультетам, или дацанам. Учение в них происходит в общем в течение 0,5 года, по 1,5 месяца в каждом времени года. Учебное время называется «чойтог», а перерывы — «чойнцам». На богословских факультетах, кои составляют большинство в Сэ-нбра-гэ-суме, занятия бывают в учебное время ежедневно по четыре раза: 1) утром, после цокчэнского собрания — «шога-чойра», 2) затем с небольшими промежутками идут «дачжа» (факультетский чай), 3) «гунциг-чойра (полуденное учение) и 4) «гурим-чойра». Все эти собрания происходят в особом дворе, обсаженном деревьями, за исключением лишь дачжа, происходящего в дугане своего дацана, где монахам подается ежедневно чай. Во время этого же дачжа происходит угощение обедом, если появится милостынедатель, добровольный или обязательный. В неучебное время монахи четырех младших курсов должны вечером выходить на двор и читать вслух заучиваемые тексты.

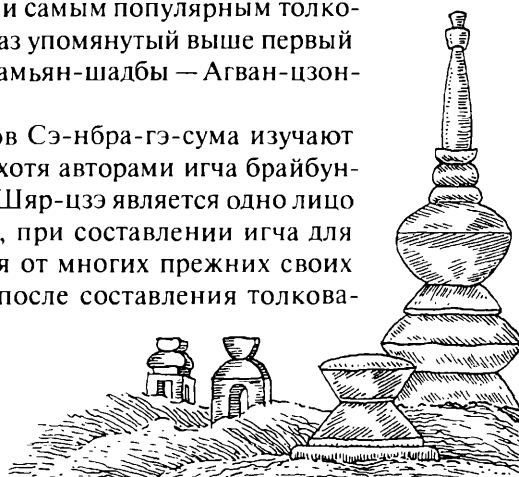
Богословие называется по-тибетски «цаннид», что в переводе значит «истинное свойство»¹.

Изучающий цаннид монах должен избрать себе частным образом учителя (по-тибетский — «чой-гэрган»), который на дому объясняет изучаемый отдел. На собраниях же большая часть времени посвящается чтению установленных молитв, после коих происходят практические диспуты. Способ изучать богословие посредством диспутов перешел в Тибет из Индии, но до времени Цзонхавы диспуты практиковались только для получения ученых степеней или разрешения споров между людьми с разными взглядами. Последователи Цзонхавы применили эти диспуты для практики изучения богословия в дацанах. Во всех дацанах в основу изучения высшей догматики кладутся пять книг, называемых «цзаба» и являющихся переводами с санскрита. Они суть:

1) «Намдэл» (санскр. «Праманавартика») — учение о логике², 2) «Парчин» (санскр. «Парамита») — нравственная философия, 3) «Ума» (санскр. «Мадьямика») — диалектическая система Нагарджуны, 4) «Дзод» (санскр. «Абидарма») — метафизика и 5) «Дулба» (санскр. «Виная») — правила монашеской жизни.

Эти «пять оснований», изложенные в большинстве случаев в стихотворной форме для облегчения заучивания наизусть, дают все главные положения буддийского учения. Вследствие того, что по своей краткости эти цзаба недоступны для понимания учащихся, не говоря уже о том, что некоторые положения могут быть толкуемы различно, ученейшие ламы-философы делали более или менее обширные толкования на все цзаба или на часть их. Такие толкования называются «игча». Самым последним и самым популярным толкователем всех цзаба является не раз упомянутый выше первый перерожденец лабранского Чжамьян-шадбы — Агван-цзондуй.

Все семь цаннидских дацанов Сэ-нбра-гэ-сума изучают догматику по различным игча, хотя авторами игча брайбунского Лосаллина и галданского Шяр-цзэ является одно лицо Соднам-дагба, но, как говорят, при составлении игча для Шяр-цзэ Соднам-дагба отрекся от многих прежних своих взглядов вследствие того, что после составления толкова-

ний для Лосаллина, где он резко высказался против мнений своего учителя сэраского Чжэбцун-бы, у него заболели глаза, и тайноведы объяснили причину болезни этой его резкостью против учителя.

Все факультетское учение делится на 13 годовых курсов (дзинда), каждый с особым названием. <...> После окончания этих 13 курсов монах причисляется к так называемым «гарамба» (т.е. окончившим курс учения), но если он желает получить ученую степень, то не должен оставлять свои посещения учебных занятий, а должен повторять пройденное и участвовать в диспутах с младшими.

Ученых степеней в цаннидских дацанах пять, они суть следующие.

1) Самая младшая степень, которую, собственно, даже нельзя назвать ученою, называется рабчжамба (весьма милосердный) и может быть получена всяким желающим по достижении в Гомане седьмого курса, а в других дацанах еще раньше. За эту степень платится от двух тибетских монет (40 коп.) до пяти ланов (около 7 руб.), и для получения ее положительно не требуется никаких ученых знаний.

Специально же учеными степенями являются: 2. Дорамба, 3. Габчжу, 4. Цограмба и 5. Лхарамба. Первая из этих степеней также не имеет большого значения, так как в Галдане, например, дается всякому, готовящемуся к высшим степеням, а в Брайбуне покупается у цокчэнского шунлайвы (заведующий учебною частью). Три последние раздаются по усмотрению хамбы каждого дацана самым лучшим из занимающихся монахов по числу проведенных в учении годов. Степени эти достигаются, смотря по числу монахов дацана и по другим причинам, через разное число лет, но в среднем не ранее десяти лет по окончании курса или, как обыкновенно выражаются, после присоединения к гарамбам, т.е. поступив в число гарамб.

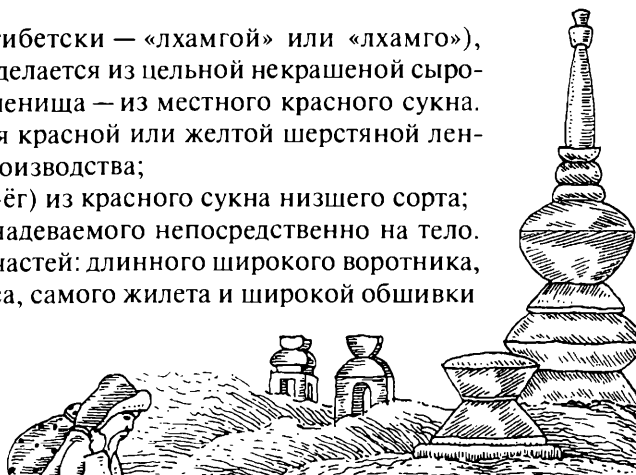
Впрочем, степени габчжу и лхарамба могут быть покупаемы во всякое время по окончании девяти курсов. При этом первая ученая степень покупается у хамбы дацана и называется в таком случае «линсрай-габчжу», а последняя — у далай-ламы или его регента и называется «парма-

лхарамба», и это приурочивается к какому-нибудь радостному событию в жизни далай-ламы, такому, как, например, определение его, принятие им обетов гэлона и т. п. Степень эта в прежнее время, как говорят, давалась выдающимся ученым, а теперь низведена до простой аукционной продажи и проделок кумовства.

Получивший так или иначе одну из перечисленных четырех ученых степеней должен прежде всего угостить духовных своего дацана обедом и чаем, затем, за исключением дорамба, участвовать в диспутах своего дацана (дацан-дамчжа), где желающие предлагают ему вопросы. Кроме того, цограмба и лхарамба держат ответы на диспутах перед храмом Большого Чжу во время двух лхасских монламов: цограмба — малого и лхарамба — большого. Дорамба держат ответы на каменной площади (до-бчжал) перед цокчэнским дуганом. Первая часть слова дает в данном случае название этой степени (до — камень). Предложение вопросов получающим ученые степени в прежнее время было, понятно, как бы экзаменом, но в настоящее время имеет значение лишь для народной молвы. Ни одна из этих ученых степеней не удостоверяется какими-либо официальными документами, и преимущества, даваемые ими, очень невелики, но все же — освобождение от ежедневного посещения учебного двора и занятие первых мест в дуганах, а равно и право при стечении других благоприятствующих обстоятельств занимать высшие должности.

Все монахи, числящиеся в списках монастырей, должны носить одежду установленной формы. У простых монахов она состоит из следующего:

- 1) унтов (сапог, по-тибетски — «лхамгой» или «лхамго»), нижняя часть коих делается из цельной некрашеной сыромятной кожи, а голенища — из местного красного сукна. Они подвязываются красной или желтой шерстяной лентой местного же производства;
- 2) нижней юбки (мад-ёг) из красного сукна низшего сорта;
- 3) жилета (дод-гой), надеваемого непосредственно на тело. Он состоит из трех частей: длинного широкого воротника, доходящего до пояса, самого жилета и широкой обшивки

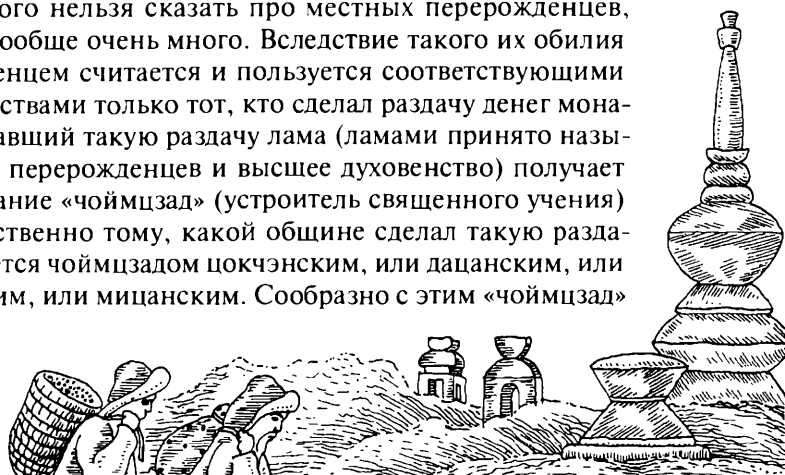
- вокруг верхних краев прореза для руки. Запахивается он на правую сторону и подпоясывается кушаком;
- 4) верхней юбки (шямтаб), сшитой из вертикальных полос материи, называемой «тэрма». Она делается очень широкой и совершенно прямой, поэтому при надевании верхний край загибается в складки на бедрах и подпоясывается кушаком, прикрываемым верхними отгибами;
 - 5) покрывала (сэнь), сшитого также из вертикальных полос местного или иностранного сукна и имеющего в ширину около одного или полутора аршин. Один конец его надевается на левое плечо, а затем оно проходит спереди под правую руку и, будучи закинута через левое плечо сзади, загибается назад, причем другой конец опускается на правое плечо и руку.

Кроме этих одежд, надеваемых в обыденное время, монах, отправляясь на богослужения и учебные занятия, обязан: 1) накинуть на себя длинный, широкий плащ красного цвета (у хамбо — желтого), называемый «дагам» и напоминающий мантию; 2) взять в руки или положить на плечо желтую шапку «шасэр» и 3) взять в руки четки (танба или прэнба). Имеющие же высшие духовные обеты (гэцула и гэлونا) привешивают к поясу особый прибор, называемый «чабрил» и представляющий маленькую медную фляжку с длинным горлышком и пробкой. Фляжка вшивается посередине одной стороны двух квадратов (около 5 вершков) красного сукна. Предназначена она для ношения воды, которую монах после еды ополаскивает рот. Затем они не должны расставаться с так называемой «чой-гой» (учебная одежда). Эту одежду составляют три отдельных предмета: лагой, намчжар и динва, приготовляемые из больших кусков более или менее дорогих материй. Вследствие сложности своей чой-гой для простых монахов заменяется тремя квадратными клочками материй красного и желтого цветов, свернутыми в узелок и носимых на поясе или за пазухой.

В частной жизни живут в наемных квартирах домов, принадлежащих в большинстве случаев или дацану, или камцану, или мицану. Квартирная плата вообще очень низка, и с нее делают еще скидки для членов своей общины. Так,

например, маленькая квартира в две комнаты во втором этаже стоит 4 тибетские монеты (80 коп.) в год, а большая в три комнаты с соответствующей отделкой и удобствами — 40 монет (8 руб.) в год. Внутренняя обстановка квартиры монаха всецело зависит от материального достатка и характера хозяина. Что же касается материального обеспечения жизни монахов, то должно сказать, что обычные раздачи из казны далай-ламы, монастырских казначейств и приношений частных милостынедателей, доходящие в среднем до 15 ланов (20 руб.), недостаточны для прожития самого невзыскательного монаха. Поэтому бедные монахи бывают принуждены искать заработков посредством ремесел и предложения своих услуг более богатым. Самой черной работой считается разноска воды на своей спине к более богатым людям. Многие из местных монахов проживают вне монастыря у своих родных, помогая по хозяйству, и являюся в монастырь лишь в те дни, когда бывает раздача денег, хлеба и т. п. Многочисленность монахов в монастырях создает, конечно, ежедневный спрос на предметы первой необходимости. Для удовлетворения его у монастырских оград происходит рынок, который обыкновенно кончается раньше полудня, чтобы не отвлекать монахов от учебных занятий.

Относительно же успешности занятий монахов справедливость требует сказать, что процент занимающихся (лобнерба) очень мал, причем к занимающимся принадлежат преимущественно уроженцы Кама, Чжалрона, Чжонэ, Амдо и монголы. Местные же монахи, если зажиточны, стараются добиться каких-нибудь доходных должностей и занимаются торговлей; если бедны, ищут всячески средств пропитания. Этого нельзя сказать про местных перерожденцев, которых вообще очень много. Вследствие такого их обилия перерожденцем считается и пользуется соответствующими преимуществами только тот, кто сделал раздачу денег монахам. Сделавший такую раздачу лама (ламами принято называть лишь перерожденцев и высшее духовенство) получает наименование «чоймцзад» (устроитель священного учения) и соответственно тому, какой общине сделал такую раздачу, именуется чоймцзадом цокчэнским, или дацанским, или камцанским, или мицанским. Сообразно с этим «чоймцзад»

пользуется привилегиями лишь той общины, где он сделал раздачу, причем чоймцадство в высших общинах требует непременно чоймцадства в низших.

Среди неуспевающих монахов есть особый разряд так называемых «добдага», о коих упомянуто в главе VI. Слово «добдага» значит силач. Это — молодые, простые монахи, часто не знающие грамоты, бедные по происхождению и добывающие своим трудом средства существования, но от природы крепко сложенные и сильные. Они образуют особые кружки в монастырях и в назначенные дни уходят куда-нибудь подальше от монастыря и там производят состязания в борьбе, метании каменных плит, кулачном бою и т. п. Они же идут охотно раздавать чай и кашу духовенству во время угощений. Эти силачи часто служили, в особенности в прежнее время, исполнителями при каком-нибудь рискованном деле, например при отнятии от стражи какого-нибудь ссылаемого знатного человека и т. п.

Иногда происходят состязания между силачами разных монастырей, например Сэра и Брайбуна.

Когда монах умирает, то труп его выносится из монастыря особыми могильщиками из светских людей на определенное место (дуртод), где разрезается на части, и мясо отдается снежным грифам, а раздробленные кости — ягнятникам. Сигналом приглашения птиц служит дым от сжигаемых воскурений. Жадные птицы, завидя его на знакомом месте, быстро слетаются с соседних гор и устраивают пир, соперничая друг с другом.

Дацаны Чжуд

Кроме дацанов богословских, существует еще два своеобразных дацана, которые как бы принадлежат всем трем монастырям и странствуют с места на место, хотя один из них (Мад) был основан в Галдане. Специальность этих дацанов — изучение тантр (по-тибетски — «Чжуд»)³. Один из них, первый по времени основания, называется «Чжуд-мад», т. е. нижний или основной Чжуд, а другой — «Чжуд-дод», т. е. верхний Чжуд (верхний — добавочный, второй).

Основателем первого дацана считается Шейраб-сэнгэ, один из учеников Цзонхавы, родом из Цзана. Он был посвящен в духовное звание в цзанском монастыре Нартан, где и учился в молодости. Затем прибыл в Уй, и здесь он учился у самого Цзонхавы и его старших учеников. В 1419 г. Цзонхава во время своего пребывания в Сэра-чойден, как передает его биограф, взял в руки книгу толкования «Сандуя» («Собрание тайного») и спросил: «Кто может покровительствовать “тарни”, сделавшись хозяином этой книги?» При двоекратном повторении этого вопроса никто из учеников его не отозвался, после третьего повторения из среды их встал Шейраб-сэнгэ и изъявил свое желание. Тогда Цзонхава очень обрадовался и дал наставления, как поступать, а также передал ему некоторые предметы поклонения. После сего в 1426 г. Шейраб-сэнгэ отправился в Цзан вместе с Гэндундубом, и они своими проповедями собрали вокруг себя многочисленных последователей, для коих впоследствии был основан монастырь Даший-лхунбо, описание которого читатель найдет ниже. Затем Шейраб-сэнгэ отправился странствовать по другим местам; всюду проповедовал желтошапочное учение и собирал последователей, для которых основывал монастыри. В числе таких монастырей был основан на юго-востоке от нынешнего Даший-лхунбо монастырь Срад-Чжуд. Возвратившись из Цзана в Уй, Шейраб-сэнгэ стал проповедовать тантры в Галдане и для собравшейся у него общины учеников основал в 1433 г., а по другим сведениям, в период между 1439 и 1445 гг., особый дацан Чжуд-мад, где поместил как объекты почитания книги, статуи и другие предметы, полученные от Цзонхавы. Умер он в 1445 г.

Основателем второго дацана Чжуд называют Гунга-дондуба, родившегося также в Цзане в 1419 г. Поступил он в монашество в Нартане, где учился у вышеупомянутых Шейраб-сэнгэ и Гэндундуба. Затем прибывши в Уй, он учился сначала в Брайбуне, а затем поступил в дацан Чжуд-мад. После смерти второго настоятеля дацана Мад, Чжинба-бала, большинство членов хотели избрать в настоятели этого дацана Гунга-дондуба, но влиятельное меньшинство избрало главой дацана некоего Даший-чжалцана. Во вре-

мя разногласий и беспорядков по этому поводу Гунга-дондуб присвоил себе часть вышеупомянутых предметов почитания, данных Цзонхавой, и удалился в восточную часть Уя. За ним последовали всего 6 учеников, но вскоре их стало 32. Вследствие прилива учеников и поддержки со стороны влиятельных лиц он так возвысился, что сам отказался от выше-названной должности, когда ее стали предлагать ему, твердо решив основать новый дацан Чжуд-дод, начало которого относят к 1462 г. Он заботился о его процветании до своей смерти в 1486 г.

В основанных таким образом двух дацанах Чжуд главными защитниками и покровителями считаются три божества: Тайный — Сандуй, Блаженный — Дэмчок и Страшный — Чжигчжэд. Устройство и дисциплина этих дацанов почти одинаковы, разница лишь в мелочах. Управление каждого дацана находится в руках трех лиц: настоятеля (хамбо), ламы-умцзада и гэбкоя. Первый служит шесть лет, второй — три года и третий — полгода. При этом хамбо является духовным главой дацана и распорядителем его имущества, доходы с которого идут на содержание монахов. Непосредственная же административно-судебная власть над монахами находится в руках его помощника — ламы-умцзада. Гэбкой является помощником ламы-умцзада по распорядительной власти на богослужениях и назначается по порядку старшинства поступления в дацан. Гораздо труднее получить назначение на место ламы-умцзада, на которое является немало соперников. Должность эта тем важна, что занявший ее имеет право занимать другие высшие должности без всякого постороннего конкурса, только соблюдая очередь на освобождающиеся вакансии. Назначение получается от далай-ламы и, по заведенному в Тибете обычаю, не обходится без денежных расходов со стороны кандидата. Следующие высшие должности занимаются, как сказано, по очереди, и они суть: 1) хамбо своего дацана Чжуд, 2) номинальная, но почетная должность «чойрчжэ» галданских дацанов Шярцзэ (из Чжуд-дод) и Чжан-цзэ (из Чжуд-мад) и 3) должность галданского наместника.

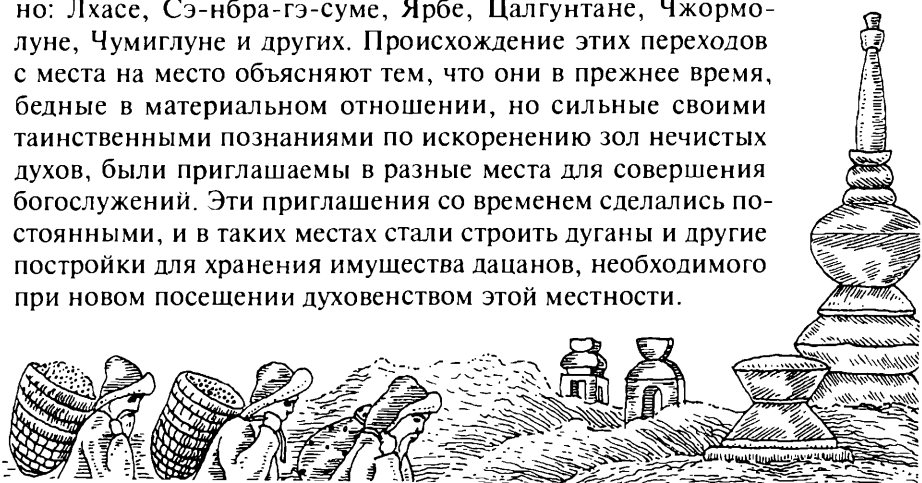
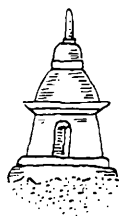
Монахи этих дацанов делятся на две категории: общестепенные (чжир-римба) и ученые (гэбшей — друзья доб-

родетели). Первые суть те, которые, не имея никакой ученой степени, поступили в Чжуд, выдержав установленный экзамен по чтению наизусть, а вторые — те, которые получили в цаннидских дацанах Сэ-нбра-гэ-сума или лхасского дацана Дагба какую-нибудь из ученых степеней. Разница между этими категориями в самом дацане та, что общественные в течение первых трех лет по поступлении должны постоянно быть на богослужениях, отбывать все общинные работы по приготовлению и подаче кушаний и чая монахам, по переходу из одного места на другое и т. п., а вторые должны бывать без пропусков на богослужениях лишь в течение одного года и избавляются от вышеупомянутых работ.

Первые научаются всем обрядностям и чтению разных богослужебных книг, почему приглашаются часто общественными учреждениями и частными лицами для чтения разных треб, гуримов, а вторые более специализируются в богословских вопросах, относящихся к отделу Ганчжура Чжуд и имеют исключительный доступ к занятию высших должностей общины, начиная с гэбкоя.

Те и другие могут получить ученую степень, называемую «аграмба», первые после семилетнего пребывания в дацане, а вторые — после семнадцати лет. От первых требуется лишь знание обрядовых сторон тантр, а от вторых — философской стороны их. В основу изучения философии кладутся два сочинения Цзонхавы — «Агрим-чэмо» (большая степень тантр) и «Дэлба-шибраг».

Оба дацана можно назвать странствующими, так как они собираются для богослужений в разных местах, а именно: Лхасе, Сэ-нбра-гэ-суме, Ярбе, Цалгунтане, Чжормолуне, Чумиглуне и других. Происхождение этих переходов с места на место объясняют тем, что они в прежнее время, бедные в материальном отношении, но сильные своими таинственными познаниями по искоренению зол нечистых духов, были приглашаемы в разные места для совершения богослужений. Эти приглашения со временем сделались постоянными, и в таких местах стали строить дуганы и другие постройки для хранения имущества дацанов, необходимого при новом посещении духовенством этой местности.

Странствование вошло в непрменный устав дацанов и ныне строго соблюдается. Переходы делаются соборно или вразброд. В первом случае все идут пешими вместе со своей администрацией, останавливаются в известных местах, где имеют общую кухню, и т. п., а во втором каждый идет пешком, по своей воле и на свой счет, лишь бы к назначенному времени прибыть на место. Дацаны эти напоминают в общем буддийского скитающегося аскета, питающегося подаяниями, но только в увеличенном размере.

Духовенство этих дацанов относительно дольше живет в Лхасе, где Чжуд-мад имеет свой специальный дуган с садом, а Чжуд-дод помещается в уступленном ему тибетским правительством дугане Малого Чжу и имеет особый сад подле него. Все ламаисты любят обращаться с просьбами об исполнении разных треб к монахам этих дацанов, если богаты — ко всей общине, если бедны — к отдельным членам ее. Каждый из этих дацанов живет своею отдельною жизнью, но когда правительство заказывает им совместное чтение гуримов, они соединяются вместе, причем распоряжаются администраторы дацана Мад как старшего.

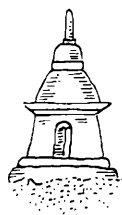
Монахи этих дацанов должны быть непременно с высшим духовным обетом гэлонгов, только общестепенные в течение первых трех лет могут быть с обетом гэцулов, как прислужники старших. Как строгий блюститель духовных обетов каждый монах имеет при себе нишенскую чашу (по-тибетски — «лхун-сэд», по-санскритски — «патра») той формы, какая известна нам по изображениям будды Шакьямуни. Чаши эти должны быть сделаны из вороненой или выкрашенной в черный цвет стали. Затем все монахи должны иметь одного образца «шоггали» — картонные, заделанные в бамбуковые рамки папки для книг; мешочки для цзамба (цзамхок) и деревянные чашки особого образца. Одежда почти одинакова с таковою же монахов других дацанов.

Строго соблюдая дисциплину, составленную согласно с правилами обетов гэлона, дацаны эти не знают привилегий перерожденцев и знатных особ, а также достаточно малейшего проступка, чтобы быть публично изгнанным из дацана.

Все монахи этих дацанов числятся по монастырям и дацанам, где были до поступления в Чжуд, и не прерывают связи

с ними, так как получают «чжед» деньгами и «пог» натурой, раздаваемые в них. «Чжед» называют обыкновенно случайную раздачу пожертвований, а «пог» — обычную, установившуюся выдачу муки, денег и т. п.

Материальная обеспеченность общины этих дацанов вместе с верою в беспредельную пользу участия в их богослужениях привлекает немало охотников, но строгая неподкупная (чудо в Тибете!) дисциплина их заставляет многих вольно или невольно удаляться, и потому число духовных в каждом дацане держится около цифры 600.

1. Путь к Галдану

3 мая 1901 г. я вышел пешком из Лхасы в сопровождении своего переводчика и одного халхасца, по имени Ендан-чжамцо, для посещения монастыря Галдана. На пути к последнему, хотя несколько в стороне, находится старинный монастырь Ерба, куда мы и направились. Хотя он отстоит от Лхасы всего верст на двадцать, но дойти до него в этот день не удалось, вследствие сильного подъема в гору и вследствие того, что мне нездоровилось и появилась сильная одышка. Поэтому пришлось ночевать немного ниже монастыря в доме одного бедного старика. На следующее утро мне стало лучше, и мы пошли в монастырь Ерба, или Ерба-лха, который основан во времена хана Тисрон-дэвцзана. Монастырь расположен в вершине правобережной пади реки Уй, по правую сторону глубокого оврага, на лицевой стороне высокой скалистой горы. По левой стороне оврага там и сям много субурганов различных размеров. Во рву находится маленький домик, именуемый Мани-хан, где главной святыней служит самопоявившееся, по преданию, «мани», представляющее мистическую формулу «ом-ма-ни-пад-мэ-хум», как будто сделанное из белой эмали на синем

фоне каменной плиты. Без сомнения, это — работа искусного гравера на каменной плите, один слой которой белый, а другой темно-синий; образцы таких плит встречаются довольно часто в этой местности. Дощечка эта, длиною около трех четвертей аршина, но более узкая по ширине, хранится, как дорогая святыня, в деревянном шкафу с железной решеткой на лицевой стороне. Возле этой дощечки поставлена статуя Долмы (Дара-эхэ), у которой на спине сделано отверстие. Если налить воду в это отверстие, то она вытекает через другое отверстие на кончике среднего пальца правой руки. Такая вода считается уже святой, и ею обмывают буквы мани; святость воды этим усугубляется, после чего на ней месят составные части (главным образом мука — цамба) красных пилюль, называемых «мани-рилву». Эти пилюли охотно покупаются богомольцами, так как, по их верованию, они очень полезны для больных глазами. Для лечения их разводят в воде и ею моют глаза. Доходы от продажи этих пилюль так значительны, что они обращены в достояние всего монастыря, почему и продажа их производится в цокчэнском дугане монастыря. В самом монастыре много сумэ, пристроенных ко входам в пещеры. Среди них нельзя не упомянуть о громадной статуе, сажени три вышиною, Майтреи, поставленной в большой пещере. <...> В скалах горы, сзади монастыря, одна выше другой, видны многочисленные пещеры, служившие, по преданию, местопребыванием 80 «дубчэнов», т. е. великих подвижников (учения), прибывших из Индии в начале распространения буддизма в Тибете (IX в. по Р. Х.)¹. На юго-западном краю монастыря находится дуган, принадлежащий общине Чжуд-дод, о котором упомянуто выше и которая проводит здесь 45 дней летнего «хайлена» (с 15-го числа 6-го месяца по 30-е число 7-го лунного месяца). Затем среди набожных поклонников в большом почете находящаяся за пределом монастыря каменная плита, на которой разрезают трупы покойников для отдачи на съедение грифам. Поэтому сюда привозят трупы богатых людей из окрестностей. Бедным эта плита недоступна, так как требует подношений денег и угощения чаем и похлебкой из мяса и риса всего духовенства монастыря, число коего доходит до 200 человек.

4 мая мы вышли снова на дорогу, ведущую от Лхасы к Галдану, и ночевали у горного мыса, где находится в особом сумэ статуя страшного божества Гонбо (по-санскритски «Махакала» — Великий Черный).

5 мая пошли далее и, переправившись на кожаной лодке через реку Уй-чу, миновали гору, на которой стоит Галдан, для того, чтобы посетить субурган ламы Намха-чжалцан (Личжи-дорчжэ). Он стоит верстах в 4—5 восточнее Галдана почти на ровном месте, на южной стороне небольшого холма. Предание говорит, что учитель Цзонхавы (скорее противник его) лхобрагский Намха-чжалцан однажды, идя по этому месту, сказал: «Я паду и умру здесь; пусть никто не сдвигает моего трупа с места». Действительно, спустя немного он упал и умер. Однако ученики его не исполнили в точности завещания его и, немного сдвинув с места, построили субурган. Теперь верят, что он умер, схвативши злого духа, владельца апоплексического удара, а ученики, не исполнив приказания своего учителя и сдвинув труп, этим дали возможность духу вырваться и впредь чинить зло людям. Тем не менее обхождение кругом субургана 108 раз без разговоров между собою избавляет людей от случаев удара на всю жизнь. С такою верою его обходят набожные богомольцы. Во время нашего посещения было много круговращающихся, к числу которых примкнули и мои два спутника. Я же, скрываясь от своих спутников и посторонних, сделал снимок с субургана.

Затем 6 мая мы направились к Галдану, который находится на южной стороне высокой горы Брэг-ри. Подъем на нее с восточной стороны является самым отлогим, но я, признаюсь, и по нему поднимался с большим трудом вследствие одышки.

2. Галдан

Про основание этого монастыря в биографии Цзонхавы сказано, что тотчас после окончания лхасского монлама, учрежденного в начале 1409 г., Цзонхава со своими последователями отправился на гору Брэг-ри (Уединенная гора)

и, исследовав ее, нашел, что все приметы земли и неба весьма хороши и что это поистине место с признаками полного распространения и исполнения проповеди, а также необходимых богатств. Затем старшим из своих учеников — Дагба-чжалцану, специалисту монастырской дисциплины (винаи), и Дарма-ринчэну — Цзонхава указал места для постройки главного сумэ, здания цокчэн-дугана и своего дома, а также план зданий для жилищ духовенства. Они, в исполнении этого поручения, в том же году построили указанные здания и более 70 жилищ для духовных.

Основанный таким образом монастырь Галдан, полное название коего «Брог-ри-галдан-намбар-чжал-бий-лин» («Уединенно-горское вполне радостное обиталище полного победоносца»), находится верстах в 25–30 на восток от Лхасы на левой стороне от р. Уй, у самой вершины глубокой седловины, отделяющей скалистую вершину Брог-ри от более высокой горы Ван-гур-ри. Здания построены на южной стороне горы полукругом и амфитеатром и доходят до самой вершины. С юго-восточной стороны вид монастыря еще более украшается живописными скалами и мелким лесом, растущим по оврагу ниже скал.

Главной святыней монастыря, без сомнения, признается так называемый «сэрдон-чэмо» — золотое надгробие, или золотая ступа (по-монгольски «субурган»), с телом великого Цзонхавы. Ступа эта находится в лучшем из здешних зданий, окрашенном в коричневый цвет, с небольшой золоченой крышей. После смерти Цзонхавы в 1419 г. старшие из учеников, как сказано в биографии его, стали совещаться, сжечь ли его тело или оставить нетронутым. Рассудив, что если оставить нетронутым, то он как будто сам действительно будет жить и будет велика польза как для продолжения учения, так и для многих живых существ, решили воздавать почести, оставив тело в целости. Тут же из серебра, количеством более 18 тибетских мер, поднесенного отдельными учениками из набожности, соорудили субурган, украсили его орнаментами из разных драгоценностей (камни, серьги, гау, табакерки китайского изделия из разных ценных камней, раковины), вставленных в чеканку. Над этим субурганом в 1420 г. построили большое сумэ. Тело же вло-

жили в гробницу из сандалового дерева, перенесли из дворца и поместили в бумбу субургана лицом на северо-восток в сидячем положении.

Впоследствии 50-й настоятель Галдана (49-й наместник Цзонхавы), джабралский (по названию кампана, к которому он принадлежал) Гэндун-пунцог, сделал всему субургану облицовку из чистого кованого золота, почему субурган сделался как бы золотым, и его ныне называют «большой золотой ступой». По правую сторону от него находится субурган первого наместника Цзонхавы Чжалцаб-дармаринчэна², а по левую — второго его наместника Хайдубгэлэг-балсана³. Прах других наместников, коих было 84, помещается в металлических субурганах (медных, серебряных, золоченых) различной величины в двух этажах этого же здания. Лишь субурган последнего, 84-го наместника (или 85-го настоятеля сего монастыря), Лобсан-цултима, находится во дворе под навесом и отличается от прочих своим большим размером и более роскошной отделкой. На многих субурганах, которые помещены в страшной тесноте и многие в темноте, надписаны имена лам, в них похороненных.

Размер и роскошь отделки субургана всецело зависят от самостоятельности покойного и благоусмотрения его наследников, которые заботятся о похоронах и нахождении его перерожденца. Говорят, что некоторые из наместников еще при жизни своей готовят субурганы для своего праха. Тела всех следующих за Цзонхавой наместников сжигаются, и в субургане помещается лишь пепел, который смешивается с глиной. Из такого состава формуют цельные и барельефные цацы (статуэтки разных божеств).

В этом же здании находится комната с изображениями хранителей учения — чойчжонов. Главной святыней является старшина чойчжонов Страшный Чжигчжэд (индийский Ямантака) с 9 головами, 34 руками и 16 ногами, придавливающими различные существа. По левую сторону от него стоит также весьма чтимый кумир Дамчжан-чойчжал, который сделан, по преданию, самим Цзонхавой. Вообще должно заметить, что покровителем и вместе с тем раболепным слугой Цзонхавы считается именно Дамчжан-чойчжал, слу-

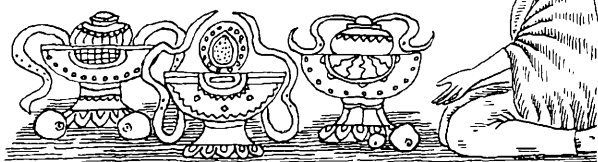
живший ему под разными видами и, между прочим, довольно долго в виде его слуги, светского парня. Под этим Дамчжан-чойчалом нет обычного синего быка.

Рядом с названным зданием находится большое здание собрания духовенства, или цокчэн-дуган, на дверях лицевой стороны которого висит синяя доска с китайской надписью «сюань-цы-фу-фу», которую можно перевести: «Повсюду распространяет блаженство». Достопримечательностью этого дугана служит золотой трон Цзонхавы, находящийся во втором этаже у задней стены как будто на открытой сцене, если смотреть из нижней большой залы дугана. На этом троне во время богослужения садятся наместники Цзонхавы и далай-ламы. Здание с маленькой золоченой крышей.

Третьим зданием с золоченой крышей является так называемый Одсэр-пуг, или дворец Цзонхавы, построенный еще при жизни великого реформатора. Здесь указывают комнату, где скончался Цзонхава, и рисованное на стене изображение его, которое считается «самопоявившимся» тотчас после его смерти, когда ученики плакали над трупом покойного и в рыдании восклицали: «Учитель, где ты?» Тогда чудом появился на стене портрет учителя и произнес: «Я — здесь!» Дворец этот в настоящее время служит квартирой наместников Цзонхавы.

Еще должно упомянуть о доме второго после Цзонхавы его наместника, Хайдуб-гэлэг-балсана, который находится на самом верхнем краю монастыря, выше только что упомянутых трех зданий. В этом доме хранится коллекция предметов почитания, принадлежащих Хайдубу, одному из самых ревностных учеников и последователей Цзонхавы. Между этими предметами много статуэток и субурганов индийской работы из медного состава «лима».

Кроме сих зданий, принадлежащих, так сказать, всему монастырю, здесь находятся два дугана, или дацана (факультета), для изучения богословия. Первый называется Шярдзэ (Восточная вершина) и основан современником и сподвижником Цзонхавы Ринчэн-чжалпанем. В нем изучают богословие по догматике, составленной в более позднее время четырнадцатым наместником Цзонхавы Соднам-дагбой,

жившим с 1478 по 1554 г. Духовенство этого дацана делится на 13 общин. <...>

Второй дацан называется Чжан-цзэ (Северная вершина); основателем его считается известный сподвижник Цзонхавы и первый его наместник Чжалцаб-дарма-ринчэн. Догматика же изучается по сочинениям некоего Чжамба-дашия, современника вышеупомянутого Соднам-дагбы. Камцанов в нем также 13. <...>

Кроме того, на юго-западном краю монастыря стоит длинный многооконный дом, который, как говорят, прежде был дацаном Нягрон, основанным Цэма-ванчжалом.

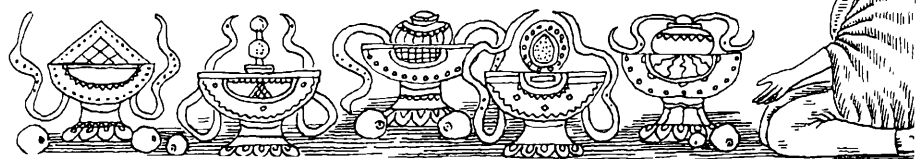
Оба нынешних дацана помещаются по левую руку от упомянутых выше главных зданий и от зрителя; первый дацан стоит ниже второго, имеющего два дугана, стоящие рядом. У каждого из них находятся учебные дворы «чойра» с насаженными деревьями. Здесь происходят богословские диспуты и читаются установленные молитвы.

Духовных в Галдане насчитывают до 2000. По дацанам Шяр-цзэ и Чжан-цзэ они распределяются в отношении 2:1. Охранительницей Чжан-цзэ считается богиня Лхамо, а охранителем Шяр-цзэ — Сэтаб.

Как монастырь, основанный Цзонхавой, Галдан полон предметами почитания, связанными с именем великого основателя желтошапочного ламаизма и его главных сподвижников. Так, «круговая дорога» (горлам) монастыря полна разными объектами почитания для набожных. На юго-западной стороне монастыря вам показывают ключ-колодец, который, по преданию, явился от указания Цзонхавою на это место пальцем, когда монахи страдали от недостатка воды. Далее на скалах и камнях указывают следы шапки, четок, локтей, колен, пальцев и пр. Цзонхавы; также углубление в скале, откуда Цзонхава добыл раковину, спрятанную еще при жизни будды Шакьямуни; изображения Цзонхавы, рисованные на скале указательными пальцами Чжалцаба и Хайдуба. Указывают домик, где жил в простой обстановке Цзонхава, и маленькую часовню, где на плите самостоятельно выступило изображение троицы «Ригсум-Гонбо», т. е. Чжамьяна, Чагдора и Чжан-рай-сига (Манджушри, Ваджрапани и четырехрукого Авалокитешвары). На

восточной стороне обходящему монастырь может броситься в глаза золотой чжалцан (победный знак) на скале, а внизу изображение Цзонхавы с его двумя учениками, ниже которого нарисован громадный Дамчжан-чойчжал. Из этой скалы, как говорят, нынешний далай-лама достал клад, состоявший из шапки и других вещей Цзонхавы, который он поместил в особый ящик у гробницы последнего. Набожные верующие с благоговением, превосходящим удивление, прикладываются ко всем этим реликвиям, но на человека, смотрящего более хладнокровно, они могут произвести впечатление работ художников, да притом не особенно искусных.

Этим, пожалуй, можно было бы окончить описание Галдана, если бы в нем не было еще одной особенности, а именно должности наместника Цзонхавы и двух кандидатов к нему. Кандидатами я называю так называемых «чойрчжэ» двух дацанов Шяр-цзэ и Чжан-цзэ, которые по очереди дацанов вступают на наместнический трон (о них было упомянуто при описании дацанов Чжуд). О возведении на золотой трон первого наместника Цзонхавы в его биографии сказано следующее: «Тотчас после воздания чествований Чжэ-ламе, т. е. Цзонхаве, и после окончания приношения мандала охранитель винаи (монастырской дисциплины) Дагба-чжалцан и великие учителя учения единогогласно обратились с просьбой к Дарма-ринчэну и посадили его с большими почестями на большой львиный трон учения, на котором сидел всеведущий великий Цзонхава, для того, чтобы он напутствовал непрерывное продолжение постоянно расширяющегося чистого учения законов высшего творения Цзонхавы». Затем Чжалцаб-дарма-ринчэн начал молитвенное обращение к Цзонхаве, а собрание духовных читало вслед за ним. После этого он отправился на жительство во дворец Цзонхавы и стал во главе духовных. Он сделался, таким образом, первым наместником Цзонхавы и вторым золототронным или золотопрестольным, считая первым самого Цзонхаву. Сначала положение это, как и в других монастырях, являлось должностью настоятеля галданского монастыря, со временем же, когда были уничтожены должности настоятелей в двух других монастырях (Сэра и Брайбуне), галданский настоятель, как наместник

Цзонхавы, не только остался, но и приобрел еще большее влияние и теперь является лицом, почитаемым духовными всех монастырей, соседних с Лхасою.

Настоятели большую часть года живут в Лхасе, хотя не принимают активного участия в светском управлении стра-ною. Они являются поэтому исключительно хранителями религиозных традиций, ведущих начало от Цзонхавы, и, как наместники его, они имеют печать, приписываемую Цзонхаве. Печать эту они прикладывают к ответам на вопросы интересующихся предсказаниями и на дипломы, выдаваемые на разные ученые звания. Дипломы эти в Центральном Тибете не имеют особого значения, но в Амдо и в особенности в Монголии почти повсюду признаются действительными, и обладатели их пользуются правами получивших высшие духовные степени по богословским, медицинским и тарнистическим наукам. Дипломы галданских наместников продаются, и даже недорого, но в Амдо и Монголии этим не интересуются и в большинстве случаев не знают, как они получают, а получают они следующим образом. Стоит самому написать на гладком китайском атласе желтого цвета или просто на бумаге текст диплома на звание, которое желают получить, и с 20 тибетскими монетами подать наместнику для приложения «цзонхавинской» печати.

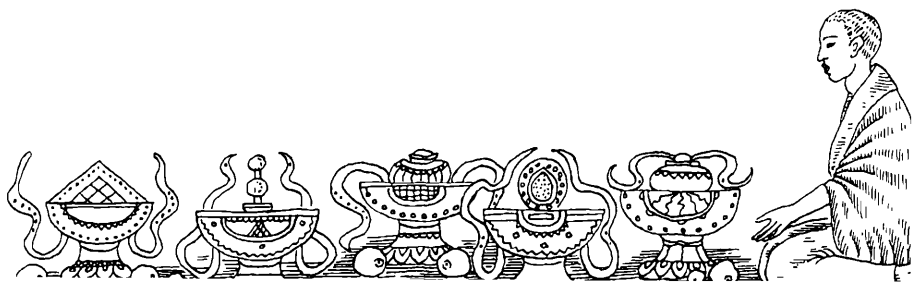
Внешним отличием настоятеля является желтая шапка цзонхавинского образца «банша», носимая постоянно, и желтый зонтик, несомый над ним. Седалище его устанавливается немного ниже далай-ламского. У тех из бывших настоятелей, которые оставили после себя значительные средства, достаточные для содержания как подобает своих перерожденцев, последних отыскивают часто на первоначальной родине покойного. Поэтому много таких перерожденцев находится в Амдо, Каме и других провинциях, но не было еще случая, чтобы галданским настоятелем был монгол. Предание говорит, что чжунгарский предводитель Галдан-бошокту покинул Тибет для мести за убиение своего отца лишь накануне своего вступления на наместнический трон, чем лишил последующих монголов счастья достигнуть этого удела, потому что духи-хранители, недо-

вольные поступком Галдана-бошокту, стараются не допустить их к престолу.

Закончив этим описание Галдана, мы скажем, что благодаря положению монастыря на большой высоте я две ночи провел без сна вследствие сильной одышки и страшного гнета, лишь только начинал засыпать. Поэтому 8-го числа решил вернуться в Лхасу, и под вечер, спустившись с горы, я спокойно заснул в доме одного тибетца, тут же под горой.

9 мая отправились далее и после 15 верст пути прибыли к старинному замку Дэчэн-цзон, где в ожидании лодок пришлось заночевать.

10 мая утром сели на одну из кожаных лодок, отправляющихся отсюда ежедневно в Лхасу, за плату 0,5 монеты с человека, и в тот же день к полудню прибыли в Лхасу.

1. Путь от Лхасы к Брайбуну

Дорога в Брайбун в большей своей части общая с дорогой на запад по правому берегу Чжи-чу (Ки-чу, Уй-чу). Эта часть дороги, ввиду частых посещений этого большого монастыря, постоянно исправляется, так что представляет одну из лучших дорог во всем Центральном Тибете, где дороги находятся в очень плохом состоянии.

Лишь только минуете Бар-чод-дэн, начинается низкое, заливаемое водой место, по которому на протяжении более ста сажен идет хорошо утрамбованное приподнятое шоссе достаточной ширины и никогда не захватываемое водой. Затем с прекращением шоссе начинается песок вала левого берега искусственной отводной канавы. Возле этого вала на солнцепеке находятся четыре-пять банаков — жилищ нищих, питающихся подаванием на этой большой дороге, к тому же в этом месте с ней перекрещивается и дорога Лин-хора. Против этих нищих людей находятся своего рода нищие петухи, которых изгоняют сюда хозяева, не желающие лишать их жизни, но в то же время отказывающиеся держать этих бесполезных и беспокойных птиц в своих курятниках. Эти изгнанники питаются также подаванием благочестивых людей,

приносящих им зерно, и проводят скучные дни, развлекаясь лишь обычной дракою, хотя и не имеют предметов ревности.

После этого места дорога переходит через канаву, на которой ради дождливого периода устроен каменный мост. В зимнее же время эта канава высыхает, и пешеходы переходят по сухому дну ее. Затем дорога очень расширяется, так как, смотря по времени года и степени заливаемости этого места, она постепенно подвигается налево к песчаному валу, идущему параллельно. Почти на конце второй версты от моста встречается речка, которая требовала бы моста, но которого почему-то не устроено, и пешеходам приходится перескакивать с камня на камень или же, проще, — снимать сапоги и переходить вброд, что не всегда удобно. Затем почти целая верста идет по твердому грунту с мелкой травой, служащей пастбищем городского скота. Тут же пастухи поставили свой шалаш, подле которого сушат тщательно собираемый помет скота. На конце этого участка протекает быстрая, никогда не высыхающая речка, через которую перекинут каменный мост. На левом ее берегу, в полуверсте от дороги, находится обширный сад, принадлежащий здешнему кашмирскому обществу. В этом саду кашмирцы устраивают пикники и празднества. На юго-западном углу сада находится их кладбище.

От последнего моста дорога снова идет по каменному месту, вследствие чего здесь опять выложено шоссе, достигающее до начала подъема в горы. Длина этого шоссе около 2—2,5 версты. На этом пути, на правой руке, в стоячем болоте, тянуемся в длину верст на пять, растет высокостебельная трава вроде камыша, которая принадлежит центральному правлению и ежегодно выжинается назначенными по наряду простолюдинами, преимущественно женщинами. Эти люди жнут траву серпами, стоя в воде выше колен, и, вытащив ее на сухое место, высушивают и на своих же плечах ежедневно переносят в Лхасу. В этой работе за ними следят особые надсмотрщики, которые с большими, длинными палками в руках побуждают к усердию, нередко сами залезая в воду.

Лишь только оканчивается шоссе, начинается твердый и каменистый грунт предгорья. Небольшие камни, столь сильно мешающие и конным, и пешим путникам, понятно, давно служили предметом желания убрать их и тем очистить

дорогу. Такие расчистки дороги исстари сопряжены с религиозным культом, а именно: из таких камней складываются кучи как бы в жертву духу данной местности. Каждый проезжающий, не говоря уже о прохожих, считает своим долгом слезть с коня и, подобрав с дороги хотя бы один камень, бросить в эту кучу. Поэтому в местах, где очень много камней, образуются довольно солидные кучи, пример которых можно видеть и здесь, подле скалистой оконечности горного носа. Эта куча имеет конусообразный вид, в высоту она около 1,5 сажени, высота ее еще увеличивается укрепленными на верхушке кучи многочисленными прутьями и палками, к которым привязываются куски материи и ленты, часто исписанные молитвами. Напротив этой кучи, на скале, находится маленькая часовня, в которой, как полагают, обитает дух, хозяин этой местности. Между часовней и верхушкой кучи натянуты шерстяные веревки с лоскутами с молитвами, которые колышутся от ветра, что признается равносильным прочтыванию соорудителями молитв, начертанных на лоскутках. Дальше этого горного носа дорога некоторое время идет по песчаному месту и, пройдя около версты, поднимается вверх снова по твердому грунту высокого правого берега глубокого оврага, а еще через версту или полторы приводит к наружным воротам монастыря Брайбун.

Немного выше начала подъема на гору, на левом берегу оврага, в тенистом саду, находится храм Найчун-чойчжона, о котором будет упомянуто ниже.

2. Брайбун

Основателем Брайбуна считается ученик и последователь Цзонхавы Даший-балдан, известный более под именем Чжамьян-чойрчжэ (по-монгольски — «Чорджи»). Родился он в окрестностях монастыря Самьей в 1379 г. и умер в 1488 г. Учился сначала в Цзэтане, Санпу и Чжормолуне, но затем перешел к Цзонхаве в только что основанный им монастырь Галдан. Цзонхава, увидев блестящие способности, проявленные сим сравнительно молодым ламой, по-видимому, сразу решил расположить его к себе и подарил ему ракови-

ну, добытую, по преданию, из скалы. Затем он посоветовал Даший-балдану построить монастырь и, если верить словам биографа Цзонхавы, сказал ему, что основанный им монастырь превзойдет Галдан. По этому совету или, может быть, потому, что, согласно преданию, он не сходилась в некоторых религиозных вопросах со своим учителем, Даший-балдан в 1416 г. основал монастырь Брайбун, полное название коего Балдан-Брайбун — «Блестящая куча плодов». Этот монастырь, являющийся в настоящее время самым большим из желтошапочных монастырей Центрального Тибета, лежит верстах в 6–7 на запад от Лхасы у южной подошвы горы Гэн-пэл. Находясь под защитой скалистого горного мыса, на значительной высоте, будучи построен амфитеатром и имея по обеим сторонам сады, он издали представляет довольно красивый вид, но по мере приближения этот вид исчезает, и наконец вы ступаете в узкие, устланные камнем улицы, по сторонам которых возвышаются многоэтажные дома.

Самые важные святыни, как вообще в ламаистских монастырях, связаны, конечно, с именем основателя. Так, в здешнем доме большого собрания — «цокчэн-дугане» — находится статуя Майтреи, имеющая в высоту 25 тибетских аршин (по 1,5 фута), поставленная при жизни основателя непальскими мастерами.

Затем прежде здесь славилась статуя страшного Ямантаки (по-тибетски — Чжигчжэд), освященная великим Цзонхавой и основателем монастыря. Внутри этой статуи, по преданию, было помещено тело «Ро-лоцзавы» («Рогатого толмача»)¹, который посредством долголетнего созерцания достиг того, что Ямантака вселился в него, и поэтому у него выросли рога. Статуя эта в недавнее сравнительно время сгорела, но тотчас поставили новую такой же величины. Набожные богомольцы чествуют ее не менее прежней. Она находится в здании тарнистического факультета Агпа.

Позади дома большого собрания находится маленький домик, пристроенный к большой глыбе камня. Когда войдете в этот домик, то внутри, на стене глыбы, указывают рельефное и выкрашенное изображения Манджушри (по-тибетски — Чжамьян), которое, по преданию, явилось само в то время, когда основатель монастыря жил в этой келье.

Сверх того Брайбун служит усыпальницей трех далай-лам — 2-го, 3-го и 4-го. Часть останков третьего далай-ламы — Соднам-чжамцо — вложена в субурган стоимостью в 7400 ланов китайского серебра (14 000 серебряных рублей).

Что касается расположения главных зданий монастыря, то в центре, немного ближе к западному краю, стоит громадное здание с золоченой крышей, являющееся домом для большого собрания, т. е. цокчэн-дуган, а на юго-западном краю монастыря — дворец далай-ламы, называемый Галдан-побран. Рядом с последним, уже вне монастырской черты, находится дворец, называемый Даший-кансар и построенный, по преданию, 6-м далай-ламой для светской жизни своей.

На юго-восточной стороне цокчэн-дугана стоит здание дацана Лосаллин (что значит «Мир, питающий разум») и почти на одной линии с ним к востоку дацаны Дзян (т. е. «Изобильный блаженством») и Гоман (т. е. «Многодверный»); на северо-запад от цокчэна — дацан Агпа. Вся остальная площадь занята домами разных общин, от общемонастырской до мицанов включительно.

По отношению к учебной части все духовенство монастыря распределяется по дацанам, коих прежде было семь. Из них дацаны Тойсамлин или Чжалба, Шяг-гор и Дулба были закрыты, кажется, в XVIII в., причем остались лишь должности их настоятелей. Из остающихся по настоящее время четырех дацанов три изучают богословские науки (цаннид) и один — тантры.

Цаннидские дацаны суть: 1) Гоман, первым настоятелем которого считается Дагба-ринчэн. Богословие изучается в нем по догматике Агван-цзондуа, первого перерожденца вышеупомянутого Чжамьян-шадбы; 2) Лосаллин, первым настоятелем которого был некто Лэг-данба. В нем приняты за руководство пояснения не раз упомянутого выше знаменитого 15-го настоятеля Галдана Соднам-дагбы; 3) Дзян, первым настоятелем коего считается Чжогба-чжанбал. В нем изучают богословие по толкованиям пятого далай-ламы Агван-Лобсан-чжамцо.

Четвертый дацан, изучающий тантры и называемый Агпа, считает своим настоятелем некоего Лодой-чжалцана. На обязанности этого дацана лежит совершение мистических обрядностей за благополучие монастыря.

Кроме того, все монастырское духовенство делится на 42 общины (камцаны), из коих 16 — в Гомане, а остальные 26 — в Лосаллине.

Духовенство двух других дацанов распределяется по камцанам по своему выбору.

Число монахов в Брайбуне местными ламами определяется в 10 000, но я думаю, основываясь на приблизительном подсчете при раздаче им денег и соображениях о количестве денег, уходящих на такие раздачи, что оно не превышает восьми тысяч. По вышеназванным дацанам Гоман, Лосаллин, Дзян и Агпа монахи распределяются в отношениях 8 : 25 : 2 : 1.

Брайбунский монастырь известен своим почитанием прорицателей, на которых нисходят, по верованию, так называемые чойчжоны, или хранители учения. Культ чойчжонов был введен в Тибете впервые известным проповедником конца VIII и начала IX в. Бадма-Самбавой и ко времени Цзонхавы так прочно утвердился, что сохранился и при новом, господствующем ныне, учении его. Из всех чойчжонов, число коих довольно велико, сходят на прорицателей, однако, очень немногие, причем все они считаются принадлежащими к низшему разряду. Самыми популярными из чойчжонов являются так называемые «пять царей», а между ними царь Бэхар или «царь деяний», который ныне у ламаистов известен более под именем Найчун (Маломестный). Про происхождение этого последнего названия рассказывают следующее. С давних пор царь Бэхар был почитаем в монастыре Цалгунтане, находящемся верстах в семи на юго-восток от Лхасы, на левом берегу реки Уй. После одного несчастного случая цалгунтанцы, недовольные небдительностью своего охранителя, положили (понятно, изображение) его в маленький ящик и пустили плыть по названной реке. Против монастыря Брайбун один из его монахов увидел плывущий мимо ящик и, вытащив из реки, понес в свой монастырь. Немного не дойдя до монастыря, монах любопытствовал посмотреть, что находится в ящике, и приподнял крышку. Тогда из него вылетел чойчжон и, поместившись на одном дереве, крикнул: «Найчун, найчун!», т. е. «Мало места, мало места!». Удивленный таким чудом монах пошел в монастырь и сооб-

шил об этом приключении. Тогда решили на этом же месте построить кумирню для чойчжона, который затем стал сходить на одного из монахов и через него давать прорицания.

Кумирня эта находится на юго-востоке от монастыря, саженях в трехстах от его края, среди густого сада-леса. В настоящее время она представляет довольно красивое здание в тибетском стиле с маленькой золоченой крышей в китайском вкусе. К ней сделаны пристройки, служащие жилищем как самого прорицателя, так и штата монахов при кумирне. <...> Самая кумирня также утверждена богдоханом и потому на дверях имеет китайскую надпись на обычной синей доске «лин-чжао-бяо-цзяо».

Каждый интересующийся тем или другим вопросом может заказать запросить чойчжона. Для этого подносится прорицателю известная сумма денег, смотря по его важности, но в общем небольшая. Так, Найчуну вносят минимум 5 ланов тибетских монет (6 р. 50 к.), Гадону — 2 лана (2 р. 60 к.), Дамчжану — 2 монеты (40 коп.) и т. п. Вопросы предлагаются письменно или устно, соответственно чему даются и ответы. Ответы эти находятся под общим контролем администрации и лам. За ответы, могущие подорвать религиозные чувства и доверие к администрации, иногда запрещают предсказывать.

Официальное спускание чойчжона происходит 2-го числа каждой луны в присутствии администрации и духовенства монастыря в самой кумирне; а в некоторых случаях (как 29-го числа 6-й луны) — в монастыре. Кроме того, спускание может быть произведено при всяком экстренном случае, как по требованию далай-ламы, так и по просьбе частных лиц. Найчун вместе с вышеупомянутым Гадонем являются главными советниками далай-ламы и всего высшего управления Тибета.

Почти в одной версте на северо-восток от монастыря, высоко на склоне горы Гэнпэл, находится местопребывание прорицательницы — женщины, в которую вселяется хранительница учения Дамма или Дамчжан-чэмо. Она чтится в особенности Гоманским дацаном.

За западной горой монастыря находится местопребывание весьма чтимого чойчжона Гадон (Радостный лик). Он считается одним из вышеупомянутых «пяти царей» и ина-

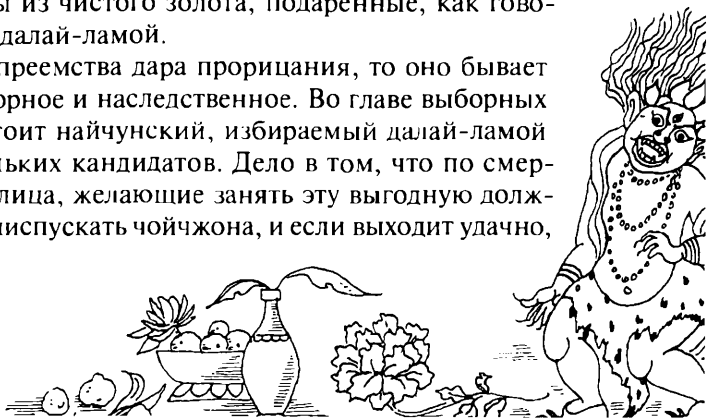
че именуется Иондан-чжалбо (Царь знаний). Прорицатель, на которого он спускается, является хозяином небольшого монастыря, оставшегося от древнего доцзонхавинского большого монастыря Гадон. По своему влиянию на дела Тибета этот прорицатель является вторым после найчунского, претендуя даже на равенство с ним.

В одной версте на юг от монастыря находится небольшая деревня, в центре которой стоит большой дом, где живет прорицатель Дамба-шамо. Предание говорит, что прежде два шамо, т. е. правители монастыря Брайбуна, дали клятву принимать меры, чтобы мясо, продаваемое монахам, было без заразы. Поэтому после смерти они стали нисходить на одного ламу в этой деревне, где живут почти все мясоторговцы Брайбуна. Последние, конечно, весьма чтут этот прорицателя.

Между монастырями Сэра и Брайбун живет в своем поместье еще одна прорицательница, на которую нисходит чойчжон Дамчжан-дорчжэ-дагдан, который считается хранителем одной из брайбунских общин Самло. Этот чойчжон изображается едущим на буром козле. Цвет самого — темно-синий. Держит в правой руке вачир.

Нам неоднократно приходилось присутствовать при спускании разных чойчжонов, и самый процесс его у всех прорицателей почти одинаков, как не раз описано раньше. Теперь же скажем, что при спускании чойчжонов все прорицатели одеваются в более или менее богатые воинские доспехи и стараются принять возможно страшный образ. При этом женщины, конечно, не могут проделывать таких жестикуляций, как мужчины, но все же размахивают копьями, саблями и строят гримасы. Богатство доспехов зависит, конечно, от благосостояния прорицателей и усердия поклонников. Так, найчунский и гадонский прорицатели надевают шлемы из чистого золота, подаренные, как говорят, нынешним далай-ламой.

Что касается преемства дара прорицания, то оно бывает двух родов; выборное и наследственное. Во главе выборных прорицателей стоит найчунский, избираемый далай-ламой из среды нескольких кандидатов. Дело в том, что по смерти прорицателя лица, желающие занять эту выгодную должность, пробуют ниспускать чойчжона, и если выходит удачно,

стараятся довести о том до сведения далай-ламы. Последний выбирает наиболее подходящих кандидатов и предварительно испытывает их частным образом у себя во дворце. Тот, на кого падет выбор далай-ламы, объявляется прорицателем, и он делает пробное ниспускание перед помянутым выше Ямантакой (Чжигчжэдом) брайбунского дацана Агпа в присутствии далай-ламы и высших духовных. Такой естественный ход выбора объясняется ламаистами, конечно, иначе: они говорят, что различные чойчжоны и духи более низкого разряда стремятся стать на место Найчуна, почему и начинают вселяться в разных лиц; распознать же истинного Найчуна может лишь всеведущий далай-лама совместно с Ямантакой.

Во главе наследственных прорицателей стоит гадонский, у которого дар прорицания переходит от женатого ламы отца к таковому же сыну, а если нет сына, то к ближайшему родственнику.

Выбор и испытание низших прорицателей делает главным образом Найчун-чойчжон.

Число прорицателей весьма велико. Они играют громадную роль во всех делах, начиная от государственной политики до частной жизни каждого человека. Всегда хорошо осведомленные в текущих делах района своего влияния, хорошо знающие психологию вопрошателей и умеющие найти выход во всех затруднительных случаях, они по большей части ловко поддерживают свой авторитет, хотя иногда бывают явные промахи, которые набожный ламаист никогда не осмелится приписать прорицателю, а объясняет своей злосчастной судьбой.

3. Из монастырской жизни в Брайбуне

9 августа 1900 г. На третий день после моего прибытия в Лхасу ко мне явились два нерба, т. е. казначея халхаской общины Брайбунского монастыря, неся с собою тушу большого барана, около десятка китайских лепешек, по-тибетски — «бале», и одну крынку кислого молока. Все это они поставили предо мною и, поднося хадак, сказали, что халхаский мицан поздравляет меня с благополучным прибытием и подносит

представленный подарок. Я, не зная этого обычая, сначала был поставлен в недоумение, но мой знакомый, у которого я остановился, тотчас же разъяснил мне, что всякому вновь прибывшему более или менее зажиточному человеку нерба должен подносить в подарок целой или половинной баранины с другими предметами. Это делается в расчете на раздачу денег духовенству общины. Если вновь прибывший принимает подносимое, то этим он уже выражает готовность сделать пожертвование, а если отказывается, то нерба, не особенно настаивая на своей просьбе, берет представляемое обратно и, вероятно, пробует дать кому-нибудь другому.

После разъяснения этого обычая я принял подарок и, значит, тем самым обязался сделать пожертвование в общину, для чего необходимо было поехать в монастырь Брайбун.

Прибыв в означенный монастырь, я поместился в квартире того же знакомого, которую он снимал в доме камцана Самло, находящемся по левую сторону от цокчэн-дугана. Дом этот окрашен в желтый цвет, так как он служит квартирой ургинского хутухты во время его приездов сюда. Хутухте этому, как известно, пожаловано было китайским императором право иметь желтую ограду и окрашивать в такой же цвет и дом. Этот почет присвоен и его квартире в Брайбуне, где он особенно чтится как перерожденец основателя монастыря.

10 августа. Сегодня состоялось мое угощение халхаского мицана чаем и кашей, материалы для коих были запасены в Лхасе и доставлены сюда заблаговременно. Угощение начинается рано утром, когда собравшиеся монахи мицана читают молитвы за благополучие жертвователя. Приготовление чая и кушаний лежит на обязанности нерба, который привлекает к работе младших из простых монахов. Разнос и разливание чая производятся простыми монахами, снаряжаемыми уже из храма. Во время богослужения чай подносится дважды, а каша — один раз, около полудня, после чего монахи начинают расходиться, как бы получив вознаграждение за труд. Размер вознаграждения всецело зависит от усмотрения раздающего монеты, но, однако, установился обычай не давать менее 0,5 монеты на одного. Старшие монахи, составляющие совет общины, получают при таких раздачах двойное количество денег.

Одновременно с угощением монахов милостынедателем происходит угощение последнего общиной. Ради этого меня пригласили в здание мицана, где приготовили мне сидище в верхнем (3-м) этаже дома общины. Сюда же собрались и общинные старшины. Сначала принесли чай, а затем, по местному обычаю, кушанье, состоящее из четырех продуктов, подаваемых отдельно: разваренного риса, кислого молока (по-тибетски — «шо», по-монгольски — «тарак»), сахарного песка и топленого масла. Кушанье это считается очень почетным. После этого принесли вареную баранину, которой и закончилось угощение. Старшины поднесли мне хадак и благодарили за пожертвование, на которое ушло около 100 руб. (при 80 членах общины).

11 августа. Сегодня, 29-го числа шестой луны, происходило обычное ежегодное сожжение дугжубы духовенством дацана Агпа. Мне довелось это видеть дважды: сегодня и 31 июля следующего года. Этой церемонии предшествуют трехдневное чтение духовенством дацана Агпа особых молитв с священнодействиями над приготовленной самими ламами фигурой из картона, называемой дугжуба. В день выноса, немного после полудня, начинает собираться народ, которому сегодня открыт доступ в монастырь. В другое время женщины не допускаются вовсе в монастырь. Зрелище для любопытной публики начинается шествием прорицателя Найчун-чойчжона из его жилища в дацан Агпа. Шествие тянется длинной вереницей. Во главе идут воины в разных масках и военных доспехах, затем музыканты с кларнетами, флейтами, барабанами и ударными тарелками; после музыкантов идет младший цокчэнский шамо с пачкой курительных свеч в руке. Вслед за ним сегодня несли доспехи и изображение Найчуна, так как прорицатель умер недавно от оспы, а преемник ему еще не был найден. В следующем году (31 июля 1901 г.) ехал вновь назначенный прорицатель верхом на лошади, на которой он подъехал к самому соборному храму (простые монахи должны слезать за монастырскими воротами). Отсюда он отправился в дацан Агпа, где, переодевшись в должествующее облачение, ниспустил чойчжона. В это время выносят из дацана Агпа дугжубу, которую несут впереди процессии, во главе которой хамбо этого даца-

на в предшествии старшего шамо. Процессия с пришедшим в экстаз прорицателем двигалась сзади почти бегом, так как последний, поддерживаемый двумя служителями, шел вперед очень быстро. Когда первая часть процессии вышла за монастырскую стену и стала в некотором отдалении, вблизи приготовленной кучи соломы для сожжения дугжубы, прорицатель остался у монастырских ворот и в ожидании того момента, когда дугжубу бросят в огонь, сел в приготовленное кресло. В тот же момент, как вспыхнуло пламя от соломы и брошенных в огонь бумажных украшений дугжубы, прорицатель вскочил со своего места и, быстро схватив лук и стрелу, выпустил по направлению костра стрелу, которая поднялась очень высоко и упала сажень в 50 от стрелка. Стрела эта, по убеждению верующих, поражает врагов религии, и говорят, будто бы она нередко падает окровавленной. После выпуска стрелы церемония окончилась.

Мне удалось дважды присутствовать (10 августа 1900 г., и 1 августа 1901 г.) на церемонии смены цокчэнских шамо Брайбуна. Смена совершается ежегодно 30-го числа шестой луны. Назначение новых шамо происходит почти за месяц до этого дня. Для сего на усмотрение тибетского хана, т. е. в настоящее время далай-ламы, представляются 10 кандидатов на эти должности, т. е. по 5 человек из каждого очередного дацана. Выбор из среды их двоих предоставляется самому хану. В назначенный день все они приезжают к далай-ламе, который выдает им запечатанный конверт с именами назначенных. Этот конверт, как говорили мне, они вскрывают подле упомянутого выше обо (кучи камней) перед монастырем. Здесь их поджидает депутация от монастыря с угощением. Слезши с лошадей и сев за чай, они узнают имена счастливых и отправляются в монастырь. Вновь назначенные начинают готовиться к принятию должности; нанимают более или менее роскошную квартиру, заводят приличную обстановку, приобретают атрибуты своей должности, главное — железный жезл, особый покррой облачения, шьют парадные платья, намечают помощников и т. д. В это время им всего более нужны деньги, вследствие чего богатые лица монастыря и торговцы Лхасы предусмотрительно приходят к ним с поздравлениями, что по местному обычаю сопровождается

подарками — вещами и деньгами. Этим они вперед заручаются знакомством и расположением к ним хотя кратковременных, но сильных по власти правителей большого монастыря, которые почти целый месяц управляют и столицей далай-ламы.

Ко дню смены у них бывает все готово. Рано утром этого дня к каждому из них на квартиру являются старшины его общины в парадных одеждах, являются и прислужники. Сюда приносят срубленное высокое молодое деревцо, на которое привязывают хадаки и рисованное, символическое изображение мирского круговорота, называемое «сридбий-хорло». Изображение это дарится новому шамо его общиной. Каждый шамо выходит отдельно из своего дома в сопровождении помянутых старшин и слуг исключительно своей общины. Впереди него несут вышеназванное изображение, затем один из старшин воскуряет путь свечами, за ним идет шамо в полной форме, но только без жезла, который слуги несут сзади, держа на руках в горизонтальном положении. По пути шамо раздают хадаки всем попадающимся водоносцам. Этим обычаем тибетцы любят пользоваться, и на коротком расстоянии встречается не менее 30 водоносцев, которые пересекают дорогу и получают по хадаку, стоящему, правда, только 4 копейки на наши деньги. На западном краю монастыря оба новых шамо сходятся вместе и идут один за другим (старший впереди). По правую сторону глубокого оврага к этому времени бывает уже приготовлено все для их прихода. Здесь на покатом склоне горы расчищена площадка приблизительно в 150 квадратных сажен (15×10), на которой растянута большое рисованное изображение будды Шакьямуни. Верхние края рисунка прикрепляются к особо устроенной длинной каменной стенке. На этой стенке становятся музыканты из духовенства и играют встречу шамо. На нижнем конце на приготовленных седалищах уже сидят прежние два шамо и цокчэнский умцзад. С прибытием новых шамо два дерева втыкаются здесь в землю у подножия изображения, и два новых шамо делают по три земных поклона будде, после чего подносят по одному длинному хадаку, которые придавливаются камнями на краю изображения и остаются до конца церемонии. Затем они садятся рядом с прежними шамо, но ниже их, и тогда умцзад начинает читать коротенькую

молитву, которой вторят монахи, сидящие на земле сзади его. Сюда собирается много народа, который образует живую стену вокруг изображения, а некоторые взбираются на склон горы. После этого начинаются представления актеров, которые являются четырьмя отдельными партиями в различных масках и костюмах. Они здесь пляшут под музыку и собственное пение. За это они награждаются новыми шамо хадаками. Этим церемония и оканчивается. Старые шамо удаляются домой с прежним почетом, но мне сказывали, что в это время духовенство может выразить свое удовольствие или неудовольствие по поводу их прошлого правления. Говорят, что в ненавистных шамо бросают мелкие камни, а у любимых прикладываются головой к жезлам. Я видел лишь немногие случаи прикладывания к жезлам сменившихся правителей.

Новые шамо остаются на поляне до уборки растянутой иконы, которая свертывается в трубку от нижнего края к верхнему многочисленными монахами и ими же на плечах относится в главный собор для хранения до будущего года. Впереди этого длинного свертка идет старший шамо, а сзади младший, распорядившись осторожным доставлением иконы на место.

После <...> народ собирается густой толпой на площадке перед соборным храмом и сдерживается на почтительном расстоянии от террасы храма только при помощи кнутов и палок прислужников. Перед дверью храма у подножия террасы становится многочисленная прислуга кухни и собора. Они собираются беспорядочной толпой, согнувшись в пояс. Тогда появляется первым старший шамо и, расхаживая по террасе, излагает свои полномочия и правила монастырской жизни; на эту же тему говорит за ним и младший. Речи эти длятся минут 40, и по окончании их народ расходится, а уставшая стоять в согнутом положении раболепная прислуга облегченно выпрямляет спину.

Остальная часть дня проходит в увеселениях, которые в пределах монастыря ограничиваются посещением представлений многочисленных партий актеров. Их приглашают разные общины во дворы своих домов, за что им дают известную, по-видимому, небольшую плату. Народ смотрит бесплатно. Только две общины — Даон в Гомане и Гугэ

в Лосаллине, имеющие хорошо приспособленные дворы, — приглашают наилучшие труппы таких актеров и впускают туда зрителей за известную плату, а именно по 4 местные монеты за отделение (род наших театральных лож), где могут помещаться от 6 до 10 человек.

Во время этих представлений два новых цокчэнских шамо делают визиты большим камцанам, где старшины их угощают и, делая подарки, излагают свои нужды и привилегии, коими пользовались до сих пор. Этим, так сказать, возобновляются договоры взаимного отношения этих общин к главным правителям монастыря.

Я лично довольствовался зрелищем, происходившим во дворе моей квартиры. Между разными сюжетами, представленными актерами, мне показалась правдивой и жизненной сцена приглашения к больному (невидимому) одного красношапочного ламы, который во время исполнения духовного обряда обнаруживает неискренность веры и неточность обрядов. Лишь только хозяева удаляются, он перебрасывает непрочитанные листы книжки, будто бы уже прочитав их, а сам принимается за еду. Услышав шум приближения кого-нибудь из домашних, снова принимает набожно-важный вид, начинает громко читать молитвы и т. п. В конце концов, когда его угощают бараниной, он, наевшись, не довольствуется этим и в отсутствие хозяина берет остатки блюда и кладет себе в высокую шапку, которую надевает на голову. Хозяин узнает о краже и как бы нечаянным прикосновением к шапке сшибает ее. Куски баранины падают на землю. Сконфуженный лама убегает. Представление, правда, циничное, и актеры к тому же не стесняются шаржем.

С наступлением ночи женщины удаляются за монастырские стены и, явившись на другой день, 1-го числа новой седьмой луны, совершают поклонения в разных местах. К полудню этого дня они совершенно покидают монастырь, уходят также и все светские гости.

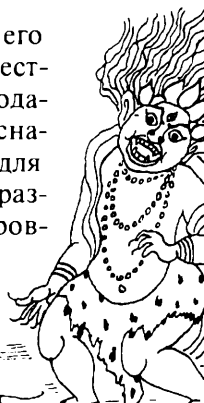
Монастырь вступает в обычную свою жизнь.

14 января 1901 года мне пришлось видеть в Брайбуне первую репетицию выезда администрации лхасского монлама, о котором упомянуто выше. Утром все должностные лица в лучших парадных нарядах идут в соборный храм. Здесь

после окончания утреннего богослужения все 21 гэик собираются к дверям храма и становятся в кучу, согнувшись в пояс. Тогда у дверей появляется шин-нер, заведующий ими во время монлама, и говорит цокдам, в котором излагает правила управления монламом и полицейской службы. Речь длилась недолго, после нее все они во главе с двумя шамо и двумя их помощниками направились за монастырь, где были поданы хорошо убранные лошади, сев на коих, они отправились на поклонение Найчуну. Впереди несли четыре деревца с привязанными к ним изображениями «лунда», т. е. воздушных лошадей, служащих символом подъема энергии и счастья. Говорят, что они совершают подобные поездки в полном составе ко всем главным чойчжонам, т. е. Найчуну, Гадону и Дамме.

20 января 1901 г. Сегодня я присутствовал при угощении одним моим земляком, бурятским ламой, духовенства дацана Гоман. Дело в том, что он, желая достигнуть звания габджу, дал хамбо гоманского дацана 10 ланов местных монет. Последний, приняв эти деньги, 14 сего января изъяснил согласие выдачей ему хадака, который он положил ему на шею во время его подхода под благословение. Кандидат на звание габджу уже давно заготавливал продукты, необходимые на угощение монахов, которое ему назначили на сегодня. Лишь только хамбо официально выразил согласие, к ламе стали стекаться его знакомые, поздравляя с получением хадака и принося монеты на вспомоществование для предстоящих расходов. Большинство знакомых вносили по 2 монеты (по 40 коп.), каковая сумма, впрочем, целиком уходит на угощение в течение двух дней самих же жертвователей. Гораздо больших расходов требует угощение всех монахов своего факультета, коих в данном случае (гоманский факультет) было около 200 человек.

Накануне дня угощения в доме мицана собираются его члены. Все они в этот день угощались наилучшими, по местным взглядам, кушаньями, которые изготавливаются и подаются младшими монахами. Под вечер из мицана были снаряжены несколько человек в кухню гоманского дацана для наблюдения за приготовлением завтрашнего «донго» (раздача обеда), что весьма необходимо ввиду любви к воров-

ству всякой вообще тибетской прислуги. Еще с вечера начинают они наполнять водой общий медный котел (один на все 200 душ) и затем всыпают в него рис. Предварительно разваривается один только рис, причем то и дело он размешивается лопатами. Затем в эту кашу кладут изрезанную на мелкие куски говядину, сюда же кладут изюму и сахарного песка. Когда же каша достаточно готова, уже под утро кладут туда масло в очень большом количестве; ради того, чтобы оно распределилось поровну по всей каше, начинается самое усердие — беспрестанное мешание ее сменами по четыре человека. Двое из них водружают лопату до самого дна котла, а двое тащат за веревку, привязанную к лопате. Этим способом достигается наилучшее качество каши, которая должна быть как можно гуще, притом сладка и достаточно промаслена. Если этих качеств нет, то говорят, что угощающему грозит несчастье, не говоря уже о том, как ответствен бывает и у нас повар за неудачное приготовление званого обеда. Поэтому каждый угощающий прилагает все усилия пригласить преданных себе наблюдателей и задобрить кухонную прислугу хотя бы обещанием дать «на водку» («чанрин»).

Утром дня угощения в дацане после шога-чойра духовенство дацана призывается особыми ударами в гонг (по-тибетски — «харн»), по которым монахи узнают, что сегодня есть угощение. Это угощение так привлекает их, что туда плетутся едва передвигающие ноги старцы и едва заметные в толпе малыши. В этот день на долю администрации дацана выпадает неимоверно много хлопот, чтобы рассадить многочисленное духовенство по местам. В дело пускаются плети и палки, которыми только и удается водворить порядок.

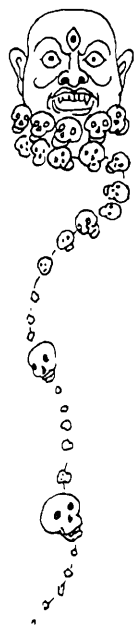
Когда все займут места, начинается чтение молитв, во время которого дважды приносят чай и разливают всем духовным. Во время второго чая происходит так называемый «бойкор», т. е. обход с курительными свечами. Является от дверей камцанский гэрган той общины, которой принадлежит новый габджу, имея в правой руке пачку зажженных свечей, а в левой положенную на плечо длинную стрелу, на верхнем конце которой сделаны пять выступов — ушки: срединные — повыше, а боковые — пониже. Они изображают собою царственную гору Сумеру и четыре мира, окру-

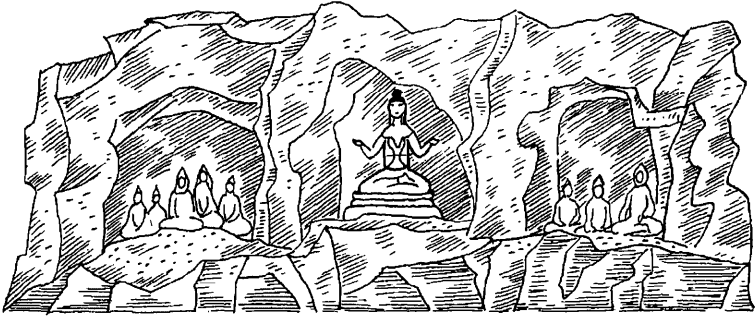
жающих ее. На них укреплены шарики, сделанные из белой ваты. Угощающий идет за гэрганом и также несет пачку свеч. Обойдя некоторые центральные ряды, они удаляются.

Вслед за сим однокурсники габчжу, идя длинной вереницей, подносят хамбо, сидящему на своем главном месте, разные вещи: изображение Будды, различную одежду и т. п. Вещи эти запасены для этой церемонии дацаном и отпускаются напрокат за плату около 1 р. 20 к. на наши деньги.

Едва окончилась эта церемония, как вдруг из разных мест поднялись и торопливо побежали молодые монахи на кухню. Спустя немного они стали вбегать, имея в левой руке деревянный кувшин с кашей, а в правой небольшой железный ковшик. Когда они бегом, вплотную друг за дружкой, вошли в промежутки центральных рядов, то их выстроили еще теснее. По данному знаку они начали одновременно раскладывать кашу в подставляемые чашки монахов. Кладут столько, сколько может удержаться в чашке. Гэской и его помощники строго следят за тем, чтобы не было злоупотреблений, обиды из-за личной вражды и слишком щедрого снабжения из-за дружбы или заранее составленного плана сообщнического воровства. Раздача каши производится очень быстро, и все угощение оканчивается в течение не более полутора часов.

Когда благополучно пройдет это угощение нового учебного года, ему остается проделать церемонию диспута. Каждый год назначаются только два диспута, по два человека в каждом. Вследствие этого при накоплении значительного числа желающих получить степень габчжу приходится ждать диспута иногда более года.

1. Дорога из Брайбуна в Сэра

Обогнувши горный мыс, о котором упомянуто выше, дорога идет далее подле самых гор, пересекая по прямой линии лишь устья немногочисленных неглубоких падей. В таких падах располагаются поместья лиц преимущественно духовных. Так, в первой пади, влево от дороги, стоит хороший дом с пристройками, принадлежавший бывшему прорицателю Найчун-чойчжона.

Во второй пади, уже более глубокой и широкой, расположено большое имение одного богатого перерожденца. В этом имении, называемом Новым монастырем (Гонба-сар), разведено много абрикосовых деревьев, наилучшие плоды которых управляющий имением ежегодно подносит далай-ламе, за что пользуется некоторыми льготами при аренде казенных земель. Направо, при самой дороге, находится имение прорицательницы Дамчжан, о которой я упоминал выше. Немного далее от этого имения на больших каменных глыбах высечены изображения разных божеств, преимущественно грозных, а также священные тексты и молитвы. В последней пади налево от дороги, на значительной высоте, находится отшельническая келья сэраского перерожденца, называемая Бар-ритод — Келья срединной горы. Еще далее по правую руку от дороги

и дом этого перерожденца. Должно сказать, что около всякого зажиточного дома постоянно ютятся дома и посторонних, не всегда особенно бедных. Поэтому упомянутые поместья, в особенности последнее, представляют целую деревню.

Недалеко от него, в том месте, где дорога, направляющаяся к Сэра, отделяется от подошвы гор, видны два-три субургана, пришедших в ветхость и полуразрушившихся. Вдоль всей дороги по скалам снует масса ящериц, быстро убегающих от людей. В этих же скалах, в глубине ущелий, в особенности там, где стоит Брайбун, водятся в изобилии большие скорпионы, коих тибетцы называют «дигбра» или «дигб(а)ра(н)цза», т. е. «мучительными червями с рогами». Эти скорпионы не любят холода, поэтому всегда прячутся под камни. Они кусаются, как говорят, очень больно, и если они захватят своими клещами человеческое тело, то не нужно отдергивать силой, а лучше сверху налить растительного масла. Тогда дигбра околевает, и клещи сами по себе отпадают от тела человека. Мясо такого рака считается лекарственным средством и дается преимущественно при таких болезнях, которые происходят, по объяснению тибетской медицины, от общего понижения температуры организма.

Мясо ящерицы входит также в рецептуру этой медицины и служит элементом, сильно возбуждающим упавшую энергию. Ящерица считается очень неглупым животным. Ламаистские философы, в пример сравнения животных с людьми, говорят следующее. Ящерица находится во взаимной вражде со змеей. В открытой борьбе змея остается всегда победительницей, вследствие этого ящерица, выкопав себе проходную прямую нору, роет посредине отверстие прямо вверх. Когда змея в погоне за ящерицей вползает в нору, то последняя залезает в верхнее отверстие и, пропустив голову змеи вперед, сама оборачивается и перекусывает безнаказанно змею. Отсюда нравоучение. Если такое жалкое животное знает средство спасения своей жизни, то чем же лучше его человек, заботящийся только о благах этой земной (материальной) жизни, но не прилагающей старания к духовному совершенству.

Перед самым монастырем в дождливое время приходится переправляться через речку вброд, а в сухое время можно просто перешагнуть через нее.

2. Сэра¹

Основателем монастыря Сэра считается Шакчжа-ешей, известный у своих почитателей под именем Чжамчэн-чойрчжэ². Он родился в 1354 г. в знатной семье, подле монастыря Цалгунтана. С малых лет он был посвящен в монахи и отличался мягким, кротким характером. Когда в Тибете прославился Цзонхава, Шакчжа-ешей поступил к нему в ученики и эконома. Из сильного благоговения перед великим реформатором он сделался послушным исполнителем его воли.

Китайский император Минской династии Юн-ло (1403—1425), услышав об удивительной славе Цзонхавы, послал к нему приглашение, не имевшее успеха. Тогда, по преданию, Юн-ло послал вторично послов к Цзонхаве с просьбой послать одного из учеников, по достоинствам равного ему. Вследствие этого Цзонхава назначил к отправлению Шакчжа-ешей и дал ему наставления, как поступать при дворе императора. Получив такую командировку, Шакчжа-ешей со своими учениками и послами императора отправился из Тибета в 1414 г., и свидание его с императором произошло в начале 1415 г. После сего император давал ему поручения по религиозным делам, по выполнении коих пожаловал ему грамоту и печать. Затем Шакчжа-ешей посетил монастырь У-тай-шань и в 1416 г. возвратился в Тибет с большим имуществом и ценными подарками, из числа коих драгоценные четки, как упомянуто выше, надел собственноручно на шею большой статуи Чжу в Лхасе.

В 1419 г. Цзонхава, во время своего пребывания в ритоде Сэра-чойден, предложил Шакчжа-ешей построить особый монастырь для изучения «тарни». Последний изъявил согласие и в том же году положил основание монастырю Сэра или, полнее, Сэра-тэг-чэн-лин, т. е. Сэра — обиталище Великой колесницы, или Махаяны. О названии горы, у которой стоит монастырь, я наводил справки в тибетских книгах и везде находил только название Гжяб-ри, каковое слово есть имя нарицательное — «задняя гора», т. е. гора сзади монастыря. От одного монаха я слышал, что гора по левую руку (от зрителя на монастырь) называется Дуг-ри — Гора-зонт.

В Сэра Шакча-ешей пробыл до 1429 г., когда получил вторичное приглашение в Пекин от императора Сюань-дэ (1426—1436), внука Юн-ло. Отправляясь в Пекин, он поставил некоего Дарчжай-санбо во главе монастыря.

Из этой поездки он уже не возвратился в Тибет и умер в 1435 г. в Пекине на 82-м году жизни. Перерожденцами его считаются нынешние Чжанчжа-хутухты, живущие преимущественно в Пекине, собственный монастырь коих Гон-лун находится в северном Амдо.

Монастырь Сэра лежит верстах в четырех на север от Лхасы у подошвы северных гор, почти на ровном месте. Постройки в нем не такие большие и не так стеснены, как в Брайбуне. В нем три золоченые крыши, и из Лхасы Сэра представляет довольно красивый вид.

Главнейшей святыней этого монастыря можно считать статую одиннадцатиликого Чжан-рай-сига (Авалокитешвары), про которую существует следующее предание.

В давнее время монахиня Балмо посетила местопребывание Чжамьяна (Манджушри) и, взяв у него сию статую, улетела. Затем прилетела с этой статуей в местность Пабонха, где спрятала ее в одной пещере. В то время, когда настоятелем Сэра был некто Чжалцан-санбо, один пастух, пася своих коз, заметил, что одна из них вошла в пещеру, и, чтобы выгнать ее оттуда, он бросил камень, который ударился в пещере о какой-то звонкий предмет. Удивленный пастух заглянул в пещеру и заметил лежащую на спине статую. Удивление пастуха еще более увеличилось, когда он увидел подле нее лужу козьего молока и сама статуя заговорила человеческим голосом. Пораженный чудом пастух побежал к настоятелю Сэра Чжалцан-санбо, который тотчас пошел в указанную пещеру и перенес статую в свой монастырь, где она и находится в дацане Чжеба.

Этот Чжалцан-санбо считается перерожденцем упомянутой монахини Балмо и жил с 1402 по 1469 г.

С его времени в Сэра образовались четыре дацана: Верхний — Дод-ба, Нижний — Мад-ба, Бромдэн и Чжа. Затем дацаны Бромдэн и Чжа соединились с Верхним, который впоследствии был также закрыт, и воспоминанием о существовании его в настоящее время является лишь должность настоятеля, замещаемая и поныне. Но зато образовались два

новых дацана — Чжеба или Чжейба и Агпа. Таким образом, в Сэра в настоящее время три дацана, из коих два богословских (цаннид) и один (Агпа) тарнистический.

Дацан Нижний (тиб. — Мад), или Основной, учрежден ламой Чжан-чуб-бумба или Чжан-чуб-одсэр. Богословие изучается в нем по руководствам Данба-дарчжай, проще — Дандарба (распространитель учения).

Дацан Чжеба (Песчаный) основан ламой Лодой-ринчэн-сэнгэ, который более известен под именем Сэра-гунчэн (сэраский всезнающий). Он, родом цзанец, сначала жил в Брайбуне, но вследствие вражды завистников ушел со своими приверженцами в Сэра и основал дацан Чжеба. Богословие изучается в нем по руководствам другого цзанца Чойчжи-чжалцана, которого зовут чаще Сэра Чжа-бцун-ма. Он считается перерожденцем основателя Сэры Шакчжаешей. В числе его учеников были известные составители руководств богословия Соднам-дагба и Чжамба-даший. <...>

Третий дацан — мистический — основан во время хана Лхавсана, потомка знаменитого Гуши-хана, в начале XVIII в.

Число монахов в Сэра — около 5000, из коих около 200 в Агпа, а остальные распределяются по дацанам Мад и Чжеба, приблизительно 2:3.

Все духовенство, как и в двух вышеупомянутых монастырях, делится на общины — камцаны*, коих в дацане Чжеба — 22, а в Мад — 14.

Дацан Агпа не имеет своих дацанов, и духовенство его распределяется по общинам двух других дацанов.

Если Галдан знаменит своими чудесными реликвиями, а Брайбун — прорицателями, то Сэра славен своими рито-

* Камцаны Чжеба суть: 1. Хамдон, 2. Самло, 3. Жябра(л), 4. Дэбо, 5. Брати или Барти, 6. Цаба, 7. Лхоба, 8. Гомдэ, 9. Ла, 10. Даньма, 11. Арий-гугэ, 12. Арий-бэтуг, 13. Арий-сангар, 14. Арий-дагмо, 15. Бадим-ишань Цзан-ба, 16. Чжалчжел, 17. Э-ба, 18. Нял-ба, 19. Дагбо, 20. Цзэйтан, 21. Бомбор и 22. Гунру. Камцаны дацана Мад суть: 1. Амдо-шунба, 2. Бомбор, 3. Ерба, 4. Ронбо, 5. Цатор, 6. Цаба, 7. Гон-бо, 8. Марнюн, 9. Амдо-ара, 10. Тэбо, 11. Да-онь, 12. Миняг, 13 и 14 — два камцана Богун. — *Прим. авт.*

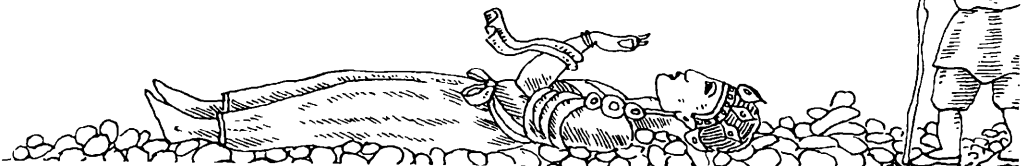
дами, что в буквальном переводе значит «горная цепь», но понимается теперь как уединенная келья лам-отшельников в горах. Ища удаления от мирской суеты, знаменитые аскеты ставили свои кельи на скалах высоких гор и там предавались созерцанию. Со временем усердие набожных почитателей стало накапливать в скромных кельях богатство и учеников. Обычай отыскивать перерожденца всякого выдающегося ламы обратил эти кельи во дворцы и поместья перерожденцев, каковыми и являются они в настоящее время.

Самым древним и самым известным ритуалом считается Пабонха, находящийся верстах в трех на северо-запад от Сэра и принадлежащий далай-ламе.

Здесь на природной скале стоит дворец далай-ламы, в котором чтится статуя Чжан-рай-сига. Предание говорит, что этот дворец-храм был построен ханом Сронцзан-гамбо и имел 9 этажей, но известный гонитель буддизма царь Ландарма разрушил верхние этажи, оставив только 2 нижних. Набожные приходят сюда для 3333 круговращений вокруг этого дворца, на это требуется от 10 до 15 дней самой усердной ходьбы. Вероятно, что число имеет какое-нибудь символическое значение. Здесь есть цокчэнский дуган и жилища здешних монахов, коих около 30 человек.

Саженьх в 200—300 на восток находится большая каменная глыба, которая, по преданию, сама прилетела из Индии. На этом камне разрезают трупы для отдачи их на съедение грифам и ягнятникам. Так как этот камень считается священным, то всякий стремится быть разрезанным на нем, но такая завидная доля достается лишь более зажиточным, так как она сопряжена со значительными расходами как по перенесению трупа, так и по плате, вносимой в виде вознаграждения местным монахам за чтение похоронных молитв. Кроме того, верят, что если живой человек голый повалится на этом выпачканном трупами камне, то его жизнь продлится. Мы слышали, что в год нашего пребывания сам далай-лама проделал эту неприятную, но полезную процедуру.

Второй знаменитый ритуал, Сэра-чойден, стоит над монастырем Сэра на уступе северной горы. Он известен тем, что здесь часто жила Цзонхава и проповедовал свое учение. Тут до сих пор сохранился желтый домик позади дугана лацана

Чжуд. В нем на стене находится рисованное изображение Цзонхавы с двумя его любимыми учениками.

Ритод, лежащий выше, ближе к вершине этой горы, называется Дубхан-ритод и принадлежит перерожденцу Дубхан-ринбочэ.

Затем за этой северной горой находится богатый ритод Пурбу-чжог, принадлежащий вышеупомянутым перерожденцам, именуемым Чжамба-ринбочэ. Теперь скажем, что здесь, между прочим, сохраняются типографские доски трех томов сочинения одного из прежних перерожденцев Агван-чжамба.

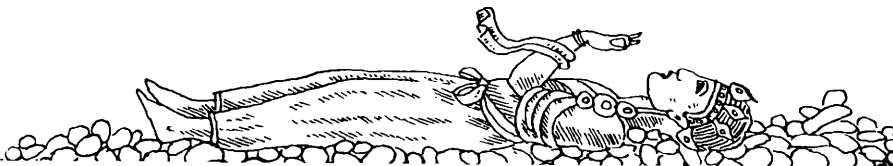
Верстах в трех на юго-запад от Сэра, на дороге, ведущей в Брайбун, находится ритод Бари, принадлежащий перерожденцам Бари-дорчжэ-чан. Есть много и других ритодов, перечисление коих не представляет особого интереса, но скажем, что ритоды часто можно смешивать с женскими монастырями, кои строятся в большинстве случаев также на горах.

Первый раз в монастыре Сэра я был 21 января 1901 г. и останавливался у одного бурятского ламы, жившего в небольшом здании камцана Самло, которое находится почти на юго-восточном краю монастыря. Монах этот, молодой еще человек, был единственным бурятом, проживавшим в Сэра. Когда же года три тому назад он с одним своим товарищем, ныне возвратившимся на родину, поселился здесь, то брайбунский халхаский мишан возбудил против них обвинение, что они не имеют права поступать в Сэра. Однако эти молодые люди заявили протест, основываясь на том, что в их Цугольском дацане (Цугольский дацан находится в Западном Забайкалье) богословие проходит по толкованиям сэраского Чойчжи-чжалцана, а потому им удобнее учиться в дацане Чжеба в Сэра. Дело дошло до далай-ламы, который приказал издать постановление, что все буряты должны причисляться к Брайбуну или же к Галдану, только монахи, приезжающие из бурятского Цугольского дацана, могут при желании быть причисленными к монастырю Сэра. <...>

Второй раз я посетил этот монастырь 3 февраля, которое пришлось на 27-е число последней луны года. В этот именно день, один раз в год, бывает поклонение так называемой «пурба». Пурба представляет особого рода орудие, употребляемое при богослужениях заклинательного характера.

Обыкновенно она делается из железа, меди и других металлов, а также и из дерева. По форме представляет трехгранное острие, длиною около 6 вершков, при стороне основания немного более одного вершка. К основанию приделывается та или иная ручка. Мне не пришлось видеть детально сэраскую знаменитую железную пурбу, так как она, считаясь большой святыней, понятно, не доступна для простых людей. Говорят, что этой пурба однажды завладело верховное правление Тибета, видя в ней предмет поклонения многочисленных почитателей и, следовательно, дохода. Но при перенесении в Лхасу никто не мог удержать ее в своих руках: она выпала. Тогда обратились к далай-ламе с просьбой объяснить это необычайное явление. Тот сказал, что эта пурба должна храниться в сэраском дацане Чжеба. Один раз в год хамбо этого дацана в сопровождении свиты в нарядных костюмах везет пурбу отдельною лошадию сначала в Поталу, где прикладывает ее к голове далай-ламы и его приближенных, а затем к знатым лицам в Лхасе. Во время этого хозяева Лхасы принимают хамбо с большим почетом, предлагают угощения и подносят денежные подарки. После возвращения пурбы из Лхасы начинается поклонение простолюдинов. Для этого на крыльце дацана Чжеба, направо от двери, устраивается высокий трон для хамбо, на котором он сидит в облачении, одинаковом с далай-ламским, присваиваемом ему на один этот день. Облачение это, впрочем, мало чем отличается от хамбинского. Только более дорогая мантия и шапка цзонхавинского образца. Вокруг стоят приближенные. Гэской дацана и его помощники с палками, плетями и прутьями в руках следят за порядком, пропуская поклонников гуськом с правой стороны хамбо, который сидит, обратясь лицом на восток, держит пурбу, завернутую в тонкую желтую китайскую материю, и прикладывает к головам поклонников. Многие из них подносят хадаки, которые собирает один из прислужников.

На поклонение собралось народу очень много, большую часть светские жители Лхасы. Было также немало духовенства из других монастырей. Монахи Брайбуна, вследствие старинного антагонизма с сэраскими, приходят со своими учебными шапками, которые в толпе держат на плечах для

того, чтобы их могли отличать распорядители порядка. Они издавна выхлопотали или, скорее, вытребовали себе право не получать ударов от этих распорядителей.

Поклонение окончилось около трех часов дня, и в тот же день я возвратился из монастыря в Лхасу.

Других особых празднеств в Сэра, по-видимому, нет. Только в 5-й луне, когда туда приглашается прорицатель Карма-шяр для ниспускания чойчжона, стекается много народа из Лхасы и окрестностей, так как, как сказано выше, Карма-шяр очень почитается жителями Лхасы.

3. Из Сэра в Лхасу

Из Сэра в Лхасу ведут несколько дорог. В дождливый период года пешеходы преимущественно избирают ту, которая выходит на главную дорогу (к перевалу Го-ла) у казармы китайского гарнизона, называемой Чжашитан. Выражение «Чжашитан» значит «Равнина усмирения врагов». Происхождение этого названия приписывают тому случаю, когда в 1719 г. китайская армия, пришедшая для изгнания полчищ чжунгарского завоевателя Цэван-рабтана, достигла своей цели без всякого кровопролития, остановившись лагерем на этом месте, так как чжунгарское войско бежало.

Чжашитан отстоит от Лхасы верстах в трех и представляет жилища солдат, обнесенные глиняной стеной. Вне стены находится большой дом тибетского образца, где живут военачальники гарнизона. Здесь же, направо от лагеря, поставлена длинная стена из глины, которая служит заслоном при учебной стрельбе в цель.

Дорога от Чжашитана до Лхасы идет среди возделанных полей, по местности, которая в дождливый период года обращается в русло речки. В это время мосты или, скорее, помосты, устроенные через каналы, находятся среди воды, так что желающий воспользоваться ими пешеход должен пройти немалое расстояние по воде. В зимнее, более холодное, время в Тибете бывает сухой период года, и вода не выходит из пределов этих мостов, так что пешеход может пройти все расстояние от Сэра до Лхасы, не снимая с ног своей обуви.

Глава XIV Монастырь Даший-лхунбо

1. Путь из Лхасы в Даший-лхунбо

Во время моего пребывания в Лхасе я сделал две экскурсии, одну — в главный город провинции Цзан, Шихацзэ, а другую — в древний город-монастырь Цзэтан, находящийся на реке Цзанбо-чу в южной части провинции Уй. Теперь последовательно опишу их.

30 сентября 1900 г. я в сопровождении одного бурятского ламы, служившего мне толмачом, выехал в Шихацзэ. Дорога из Лхасы идет по правому берегу реки Уй. Верстах в 11–12 от Лхасы, там, где эта река близко подходит к правобережным горам, на скалистом горном носу в древности находился знаменитый замок Донхар, который до возвышения Поталы владычествовал над Лхасой и ее окрестностями. В настоящее время от него остались только развалины <...> У подножия замка на скале высечено изображение будды Шакьямуни.

По западную сторону от этих развалин, на берегу реки, находится маленькая деревня, большинство жителей которой торгуют мясом на базаре монастыря Брайбун.

С этого места начинается широкая долина Додлун, которую монголы чаще зовут Ямбачжань, по названию одной

из ее верхних падей — плодородной и населенной местности Центрального Тибета. На реке этой долины, называемой Додлун-чу, построен довольно большой каменный мост.

Путь чрезвычайно каменист, и мы после пятичасовой езды шагом остановились в местности Ньетан в доме тибетского крестьянина, которого рекомендовали мне знакомые в Лхасе. Рекомендация эта нам оказала ту услугу, что нас пустили в дом и приготовили нам чай и кушанье из наших продуктов, а ночью хозяин бесплатно прокараулил наших лошадей, привязав на длинных веревках на выжатой ниве. Местность Ньетан известна в истории тибетского буддизма своим монастырем, где знаменитый проповедник XI в. Чжово-балдан-адиша (994—1067)¹ прожил девять лет. В настоящее время монастыря уже нет, а указывают в особом сумэ большой субурган, в котором, по уверению местных жителей, находится прах сего проповедника. В некотором отдалении от него находится сумэ с большой статуей Тары.

1 октября мы двинулись далее по тому же правому берегу Уй-чу. На этом пути река местами очень близко подходит к правобережным скалистым горам, потому приходится ехать по голым скалам и опасным обрывам. Ближе к устью долина расширяется, а река отходит к левобережным горам и там, соединившись с рекой берега Цзанбо-чу, уходит на юго-восток. У горного носа левого Цзанбо-чу находится замок Чушур-цзон. Пройдя далее по левому берегу реки Цзанбо, мы заночевали в деревне Чжала-са после 9,5-часового движения. Так как здесь мы не могли найти постоянного двора, то попросились в дом одного крестьянина и купили у него соломы для лошадей. Утром же уплатили за топливо один каган (3,5 коп.).

2-го числа тут же, против названной деревни, переправились на карбазах через реку Цзанбо-чу. У карбазов, по-тибетски — «чуйшинда», в буквальном переводе — «водяной деревянный конь» (длина около 5 сажен, ширина в кормовой части около 2 саж., а в носовой — около сажени, дно плоское, и животных ставят прямо на него), на носу — изображение лошадиной головы. Весел пять: четыре по бокам и одно

на корме. За перевоз мы уплатили по 0,5 монеты с лошади со всадником, после чего перевозчики просили «на водку» не менее настойчиво, чем в нашем отечестве.

Далее мы ехали по правому берегу реки Цзан и верст через пять вступили в правобережную ее падь (Ба-цза), оттуда поднялись на высокий перевал Ганба-ла, что значит — перевал Нога. Кстати заметим, что тибетцы, по-видимому, любят давать перевалам названия частей тела. Так, существуют еще перевалы: на север от Лхасы — Го-ла (перевал Голова), еще далее — Чаг-ла (перевал Рука), на юг от Лхасы — Го-ган-ла (перевал Головы и Ноги). Поднимались на перевал с северной сравнительно отлогой стороны ровно 3 часа, и с вершины открылся вид на озеро Ямдок-цо, или Яр-бrog-мцо в литературе; в переводе значит «Верхнее уединенное озеро» или «Озеро верхних пастбищ». Название, без сомнения, указывает на высокое местоположение озера, хотя бы над уровнем воды соседней Цзанбо-чу (Брамапутры). <...> Люди избегают употреблять воду из этого озера, говоря, что в нем погибло много непальцев во время войны с тибетцами, следовательно, вода осквернена, хотя она пресная.

3-го мы ехали по северному берегу озера, который очень пустынен, в неглубоких боковых падях видны были площадки, когда-то занятые пашнями. Ближе к северо-западному концу озера находится старинный замок Балдэй-цзон (что в живой речи звучит как «Байдэ-цзон»), около него обычная деревня с пашнями поблизости. Замок этот находится как раз между двумя провинциями, Уй и Цзан. Местность по северному берегу озера, являющаяся соединением двух провинций, служила, по-видимому, полем враждебных столкновений независимых удельных владельцев; здесь происходили сражения между чжунгарами и цзанцами, а также между непальцами и тибетцами². На северо-западном краю озеро разветвляется на два рукава, из коих один направляется на юг, а другой — на северо-запад и выпускает из себя реку Рон, по которой и лежал наш дальнейший путь. После 8-часового движения в продолжение дня мы остановились на ночь в деревне Цзатан (Травянистая равнина). Тибетцы очень неохотно пускают к себе путников на ночлег, и лишь

выгода продать соломы и получить за топливо заставляет отводить для них какой-нибудь навес или сарай по соседству с домашними животными.

4-го путь наш, шедший вниз по реке Рон, оказался чрезвычайно трудным по своей каменистости, крутым подъемам и спускам в овраги. Долина чрезвычайно узка и мало населена. Деревушки ютятся лишь при устьях боковых падей и на обрывистых берегах, где есть какая-нибудь возможность для хлебопашества. После шестичасовой езды от места ночлега мы пришли в деревню Чусринха, где много холодных и горячих минеральных ключей. Температура горячих ключей, по-видимому, чрезвычайно высока: я по крайней мере не мог долго продержать руки в воде, текущей по деревне из ключа. <...>

5 октября нам встретился на пути замок Ринбун-цзон («Замок кучи драгоценностей»), игравший в истории уделов немалую роль. Далее, после 3,5-часовой езды, мы достигли небольшого монастыря Чжамчэна, где главной святыней, как показывает название, является медная статуя Майтреи около 5 саж. вышины. Она изображает Майтрею в сидячем положении со сложенными под себя ногами в девятилетнем возрасте. Через 1,5 часа после выезда из монастыря мы прибыли к реке Цзан. Река в этих местах течет между высокими горами и имеет крутые обрывистые берега. Дорога часто поднимается на крутые скалы, когда они близко подходят к реке, не оставляя промежутка между собою и берегом реки для проезда. <...>

6-го ехали по местам уже более удобным, так как долина реки Цзан расширяется, причем сама река течет многими руслами, разнося повсюду песок и ил. Песчаные берега долины, по-видимому, служат причиной малой населенности здешних мест. После 8,5-часового пути мы с трудом выпросили у одного хозяина дома в местности Кушарну позволение заночевать у него, но нас не впустили во внутренний двор, а отвели место под небольшим навесом за воротами.

7-го мы вышли очень рано и после семичасовой дороги достигли монастыря Даший-лхунбо, где остановились в доме халхаского мицана и прожили до 20 октября.

2. Монастырь Даший-лхунбо

Основателем монастыря Даший-лхунбо был ученик и последователь Цзонхавы, Гэндундуб, который считается, как известно, первым далай-ламой. Он родился в цзанской деревне Гурмару, вблизи Сакьяского монастыря, от отца Гонбо-дорчжэ и матери Намчжид. По преданию, родители во время его младенчества были ограблены ворами, и он вырос в бедности и прислуживал сначала у лам в монастыре Нартане. Вскоре он попал под покровительство настоятеля этого монастыря Дувба-шейраба, который посвятил его в «убаши» (по-тибетски — «гэнен») и заставил учиться. 15 лет Гэндундуб был посвящен в гэцулы, а 20 — в гэланы. На 24-м году своей жизни, т. е. в 1414 г., он отправился в Уй и в монастыре Даший-донха впервые встретился с Цзонхавой, который сразу же приблизил его к себе и не разлучался с ним до конца жизни. В то время он учился у Чжалцаба и хранителя винаи Дагба-чжалцана. После смерти Цзонхавы он учился и учил в разных местах и, пробыв в Уе всего 12 лет, он в 1426 г., как сказано выше, возвратился в Цзан вместе с Шейраб-сэнгэ. Здесь он всюду проповедовал желтошапочное учение и в 1447 г. нашей эры положил основание монастырю Даший-лхунбо.

Основанный таким образом монастырь находится на южной стороне горного мыса при впадении в реку Цзанбо-чу правобережного притока, называемого Цзанбо-шяр или Чжан-цзе-чу, который также называется Нян-чу. Даший-лхунбо имеет почти четырехугольную форму, и окружность его не более 2,5 версты. Удаленный от реки, он пользуется водой из колодцев. Когда подъезжаешь к монастырю, то первыми бросаются в глаза пять золотокровельных храмов, стоящих по одной линии с востока на запад. Они почти одной формы и содержат в себе субурганы пяти банчэн-ринбочэ (официально — банчэн-эрдэни). Стены этих зданий сложены из каменных плит и окрашены в коричневый цвет, крыши в китайском стиле из золоченых листов красной меди. Они строились в разное время с востока на запад, так что могила первого банчэна находится на восточном краю, а пятого — на

западном. Заключенные в них суббурганы почти одинаковой величины, но разной отделки; особенной роскошью выделяется суббурган пятого банчэна Данбий-ванчуга, умершего, или, вернее, убитого в цветущем возрасте.

Между усыпальницами первого и второго банчэнов находится дворец сих перерожденцев. На восточных внешних воротах его висит обычная синяя доска, жалуемая маньчжурскими богдоханами высочайше утвержденным кумирням.

Дворец этот сами монахи зовут Гадам-побран. На восточной стороне, рядом с дворцом, находится здание цокчэнского дугана, главной святыней коего считается статуя Шакьямуни, вылитая еще при Гэндундубе. На северо-восточном краю монастыря выдается громадная стена-шит, выстроенная с пустым пространством внутри, с окнами и дверью с боков. Эта стена предназначена для выставления на ней большого изображения будд в день годового праздника. <...>

Монастырь этот, по образцу лхасских, делится на факультеты, из коих три богословских и один тарнистический. <...>

Духовных во всех дацанах насчитывается до четырех тысяч в следующем отношении: 700, 1000, 2000, 300 чел. Постоянно живущих монахов в Даший-лхунбо едва ли более 2500.

Главой монастыря является перерожденец банчэн-эрдэни, который назначает по одному настоятелю в каждый дацан с пожизненной властью. Административно-судебная власть над всеми монахами поручается одному цокчэнскому гэ-кою; хозяйственная часть монастыря находится в руках правителей дел банчэна.

Цаннидское учение здесь не играет, по-видимому, такой важной роли, как в вышеупомянутых монастырях Сэ-нбрагэ-сум, так как на занятия этим учением здесь собираются лишь однажды в день, и то на короткое время, тогда как «собраний» в цокчэне бывает по три ежедневно. Впрочем, должно заметить, что здешние богословские факультеты славятся изучением части богословия, касающейся логики. Единственная ученая степень, получаемая здесь за изучение цаннида, называется «качэн», хотя банчэн может дать и другие степени.

Диспуты по обрядности отличаются тем, что оба диспутанта стоят надевши шапки и заканчивают свои слова удара-

ми в ладоши, тогда как в Сэ-нбра-гэ-сум отвечающий постоянно сидит, надевши шапку, а задающий вопросы стоит без шапки.

По одежде здешние монахи отличаются от лхасских: сапогами, сходными с сапогами лхасских монахинь и женатых лам, и желтым цветом мантий (дагам).

Материальная обеспеченность монахов и не столь строгая дисциплина в монастыре едва ли не объясняются тем, что трудно было основать общину нового учения Цзонхавы среди народа, приверженного красношапочникам, без некоторых уступок, а главное, без обильной сравнительной выдачи содержания монахам. Здешний монах может небедно прожить на хлеб и деньги, выдаваемые из казны банчэна.

3. Город Шихацзэ

Почти в одной версте на северо-восток от монастыря, на Поддельной горке, находится полуразрушенный старинный замок Шиха-цзон, или Шихацзэ, носящий еще название Сам-дуб-цэ, принадлежащий прежде светским правителям этой провинции. Говорят, что Цзанба, владелец этого замка, оказал упорное сопротивление Гуши-хану³, которому стоило немало труда взять замок. В настоящее время в нем помещается канцелярия судилища местных светских жителей. Как повсюду в Тибете, у замка были, конечно, сгруппированы светские жители, строившие свои жилища у подножия скалы, на которой стоял замок (цзэ). Такие поселения называются «низом» (шод) замка. Шихацзэйский «низ» представляет в настоящее время значительный городок с жителями около 5 тысяч душ, состав которых таков же, как в Лхасе, разница только в том, что здесь больше земледельческого населения.

Между монастырем и шодом находится китайская крепость с небольшим гарнизоном, состоящим из китайцев, природных и рожденных от тибетянок. У основания западной стены крепости беднота вырыла себе в горе жилища-конуры.

Далее между крепостью и шодом находится торговая площадь (по-тибетски — «том»), где происходит ежеднев-

ный базар, продолжающийся часа три (от 9 до 12). Торговцы ежедневно выносят сюда товары из города и раскладывают их на земле, застав ее предварительно подстилками; затем они сами садятся подле товаров, и торговля начинается. Европейские товары те же, что и в Лхасе. Из местных произведений этот город славится своими металлическими изделиями, между которыми упомянем о подстаканниках с крышками, приготовляемых из белой меди, привозимой из Индии и отчасти из Китая, вошедших с недавнего прошлого в моду у тибетцев, а также о копьях около 4 аршин длины, состоящих из железного наконечника, длинного древка, обмотанного железной проволокой, и острия на нижнем конце для втыкания в землю. Их изготовляют самым первобытным ручным способом. Копье среднего качества на месте стоит от 4 до 5 монет. Во время посещения базара мы заметили, что копья охотно покупаются пришельцами из окраинных кочевых племен Тибета. На рынке нас поразила масса нищих из преступников, приговоренных к вечным кандалам и колодкам. Они очень надоедают своим нахальным попрошайничеством и, как говорят, не отказываются воспользоваться удобным случаем для кражи и даже дневного грабежа. Такой порядок объясняют тем, что им не дают казенного содержания, а выпускают днем собирать милостыню и питаться ею; ночью их держат в заключении. Здесь в обращении те же монеты, что и в Лхасе. К характеристике местного базара нелишне прибавить, что ежедневно на здешнем рынке я встречал одного идиота, мужчину лет 25, ходившего совершенно голым, держа в руке небольшой рожок. Буйств он никаких не производил, но занимался накладыванием песка в свой рожок. Про дальнейшие операции его с рожком я не осмеливаюсь здесь говорить... Характерно то, что вся публика, не исключая и женщин, не стеснялась смотреть и смеяться на его идиотские выходки, а напротив, ту или другую выдумку его старались объяснить предзнаменованием чего-либо нового, потому что этот идиот, по их понятиям, не простой человек, а какой-нибудь перерожденец. Смотря на этого идиота и слушая толки о нем, я невольно вспоминал юривых нашего отечества и отношение к ним простого народа.

4. Загородные дворцы банчэнов

К востоку от шод на самом берегу реки находится один из загородных дворцов банчэнов, окруженный обширным садом и домами для служащих. Внутри сада самые здания дворца окружены другой стеной, на главных воротах которой, обращенных к восточной реке, висит надпись на четырех языках: монгольском, китайском, тибетском и маньчжурском, имеющая на всех языках одинаковый смысл: «Всему покровительствующий храм»; на других, второстепенных воротах — надпись уже на одном китайском языке, которую, пожалуй, можно перевести: «Законы (религии и мира) величественно согласны».

По-тибетски этот дворец называется просто Гунчжоб-лин. Во дворе несколько зданий, в числе коих главное место занимает храм, название которого и вывешено на главных воротах; здесь банчэн дает аудиенции высшим представителям духовной и светской власти, а также принимает поклоняющихся богомольцев. Рядом с этим храмом находится дом, где банчэн проводит обыденную жизнь свою. В саду на цепи — молодой слон и два тибетских медведя, в конюшнях — любимые породистые лошади банчэна, вывезенные из Европы через Индию.

Дворец этот служит летним и осенним местопребыванием банчэна, зиму он проводит в монастыре, а весну — в другом загородном дворце, находящемся на юго-запад от монастыря на расстоянии почти одной с половиной версты. Мы ходили осматривать этот дворец, но ворота его были заперты, и мы не могли никого увидеть. Было лишь заметно, что дворец этот менее роскошен, чем упомянутый выше, восточный. На внешних воротах китайская надпись: «Весеннее поселение десяти степеней (бодисатв)». Я не уверен в правильности перевода, так как 2-й иероглиф на надписи испорчен временем. Тибетцы этот дворец называют «Дэчэн-побран» — великого спокойствия дворец. Мы как простые богомольцы, конечно, не могли получить доступа для осмотра внутренности этих дворцов, а внешний вид их не представляет ничего замечательного и является лишь шаблонной архитектурой тибетских кумирен.

5. Банчэн-ринбочэ

Одним из трех великих лам иерархии современного ламаистского мира, как известно, является хозяин монастыря Даший-лхунбо, перерожденец банчэн-ринбочэ, коего монголы и официальный язык пекинского правительства зовут «банчэн-эрдэни». Генеалогию или, точнее, поколения перерождений знаменитых лам ламаисты выводят от времен будды Шакьямуни, а ближайшим образом — от современников основателя ламаизма Цзонхавы. <...> Но, как известно, в первое время у последователей Цзонхавы не было в обычае отыскивать и воздавать почести перерожденцам. Культ их начался гораздо позднее, и, в частности, первым банчэном считается лама Лобсан-Чойчжи-чжалцан, который родился в долине Рона в 1570 г. На четырнадцатом году своей жизни он был посвящен в духовенство и на 30-м году избран в настоятели Даший-лхунбоского монастыря. В 1603 г., по прибытии из Монголии в Тибет четвертого далай-ламы Ендан-чжамцо и при принятии им обетов гэлона, Чойчжи-чжалцан был духовником его. Затем он сопровождал далай-ламу во время путешествий по Тибету, а в 1616 г. ему было суждено совершить погребальные обряды над прахом этого монгольского далай-ламы. В следующем году Чойчжи-чжалцан сделался настоятелем Сэра и Брайбуна, затем был духовником и учителем пятого, великого далай-ламы Агван-Лобсан-чжамцо. Учитель и ученик, как известно, составили тогда союз против светских правителей Тибета и призвали на них оружие монгольского завоевателя Гуши-хана. Подавив при помощи последнего своего противника Цзанба, Чойчжи-чжалцан возвратился в Даший-лхунбо и сделался хозяином монастыря. Умер он в глубокой старости, на 93-м году жизни, в 1663 г., оставив четыре тома сочинений.

Имя второго банчэна было Лобсан-ешей. Он родился в 1664 г. и умер в 1737-м или в 1739 г. и оставил после себя три тома сочинений.

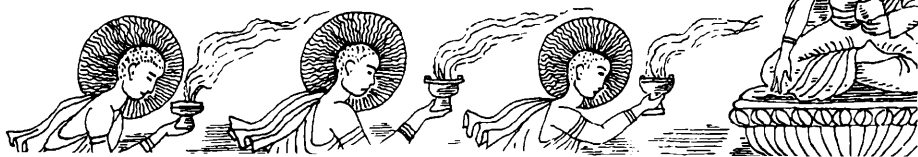
Третий, знаменитый банчэн, современник императора Цянь-луна, родился в 1740 г. и назывался Балдан-Ешей. Он был замечательно способный дипломат и писатель. <...>

Балдан-Ешей задумал приобрести почести от пекинского правительства, для чего сам стал просить аудиенции у Цянь-луна. При проезде в Пекин через Цайдам, Кукунур и Монголию он своею тактичностью и умением угодить всем обворожил и ламаистов, и магометан. Предания о нем еще свежи в этих местах. Наконец, в первой осенней луне 1780 г. он получил аудиенцию у императора, на которой выразил свои верноподданнические чувства в более рабской форме, чем того требовал церемониал двора. Здесь он получил почетный титул банчэн-эрдэни и был признан третьим перерожденцем банчэнов. Однако ему не было суждено возвратиться с полученными почестями на родину, так как он умер в средней зимней луне того же года в Пекине, и в следующем году был отправлен в Тибет лишь его прах.

Четвертый банчэн, также известный своими многотомными сочинениями (8 томов), именовался Данбий-ньима (Солнце религии). Он родился в 1781 г. и в 1784 г. был утвержден в звании банчэн-эрдэни. Умер он в 1854 г.

Пятый банчэн Данбий-ванчуг (1855—1881) был, по-видимому, человек очень своеобразный и замечательно способный. Он, будучи по званию главой желтошапочного учения в этой стране, соседней с влиятельной красношапочной сектой сакья, не довольствовался своим учением и с увлечением занялся законоучениями названной секты. Эти свои занятия, на которые уже смотрели косо его окружающие, он довел до того, что открыто принял некоторые посвящения (наставления) от Сакья-пандиты. Это переполнило чашу терпения его приближенных, а также монахов монастыря Даший-лхунбо. Последние подняли мятеж и смуты, сведения о которых дошли до лхасского правительства, которое потребовало от банчэна объяснений. Предводительницей недовольных была родная мать банчэна, женщина, умевшая, по-видимому, с большим искусством разжигать страсти, потому что банчэн однажды, как говорит предание, в досаде воскликнул: «Ах, как хорошо было бы иметь немую мать!»

Часть недовольных составила заговор против жизни банчэна, но исполнение их преступного замысла предупредила мать его, отравив своего сына. <...>

Нынешний, шестой перерожденец, родившийся в 1882 г., имеет полное имя Лобсан-тубдан-чойчжи-ньима-гэлэг-намчжал, или, как проще называют его, Гэлэг-намчжал. Родной его была область Лхоха, т. е. южная часть провинции Уй. Говорят, что он родился от одной немой или косноязычной женщины, жившей прислугою в зажиточном доме.

6. Представление банчэну

Я представлялся ему или, вернее, получил от него благословение 11 октября.

Еще ранее, 9-го числа, я внес в дворцовое казначейство банчэна 5 ланов местных монет. На другой день было сообщено, чтобы мы пришли во дворец Гунчжоб-лин 11-го числа ранним утром.

В назначенный день в 8 часов утра я со спутником и другими монгольскими богомольцами был уже у дворца банчэна. Нам сообщили, что время поклонения еще не пришло, а потому придется немного подождать. Обычно скучное время ожидания я посвятил осмотру дворца и сада. На северо-восточной стороне дворца, за внутренней оградой, стоит небольшой домик, где, как объяснили мне, живет мать банчэна. Действительно, через некоторое время из этого дома вышла хорошо одетая женщина с прислугой. Она, смотря на нас, стоящих у внешних ворот дворца, о чем-то объяснялась с сопровождавшей ее женщиной посредством знаков пальцами и каких-то непонятных звуков, произносимых ею. Это была мать банчэна.

Наконец, около 11 часов настало время поклонения. Нас впустили во внутренний двор, а затем ввели во дворец во второй этаж, прямо в зал для аудиенций. Когда мы вошли туда, банчэн сидел уже на своем высоком троне в полном облачении желтошапочного иерарха, то есть в желтой мантии и желтой шапке цзонхавинского образца, по бокам, немного впереди трона, стояли двое лам-прислужников. Боковые стороны залы были полны сидящими высшими ламами и светскими чиновниками в желтых халатах. Банчэн выглядел почти отроком. Темноватое лицо его было широ-

ко в верхней части и очень узко в нижней. Глаза не особенно большие, нос также, лоб широкий. Нас подвели прямо к трону. Я был, понятно, первым, и мне последовательно подавали мандал (символическое изображение всего мира), статуэтку Будды, книгу и, наконец, субурган. Я же подавал эти вещи банчэну. Он едва дотрагивался до них и ставил в сторону. Мои товарищи подходили с подношением только хадаков и получали благословение. После это началось угощение чаем и рисом точно так же, как описано выше при поклонении далай-ламе, только банчэн не осведомлялся о нашем благополучном прибытии.

После окончания чаепития мы сделали по три земных поклона и сели в ряд перед тронем банчэна для выслушивания учения. Он прочитал нам по книжке очень бегло и громко сочинение третьего банчэна «Шамбалай-монлам», что значит «Благопожелания Шамбалы». Оно содержит молитву банчэну, чтобы он, когда будет предводительствовать буддистами в священной войне Шамбалы с еретиками (лало), взял молящегося в число своих воинов. Лишь только он окончил чтение, нетерпеливые церемониймейстеры громко провозгласили «Уходите прочь!» и выпроводили нас, размахивая своими кнутами, производящими большую панику между богомольцами. Нам пришлось поспешно сбежать по той узкой лестнице, по которой несколько минут назад мы поднимались с некоторым почетом.

Глава XV Из Даший-лхунбо в Лхасу

По прибытии в Даший-лхунбо мы продали наших лошадей вследствие затруднительности приобретения корма и ухода за ними, да к тому же одна из них из-за каменного пути потеряла подковы и разбила ноги так сильно, что не годилась уже для езды до полного выздоровления. Когда же мы задумали посетить монастырь Сакья, который во время Юаньской и Минской династий в Китае играл первенствующую духовную и светскую роль в Тибете, то никак не могли найти наемных подвод. Монастырь этот, по рассказам очевидцев, находится на расстоянии трехдневного пути на юго-запад от Шихацзэ. <...>

На пути от Шихацзэ к Сакьяскому монастырю, верстах в 25 от первого, находится старинный монастырь Нартан, который славится типографскими досками двух больших сборников сочинений, известных под названиями Ганчжур и Данчжур¹. Монастырь этот в настоящее время принадлежит банчэн-эрдэни, которые и распоряжаются его имуществом.

Пока мы тщетно разыскивали лошадей для поездки в вышеупомянутые монастыри, спутник мой начал хворать, и пришлось думать уже о возвращении в Лхасу, тем более что нам сообщили о запуганности жителей по пути туда вследствие свирепствовавшей тогда по Тибету черной оспы.

Принужденный возвратиться в Лхасу, я хотел проехать по другому пути. <...> Встреча с погонщиками, прибывшими в Шихацзэ, дала нам возможность нанять двух лошадей до Чжан-цзэ по 10 монет за каждую, т. е. за плату, выше которой не могла идти даже жадность погонщиков. Мы наняли их без всяких разговоров и 20 октября оставили город Шихацзэ. Путь наш лежал вверх по той же реке, при устье которой стоит этот город. Довольно широкая долина реки весьма удобна для земледелия и потому достаточно населена. Верстах в 15 выше Шихацзэ при устье левобережной пади находится знаменитый в древности монастырь Шалу, в котором сохраняются, между прочим, типографские доски знаменитого писателя XIV в. Будон-тамчжад-чэнбы². После 5,5-часового движения мы пришли в деревню Чурун (Длинная речка) и остановились на ночлег в доме наших возчиков, которые сопровождали нас пешими. <...>

22-го поднялись и двинулись в путь в час ночи и к 7 утра пришли к каменному мосту через вышеупомянутую реку, устроенному подле монастыря Цэчэн. Еще через час достигли небольшого городка Чжан-цзэ. Так называется собственно замок, монастырь же носит имя Балхор-чойдэ.

Чжан-цзэ лежит на прямом пути от Лхасы в Индию и потому имеет довольно важное по торговле значение. Здесь, на высокой скалистой горке, стоит полуразрушенный замок старинных владельцев этой местности. Ныне же здание управления краем находится у южной подошвы скалы, там же — и квартиры гарнизонных солдат, кои собираются сюда через известные промежутки времени на смотры. Монастырь и город расположены на северо-западной стороне от замка. В замке я не был. Чучела диких яков и других зверей весьма обычны в преддвериях храмов, в особенности чойчжонов, богов-хранителей, так как эти божества, судя по изображениям, ездят на различнейших животных: яках, лошадях, мулах, свиньях, собаках, козлах, львах и т. п. Помещая у храмов чучела животных, ламаисты как бы подносят божествам подводы, на которых они в случае нужды могли бы ехать. Собственно монастырь обнесен высокими стенами из необожженного кирпича. Внутри стен самую главную достопримечательностью, без сомнения, являет-

ся большой белый субурган, называемый «многодверным», находящийся в центре монастырских зданий. Каждая сторона его у основания имеет длину 22 сажени. Нижняя часть состоит из пяти этажей, имеющих по 20 дверей, ведущих в отдельные комнаты с расставленными в них статуями, преимущественно гневных божеств. Затем внутренние деревянные лестницы ведут в верхнюю часть субургана, где находится весьма чтимая статуя Вачира-Дары.

Направо от субургана, если смотреть на него с юга, находится цокчэнский дуган, налево — кумирня Цзонхавы. Затем вокруг разбросаны отдельные дацаны числом до 18. Говорят, что в этом монастыре одинаково терпимы все секты тибетского буддизма, как то: сакья, гэлугпа, ньинма, карма и др. Монахов здесь, по крайней мере во время нашего посещения, было очень немного, едва ли более 100 человек.

Тотчас по выходе из южных ворот монастыря начинается светский городок, который ничего особенного не представляет и к тому же очень невелик. У этих ворот ежедневно происходит рыночная торговля, где выставляются те же товары, что и в Лхасе и Шихацзэ, но Чжан-цзэ известен своими шерстяными и главным образом ковровыми изделиями. Ковры двух родов — тибетские и обыкновенные. Тибетский ковер готовится из одноцветной шерсти, выкрашенной в коричневый, желтый, синий и зеленый цвета, и ткется узкими полосами, соединяемыми между собою простым пришиванием одной полосы к другой; обыкновенными называют ковры из разноцветной шерсти с вытканными узорами. Они изготовляются по китайским образцам; притом они гораздо прочнее китайских, хотя уступают им по изяществу отделки. Все изделия готовятся из чистой овечьей шерсти, и, по-видимому, тибетцы не знакомы с подмешиванием к шерсти других прядильных волокон и вообще фальсификацией.

Находясь на пути в Индию и на соединении дорог, идущих из двух главных городов провинций Центрального Тибета, Чжан-цзэ служит складочным пунктом товаров, идущих из Тибета в Индию и обратно³.

Поэтому здесь можно встретить торговцев, не раз побывавших в Британской Индии. Так и нам пришлось позна-

комиться здесь с одним тибетцем, торгующим с Калькуттой лошадьми и яковыми хвостами. Он сообщал, что караваны доходят в один месяц до Дарджилинга⁴, а оттуда по железной дороге в 1,5 суток до Калькутты и что там много торговцев из Тибета. Караваны идут обыкновенно через тибетский Пари и бутанский Галинфу.

Шицахэ и Чжан-цэ, как известно, принадлежат провинции Цзан. Жители этой провинции отличаются от уйских только небольшой разницей в языке. Главное занятие жителей обеих провинций одинаково — земледелие, а также одинаково и то, что большая часть мужчин посвящена в духовное звание, но нам показалось, что процент духовных в Цзане меньше, чем в Уе. Как там, так и здесь одинаково управление и правосудие основаны в значительной степени на взяточничестве. Одинаково и то, что в полевых и городских работах главной рабочей силой являются женщины; они же занимаются и торговлей. Одинакова домашняя обстановка, одинакова семейная жизнь. Большинство женщин за недостатком постоянных мужей ведут самостоятельное хозяйство, причем допускают себе полную свободу поведения, и иметь детей от знакомых мужчин не считается стыдом перед светом, а является обыденным и желательным. Костюмы мужчин и женщин в обеих провинциях одинаковы, но здешние женщины отличаются от уйских своими головными уборами.

Головной убор цзанской женщины называется «баго» и состоит из ряда предметов:

1. дуги из двух тонких, гибких деревянных прутьев длиной около одного аршина, обшитых вместе красной материей. Она прикрепляется к волосам двумя нижними концами около ушей, точь-в-точь как дуга нашей конской упряжки в миниатюре, и составляет, так сказать, постоянную, неснимаемую часть, так как снимается лишь при причесывании волос, что делается не особенно часто;
2. длинного гибкого жгута, обшитого красным европейским сукном, во всю длину которого пришиты попеременно коралл (шюру) и бирюза (ю). Середина этого жгута кладется на темя, затем он огибает снизу концы дуги, и оба

конца его или соединяются на затылке, или же порознь прикрепляются к верху дуги. Это — убор простого и бедного класса, у богатых же есть дополнительные украшения из следующих предметов:

3. второго жгута, также с кораллами и бирюзой, но более крупными, или с пришитыми жемчужными нитями. Этот жгут спереди кладется поверх первого, но около ушей переходит под низ его, а концы соединяются на затылке. В таком случае концы первого жгута непременно прикрепляются к дуге;
4. третьего короткого негибкого жгута, к которому пришиваются особенно крупные «ю», заделанные в серебро, и кораллы. Один конец этого жгута прикрепляется к месту соединения концов второго жгута, а другой — к середине дуги;
5. двух лент из ниток, нанизанных жемчугом, у богатых — настоящим, а у менее зажиточных — поддельным. Одни концы их прикрепляются спереди к середине второго жгута, затем, обогнув дуги с боков, привязываются другими концами к середине третьего, короткого жгута. Цзанские женщины не носят в ушах больших серег, как уйские, но только очень маленькие колечки или вовсе ничего не носят.

Пришлые камские женщины, служащие по большей части у китайцев наложницами или кухарками, носят одну косу, в которую вплетают черные нитки, доходящие до земли. В ушах они носят большие кольцеобразные серьги, на руках — серебряные или медные браслеты и кольца.

Спутник мой еще более расхворался, и потому нужно было поскорее доставить его в Лхасу, где у него были знакомые и сородичи, которые могли за ним ухаживать. За розысками наемных лошадей мы потеряли два дня, пока наконец не удалось найти три лошади с платой по 20 тибетских монет до Лхасы. На этих лошадях с двумя пешими ямщиками мы 2 ноября выехали из Чжан-цзэ.

Широкая долина реки, на которой стоит этот город, верстах в 15 выше его сильно суживается, и дорога идет по каменистому ущелью, часто переходя с одного берега реки на дру-

гой. После 11-часовой езды мы поздним вечером достигли места ночлега, назначенного нашими возчиками как раз там, где дорога меняет юго-восточное направление на восточное.

3 ноября двинулись в дальнейший путь в 3,5 часа ночи. На рассвете переваливали через хребет Кар-ла. Подъем и спуск очень пологи, хотя абсолютная высота этого перевала, по-видимому, довольно велика; на горах подле перевала лежала масса снега, часть которого, без сомнения, вечная. Спустившись с перевала, мы вступили в узкую, почти пустынную долину Нанкар (не вернее ли На-ха — «падь диких коз», которых здесь очень много). <...>

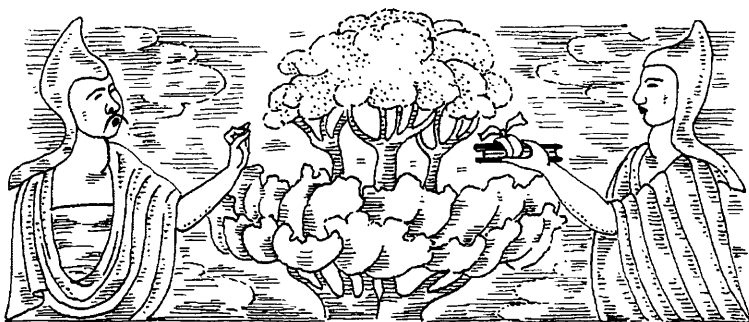
4-го, обогнув северо-западную оконечность озера и миновав Байдэ-цзон, мы пошли по знакомым уже местам, перевалили через Ганба-ла и ночевали после 13-часового пути на правом берегу Цзанбо-чу на одном постоялом дворе.

5-го переправились на карбазах через Цзанбо-чу. Немного ниже места переправы прежде находился цепной мост для пешеходов, построенный, по преданию, Тантун-ханом (Тантун-чжалво). Легенда говорит, что этот хан был во чреве матери 60 лет и родился уже седым стариком. Для воздания благодарности матери, носившей его так долго, он построил много целных мостов, из коих один находился здесь. В настоящее время видны только цепи, поддерживавшие его настилку. После 8-часового движения мы ночевали немного ниже Ньетана.

6 ноября, после 8,5 часа езды, прибыли в Лхасу.

Глава XVI Поездка в Цзэтан и Самьяй

Для ознакомления с историческими местами Тибета я задумал посетить два древних монастыря: Цзэтан и Самьяй, находящиеся на реке Цзанбо-чу, ниже слияния ее с рекой Уй. Места, лежащие к востоку и югу от этого слияния, принято называть Лхоха. Туда ходят из Лхасы довольно часто местные лодки (кожаные), которыми я и воспользовался для путешествия. Лодки эти имеют остов из гнутых палок, на который натянута шкура четырех яков. Швы замазываются изнутри пшеничной мукой, смешанной с кровью свиньи. Длина такой лодки бывает около 1,5 сажени, а ширина около 2,5 аршина в кормовой части, в носовой же немного уже. Багаж и пассажиры располагаются на дне в кормовой части, гребец, один на лодку, садится на носу и гребет двумя веслами, обратившись лицом к корме. Мы наняли места в одной из таких лодок за плату по 3 монеты с человека до Цзэтана. Я взял с собою двух спутников — переводчика и одного монгола для услуг в пути и несения багажа в обратный путь.

19 апреля 1901 г. мы сели в лодку против города Лхасы и поплыли вниз по Уй-чу. Лодка идет очень тихо, хотя трудолюбивый тибетец гребет непрерывно, затягивая заунывную песню. Идем, по-видимому, около 4 верст в час. Так как

мы ехали все время, днем и ночью, останавливаясь лишь для выхода на берег для чаепития, обедов и других надобностей, гребец же греб неравномерно, не говоря уже о том, что он ночью спал, оставив лодку на произвол течения, то определить точно расстояния пути мне не удалось, хотя, впрочем, я не пытался этого сделать. Часто лодка садилась на мель, и тогда лодочник сам слезал в воду и сталкивал лодку с мели, причем в более трудных случаях моим спутникам приходилось тоже слезать в воду и помогать гребцу.

20 апреля в 9,5 часа утра, после 18,5 часа плавания от Лхасы, мы прибыли к замку Гонгор-цзон, находящемуся на правом берегу реки Цзанбо, немного ниже соединения с ней Уя. Этот замок, с которым не следует смешивать Донхар-цзон, стоящий гораздо ближе к Лхасе, по-видимому, в старину представлял довольно красивое и большое строение на скалистом горном носу, но ныне подвергся участи большинства старинных замков Тибета и находится в полуразрушенном и заброшенном виде. Берега реки почти всюду песчаные, а потому редко населены, и селения находятся лишь в боковых падах. Река течет между гор, ближе к левобережным горам. Ночью мы прошли мимо монастыря Дорчжэ-дан, принадлежащего красношапочной секте ньинма, находящегося на левом берегу реки. <...>

22-го прибыли наконец к городку-монастырю Цзэтану.

Городок Цзэтан расположен на правом берегу реки Цзанбо-чу верстах в трех от ее русла. <...> Эти места, по преданию, были колыбелью тибетского государства¹, так как здесь был найден и возведен на престол первый тибетский царь Няти-цзанбо. В настоящее время Лхоха известна только как местонахождение многих вотчин именитого тибетского родового дворянства. В частности, город Цзэтан, по преданию, древняя столица царей², ничего особенного не представляет. Он состоит из двух частей — монастыря и города, соединенных вместе. В монастырской части, расположенной выше на склоне горы, находится недавно заново отремонтированный цокчэнский дуган с надписью по-тибетски и по-китайски. Надпись эта на обоих языках имеет одинаковый смысл: «Вечно благоденствующий храм». Немного ниже его находится так называемый Чжэ-лха-хан, т. е. храм со статуей Цзонхавы.

Рынок не отличается особым оживлением, но зато довольно бойка торговля оптом на дому, так как Цзэтан славится выделкой тибетского трико (тэрма), известного под названием цзэтанского. Кроме того, он известен выделкой ламских учебных шапок и недорогих тибетских сукон. Все изделия отправляются в Лхасу, причем сукна вывозятся преимущественно некрашеными, и там непальские купцы окрашивают их в соответствующие цвета и выпускают в продажу.

Через Цзэтан идет дорога в город Цона-цзон, где в мае происходит ярмарка, на которую ездят торговцы из Лхасы. Оттуда привозят в Лхасу преимущественно деревянные изделия (чашки и ковши), а также индийскую чесучу (бурай). Возвращаются с ярмарки обыкновенно через месяц со дня выезда из Лхасы.

Костюмы лхохских жителей одинаковы с лхасскими, но только тамошние женщины не носят головного убора бачжу, заменяя его малоценной маленькой шапочкой круглой формы.

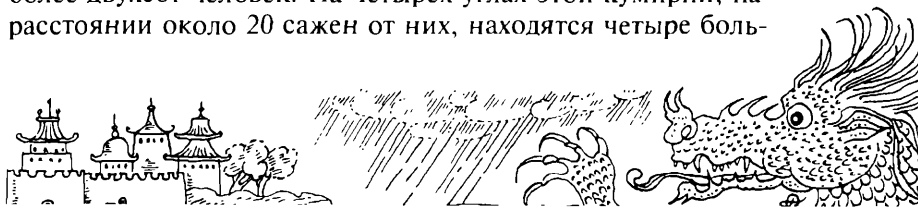
Под самым городом начинаются пашни. На них во время нашего посещения шел самый разгар посевов. Обработка земли ничем не отличается от китайской. По всем полям, как и повсюду в Тибете, проведены оросительные каналы.

25 апреля, не спавши спокойно три ночи, вследствие обилия клопов в отведенной нам комнате, мы отправились уже пешими обратно в Лхасу. Подошедши к реке, сели на деревянный карбаз и переправились на другой берег Цзанбо-чу, уплатив по кагану (3,5—4 коп.) с человека. Весь левый берег Цзанбо представляет сплошные песчаные валы, напоминающие алашанские и вообще гобийские пески. Идя по этим пескам вверх по реке, мы не могли дойти до Самьяй в этот день и принуждены были заночевать среди песков.

На этом безлюдном пути, как передавали нам, часто бывают грабежи и убийства, поэтому мы не разводили огня и легли голодными. Ветер, дувший тихо с вечера, ночью усилился, и мелкий песок проникал повсюду, но мы, утомленные ходьбой за минувший день, крепко заснули. Только утром пришлось откапывать вещи из-под песка и, подойдя к реке, долго промывать глаза, нос, уши и волосы.

26-го, после 3-часовой ходьбы, прибыли в монастырь Самьей, который является первым по времени своего основания монастырем Тибета. По преданию, он основан в 811 г.³ ханом Тисрон-дэвцаном при помощи известного проповедника буддизма Бадма-Самбавы, именуемого тибетцами чаще Ловбон-чэнь-бо или Ловбон-Бадма-чжуннай. Монастырь находится верстах в пяти от русла реки, в нижней части левобережной ее пади, на западной стороне невысокой отдельной горки. Он окружен белой каменной круглой стеной, на которой расставлены маленькие, около 1,5 фута вышины, белые субурганы, так что с некоторого отдаления стена кажется зубчатой. Вовнутрь ведут с четырех сторон четверо ворот, причем главные и вообще фасады главных зданий обращены на восток. Главной достопримечательностью этого монастыря, без сомнения, должно признать его цокчэнский дуган в 5 этажей. В архитектуре его, как говорят, тибетский стиль соединен с индийским. В первом этаже находится статуя Чжово-Шакьямуни под хорошо отделанным балдахином-беседкой; второй этаж служит дворцом далай-ламы во время его временных пребываний; в третьем — статуя бодисатвы долгоденствия Аюши (по-тибетски — «Амитаюс» или «Цэбаг-мэд»), в четвертом — будда будущего мира Майтрея. Пятого этажа, собственно говоря, нет, а есть только одна комнатка под самой крышей, где указывают на красный деревянный столб, уверяя, что он из красного сандалового дерева (дерево жизни), но какой-то скептик сделал на нем поранение ножом, что обнаружило белый цвет дерева, только окрашенного красноватой краской. Набожные богомольцы прикладываются к этому столбу, уплачивая установленную плату в одну треть монеты с человека. По четырем углам крыши возвышаются четырехугольные башенки.

Дуган этот окружен стеной-домом. Нижний этаж представляет открытый навес с глухой задней стеной, на которой нарисованы разные сцены из истории религии, а также святые. Над ним выстроен второй этаж, представляющий длинный дом со множеством дверей, ведущих в отдельные кельи, квартиры монахов, коих в этом монастыре едва ли более двухсот человек. На четырех углах этой кумирни, на расстоянии около 20 сажен от них, находятся четыре боль-

ших субургана разных форм и цветов (юго-восточный белый, юго-западный красный, северо-западный зеленый, северо-восточный темно-синий (черный)). Затем по круговому пути внутри стен находится много небольших храмов с разными буддами и большими вращательными цилиндрами молитв. Все они отличаются хорошою отделкою и художественностью исполнения. Вообще этот монастырь, принадлежащий центральному правлению Тибета, содержится на счет казны далай-ламы, к тому же летом 1900 г. его посетил нынешний далай-лама, к приезду которого, понятно, все было отремонтировано и приведено в надлежащий порядок.

В северной части монастыря находится дуган чойчжона Цзэмо, в котором все перекладыны под потолком сделаны из разного оружия: мечей, ружей и копий. Прорицатель этого чойчжона при спускании его не может, как говорят, терпеть присутствия монголов. Из этого можно заключить, что по крайней мере монахи монастыря Самьей были враждебны к завоевателям-монголам, перед которыми все же пришлось сложить оружие. Но гнев чойчжона теперь обрушивается на их потомков, уже раболепных поклонников всех тибетских кумиров.

В монастырских стенах живут и светские жители, занимающиеся главным образом земледелием; пашни их начинаются у самых монастырских стен. <...>

29-го наняли места в кожаной лодке за установленную таксу — 0,5 монеты с человека — и прибыли в Лхасу. Проходя по юго-западной стороне квартала Чжово-хан, я сначала узнал носом, а потом и глазами увидел, что идет прочистка засорившейся подземной трубы стока нечистот. По этому случаю мне сообщили, что такие трубы окружают весь квартал и они устроены будто бы не для удаления нечистот, а напротив, для их задержания. Это объясняется тем, что, по чьему-то старинному предсказанию, Чжу-ринбочэ будет похищен подземными драконами, а Чжу-рамочэ — взят на небо посредством огненной стихии.

Для отвращения похищения вокруг квартала Чжово-хан проведена нечистая канава, потому что драконы очень не любят всего грязного, а в Рамочэ на ночь тушат все светильники.

Дневник пути от Лхасы до Кяхты.
10 сентября 1901 – 2 мая 1902

Пробыв в Центральном Тибете более года, я так соскучился о моих родных и о моей родине, что решил отправиться в обратный путь. К этому побуждало меня и то обстоятельство, что денежные средства мои совершенно истощились, так как я старался составить как можно большую коллекцию книг.

Больших частных типографий в Тибете нет, а все значительные типографии принадлежат далай-ламскому казначейству, монастырям, дацанам и т. д. Частные лица изготавливают лишь такие доски, на которых вырезаны священные книги ради приобретения добродетелей, и такие доски обыкновенно жертвуют монастырям. С промышленною целью держат доски лишь немногочисленные типографщики, каковыми являются исключительно светские простолюдины. Монастыри взимают известную невысокую плату за печатание с их досок. Печатают на местной бумаге чернилами, приготовляемыми из сажи тут же на месте. Берут смоченную бумагу и, наложив на обмазанную доску, проводят валиком, обшитым сукном. Это печатание требует совместной работы двух людей.

Приобретенные мною книги имеются главным образом в типографиях Поталы, дацанах Лосаллин и Гоман Брайбуна, в брайбунском Галдан-поброне, в дацанах Сэра, ритодах Дубхан и Пурбу-чжог, в лхасских линах, Галдане, Цэцог-лине, в цзанских монастырях Даший-лхунбо, Улчу, Дагданпунцог-лине, монастыре 16-го перерожденца от времен Будды Шакьямуни, нынешнего халхаского Чжэбцун-дамба хутухты, знаменитого ламы, известного под именем Таранаты¹, хотя собственное его имя было Гунга-нинбо (конец XVI и начало XVII в.), в Шалу, славном монастыре известного автора истории буддизма в Тибете Будона (начало XIV в.), и др.

Продают книги сами типографщики, как всякий товар, на рынках, разложив на земле. Большие сочинения можно получать только на заказ.

Вообще Тибет — такая страна, откуда богомольцы возвращаются с постоянными дефицитами бюджета, и это послужило даже основанием поверья, что с тем, кто увозит из Тибета остатки своих денег, случается в пути какое-нибудь несчастье, так как местные духи, жадные к деньгам, злятся на скупых. Месть их неотразима даже для знатных монгольских и амдоских перерожденцев.

Итак, я стал собираться в путь. Приготовления шли довольно медленно, и особенно много было возни с книгами. Их нужно было хорошо и умело обернуть местным сукном в защиту от сырости и зашить в сырые воловьши шкуры для того, чтобы их не промочила вода от дождей и глубоких попутных рек, где при переправах груз весь погружается в воду. Швы зашитых тюков обмазываются смесью крупчатки с кровью свиньи, что закупоривает все отверстия, через которые могла бы пройти вода. Таких тюков у меня оказалось двадцать, т. е. на десять вьючных подвод. Затем на четыре подводы нужно было навьючить провизию, одежду и другие вещи, принадлежащие мне и моим людям, коих пришлось нанять троих, в том числе и переводчика, бывшего все время со мною.

Из Тибета в обратный путь легко найти слуг из монгольских и бурятских лам, желающих возвратиться на родину. Такие люди, понятно, из менее зажиточных, охотно при-

служивают дорогою за подводу и продовольствие. Ловкий знаток обстоятельств нанимаемого может эксплуатировать его труд даже за одну подводу или же за одно продовольствие.

Что же касается меня, то я взял одного халхасца и одного южного монгола за вышеупомянутые подводы и продовольствие. Вследствие этого пришлось нанять до 20 вьючных животных. Этот наем оказался для меня совершенно неудачным, и сложившиеся обстоятельства повлекли за собою много неприятностей, не говоря уже о значительном материальном ущербе. Дело в том, что люди, намеревающиеся возвратиться в Монголию, поджидают в первой осенней луне богомольцев из Цайдама, которые попутно промышляют и извозом. В нынешнем году они прибыли в малом числе сравнительно с числом желающих воспользоваться ими. Кроме того, ни у одного хозяина не бывает более шести-семи свободных лошадей, а большинство нанимается везти на двух-трех. Таким возчикам, понятно, сподручнее и удобнее взять отдельного богомольца. Для того же, кто хочет нанять большое число лошадей, приходится заключать условия со многими, и наступает безвыходное положение, если не удастся собрать потребного числа. Притом в различные места Цайдама ведут и различные дороги, так что приходится принимать в расчет и пункт в Цайдаме, куда монголы могут доставить.

После долгой возни и переговоров, затягивать кои монголы любят до вывода из терпения какого угодно хладнокровного человека, я заключил условие с партией курлуков, во главе коих был некто «кья» (адъютант князя) Сонам, и тайчжинаров с главой их зайсаном Сэнгэ. Они, в числе около десяти человек, взялись дать мне подводы от Накчу-цонра до цайдамского Хачжира за плату по 6 ланов и 5 цинов местных монет (около 7 р. 14 к. на наши деньги). Условие было заключено 27 августа 1901 г., и деньги уплачены, по условию, вперед сполна. День же нашего прибытия в Накчу-цонра, где лошади возчиков должны были нас ожидать, не был определен точно, но уговорились, что мы прибудем с партией курлуков (кья Сонам). До Накчу мы должны были нанять тибетцев, обратных попутчиков из тех мест, так как наемных

подвод в Лхасе найти очень трудно, даже, вернее, невозможно, вследствие отсутствия скота у большинства населения.

2 сентября партия тайчжинаров выехала, причем их старшина Сэнгэ зашел ко мне и сказал, что будет поджидать нас у своих подвод, хорошо ухаживая за ними, так как нельзя особенно полагаться на местных тибетцев, на попечение коих были оставлены лошади. Я, по местному обычаю, мог бы взять одного из них в заложники, так как я уже выдал им деньги, но я положился на честное слово зайсана, и это привело меня к печальным последствиям.

Все время отыскивая попутные подводы, мы, к несчастью, не могли найти их до 9 сентября, когда наняли двух дамсков (дамских монголов²) по 4 монеты до их местожительства, т. е. только до половины пути до Накчу. Курлуки наняли другие подводы до Помдо-чу, так как находились в одинаковых со мною условиях в отыскивании подвод.

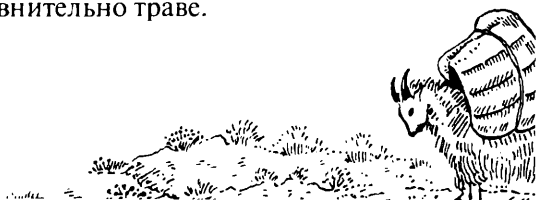
Наконец 10 сентября мы навьючили найденных 16 яков, а сами пошли пешими. Сначала я шел очень бодро, но лишь начали подниматься на перевал Го-ла, как я уже почувствовал трудность и был очень рад остановке возчиков, когда они решили переночевать на одной поляне, на южном склоне перевала. Несказанно хорошим показался мне приготовленный чай без молока, и я, утолив жажду, почувствовал себя снова бодрым, позабывшим недавнее утомление. Ночью наши возчики стали караулить своих привязанных вокруг яков да попутно и наш багаж, так что мы спали спокойно. Возчикам, впрочем, нечего было особенно беспокоиться: у них была очень большая и красивая собака местной породы. Главное достоинство ее было, конечно, не в величине и красоте, а в том, что она, спокойная и сонливая днем, с наступлением темноты совершенно изменялась в характере и всю ночь напролет обходила в некотором расстоянии лагерь и поднимала громкий лай, лишь только слышала вблизи шум или видела людей. Я следил за ее лаем и ни разу не мог упрекнуть ее за пустую тревогу. Да, это был славный сторож и верный друг!

11 сентября перевалили кое-как Го-ла. <...> День был ясный, и отсюда была видна вдали Лхаса с ее золотыми кровлями, ярко блиставшими на солнце. Здесь мои спут-

ники зажгли воскурения и, обратясь в сторону священного города, сделали по несколько земных поклонов. Они прощались с ним и, в последний раз лицезрея его, конечно, не преминули высказать благопожелание, чтобы судьба дозволила им еще не раз увидеть его в этой жизни, а в противном случае увидеть в будущей, безотступный залог чему они с верою видели в том, что, положив много труда и преодолев неимоверные затруднения, они достигли его и вступили в сонм его духовенства, они, рожденные вдали от центра религии. Действительно, очень заманчивые блага обещают священные книги тем, кто достиг счастья поклониться двум Чжу и двум богдо, т. е. далай-ламе и банчэн-ринбочэ. Я лично также восхищался красивой долиной Уя и видом города, который удалось мне посетить и жизнь которого я старался узнать для того, чтобы сообщить пославшим меня. Многого, конечно, я не достиг в своих наблюдениях, но в общих чертах получил представление о Тибете и тибетцах. Подробностей нельзя узнать в короткий срок, но трудно жить долго в чужой стране, вдали от родины, откуда известия приходят раз в год и касаются они событий, происходивших год тому назад. Должно сказать, что уже почти два года, как я не получал ни от кого из родных и знакомых никаких известий. Поэтому мне, с одной стороны, было отрадно наконец-то покинуть эту чужбину, с другой — невольно грустно при воспоминании о том, сколько тайного и непонятого для меня кроется в этой стране. При прощальном взгляде на этот город я не мог отказаться от смутного желания снова побывать в нем. Я только что начал привыкать к его осмысленной жизни, к обычаям и языку этого своеобразного народа. Все было оставлено на полпути или даже в самом начале. <...>

12 сентября, продолжая путь, обедали вблизи Лхун-дуб-цона, находящегося на левой стороне пади, на высокой природной горке. Ночевали невдалеке отсюда, там, где у подошвы правобережной горы находятся семь субурганов. Хлеба были уже убраны, и трава уже высохла. Якам приходилось собирать скудный корм на сжатых пашнях.

13 сентября перевалили через Чог-ла и ночевали на северной стороне на обильной сравнительно траве.

14 сентября ночевали выше Помдо-цзона и только 15-го переправили вброд вьючных яков, а сами перешли по цепному мосту, о котором упоминалось в описании переднего пути. Теперь же я сделал два снимка с него, но пасмурное утро с накрапывающим дождиком не обнадеживало меня на удачу, что и оправдалось затем при проявлении: вышел только силуэт противоположных гор и торчащие на вершине холма развалины старинного Помдоского замка. Ночевали на правом берегу Ра-чу.

16 сентября переправились через Лани и ночевали на северной его стороне. Остановиться пришлось только поздним вечером, так как не могли найти по пути хорошей травы для скота. Под вечер начал идти мелкий град с раскатами грома, но перестал ко времени нашей остановки. Земля была добела покрыта им. Мы легли спать, а возчики погна-ли яков на гору для прикорма. Вскоре один из них, более старый летами, вернулся и расположился с нами на ночлег. Утром, собираясь в дальнейший путь, один из моих спутников — халхасец — заявил об исчезновении его китайской сабли. Заподозрили в краже молодого возчика, не спавшего всю ночь и по временам приходившего в палатку, но пришлось молчать о подозрении, так как мы были всецело в их руках вследствие того, что условие было заключено о доставке нас только до их ставки. Они при желании могли устроить стачку с соседями и продержать нас до какого угодно времени или заломить такую цену, какая во много раз превосходила бы стоимость сабли, так соблаздившей кочевника. Поэтому все время приходилось быть ласковыми с ними и кормить их уже сверх условия только для того, чтобы заслужить их расположение к нам. Это путешествие сильно действовало на старика, и он уже не раз давал обещание везти нас до Накчу, переменяв дома утомившихся яков.

17 сентября прибыли к ставке наших возчиков. Они были соседями. Старик жил в банаке, а молодой человек — в юрте монгольского образца. Мы поставили свою палатку у банака, и хозяева очень гостеприимно угощали нас молоком свежим и кислым, а также другими продуктами молочного хозяйства. Дамские монголы, свободные от тибетских податей и повинностей, находятся в непосредственном ведении маньчжур-

ского амбана, живущего в Лхасе. Поэтому они сравнительно свободны в самоуправлении и достаточно зажиточны: держат помногу яков, а более богатые и табуны кобылиц, из молока которых готовят столь любимый монголами напиток — кумыс. Подле нашей стоянки расположен глинобитный домик, который окружен белой оградой и называется «карба». В нем живут пять тибетских монахов; они совершают духовные требы местных жителей, не исключая и отпевания покойников. Последних, как говорят, и здесь разрезают на куски и отдают на съедение птицам.

Продневав следующее, 18-е число на этом же месте, мы заключили со стариком новое условие — везти нас до Накучонра. Молодой возчик отказался от дальнейшего пути и вместо себя отыскал другого такого же молодого человека, за плату по 4 монеты (по 80 коп.) за каждый выюк, причем они должны были дать нам самим за одинаковую плату по одному смиренному яку для верховой езды.

19 сентября, около двух часов пополудни, двинулись в путь. Мы сели на яков, которые были без всякой узды и веревочки, продернутой через ноздри, и шли в той же толпе с другими выючными яками, погоняемыми пешими возчиками. При этом приходилось не раз подвергаться опасности быть поднятыми на рога какого-нибудь озлобленного животного, идущего рядом. Только то обстоятельство, что под верховую езду бывают приучены самые старые и потому самые большие яки, служило некоторой гарантией от покушений соседей их. Все же перемена пешего путешествия на верховое, хотя довольно неудобное, была приятна для всех нас, потому что общее высокое положение здешних мест чрезвычайно затрудняет непривычных людей при ходьбе, а если сделать небольшое усилие бежать или идти подолгу торопливым шагом, то сразу появляется одышка и тяжелое, затрудненное дыхание. Пройдя за этот день небольшое расстояние, мы остановились ночлегом поблизости от палатки косивших сено местных жителей. Они косят уже почти высохшую траву своеобразными косами, напоминающими серпы. Косы эти имеют рукоятки около 1,5 аршина, и косец, стоя, рубит траву. Убранное сено складывают у своих палаток и затем свозят домой выюками на яках. Вообще неусовершенствован-

ная коса, отсутствие граблей, к тому же и скудность травы не позволяют собирать здесь много сена. Возчики с удивлением говорили про величину кучи, которая у нас не превышает двух-трех копен общим весом около 10–12 пудов. <...>

22 сентября, по заключенному вечером с возчиками уговору, поднялись с постели задолго до рассвета и, напившись чаю, тронулись в путь, который до рассвета продолжался благополучно. С рассветом же стал идти крупный, градообразный снег, бивший нам прямо в лицо, и... мы сбились с дороги. Идучи ощупью, не зная ни направления, ни местности, мы переходили через несколько холмиков, переправлялись через две быстрые речки. К полудню небо сделалось ясным, и ослепительный снег производил неприятное действие на глаза, но он скоро стал таять, и спустя немного мы увидели, что идем между двух дорог, не потеряв верного направления. Ночевали на одной из речек, текущих в ту же равнину.

23 сентября выпал большой снег, который днем начал таять. Остановились на ночлег после небольшого перехода по холмам.

24 сентября вступили на обильную травой равнину правого берега реки Нак-чу, перейдя через ряд невысоких холмов, служащих водоразделом систем рек Дре-чу (Красной реки) и Брамапутры. Ночевали в степи.

25 сентября переправились вброд через Нак-чу. Вода была невысока. Возчики перешли пешими, снявши панталоны и высоко подняв полы своего платья. Ночевали, перевалив через левобережные горы, подле банаков местных жителей.

26 сентября достигли наконец условленного места Накчунра. Немного не дойдя до него, мы узнали, что тайжичнары на другой же день после прибытия к своим лошадям поспешно уехали на родину, нанявшись везти каких-то монголов на тех самых десяти лошадях, за коих уже получили от меня плату. Прибыв к банаку тибетца, у которого наши возчики оставляли своих лошадей, пришлось констатировать как совершившийся факт возмутительный поступок Сэнгэ и его товарищей. Жертвой их обмана оказался не один я со спутниками, но еще три-четыре монгола. Мною овладела какая-то скука или, вернее, уныние. Я не знал теперь, что делать.

27 сентября и следующие дни, обсудив все обстоятельства дела, я пришел к заключению, что ничего иного предпринять невозможно, как купить яков и с ними как-нибудь добраться до Цайдама. У меня было около 100 ланов китайского серебра, запасенного на дорогу от Цайдама до хошуна халхаского Юндун-бэйсэ, через который я и хотел предпринять дальнейшее движение в Ургу. Все эти деньги пришлось употребить на покупку яков и седел для их снаряжения. Як здесь стоит 8—9 ланов на местные монеты, так что на китайское серебро обходился в 6,5—7,5 ланов. Таких яков нужно было купить голов 12, но судьба стала ставить нам дальнейшие препятствия. В ночь на 1 октября, когда все уже было готово к пути, у наших возчиков-курлуков украли четырех лучших лошадей. Они, совершенно беззащитные, с горем пришли ко мне и, охая, излагали свои обстоятельства о лишении возможности выполнить условия вследствие неожиданного оборота дела. Пришлось прикупить еще четырех яков, а для того, чтобы был запас яков, я решил отправить один вьюк в Гумбум с одним бурятским ламой, ехавшим туда с одним же монголом из хошуна цайдамского Барунцзасака. Эти два смельчака, имея четыре лошади, решили пройти пустыню только вдвоем.

2 октября они простились с нами; я с этим бурятом отправил письмо или, вернее, жалобу сининскому амбаню на обман тайчжинаров. В этот день и мы, навьючив на яков и лошадей наши вещи, двинулись в дорогу. День прошел благополучно, и мы ночевали на первом перевале от Цонра. В эту ночь украли одну лошадь у старика, одного из наших подрядчиков.

3 октября караван наш разделился на две части. Одни, которые полагались на своих лошадей, пошли вперед, мы же, задерживаемые тихим ходом яков, должны были отстать. С первой партией пошел некто Шабри, который взялся везти два моих вьюка. Один из них он наложил на купленного им яка и поручил своим товарищам, другой же взял на свою лошадь. Лишь только они скрылись за первый перевал, Шабри бросил мои вещи на самой дороге, привязав к ним свою тощую, изнуренную лошадь, которая не могла вынести и двухдневного пути. Это новое мошенничество возмути-

ло меня, и я заставил кья Сонама как главу возчиков ехать со мною вперед в погоню за Шабри. Он согласился, и мы вечером настигли их партию на плоскогорье перевала Бумцзэй. Шабри не находил слов оправдания, но в переговору вступила его старая, больная мать. Она слезно умоляла меня не лишать ее одной оставшейся мало-мальски сносной лошади, на которой она, больная, могла бы добраться до Цайдама, где хотела бы похоронить свои кости. Ее слова подействовали на меня, и я не был в состоянии исполнить своего замысла отнять силою лучшую из трех оставшихся лошадей Шабри. Пришлось взять худшую лошадь, хотя на вид она была достаточно бодрою и, казалось, доставит свой выюк в Цайдам.

4 октября пришлось вернуться немного назад навстречу вьючным животным. Их мы встретили возле банака пограничной стражи, которая с наступлением холодов переселилась в горы из летней своей ставки на Сан-чу. Вечером наши цайдамцы увидели в табуне начальника стражи одну рыжую кобылицу, в которой признали украденную у них в передний путь.

Тотчас отправились три человека к ставке стражи и, указав узnanную свою кобылицу, потребовали выдачи ее. Начальник сказал, что он купил ее у одного местного тибетца, который живет на расстоянии однодневного пути отсюда. Он обещал отправить к нему гонца, так как он купил ее за 6 ланов, без получения коих обратно не может возвратить кобылы.

5 октября. В сегодняшнюю ночь снова украли лошадь у одного чахара*, ехавшего в нашем караване. Он, желая прокормить лошадь всю ночь, не привязал ее с вечера в круг между палатками, как делали другие, а оставил на длинной веревке позади палаток и сам лег подле нее. Я спал с винтовкой в руке подле сложенной кучи моих зашитых книг. Ночью чахар разбудил меня и сказал, что слышит шум невдалеке от лагеря. Я быстро поднялся и, схватив винтовку, направился в указанную сторону. Ночь была темная, но заходящая неполная луна все же позволяла разглядеть на холмике чело-

* Чахары — монголоязычный народ, живущий на современной территории Китая.

века, ведущего лошадь. Я сделал в сторону его два быстрых выстрела, которые дали громкий отзвук в безмолвной тиши ночной. Вор исчез за холмик, и слышен был конский топот, быстро удалявшийся. Когда я убедился в безрезультатности моих выстрелов и возвратился к палаткам, все были на ногах, и окруженный ими чахар в отчаянии сообщал о краже его единственной лошади.

Озлобленные новой кражей, совершенной, без сомнения, теми же стражниками, мы решили утром во что бы то ни было добиться возвращения кобылицы. Определено было — постараться устроить начальника стражи. Поэтому мы отправили свои вьюки вперед. На месте остались 8 человек с верховыми лошадьми. Оставили при себе все пики и ружья, какие были в караване. Оказалось: 2 пики и 8 ружей, из коих европейского изделия было 5 (одно вовсе не стреляло). Это грозное оружие было выставлено напоказ. Послали двух человек приказать начальнику привести немедленно нашу кобылицу. Он, однако, не послал ее, а отправил к нам двух стражников, которые в мягких выражениях просили не обидеть их, так как кобылица была действительно куплена за 6 ланов. Они говорили, что хотя это и верно, но вследствие того, что она оказалась краденной, то начальник просит дать только 4 лана. Мы наотрез отказали в какой бы то ни было уплате денег за собственное животное и категорически заявили, что если не приведут сейчас же кобылицу, то отправимся к табуну и возьмем сами. Они отправились назад сообщить начальнику наши слова. Вероятно, наше раздраженное состояние, а главным образом 5 европейских ружей, коих очень боятся тангуты и тибетцы, подействовали на стражников, и немедленно была прислана кобылица, но все же с просьбой дать хотя 2 лана. Видя воздействие своей угрозы, мы, конечно, не дали и этих денег, а напротив, сказали, что спешность нашего пути мешает нам затягивать дело и заставить начальника уплатить штраф за кражу.

Довольные достигнутым результатом, мы отправились за нашим караваном, который ночевал на холме по левую сторону от Сан-чу. Здесь было видно много банаков местных кочевников, у коих была чума на яках. По пастбищам то там, то здесь валялись трупы издохших и доживающих последние

минуты животных. Вечером мы увидели 15 всадников, одетых в нарядные костюмы и вооруженных пиками, ружьями и саблями, они гнали яков. Мы в недоумении приготовились к встрече незнакомых гостей, которые шли к нам. В почти-тельном расстоянии вышли двое навстречу, и из расспросов мы узнали, что это — местные жители и что они ездили для разрешения спора с соседями. Погоняемые яки были взяты за выигранное ими дело. Тотчас началась торговля, и наши спутники выменяли у них четырех яков за двух лошадей с надбавкой серебра.

6 октября ночевали в ущелье речки, идущей от перевала Дан-ла.

7 октября ночевали недалеко от перевала, не дойдя до него. Уже два дня нет населения, но сегодня ночью украли из нашего лагеря еще трех лошадей. Странные люди — монголы. Они всегда знают, что есть опасность от воров, но, не желая держать ночью лошадей на привязи, пускают на корм, окарауливая сами. Утомление ли в пути, а может быть, и природная сонливость не позволяют им, однако, бодрствовать всю ночь. Сначала караульный посидит, но через час-другой он уже спит крепким сном. Воры из тангутов отлично знают эту черту монголов и ночью безнаказанно крадут из-под рук.

Утром 8 октября стали рассматривать следы. Оказалось, что воры приехали вдогонку. Невдалеке оставили своих лошадей. Пешими подошли к пасшимся стреноженным лошадям и преспокойно поймали их. Сначала вели под уздцы, затем сели на двух из них, а третью повели. Когда достигли своих лошадей, украденных отпустили свободными и погнали домой. Делать было нечего, пришлось помочь потерпевшим: взять их вьюк и наложить на запасных яков, а сами они пошли пешими.

9 октября перевалили через Дан-ла. Сегодня на самом перевале нам попались два тангута из накчуских кочевников. Они гнали около 10 яков, навьюченных мясом диких яков. Сами были верхами. Они ездили на северную сторону хребта на охоту, которая оказалась для них очень удачной. Кья Сонам, лишь только увидел их, начал уговаривать меня напасть на них и ограбить все их имущество, а самих их взять с собою и выпустить обратно, когда мы сделаем по

пустыне 4—5 переходов. Хотя я был очень озлоблен против тангутов и успех в нападении представлялся несомненным, но все же моя рука не могла направить дула берданки против ни в чем не повинных пред нами охотников. Местный обычай в пустыне заявлять претензию на чужую собственность только потому, что один сильнее другого, не находил во мне сочувствия и тем более применения. Мы без всяких враждебных выходов пропустили мимо себя охотников. На сегодняшнем привале пришлось оставить двух истощенных лошадей, отказавшихся идти с караваном даже свободными. Одна из них была та, которую Шабри оставил на дороге под мой выюк. Простившись с этими животными, которым предстояла неминуемая смерть вследствие приближения холодного времени года и отсутствия корма, нам стало очень тяжело при обдумывании дальнейшего пути. Перед нами открывалась безлюдная, изрезанная реками и горами пустыня до самого Цайдама. Животные наши, первых из которых сегодня пришлось бросить, не обещали ничего хорошего. Решено было двигаться как можно медленнее, чтобы не утомлять яков — последней нашей надежды.

10 октября. <...> Сравнительно долгая проволочка в Нак-чу и медленное движение поставили нас в затруднение относительно продовольствия. Дело в том, что путь от Нак-чу до Цайдама конные караваны проходят в три недели, на каковой срок у всех и был запасен провиант. Теперь же предстояло сделать тот же путь в срок вдвое дольший, и провизия у всех была на исходе, хотя порции свои уменьшили все. Пришлось думать о добывании провизии посредством охоты в изобильной всякими зверями пустыне, но хороших охотников у нас не было. Я, в передний путь бывший благочестивым богомольцем, уже оставил соблюдение моих обетов, так же как и другие настоящие монахи, и стал думать об охоте, к которой побуждали прибегнуть и мои спутники; им, по их словам, скоро предстояла голодовка. Охота шла на яков и оронго, но, к несчастью, перестреляв около четверти сотни патронов, я не убил ни одного дикого животного.

15 октября голодные спутники уже стали просить меня покончить жизнь одного уставшего их яка, что я исполнил одним выстрелом в сердце с близкого расстояния. Ламы,

хозяева его, ради того, чтобы раненое животное не кинулось на меня и других, тщательно перевязали ему ноги и, отойдя немного с четками в руках, читали молитвы, вероятно, покаянные за свой грех и за спасение души жертвы. Когда свалившийся як испустил последний вздох, они кинулись к нему сдирать шкуру и делить мясо, которое, конечно, было весьма сухо и невкусно, так как животное, вследствие истощения сил, уже отказывалось от пути. Все же каждый взял столько, сколько кто мог навьючить на своих животных, а пешие — сколько могли нести на себе. У меня лично еще было достаточно запасов, потому мы не взяли ничего от этого животного. Кроме того, я все надеялся убить какое-нибудь дикое животное, но этому еще долго не суждено было сбыться. Запасы мяса скоро снова у всех истощились. Я уже бросил надежду на удачу в охоте за яками и оронго. Поэтому спросил у спутников, будут ли они есть мясо хулана, если я убью. Они, хотя и были монахами, коим запрещено есть мясо однокопытных животных, выразили согласие, говоря, что мясо его очень легко переваривается в желудке и потому весьма питательно. Вопрос этот я делал оттого, что думал: легче всего убить хуланов, которые сравнительно смирны и имеют обыкновение обегать вокруг человека. Однако и это предположение оказалось напрасным, как-то неудача шла за неудачей.

Только 22 октября была половина удачи, а именно, когда я ехал по обыкновению с Сонамом, в некотором расстоянии впереди каравана, и мы вступили в устье одного ущелья, то вдаль показались три хулана, мирно щипавшие траву на берегу глубокого оврага высохшего русла речки. Было очень удобно подкрасться к ним по этому оврагу, что мы и сделали успешно. Когда я, спешившись, поднялся на край крутого берега, ближайший хулан стоял от меня шагах в 30. Только страстный охотник может представить себе то ощущение, когда жертва так близка. Я, притаив дыхание, тихо направил на хулана винтовку, и чрез минуту грянул выстрел. Когда рассеялся дым, я увидел, что один хулан осел на задние ноги, а два других убежали от неожиданного переполоха. Я сообщил об этом товарищу, он быстро поднялся на обрыв, и мы вместе бросились к раненому животному. Алая кровь струи-

лась из ран по обе стороны позвоночного хребта его, и оно делало усилия подняться. Мы думали, что оно уже не встанет и скоро от потери крови совершенно упадет. В ожидании этого мы сели тут же и закурили трубки. Минут через десять животное стало делать все большие и большие успехи к поднятию своего зада, мы же думали, что это борьба со смертью и что хулан скоро совершенно выбьется из сил и упадет. Расчет наш оказался неверным. Он поднялся и, сначала шатаясь, пошел от нас. Мы думали, что и это он делает напрасно, но чем дальше, тем вернее делались его шаги, и он уже побежал рысью. Тогда только мы убедились, какую ошибку сделали, не прикончив раненого.<...>

Порадовать спутников пришлось впервые только по северную сторону перевала Дун-буре. Это было вечером 24 октября. Мы уже остановились на ночлег и, пообедав, отдыхали сами, дав отдых, понятно, и своим животным. Вдруг прибежал ко мне в палатку один из спутников и сообщил, что к нашим пасущимся якам подходит дикий як. Я выбежал с винтовкой, и действительно громадный як уже входил в наше стадо. Некоторые из наших яков стали приготовляться издали к борьбе, роя землю копытами и рогами, но дикий гость не обращал на них никакого внимания и шел в середину стада. Я побежал к нему по небольшому рву и благодаря высокому его берегу подошел достаточно близко — не более 50 шагов. Когда я выглянул изо рва, представилось чудно-красивое животное. Это был молодой бык. Он начал щипать траву, как бы среди своего дикого стада. Но какая была разница в величине его с нашими! Наши самые большие яки казались подле него двухгодовалыми телятами. Немного полюбовавшись его видом, я стал приготовляться к выстрелу, но рука моя почему-то дрожала. Страх ли перед такой громадой, которая могла кинуться на меня и при удаче поднять на рога, как шепку, или случай такого близкого подпуска к себе действовал на меня, но я был в крайнем волнении. Сделал выстрел — поднялась пыль с его гривы, и слышен был звук удалявшейся пули, которая ударилась вдали на склоне горы. Значит, обвысил и задел только гриву. Он посмотрел на меня, и у меня не хватило мужества сделать второй выстрел. Животное кинулось наутек, и наши яки

толпой побежали за ним, но не могли догнать и остановились. Як ни разу не посмотрел назад и скрылся за гору. Спустя немного мы увидели другого уже на северной стороне в очень далеком расстоянии. Я, Сонам и третий монгол втроем захотели отправиться на охоту за ним. Поспешно оседлали лошадей и пустились в путь. По мере приближения выяснилось снова весьма удобное местоположение. Также овраг и высокие песчаные валы. Со всеми предосторожностями мы подъехали очень близко и, оставив монгола с лошадьми, я с Сонамом поднялись к верхушке песчаного вала и оказались на расстоянии сажен 40 от яка. Это был также громадный бык. Он не знал, по-видимому, людей, потому не заподозрил нас и скоро лег. Стрелять в лежачего очень неудобно. Тогда, приготовивши ружье, стали издавать сначала тихие звуки, чтобы бык встал. Животное, по-видимому, не слышало; усилили звуки, наконец стали кричать, животное и ухом не ведет. Тогда я предложил Сонаму спуститься к лошадям и, севши на одну из них, показаться яку издали. Завидев Сонама, як продолжал лежать спокойно и жевать свою жвачку. Только усиленные крики и помахивание плетью заставили наконец ленивого яка подняться, и тогда я выстрелил. Пуля попала в переднюю ногу, но як продолжал стоять. Я тем временем спустился к лошади и, сев на нее, поднялся на край оврага, чему последовал и спутник-монгол. Теперь, обезопасив себя в случае нападения более быстрым бегом наших лошадей, мы решили добить его с лошадей. Для этого заняли места по трем сторонам. Озлобленный як махал головой, высовывал язык и издавал своеобразный звук: он готовился к борьбе. Я сделал с лошади второй выстрел, но неудачный. Як кинулся в мою сторону, тогда стал подъезжать к яку Сонам с громким криком. Як остановился, обернулся в его сторону и бросился затем по направлению к нему. Сонам повернул лошадь, на выручку явился третий из нас и проделал то же, что и Сонам. Озадаченное животное снова остановилось и подставило свой бок моему третьему выстрелу, который был более удачен. Тогда это громадное животное уже остановилось совершенно и проделывало только враждебные знаки. Еще два выстрела, животное задрожало и свалилось. Сонам поспешил вырвать при жизни его пучок

шерсти со лба, говоря, что она предохраняет от опасности при нападении диких зверей. Затем он выхватил мое ружье и стал его угощать кровью из ран. Угощение это состояло в том, что он прикладывал дуло к свежей ране, мазал кровью приклад и курок. Когда я спросил его, зачем он это делает, монгол удивился моему незнанию этого обычая охотников. Он верил, что ружье жаждет крови и чем чаще пьет горячей крови, тем более делается метким на охоте. Обычай этот, без сомнения, есть остаток еще более древнего обычая первобытного человека — пить теплую кровь убитого на охоте животного.

За наступлением позднего времени мы не могли снять шкуры и оставили убитого яка на месте, но для того, чтобы ночью не съели его звери, Сонам снял верхнюю одежду и прикрыл ею труп. Я же отрезал себе на память пушистый хвост его. Прибыв в лагерь, сообщили о добыче. Следующим утром выслали вперед четверых людей снять шкуру или, вернее, добыть мяса. Когда мы дошли до этого места с вьюками, все было уже готово. Но як оказался чрезвычайно старым, потому очень сухим после недавнего периода любовных походов. Этим объясняется вчерашняя его невнимательность к звукам: вероятно, под старость портятся у этих животных и слух, и зрение. Все же спутники были рады добыче мяса и взяли опять по столько, сколько могли везти.

Далее уже не было снова ни одной удачной охоты. Мы еле-еле двигались вперед. Животные уставали, некоторые яки совершенно захромали. Хромали и лошади, потому что цайдамцы не подковывают их. Многих животных пришлось побросать. Наконец 3 ноября достигли местности Хара-нур на юго-западной стороне перевала Нарин-цзуха.

4 ноября дневали и стали обсуждать дальнейший путь. Обстоятельства были в следующем виде. До края населения Цайдама оставалось четыре перехода. Два первых перехода были почти без травы, но с водой, а два последних совершенно безводны и без всякой растительности.

Изнуренные животные еще могли сделать два первых перехода, но об остальном пути нечего было и думать. Животных можно было бы прогнать через эту местность лишь совер-

шенно свободными, и то с большим риском. Поэтому решили оставить здесь часть каравана с яками и отправить вперед к тайчжинарам двух пеших людей для найма верблюдов и высылки их нам навстречу. Снаряжены были два халхасца, которые и отправились в путь сегодня утром.

5 ноября мы оставили яков и вьюки с тремя людьми с тем, чтобы через четыре дня, т. е. 9 ноября, они тронулись в дальнейший путь. 11-го числа на краю песчаной безводной полосы их должны были встретить посланные навстречу. Остальные, в том числе и я, захватив всех лошадей и легкие вьюки, отправились в путь, чтобы поскорее снарядить подводы навстречу. <...>

8 ноября встали в полночь и, запасши льду и дров, двинулись в дорогу. Когда настал день, мы очутились среди песчаной долины, окаймленной бесплодными каменистыми горами. Около полудня остановились среди песков и, сварив чай, напились. То там, то здесь были видны кости животных, не вынесших этого пути. Еще утром одна лошадь была брошена нами. В дальнейшем пути пришлось оставить еще двух. Лошади от голода жадно бросались к черневшим кучкам помета своих товарищей, проходивших раньше, и поедали их с большим аппетитом. Под вечер мы с трудом выехали на край травы, где были и первые юрты тайчжинаров.

10 ноября были отправлены подводы, которые 14 ноября и доставили оставленный караван в целости, если не говорить о двух яках, брошенных среди пустыни. Як очень упрям. Когда он устанет, то ложится на пути и ни за что не встанет. Если его бить и понуждать вставать, то, поднявшись, он кидается на человека и неуклюжего может поднять на рога. Но, однако, и это вымещение злобы возбуждает в нем лишь минутную энергию, и он снова ложится через десяток шагов. Тогда лучше снять вьюк, если был на нем таковой, и оставить. Удаляющиеся товарищи несколько не трогают его, и он здесь же находит свою могилу.

Последующие дни прошли в переговорах с Сэнгэ-заланом (или зайсаном — он носил оба титула) и другими, не выполнившими своего условия. Все они хитро принимали вину на себя и сваливали отчасти на тангута-пастуха в Накчу, который плохо содержал их лошадей. Они говори-

ли, что их лошади совершенно изнурились, идя свободными, и что многих пришлось бросить на плоскогорье. Этим давали знать, что было только счастье от оставления ими нас, потому что это послужило причиной покупки яков, на коих мы добрались благополучно, чего не было бы, конечно, если бы пошли на их изнуренных лошадях. Все же я хотел пожаловаться на них князю, для чего просил свидания с последним. Он пригласил меня 16 ноября. Сэнгэ доставил двух лошадей для меня и моего спутника-бурята. Мы поехали. Князь жил недалеко. Стояла группа юрт. Я подумал, что княжеская юрта должна быть первая, которая была и поновее и больше размерами, но когда мы подъехали к ней и спросили, нам указали на довольно старую юрту, бывшую в последних рядах. Князь не вышел навстречу, а выслал прислугу-женщину. Когда мы вошли в княжескую юрту, он сидел на своем месте, на северной стороне очага, подставив под себя ковер. Для нас были приготовлены также ковры. В юрте не было ничего замечательного. Она не отличалась ничем от юрт зажиточных простолюдинов. Князь поздоровался с нами, важно сидя, и пригласил нас сесть. Княгиня с грудным ребенком встала при нашем входе и, когда мы сели, приветствовала нас и уже только тогда села. Сначала мы сидели молча, князь то и дело закуривал трубку, причем княгиня подносила огонь. Затем я изложил ему все дело с его подданными, просил у него защиты моих интересов и показал ему паспорт, выданный российским консулом в Урге, но, к несчастью, князь оказался не знающим монгольской грамоты и с важным видом смотрел на текст, держа его вниз головой. Потом возвратил и сказал, что его подданные сделали действительно нехороший поступок и что он заставит их уплатить полученные от меня деньги, но тут же не преминул сказать, что один из должников укочевал в горы и что его трудно найти. Я предложил ему заплатить из общественных сумм, чтобы затем тот восполнил их. Он сказал, что в настоящее время нет налицо никаких общественных сумм и что денег нельзя найти ни у кого. Делать было нечего — пришлось оставить на совести князя 10 ланов, а остальные деньги получить так или иначе. Княгиня угостила нас чаем и аракой (так называется вино, пере-

гоняемое из кислого коровьего молока или кумыса), причем все то же подносила и князю. После такого угощения мы, простившись с ними, вернулись в свою палатку.

17 ноября. Теперь уже нечего было думать о движении прямым путем в Ургу. Этому препятствовало, во-первых, отсутствие денег, во-вторых, то, что уже часть багажа была отправлена в Гумбум. Поэтому нужно было отправиться туда, где были у меня знакомые, у коих я мог занять денег. Но людей, которые бы взялись везти до Гумбума, не оказалось; нашлись только возчики до ставки Цзун-цзасака. Они взяли с меня наивысшую плату — по 2 цина в день за каждого верблюда, коих мне нужно было 8 голов. Они выехали с нами 18 ноября и, всячески удлиняя путь, доставили нас в ставку Цзун-цзасака только 8 декабря, вследствие чего пришлось им заплатить по 4 лана за каждого верблюда. Здесь я узнал, что следующий караван пойдет в Донкор и Гумбум лишь месяца через полтора. Раньше никто не решался отправиться ввиду грабежей кукунорских тангутов. Снова пришлось подчиниться обстоятельствам и ждать отправления этого каравана. Лишь только мы остановились близ ставки цзасака, к нам явился хошун-цзанги Дамба, который был хорошим знакомым переводчика экспедиции П. К. Козлова — бурятского казака Цокто Бадмажапова³. Он предложил мне условиться о дальнейшем пути с их отставным князем, для знакомства с которым я тотчас же отправил с ним хадак, так как юрта князя была изолирована от посторонних ввиду недавнего привития оспы его детям.

Прививанием оспы по китайскому способу (вдуванием в нос) занимался здесь один лама из чахарских монголов. Он был приглашен в хошун с платою по 2 лана серебра с каждого. Затем он сделал распоряжение, чтобы все, не хворавшие оспой, без различия возраста и пола, перекочевали в одно место. Собралось более 200 человек. Здесь оспопрививатель сделал всем прививку, вводя в организм лимфу посредством нюхания. Прививка переносится крайне тяжело, бывают и смертные случаи от неточного соблюдения строгой диеты, для наблюдения за которой оспопрививатель живет до полного выздоровления всех больных. В данном случае было два смертных случая, каковой процент считали

очень небольшим и восхваляли искусство оспопрививателя. Случаев невосприимчивости прививки было тоже очень мало.

17 декабря хошун-цзанги представил меня князьям. Когда я вошел в их юрту, то на обычном месте сидел мальчик лет 11, хорошо одетый по-местному и с вымытым белым личиком, свидетельствовавшим о его нежном воспитании. По левую руку от него сидел его отец, неизлечимо больной калека. Немного дальше его мать, женщина лет 45, тоже одетая довольно чисто. Я приветствовал маленького князя и его отца. Отец тотчас пригласил сесть и очень бодро начал речь, которая касалась того же вышеупомянутого Цокто и вообще экспедиции русских. Он упомянул о прежних экспедициях, причем с похвалой отозвался о генерале Пржевальском, который, как он рассказывал, подарил ему хороший револьвер, висевший теперь над его кроватью. Затем, во время угощения нас чаем, разговор сделался деловым. Мы заключили условие о доставке нас приблизительно через месяц в Гумбум. Условлено было по 4 лана за верблюда. Проживать же мы могли возле его ставки, и он, делая любезность, предоставил мне для проживания небольшую юрту, которая оказалась для него лишней. Я был очень рад этому, так как в палатке было довольно холодно, а затем малая вместительность и разведение огня внутри не позволяли втащить вовнутрь ее наши вьюки. Мы тотчас же прикочевали к княжеской ставке и, поставив предоставленную нам юрту, поселились в ней. <...> Этот князь считается одним из богатых князей Цайдама, у него было около 100 голов лошадей, 50 голов рогатого скота, 30 верблюдов и не более 400 голов овец. Такой достаток в скотоводческом хозяйстве в Северной Монголии сочли бы ниже среднего.

Старый князь имел троих детей от трех жен: дочь, рожденную вне брака, когда он был молод и не женат; сына — от младшей жены, умершей от родов его, и нынешнего князя от старшей, ныне живущей супруги. Старшего сына, преждевременно развившегося мальчика 14 лет, он посвятил в духовное звание; младшего года три тому назад утвердили цзасаком. Сам отец считается в отставке, но всецело заведует делами, как частными, так и хошунными. Он слывет за человека умного и ученого не только в своем хошуне, но

и по всему Цайдаму. Действительно, он очень хитрый старик; умеет читать по-тибетски и по-монгольски. Не раз был я свидетелем, как он обучал тому и другому письму своего сына-князя, выводя на доске своей иссохшей рукой некрасивые, но правильные буквы; не раз также я присутствовал, как он обучал его читать тибетские молитвы с совершением разных обрядностей.

Однажды пришлось присутствовать на обучении его стрельбе. Для этого старого князя посадили на коня с особо устроенным седлом, приспособленным к его согнувшимся и нераздвигающимся ногам, а мальчик поехал без седла. Выбрано было место невдалеке от ставки. Здесь на песчаном бугорке была поставлена мишень из высохшего помета скота. Князь сел на другой бугорок сажень в 15 от первого. Были принесены 2 фитильных ружья. Старик, в молодости страстный охотник, учил сына, как заряжать ружья, сколько класть пороху и т. п., затем — как держать его при стрельбе, куда наводить прицел и т. п. Мальчик сделал под его руководством несколько выстрелов, но все неудачных. Старик в досаде брал сам ружье и с большим трудом стрелял сам, но замечательно удачно. Слуги должны были отыскивать в песке выпущенные пули и доставлять князю, который их тщательно прятал для отливки снова. Старик, между прочим, интересовался европейскими ружьями и спрашивал, каково мое ружье. Я хвалил свою берданку и преувеличивал ее достоинства, так как говорил, что можно попасть в человека на расстоянии трех верст. Он верил и говорил, как было бы хорошо вооружить такими ружьями хоть десять солдат. Тогда бы, по его мнению, безбожные тангуты не нападали бы на монголов и не грабили бы их безнаказанно. От них, прибавлял он, нет избавления. Отражать их можно только силой, так как никогда не найти правосудия. Тангуты очень богаты и не скупятся на взятки сининскому амбаню и его секретарям. Бывают такие случаи. Напали тангуты, произошла перестрелка, убили одного из тангутов и отразили нападающих. Тангуты, с одной стороны, приезжают в хошун в большом числе требовать уплаты за жизнь убитого, а с другой — возбуждают тяжбу за убийство у амбана. Высланные секретари берут, сколько могут, не принимая никаких

оправданий. Деньги, конечно, не доходят до тангутов, которые домогаются получить сами. В случае неуплаты объявляют так называемую «хам-чу» (тяжбу), что, по нашим понятиям, равносильно перерыву дипломатических сношений или даже объявлению войны. Начинаются грабежи и воровство всего, что им под силу. При этом в невыгодном положении опять-таки монголы. Их путь к рынку Донкор и религиозному центру в Гумбум лежит через тангутские кочевья. Здесь их постоянно подстерегают враждебные тангуты, и если караван бессилен, они нападают на него и грабят.

За 1,5 месяца нашей стоянки мы сделали со ставкой князя три небольшие перекочевки. У него здесь отграничено место, куда не должны пускать своего скота его подданные, за исключением 10 домохозяев, кочующих с ним. Всякий скот, попавший на эти места, задерживается, и на хозяев налагается штраф, а при упорстве — и наказание плетями. Ежедневно выезжают для осмотра объездчики.

Как-то раз я упомянул о присутствии у меня фотографического аппарата. Старик очень заинтересовался им, и хотя он видел аппараты у других путешественников, захотел познакомиться подробнее. Я принес ему аппарат и объяснил его применение. Он пошел дальше в своем любопытстве и просил сделать снимки с него и его семьи. Я исполнил желание князя, но промывка ночью в холодной палатке и соленая вода из местных ключей не дали хороших негативов и удачных отпечатков. Но все же князь рассматривал с большим любопытством и плохие снимки, выказывая большое удовольствие, когда узнавал себя, своих сыновей, жену и знакомых. Я показал ему отпечатки Поталы и других монастырей. Он с благоговением прикладывал их к голове и признавал большое сходство их, так как он не раз посетил те места. В последний раз он был там годов пять тому назад, уже охваченный настоящим недугом, и с сожалением говорил, что больше уже не быть ему там. Просил подарить ему снимки, но я отказал в этой просьбе, опасаясь, чтобы не попали в Лхасу, где могли посмотреть враждебно на бурятских лам. Вообще я не желал распространять снимки среди монголов, которые могли возбудить разные толки. Отказ сделать было очень легко, не возбуждая недовольства князя:

я сказал, что снимки мои уникалы, кой хочу везти на родину: он не знал негативов.

Однажды князь попросил меня поохотиться за хуланами, коих очень много в Цайдаме вообще, а в окрестностях его ставки в особенности. Когда я изъявил согласие, он предоставил мне верховую лошадь и одного провожатого, который был обязан снять шкуру с убитого животного и привезти часть мяса. Первая наша охота была неудачна. Хуланы не подпускали на верный мой выстрел, издали же я делал промахи. Второй раз 4 января я поехал в сопровождении старшего сына князя и, к удаче, очень близко от ставки убил одиночно шатавшегося хулана, подкравшись к нему на водопое из-за кустов тамариска. Выстрел был очень удачен: хулан побежал со всей быстротой, но шагов через триста упал мертвым. Тойн (так зовут духовных из княжичей) был очень обрадован, но снимать шкуру не согласился. Мы поехали, и князь тотчас снарядил к добыче своего прислужника, в скором времени привезшего шкуру, которую стали бережно сушить, а также две задние ноги. Мяса никто не ел, а, сварив, его давали телятам, которые, как говорил князь, быстро поправляются от истощения и никогда не умирают от худобы. Замечательно, когда я зашел дня через три в черную юрту, служившую хлевом для них, и когда им принесли приготовленную хуланину, телята с жадностью бросились на мясо и съели все, даже большими сравнительно кусками.

Чтобы сделать удовольствие князю и его телятам, я на другой день снова поехал на охоту и на этот раз убил уже двух самок. Они оказались все же сухими, должно быть, высохшая зимняя трава (ветошь) и холода сильно истощают и этих вольных животных. Проводник снял шкуру с обеих и положил их задние части на мою и свою лошадь. Когда мы стояли еще у трупов, взглянув вверх, я увидел множество грифов, паривших высоко над нами. Неизвестно, откуда они прилетели, но удивительно, как быстро узнают эти птицы о появлении пищи для них. Когда мы отъехали, они постепенно стали спускаться к остаткам трупов, и видно было, как с соревнованием между собою ели остатки.

Наконец 19 января настал давно желанный день нашего выезда. <...> Все участники заготавливали предметы своего

вывоза, состоявшие главным образом из шерсти верблюжьей и овечьей, шкур и войлоков. Караван должен был идти под начальством цзанги Дамба, которому князь поручил нас и свои вещи, хотя для ближайшего наблюдения за животными и вещами поехала дочь князя со своим женихом, уже жившим с нею как при браке. В числе его вещей оказались и три шкуры хуланов, добытых мною.

Караван шел на верблюдах и лошадях и состоял из 20 палаток, в которых помещались около сотни мужчин и женщин, даже с малыми детьми. <...>

27 января. Сегодня день монгольского Нового года. Рано утром, еще не навьючивая животных, старшие мужчины вошли на горку, которая находилась около стана, и, зажегши воскурения, сделали земные поклоны на восток (богдохану) и на запад (своему оставшемуся дома князю). Затем они постепенно стали обходить все палатки, держа в руках хадаки, начав с палатки своего старшины хошун-цзанги Дамба. Дамба сидел спокойно. Подходивший прикладывал три сложенных пальца ко лбу своему и делал поклон, после чего брал хадак на обе ладони и, делая новый поклон, произносил протяжно «Амур!» («Будьте здоровы!»). Засим, отведав пищи, уходил. В других палатках не делали первой церемонии, т. е. ограничивались одним поклоном с хадаками. Двинувшись в путь в 8 ч. 15 мин. утра, дошли до так называемого Ганчжур-чулу (Камень Ганчжур).

На довольно широком и ровном месте пади стоит посредине каменная горка. На северо-западной стороне ее большая пещера, в которую можно въехать на лошади и, повернув назад, выехать. У отверстия этой пещеры сделана небольшая ограда из больших каменных плит высотой около сажени. Верхние плиты имеют выступы на краях и служат, таким образом, покрывкой стен. В стене против отверстия пещеры сделаны ворота. При всей устойчивости каменных глыб короткие стены по обе стороны ворот от времени наклонились в наружную сторону, образовав две щели. Левая от пещеры щель размерами меньше, и она считается нечистой, потому что, по преданию, в ней был задавлен сын какого-то князя. Правая же щель считается грехоочистительной, и тут мне пришлось быть свидетелем, как мужчины и женщины

с большим усердием старались пролезть через нее. Они верят, что если человек грешен, то шель суживается и мучит его дольше. Люди же с сильными грехами совершенно не могут пролезть.

Говорят, что самая горка есть вершина, отсеченная Бадма-Самбавой и принесенная сюда с горы, находящейся на восток от нее. Действительно, там одна вершина напоминает усеченный конус, что, конечно, дало начало легенде. Затем добавляют про ограду, что здесь остановились в древности монголы, везшие из Тибета 108 томов Ганчжура. Напали тангуты и, умертвив путников, хотели увезти сложенные тома Ганчжура, но тут случилось чудо — все тома оказались обращенными в каменные плиты, коих разбойники не могли поднять и в страхе бежали. С тех пор стоят окаменелые тома Ганчжура безмолвно, определяя степень грехов людских и очищая их. <...>

1 февраля, в 9 часов утра, когда мы были уже в пути, нам повстречалась масса вооруженных всадников. Мы были в недоумении. Скоро этот отряд взял дорогу влево от нас и стал проходить длинной вереницей сажень в 200 от нашего каравана. В это же время от них отделились 13 всадников и быстро подъехали к нам. Оказалось, что это солдаты, так называемые «дабши» (по-монгольски — «дурбун-сомун»), потомки монголов-олётов Гуши-хана, ныне совершенно отангутившиеся, обитающие на запад от Донкора. Они рассказали, что идут войной на тангутский род миньяг, живущий на севере Кукунура. Миньягцы, по их словам, недавно убили двух дабши и ранили одного. На требование удовлетворения они предложили 50 лошадей и 50 кусков тибетского сукна, чего дабши не приняли и теперь шли вооруженной силой для разрешения спора. Идут они двумя партиями по 300 всадников. Далее говорили, что дело редко доходит до вооруженного столкновения, а решается на границе владений при помощи какого-нибудь посредника, который, понятно, получает значительное вознаграждение за свой труд. <...>

4 февраля вступили на край оседлого китайского населения. Здесь стали встречаться китайские торговцы, которые спрашивали, из какого кто хошуна. Один из них, узнав,

что караван состоит преимущественно из подданных Цзунцзасака, заявил, что он назначен «аньда» этого хошуна, и тотчас на ходу каравана роздал по одной лепешке, в том числе и нам. «Аньда» — старинное монгольское слово, значит «друг», «помощник», «сподвижник». Затем он сказал, что, как правило, монголы эти должны останавливаться в его доме и никуда на сторону не продавать своих товаров. В Донкоре действительно все остановились во дворе фирмы, люди которой встретили нас, как дорогих гостей: угостили чаем, сложили товар в свои склады, дали соломы животным, указали для всех помещения. Все это делали китайцы, конечно, не без выгоды для себя. Я узнал, что торговцы вносят известный налог или, вернее, взятку сининскому амбаню для приобретения исключительного права торговли с известным хошуном. Заручившись таким правом, они сами следят за проходящими караванами и, зазвав их к себе, берут весь товар, расплачиваясь по своему усмотрению после формального торга. Монголы совершенно в их руках и простодушно делаются жертвой разных ухищрений этих торгашей.

Отсюда в Цайдам вывозят преимущественно цамбу, крупчатку, вермишель, сухую лапшу, табак, унты, кирпичный (контрабандный) чай и т. п. Серебра китайцы не дают, да оно и не нужно в Цайдаме, где торговля преимущественно меновая. Сами цайдамцы, напротив, привозят сюда все добытое за извоз серебро и обменивают его на вышеуказанные предметы. За единицу счета тут принимают овцу (хони или хой) и козу (яман), курс коих на серебро очень непостоянен, но две козы составляют одну овцу.

Спеша в Гумбум, я в тот же день выехал из Донкора вместе со своими спутниками и прибыл туда в час пополудни на другой день.

По прибытии в Гумбум я стал искать бурята, привезшего мое прошение сининскому амбаню на тайчжинаров, и, отыскав его, узнал, что перерожденец Чжа-иг отговорил его от подачи, уверяя, что амбань станет допрашивать его самого и, обнаружив, что он без билета, заключит в тюрьму. Когда я лично отправился к Чжа-игу, он выразил полное сочувствие моему неудачному найму и задержке в пути и предло-

жил мне помочь деньгами для дальнейшей дороги, оправдывая свое задержание прошения теми же доводами. Между прочим, он сообщил, что амбань приедет сюда к празднику 15-го числа первой луны. Я решил подать жалобу амбаню лично. Этот амбань прибыл 13-го числа, что по нашему счету приходилось на 7 февраля. Его встретили представители монастыря с должным почетом, вышедши на край монастыря в нарядных костюмах с хором музыки. Амбаня сопровождали многочисленная свита и десяток солдат. Когда он приехал в приготовленное для него помещение в казначействе монастыря и, напившись чаю, узнал, что это — здание казначейства, то отказался жить в нем и пожелал поместиться в частном доме, сказав недоумевающим администраторам монастыря китайскую поговорку, что «чиновник не ночует в ямыне», т. е. в присутственном месте.

8 февраля я отправился к амбаню с приготовленным прошением, держа наготове и свой билет. Но секретари, встретив меня в приемной, стали расспрашивать о сути дела. Я изложил им. Тогда монгольский секретарь пошел к амбаню с докладом и, вернувшись спустя немного ко мне, сказал, что амбань не принимает прошения, а примет, если будет надежный поручитель из местных влиятельных лам на случай несправедливости моего иска. Я в недоумении отправился к Чжа-игу, рассказал, в чем дело, и просил поручиться. Тот отказался и сообщил, что этот амбань большой взяточник, берет и с правого, и с виноватого. Поэтому он, видя сразу, что с иностранного подданного ничего нельзя взять, хочет притянуть к этому делу своего подчиненного — богатого человека, с которого и будет вымогать взятки. Пришлось отложить дело до Урги, где я мог вчинить иск через наше консульство.

9 февраля, 15-го числа первой луны, происходила обычная «жертва 15-го числа», о которой упомянуто выше при описании монастыря Гумбума. В нынешнем году обхождение жертвенных групп было особенно торжественно вследствие присутствия амбаня, приехавшего нарочито для этого осмотра.

10 февраля мы наняли подводы (верблюдов) до Ямыня алашанского вана, по 4 лана за каждого, потому что было

очень мало обратных возчиков, каковым обстоятельством не преминули они воспользоваться, чтобы взять почти двойную против обыкновенной плату.

12 февраля мы выехали из Гумбума и, следуя обычным караванным путем, 4 марта прибыли в город алашанского вана. В Цайдаме присоединился к нам халхаский монгол Чойдак (по прозвищу «сахалту» — бородатый). Он был отправлен нашим консулом в Урге навстречу экспедиции П. К. Козлова. Ему была поручена доставка писем П. К. Козлову и его товарищам, для чего он получил денежное пособие и открытый лист на три лошади для взимания бесплатных подвод в пределах Халхи. Он, по-видимому, мало думал о скорейшем исполнении поручения и вместо того, чтобы ехать навстречу через Алашань, поехал в Западную Халху. Окончив там свои частные дела, только в январе сего года явился в Цайдам, где уже экспедиции не было. Он попросил присоединиться к нашей партии, на что я изъявил согласие.

Лишь только мы стали выезжать на край города алашанского вана, как встретился с нами некто Санчжай-ранчжамба, который познакомился со мною еще в передний путь. Это типичный вид алашанского дельца, питающегося за счет проходящих через город караванов. Он хорошо владеет китайским, тибетским и родным языком, знает несколько выражений и по-русски. Он побывал в разных местах Амдо и Китая, был также, по его словам, и в нашей белокаменной Москве, в чем, впрочем, можно очень сомневаться, так как на мои расспросы о столице не дал ни одного положительного ответа. Верно только то, что он был в Забайкальской области, а также в Иркутске. Теперь он поселился в своем городе и имеет какую-то незначительную должность при дворе князя. Будучи человеком, можно сказать, малосостоятельным, он имеет недурную обстановку в своей квартире, будучи ламой, содержит какую-то подозрительную красивую женщину, одевается очень чисто и на день меняет несколько костюмов. Как только узнает от кого-нибудь о приближении каравана торговцев или богомольцев, сейчас же выезжает навстречу на хорошо убранной лошади. Если попадутся старые знакомые, он приветствует их с радостным лицом и уверяет, что, узнав о приближении своих старых знакомых,

выехал навстречу в заботе о хорошем устройстве их в родном городе. Если же люди незнакомые, он и тут не теряется и, расспросив, из каких они мест, говорит, что знает и дружен с такими-то и такими-то лицами из их хошуна. Так как он замечательно помнит всех, то всегда попадается какой-нибудь общий знакомый. Слово за слово, он становится человеком как бы давно знакомым и, въезжая в город, спрашивает — есть ли у них знакомые, куда бы они заехали. В случае неимения знакомых он дружески указывает остановиться в такой-то фирме китайских торговцев, восхваляет ее и предлагает свои услуги проводить до нее. Здешние большие китайские фирмы имеют свободные помещения, нарочно устроенные для бесплатного проживания путешественников, поэтому Санчжай в данном случае нет никакого труда устроить богомольцев, но он делает вид, что он заботится, едет вперед, вступает в переговоры с приказчиками и у ворот фирмы встречает караван, говоря, что с трудом нашел помещение. Эти квартиры, в сущности, небольшие комнаты, содержатся весьма грязно, в них нет печей, огонь разводится на полу, дым выходит через двери и т. п. Только невзыскательный монгол может примириться с этим, и ему даже приятно развести огонек и погреть свои руки, как он это делает у себя в юрте.

Устроив таким образом путников, Санчжай уходит и высказывает пожелание хорошо отдохнуть от дороги. Однако недолго продолжается его отсутствие: он приходит в день несколько раз. Осведомившись о том, что нужно приедем, он предлагает купить у него, уверяя, что нигде в другом месте не найти. Хотят ли нанять верблюдов для дальнейшего пути, он к их услугам, запрашивает значительную цену и начинает сбрасывать. Наконец, сойдясь в цене, он заявляет, что верблюды его в степи и что он немедленно пошлет человека за ними, но так как его скот живет довольно далеко, то придется подождать дня два-три.

Затем он начинает уже подыскивать подрядчиков от себя, видя выгоду для себя даже в нескольких цинах с верблюда. Если же, к его несчастью, не находятся подрядчики или не соглашаются за известную плату, то Санчжай не стыдится прийти к нанимателям и заявить, что сейчас прибыл от его

скота человек и сообщил, что столько-то верблюдов отправили туда-то по казенной надобности и т. п., вследствие чего он, Санчжай, не может выполнить своего условия, но приведет, если угодно, другого, с которым они могли бы заключить условие сами. После привода нового возчика он исчезает и является, когда вопрос решен, поздравляет с удачным наймом, восхваляет подрядчиков, заказывает поклоны своим знакомым и т. п. Между всем этим он деятельно ведет торговлю, не брезгая ничем. Покупает положительно все, лишь бы цена была невелика, и во всех случаях он умеет вести дело так, как бы он являлся покровителем и доброжелательным благодетелем путников, желающим принести им только пользу.

Я, лично знакомый с характером Санчжая еще по предыдущему пути, не хотел иметь с ним никаких пустых переговоров, о чем заявил ему откровенно. Он несколько не обиделся. <...>

6 марта выехали из ямыня и 21-го числа прибыли в монастырь Эхин-цзак, который был построен в 12-м году правления Дао-гуана 247 тайчжиями. Главная кумирня была утверждена императором, который пожаловал ей наименование «Бухуни бутугэкчи сумэ», т. е. «Храм, исполняющий все». Управляет монастырем «да-лама», который утверждаетя пекинским правительством.

25 марта я решил воспользоваться открытым листом Чойдака, заменив его товарища, которому я предоставил верблюда, предназначенного для меня. Чойдак и его товарищ охотно согласились, и мы, потребовав три казенные подводы, поехали вперед. В тот же день мы прибыли в монастырь Сангун-далай, который основан в 17-м году правления Кан-си⁴. На другой день началась неприятная езда на общественных подводах. Дело в том, что в этих местах нет станций, а приходится ездить от одного домохозяина до другого. Каждый, для выгадывания расстояния, везет к ближайшему, хотя бы он был в стороне от прямого пути. Эти неприятные ежеминутные перемены подвод окончились по достижении нами 30 марта первой станции Балтастай. Теперь станции отстоят друг от друга верст на 20–25.

31 марта прибыли к ямыню туше-гуна, находящемуся вблизи горы Дэлгэр-хангай.

Отправившись далее в тот же день, мы пересекли большой Калгано-Улясутайский тракт, находящийся на содержании так называемых харчинских станций.

Наконец 4 апреля, поздним вечером, Чойдак и я прибыли в Ургу и остановились у одного знакомого Чойдака, так как, за поздним временем, я счел неудобным являться в консульство.

5 апреля я явился в консульство, где со стороны русского генерального консула Я. П. Шишмарева и секретаря консульства В. В. Долбежева встретил отечески радушный прием. Багаж же мой прибыл 14 апреля, и я тотчас принялся приводить его в порядок для отправки в Петербург при содействии консульства. Книги все были уложены в 10 ящиков, которые и были сданы на почту.

27 апреля я выехал на монгольских почтовых на родину и 2 мая переступил в Кяхте границу отечества.

Предисловие

- ¹ Калмык База-бакши Монкоджуев, предпринявший поездку в Тибет в 1892–1893 гг., посетил Лхасу и Даший-лхунбо. Г. Ц. Цыбиков имеет в виду его дневник в русском переводе, изданный А. М. Позднеевым под названием «Сказанье о хождении в тибетскую страну Мало-дорботского База-бакши» (СПб., 1897).

Глава I

Паломники в пути от Урги до Гумбума

- ¹ Народные сказания о романтической судьбе и печальной участи далай-ламы VI Лобсан-Цаньян-Чжамцо (1683–1706) записаны впервые Г. Ц. Цыбиковым. Далай-ламе VI посвятил свою статью академик Ц. Дамдинсурэн (см.: Зургаадугаар Далай-лам Цаньян-Жамцын тухай // *Asiatische Forschungen*, 1966. — Bd 17. — S. 35–39; Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. — Л., 1975; Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха / Издание текста, пер. с тибетского, исслед. и коммент. Л. С. Савицкого. — М., 1983).
- ² Это не столько «инородческий приказ», сколько палата внешних сношений с вассальными владениями, т. е. с Тибетом, Монголией и т. д., в отличие от цзунли-ямыня — главного управления

* Примечания Р. Е. Пубасва к изданию: Г. Ц. Цыбиков. Избранные труды в двух томах. — Новосибирск, 1981.

- по иностранным делам (см.: Petech L. *China and Tibet in the Early 18-th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorat in Tibet.* — Leiden, 1950; Ефимов Г. В. *Внешняя политика Китая. 1894—1899 гг.* — М., 1958. — С. 32; *Маньчжурское владычество в Китае.* — М., 1966).
- ³ Н. М. Пржевальский (1839—1888) — крупнейший русский путешественник — свое четвертое, последнее путешествие в Центральную Азию совершил в 1883—1885 гг. Заветная мечта Н. М. Пржевальского попасть в Центральный Тибет и Лхасу осталась неосуществленной (см.: Пржевальский Н. М. *От Кяхты на истоки Желтой реки: Исследование северной окраины Тибета и пути через Лобнор по бассейну Тарима.* — М., 1949).
- ⁴ Строго говоря, не секта, а группа странствующих тантрийских монахов-жрецов (*gsang* — сокровенное, *sngags* — заклинание, санскр. — гухья-мантра). Их заклинания могли быть и благопожелательными, и неблагопожелательными, «вызывая» порчу, несчастья и т. д. Эти тибетские монахи-жрецы появлялись и в Бурятии, верующие их боялись.
- ⁵ Наиболее популярное сочинение махаянского буддизма о пути совершенствования бодхисатвы (тиб. *shes-rab-kyi pha-rol-tu rhyin-pa*, букв. «переход на ту сторону мудрости»), состоящее из 8000 стихов. Оно входит в раздел II «Праджня-парамиты» (*she-rhyin*) нартанского Ганчжура (т. 34), по-санскритски называется «Аштасакрасрика-праджня-парамита» (*shes-rab-kyi pha-rol-tu rhyin-pa brgyad stong-pa*). Важным исследованием по праджня-парамите является: Obermiller E. E. *The Doctrine of Prajna-paramita as exposed in Abhisamayalamkara of Maitreya.* — Leningrad, 1932.
- ⁶ Дао-гуань — цинский император Китая (1821—1850). У Г. Ц. Цыбилова, по-видимому, ошибка, ибо 29-й год правления Дао-гуаня падает не на 1838-й, а на 1850 г.
- ⁷ Здесь речь идет о подавлении маньчжуро-китайскими войсками дунганского восстания (1862—1878) китайских мусульман в провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзян (см.: Сушанло М. *Дунганское восстание второй половины XIX в. и роль в нем Бай Яньху.* — Фрунзе, 1959).
- ⁸ Г. Н. Потанин (1835—1920) — известный русский путешественник, ученый и общественный деятель. По материалам своего путешествия в Тибет в 1884—1886 гг. написал книгу «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (СПб., 1893).
- ⁹ Относительно сроков царствования Ландармы, гонителя буддизма в Тибете в IX в., у тибетологов нет единого мнения, что обусловлено противоречивостью в вычислениях у авторов тибетских исторических хроник. За конец царствования в одном случае принимают

841 г., в другом — 901 г., причем обе даты падают на год железа-курицы, а при отсутствии указания порядкового номера рабчжун — одного цикла в 60 лет — возникают противоречия в вычислениях дат. На это впервые обратил внимание Л. Петех (см.: Petech L. A study on the chronicles of Ladakh. — Calcutta, 1939). Противоречия в датировке наиболее важных событий в ранней истории Тибета у авторов тибетских исторических хроник разбирали Ю. Н. Перих (Roerich G. The Blue Annals. — Vol. I. — Calcutta, 1947; Vol. II. — Calcutta, 1952) и Аоки Бункьо (Bunkyo Aoki. Study on Early Tibetan Chronicles: Regarding discrepancies of dates and their adjustments. — Tokyo, 1955).

Глава II

Амдоские святыни Гумбум и Лабран

- ¹ Свое мнение о Цзонхаве как о «реформаторе ламаизма» (буддизма) автор впоследствии изменил в работе «Лам-рим чен-по», в которой он писал: «Часто у нас говорят, что Цзонхава — реформатор буддизма. Это не правильно. Затем Цзонхаву называют основателем ламаизма. Этот эпитет, конечно, более приложим к нему, чем первый». (Лам-рим чен-по. Т. I. — Владивосток, 1913. — С. XXX.). Аналогично оценивают деятельность Цзонхавы его биографы и востоковеды (см.: Obermiller E. Tsonkhapa le pandit // Melanges chinois et bouddhiques publics l'Institut Beige des Haute Etudes Chinois. — 1935. — Vol. 3. — P. 319–338; Пубаев Р. Е. Биография Цзонхавы, написанная монгольским ученым чахар-гэбши Лобсан-Цульгимом // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. — 1970. — Вып. 4. — С. 40–53; Kaschewsky R. Das Leben des Lamaistischen Heiligen Tsongkhapa Blo-bzan-grags-pa (1357–1419). — Wiesbaden, 1971).
- ² Алтан-хан (1506–1582) — покровитель далай-ламы III Соднам-Чжамцо (1543–1588), который благодаря его поддержке стал духовным и светским правителем Тибета. С этого же времени утверждается титул «далай-лама» Тибета (см.: Перих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. // Монгольский сборник (экономика, история и археология). — М., 1959. — С. 188–199).
- ³ Имеется в виду дунганское восстание 1862–1878 гг. против маньчжуро-китайского ига.
- ⁴ Агван-цзондуй, или Гунчен-Чжамьян-Шадба-Дорчжэ (1649–1723) — крупный амдоский ученый, философ, автор собрания сочинений (сумбума) в 15 томах (см.: Хадалов П. И., Ямпиллов Л. Ж., Дандарон Б. Д. Описание сочинений Гунчен-Чжамьян-Шадпа-Дорчжэ (1649–1723). — Улан-Удэ, 1962).

- ⁵ Речь идет о восстании кукунорских монголов против маньчжуров в 1723–1724 гг., описанном Сумба-Хамбо (1704–1788) в его исторических сочинениях (см: Вира. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII–XIX вв.). — Улаанбаатар, 1960. — С. 29–30).
- ⁶ Букв. «китайские хоры» — одна из монгольских народностей, населяющих страну Амдо. Наряду с чжахорами (или далдами) там проживают ойраты и халхасцы (см.: Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. — М., 1957. — С. 213. О монголах Кукунора и Амдо см.: Shram L. M. The Mongols of the Kansu-Tibetan frontier. — Vol. I. Their origin, history and social organisation. — Philadelphia, 1954; Vol. II. Their religious life. — 1957).
- ⁷ Настоятель Галдана. Слово «сэрти» (*gser-khri-ba*) означает «золотопрестольный» или же «настоятель на золотом троне». Дело в том, что основателем Галдана был Цзонхава, а его духовным преемником и первым настоятелем монастыря стал Гэнлун-дуб (1391–1475), которому сделали «золотой» трон (*gser-khri*) и который стал далай-ламою I. Монастырь Галдан был основан в 1409 г. В конце XIX в. положение в Тибете несколько изменилось. Если раньше трон настоятеля Галдана принадлежал законному преемнику Цзонхавы, то теперь его занимает «наилучший ученый секты», которого и называют настоятелем Галдана (*dg'a-Idan khri-ba*), а не «сэрти», ибо далай-лама является главой церкви (см.: Tsung-Lien Shen, Shen-Chi Liu. Tibet and Tibetans. — Stanford, 1952. — P. 71).

Глава III

Дневник паломника от Гумбума до Лхасы

- ¹ Чжахоры стали буддистами в поздний период распространения буддизма, после гонений Ландармы в IX в. В отличие от них собственно хоры являются последователями древнетибетской религии бон-по и проживают в области Хор, расположенной к северу от Накчу.
- ² См. прим. 7 к главе I. Следует добавить, что кукунорские монголы, среди них в первую очередь хошуты, в XVII–XVIII вв. играли важную роль в истории народов Центральной Азии, в китайско-тибетско-монгольских взаимоотношениях. По данной проблеме опубликованы такие труды, как: Courant. *Le Asie Centrale en XV-e et XVIII-e siecles. Empire kalmouk ou empire manchou.* — Lyon, 1912; Petech L. *China and Tibet in the Early 18-th Century.* — Leyden, 1950; Златкин И. Я. *История Джунгарского ханства (1635–1758).* — М., 1964.
- ³ В 1637 году Гуши-хан предпринял военный поход в Кукунур (Кукунор) против халхаского Цогту-тайчжи, враждебно настроенного к новой секте гэлугпа. В год огня-коровы XI рабчжуна

- (1637) в «Хронологических таблицах» Сумба-Хамбо сказано: «Хорский дхарма-раджа Гуши прибыл в Кукунор, разгромил халхаского Цогту с войсками, которые были враждебны к религии гэлугпа, затем отправился в тибетскую область Уй и снова вернулся в Кукунор» (Пагсам-чжонсан, л. 283).
- ⁴ Г. Ц. Цыбиков не указывает источника, но в «Хронологических таблицах» Сумба-Хамбо в год воды-лошади Х рабчжуна (1582) говорится о рождении хорского Гуши-хана (hor gu-shri gyal-po).
- ⁵ Речь идет о первом самостоятельном путешествии П. К. Козлова (1893–1895) по Монголии и Восточному Тибету, результаты которого описаны им в книге: Козлов П. К. Монголия и Кам. — М., 1947. Свою вторую экспедицию в Центральную Азию П. К. Козлов совершил в 1907–1909 гг. Основным результатом ее явилось открытие развалин знаменитого города Хара-Хото, одного из важных торговых и культурных центров тангутского государства Си-Ся (см.: Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. — М., 1948. — С. 9–10, 68–87; Козин В. Н. К истории Хара-Хото // Тр. Государственного Эрмитажа. — 1961. — Т. V; Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. — М., 1968).
- ⁶ Г. Ц. Цыбиков, будучи большим патриотом России, с удовлетворением отмечал благосклонное отношение монголов, тибетцев и других народностей Центральной Азии к русским путешественникам Н. М. Пржевальскому, П. К. Козлову и другим. Характеризуя это отношение центральноазиатских народов, Н. М. Пржевальский писал: «При всех четырех здесь путешествиях мне постоянно приходилось быть свидетелем большой симпатии и уважения, каким пользуется имя русское среди туземцев, за исключением лишь Тибета, где нас мало знают. Зато среди других народностей Центральной Азии их стремления к России достигают весьма высокой степени. Замечательно и весьма важно, что ведь никто и никогда не агитировал в нашу пользу среди народов Центральной Азии; к такому результату привел самый ход событий» (Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки: Исследование северной окраины Тибета и пути через Лоб-нор по бассейну Тарима. — М., 1949. — С. 17).
- ⁷ Имеется в виду Вачир Сайн-хаган (1534–1586), который принял посвящение в буддизм от далай-ламы III Соднам-Чжамцо (1543–1588) и проводил политику распространения буддизма в Монголии (см.: Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. Пер. с монг. Н. П. Шастиной. — М., 1973. — С. 292, 385).
- ⁸ В первой половине XVIII в. происходила острая военно-политическая борьба между различными группировками тибетских и монгольских феодалов, среди которых наиболее могуществен-

ными были Лхавсан-хан — последний хошутский правитель Тибета (1705—1717), Полонай (Полха-тайчжи) — представитель дворянства Цзана, джунгарский хан Цэван-Рабтан и его полководец Цэрин-Дондуб и т. д. Воспользовавшись этой борьбой тибетских и джунгарских феодалов, главной целью которой был захват власти в Тибете и установление контроля за деятельностью далай-ламы, маньчжуро-цинская династия в конечном счете в 1751 г. добилась установления сюзеренитета Китая в Тибете. Вся эта сложная история явилась предметом специального исследования Л. Петеха (см.: Petech L. *China and Tibet in the Early 18th Century*. — Leyden, 1950; Маньчжурское владычество в Китае. — М., 1966; Zahiruddin Ahmad. *Sino-Tibetan relations in the seventeenth century*. — Roma, 1970).

- ⁹ Этническая история шарайголов остается неясной. Согласно монгольским летописям, в состав шарайголов входили три племени: белоюрты, желтоюрты и черноюрты. Ц. Дамдинсүрэн считает правильным мнение Сумба-Хамбо о том, что белоюрты — это монголы, желтоюрты — шара-уйгуры, т. е. тюркоязычные, и черноюрты — тангуты (см.: Дамдинсүрэн Ц. *Исторические корни Гэсэриады*. — М., 1957. — С. 214—216). Следует отметить, что тибетский вариант эпоса о Гэсэре — «Лин-Гэсэр» — требует дальнейшего исследования не только литературоведческого, но и историко-этнографического (см.: Roerich G. N. *The Epic of King Kesar of Ling // Journal of Asiatic Society of Bengal*. — 1942. — Vol. VIII; Stein R. A. *L'Épopée Tibétaine de Gesar dans la version lamaïque de Ling*. — Paris, 1956; Idem. *Recherches sur l'épopée et le barde*. — Paris, 1959).
- ¹⁰ Знаменитый Бромтон (1008—1064), основатель секты кадампа и монастыря Радэн (1056) (см.: Snellgrove D., Richardson H. *A Cultural History of Tibet*. — New York; Washington, 1968. — P. 131, 277, 285).
- ¹¹ Монастырь принадлежит школе «таглун-па» (stag-lung-pa) красношапочной секты «карчжудпа» (bk'a-rgyud-pa), основанной в 1185 г. (см.: Snellgrove D., Richardson H. *Op. cit.* — P. 137).
- ¹² Область, откуда началось новое возрождение буддизма после гонений Ландармы в начале XI в. и где в 1012 г. был основан монастырь Чжал-луг-лхай (rgyal-lug-lhas), славившийся своим богатством (см.: Snellgrove D., Richardson H. *Op. cit.* — P. 112—113).

Глава IV

Лхаса, город и его главные святыни

- ¹ Датировка жизни и правления этого царя является самым запутанным вопросом как в самой тибетской исторической литературе, так и в современной научной. Приведенные годы жизни Сронцзан-

- Гампо (629–711) соответствуют хронологии Е-Цзэбы и далай-ламы V. По хронологии Будона (1290–1364), Гунчен-Чжамьян-Шадба-Дорчжэ (1648–1722) и Сумба-Хамбо (1704–1788), Сронцзан-Гампо родился в год земли-коровы (617 г.) и умер в год земли-собаки (689 г.) (см.: Пагсам-чжонсан, л. 996–102а). Датировка 617–694 гг., которой придерживается большинство исследователей (см.: Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. — М., 1961. — С. 35), является также спорной (см.: Richardson H. How Old was Srong Btsan Sgampo?// Bulletin of Tibetology. — 1965. — Vol. II. No. 1).
- ² Действительно, в тибетских источниках не указывается дата основания Лхасы. Только Сумба-Хамбо во введении к «Хронологическим таблицам» указывает, что в год огня-свины (627 г.) было заложено основание прекрасной Лхасы, а строительство ее завершено через 28 лет — в год огня-зайца (667 г.) (см.: Пагсам-чжонсан, л. 272). Вместо слова «Лхаса» иногда в литературе встречается название Лхадан (lha-lhan) — «полный богами», «божественный». Э. Хаар полагает, что страна Лхадан-юл (lha-lhan yul), упоминаемая в пророчестве Маньчжушримула-тантры, есть Лхаса (Haahr E. The Yar-lun Dynasty. — Kobenhavn, 1969. — P. 189).
- ³ Храм Прул-нан-цзуг-лаг-хан в тибетской исторической литературе более известен под названием Лхадан-Прулбай цзуг-лаг-кхан (lha-lhan sprul-ba'i gtsug-lag-khang), а его первое описание, принадлежащее далай-ламе V Агван-Лобсан-Чжамцо, составлено в 1644 г. Это описание (lha-lhan sprul-ba'i gtsug-lag-khang-gi dkar-chag shel dkar melong, 21 ff) было опубликовано и переведено А. Уодделом (на англ.) и А. Грюнвелелем (на нем.), но с большими ошибками (см.: Востриков А. И. Тибетская историческая литература. — М., 1962. — С. 135).
- ⁴ Кам — Восточный Тибет, населенный тибетцами, монголами и китайцами из провинции Сикан, ныне упраздненной. П. К. Козлов так характеризует Кам: «Восточный Тибет... на западе граничит с округами собственно Тибета, на севере — с кочевьями нголоков, которые номинально лишь входят в состав Восточного Тибета, а на востоке и юге — с оседлым населением китайцев Сычуани и Юньнани. Из 42 округов Восточного Тибета мы назовем лишь известные нам Дэргэ, Лхадэ, Лин-гузе, Хор, Батан и Литан. Последние два округа хотя и не входят в состав сычуаньской провинции Китая, но оседлое население этой части Восточного Тибета подчинено тем не менее китайским властям Сычуани, назначающим и смещающим управителей округов — тусы. В округах, ближайших к землям собственно Тибета, власть китайцев, считающих себя верховными владыками всего Тибета, однако только номинальна, в чем мы имели случаи убедиться: здесь у же

власть далай-ламы не только духовная, но и светская, можно сказать, почти неограниченна.

Подчиненные Синину тибетцы, населяющие исследованную нами горную область бассейнов Голубой и Меконга, и вообще жители Восточного Тибета слывут у тибетцев других областей под общим именем «кам-ба», то есть жители Кама, или Восточного Тибета (китайское — «кама-бава»). Название «Кам» произошло, по объяснению более сведущих тибетцев, от слова «кам-ба», т. е. дом, земледелец. Впрочем, тибетцев, не подчиненных ведению Синина, чаще называют по месту пребывания их властей и управлений, как, например, «чамдо», «дэргэ», «лин-гузэ» и др.» (Козлов П. К. Монголия и Кам. — М., 1948. — С. 171).

В настоящее время территория Кама разделена между Тибетским автономным районом и провинциями Сычуань и Цинхай. — См.: Прусаускаене И. А. Система управления в Восточном Тибете (XVIII — первая половина XX в.) // Государство и общество в Китае. — М., 1978. — С. 121.

⁵ Четыре небожителя, относящиеся к числу чувственных небожителей ('dod-lha-drug) первого из трех миров — «камадхату» («мира чувств») (см.: Schiefner A. *Buddhistische Triglotte, Sanskrit-Tibetisch-Mongolisches Wörterverzeichnis*. — Spb., 1859. — S. 23b).

⁶ В 1640 г. Гуши-хан вторгся в Тибет по просьбе далай-ламы V Агван-Лобсан-Чжамцо (1617–1682), подавил выступление светских князей против последнего и своим военным вмешательством закрепил институт религиозно-политической власти далай-ламы в Тибете (см.: Дугаров Р. Н. Родословные таблицы хошутского Гуши-хана из исторического сочинения «Дэбтэр-чжамцо» // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 5. — С. 83–94; С. Н. Кассинелли и Р. Б. Эквал издали большую монографию, в которой уделяется много внимания власти Гуши-хана и его преемников (Cassinelli C. N., Ekvall R. B. *A Tibetan Principality: The Political System of Saska*. — New York, 1969).

⁷ В этом предании речь идет о смерти царя Сронцзан-Гампо в 650 г., а последняя дата соответствует китайской хронологии в Синь Тан-шу (т. е. «Новой истории Танской династии Китая») и противоречит тибетской датировке (629–711), приведенной выше автором. Это — один из основных спорных вопросов тибетской хронологии раннего периода (хронологию Тан-шу см.: Бичурин И. *История Тибета и Хуннура*: В 2 т. — СПб., 1833; Bushell S. W. *The early history of Tibet from Chinese sources* // *Journal of Royal Asiatic Society*. — 1880. — № XII. — P. 435–541).

⁸ Далай-лама V Агван-Лобсан-Чжамцо является автором известного исторического сочинения «Чжалраб» (gang-can-yul gyi sa-la shyod-

- pa'i mtho-ris-kyi rgyai blon gtso-bor brjod-pa'i deb-ther. rdzogs-ldan gzhon-nu'i dg'a-ston dpyid-kyi rgyal-mo'i glu-dbyangs), написанного им в 1643 г. и переизданного в Пекине в 1957 г. с лхасского издания (см.: Востриков А. И. Указ. соч. — С. 62–63).
- ⁹ «Лондол-лама» Агван-Лобсан (klong-rgol bla-ma ngag-dbang blo-bzang) является автором собрания сочинений (сумбума) в двух томах и считается одним из авторитетнейших ученых Тибета XVIII в. Его труды, особенно справочного характера, широко используются современными учеными, но жизнь и деятельность не изучены. Имеется биография Лондол-ламы, составленная Гончог-Чжигмэл-Ванбо (1728–1791) (см.: Востриков А. И. Указ. соч. — С. 17–18, 157).
- ¹⁰ Это сообщение в «Чжалрабе» далай-ламы V и в сочинениях Лондол-ламы не освещено в современной научной литературе, и нет никаких других исторических доказательств того, что китайские войска вступали в Лхасу в VIII в.
- ¹¹ Имеется значительное количество биографий Цзонхавы (не менее 15 названий), среди которых наибольшей популярностью пользуются биографии, написанные Кхайдубом и чахар-гэбши Лобсан-Цультимом. По-видимому, Г. Ц. Цыбиков имеет в виду комментарий к автобиографии Цзонхавы, составленный Агван-Чжамбой (1682–1762) из скита Пурбу-чжог (phug-bu tsoq).
- ¹² Согласно буддийской космологии по системе Абхидхарма, в центре мира расположена гигантская четырехгранная гора Сумеру, а вокруг нее — четыре материка (gling): на юге — Цзамбудвипа, треугольный в виде лопаты; на севере — Утгаракуру, четырехугольный; на востоке — Видеха, полукруглый в виде полумесяца; на западе — круглый, Годания (см.: Ковалевский О. Буддийская космология. — Казань, 1941; Пубаев Р. Б. Буддийская космология в историческом труде Сумба-Хамбо «Древо созерцания» // Материалы по истории филологии Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1968. Вып. 3. — С. 132–142).
- ¹³ Речь идет о знаменитом тибетском поэте-отшельнике Миларайпе (1040–1123), в творчестве которого наибольшей популярностью пользуется «Собрание песен», или «Сто тысяч песен» (mgug-'bum). Биографии и творчеству Миларайпы посвящена большая литература (см.: Rockhill W. W. Hundred Songs of Milararpa // Journal of the American Oriental Society. — 1884. — Vol. XI. — P. 207–211; Владимирцов Б. Я. Из лирики Миларайбы // Восток. — 1922, № 1. — С. 45–47; Vacot J. Le poète tibétain Milarépa. — Paris, 1925 и др.).
- ¹⁴ Китайско-тибетский договор о прекращении военных действий был заключен в 821–822 гг., а текст договора выбит на трех каменных колоннах, поставленных в Лхасе (см.: Богословский В. А. Указ.

соч. — С. 69; Richardson H. E. Ancient historical edicts at Lhasa. — L., 1952). Датировка Г. Ц. Цыбыковым правления Ралпачана концом IX — началом X в. спорна (см.: Li Fang-kuei. The Description of the Sino-Tibetan Treaty of 821–822 // *Toung Pao*. — 1956, vol. XLIV. — P. 1–3).

- 15 Первый министр царя Сронцзан-Гампо Гар был, вероятно, искусным дипломатом и политиком, ибо только ему поручалось ведение переговоров о женитьбе царя на девушках из китайских и непальских дворов. Гар происходил из могущественной фамилии, члены которой в течение ряда поколений занимали высшие государственные и военные должности в Тибетской империи (см.: Кузнецов Б. И. Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных». — Л., 1961. — С. 13–15).
- 16 Известная ступа Будданатха близ Катманду, являющаяся одной из 57 святынь буддизма в Непале.
- 17 Дэсрид-Санчжай-Чжамцо (1653–1705), регент при далай-ламе V Агван-Лобсан-Чжамцо (1617–1682) и далай-ламе VI Лобсан-Цаньян-Чжамцо (1683–1706), крупный политический деятель и ученый, автор многочисленных трудов, таких как астрономические трактаты «Вайдурья-гарбо» и «Вайдурья-ясэл», историческое сочинение «Вайдурья-сэрбо», сочинения по медицине «Вайдурья-онбо», «Лхантаб» и другие. Часть трудов тибетского ученого была привезена Г. Ц. Цыбыковым и включена в его коллекцию под номерами 27, 49 и 74 (см.: Востриков А. И. Указ. соч. — С. 243). Тибетолог из Германии Кристина Ланге написала специальную работу по регентству Дэсрид-Санчжай-Чжамцо (Lange K. *Die Werke des Regenten San rgyas rgya mc'o* (1653–1705). — Berlin, 1976).
- 18 Кан-си — цинский император Китая (1662–1722).
- 19 Цянь-лун — цинский император Китая (1735–1795).
- 20 Один из «странствующих факультетов» тантрийской школы Чжудпа-дод (rgyud-ra stod); вторая тантрийская школа носила название Чжудпа-мад (rgyud-ra smad). В Лхасе обучение тантризму и его сложному культу монахи проходили на этих двух факультетах — Чжуд-дод и Чжуд-мад (Snellgrove D., Richardson H. A. *Cultural History of Tibet*. — P. 240; Востриков А. И. Указ. соч. — С. 132, 320).
- 21 По древнеиндийской традиции основателем медицины считается Дживака Кумара (Jivaka-Kumara), по-тибетски — Сочжэшонну (gso-byed gzhon-nu), о жизни которого сохранилось очень мало достоверных данных (см.: Обермиллер Е. Е. Пути изучения тибетской медицинской литературы // Библиография Востока. — 1935. — Вып. 8–9; Hummell S. *Sman-gyi-bla* // *Bulletin of Tibetology*. — 1965. — Vol. II, № 2. — P. 9–16).

- ²² Ютог-Йондан-Гонбо жил во времена царя Тисрондэвцзана в VIII в., трижды ездил в Магадху для изучения медицинских сочинений на санскрите в университете Наланда; он автор ряда трактатов по медицине. Фактически его можно рассматривать как основателя тибетской медицины (см.: Das S. Ch. A Tibetan-English Dictionary with Sanskrit synonyms. — Calcutta, 1902. Востриков А. И. Указ. соч. — С. 243). Сумба-Хамбо во введении к «Хронологическим таблицам» указывает, что в год железа-зайца (751 г.) Йондану-Гонбо (yon-tan mgon-po) из древней фамилии врачей Ютог было уже двадцать пять лет (Пагсам-чжонсан, л. 272б). В этом случае он родился в 726 г. Характеризуя вклад врачей из древней фамилии Ютог в развитие медицины в Тибете, проф. Л. Чандра пишет: «Золотой век тибетской медицины представлен старшим и младшим Ютог-па... В то время как Ютог-па старший жил в 8 веке, Ютог-па младший жил в 11 веке. Он имел возможность изучать Чарака-самхиту и другие санскритские сочинения в Индии. Он написал двадцать трактатов по медицине. (Yuthok's Treatise on Tibetan Medicine, edited by Prof. Dr. Lokesh Chandra // «Śata-Pitaka Series. — New Delhi, 1968. — Vol. 72. — P. 3).
- ²³ «Красношапочная секта» включала в себя две школы — сакьябу, которая концентрировалась в монастыре Сакья (осн. в 1073 г.) и процветала при Сакья-пандите Гунга-Ньинбо (1092–1158), и кадампу, которая действовала в монастыре Радэн (осн. в 1056 г.) и процветала при великом кашмирском пандите Шакьяшри (жил он там в 1204–1213 гг.) (таблицу наследования религиозных школ и сект в Тибете см.: Snellgrove D., Richardson H. Op. cit. — P. 277).
- ²⁴ «Желтошапочная секта» была основана Цзонхавой (1357–1419) и называлась кадампа-новая (bk'a-gdams gsar-pa) или гэлугпа (dge-lugs-pa) (см.: Lalou M. Le religieux du Tibet. — Paris, 1957; Stein R. A. La civilisation tibétaine. — Paris, 1962).
- ²⁵ Речь, по-видимому, идет о секте хэшанов, китайских махаянских буддистов в Тибете.
- ²⁶ Маньчжуро-цинская династия Китая, проводя свою колониальную политику в Центральной Азии во второй половине XVII — первой половине XVIII в., стала посылать в Лхасу своих представителей — амбаней, которые с 1751 по 1911 г. представляли там постоянно. Права амбаней по контролю над управлением Тибета, предоставленные им по особому положению ли-фаньюанем (управлением делами вассальных владений), являлись, по существу, неограниченными. В результате Синьхайской революции 1911–1913 гг. Цинская династия была свергнута, а ее власть в Тибете ликвидирована. Последний маньчжурский амбань Лян Ю отказался от своего поста под давлением тибетского восстания

(см.: Пубаев Р. Е. Из истории освободительной борьбы тибетского народа в период китайской революции 1911–1913 гг. // Уч. зап. БМГПИ им. Д. Банзарова. — 1958. Вып. XIV; о правах и функциях амбаней в Тибете см.: Рокхиль В. В. В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету. — СПб., 1901; Маньчжурское владычество в Китае. — М., 1966).

Глава V

Население Лхасы

¹ Характеристика социально-экономического строя Тибета на рубеже XIX–XX вв. является важной и сложной научной проблемой, в решение которой Г. Ц. Цыбиков внес определенную лепту. Н. В. Кюнер писал: «Наиболее же простое, а с научной точки зрения, пожалуй, и наиболее верное деление тибетского населения, применительно к русским сословиям, указывает Цыбиков: родовитые дворяне, перерожденцы, духовенство и крестьяне» (Кюнер Н. В. Описание Тибета. — Ч. II, вып. I. — Владивосток, 1908. — С. 90). Наряду с Г. Ц. Цыбиковым С. Ч. Дас и Е. Кавагучи посетили Тибет (соответственно в 1881–1882 и 1901–1902 гг.), собрали материалы о социальном строе тибетского общества (см.: Дас С. Ч. Путешествие в Тибет / Пер. с англ. под ред. Вл. Котвича. — СПб., 1904; Kawaguchi E. Three years in Tibet. — L., 1909; Carrasco P. Land and Polity in Tibet. — Seattle, 1959; Goldstein M. S. Taxation and Structure of Tibetan Village // Central Asiatic Journal. — 1971. — Vol. XV, № 1; Пубаев Р. Е. Некоторые вопросы социально-экономических отношений в Тибете конца XIX в. // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. — 1962. — Вып. 1. — С. 18–35).

² В соответствии с пунктом 4 англо-китайской конвенции от 17 марта 1890 г. относительно Сиккима и Тибета 5 декабря 1893 г. в Дарджилинге были подписаны между Англией и Китаем «Правила относительно торговли, коммуникаций и пастбищ, которые должны быть приложены к сиккимо-тибетской конвенции 1890 г.». Эти соглашения, подписанные Китаем под давлением Великобритании, создавали определенные условия для английской и вообще иностранной торговли в Тибете и послужили началом усиления колониальной экспансии Англии в этой стране, вследствие чего ее влияние сохранялось вплоть до 50-х годов XX в.

³ Неварские раджи Непала чеканили монету для Тибета с XVI в. С 1720 г. Китай ввел в Тибете денежное обращение в серебряных слитках, но эти слитки тибетцы посылали в Непал и обменивали там на непальские монеты. На этом длительное время спекулировали монетчики столицы Непала Катманду. Они фактически

монополизировали денежное обращение в Тибете вплоть до конца XVIII в., что привело к китайско-тибетско-гуркхской войне 1792 г., в которой победил Китай. Согласно китайско-непальскому договору 1792 г., обращение непальских монет в Тибете было прекращено, и введены собственная денежная система и чеканка монет (см.: Walsh G. The coinage of Tibet // *Memoires of Asiatic Society of Bengal.* — 1907. — Vol. II; Кюнер Н. В. Указ. соч. — 4. II, вып. 1. — С. 33–40; Мартынов А. С. О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (предыстория маньчжурского похода в Непал в 1792 г.) // *Маньчжурское владычество в Китае.* — С. 243–263).

⁴ Начиная с 1027 г. в Тибете по индийской системе Калачакра было введено летосчисление по шестидесятилетнему циклу «рабжун», в основу которого положен шестидесятилетний цикл планеты Юпитер. Начальный год каждого цикла — год огня-зайца — называется рабжуном (санскр. — *rabhava*), на основе чего все летосчисление также именуется рабжуном. Отличие тибетского шестидесятилетнего цикла от китайского состоит в том, что первый начинается с года огня-зайца, тогда как второй — с года дерева-мыши (см.: Poucha P. *Mongolische Miszellen. Innerasiatische Chronologie* // *Central Asiatic Journal.* — 1962. — Vol. VII, № 3, p. 224–238; Bhattacharya R. N., Chattopadhyaya A. *The Tibetan sexagenary cycle* // *Indian Studies.* — 1966. — Vol. 8, № 1. — P. 99–109).

⁵ Полиандрия (многомужество) и полигамия (многоженство) в семейно-брачных отношениях в Тибете давно интересуют историков, этнографов и социологов, но эти явления до самого последнего времени все еще специально не исследованы (см.: Кюнер Н. В. Указ. соч. — Ч. II, вып. 1. — С. 81–88; Мацокин Н. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии // *Изв. Восточного Института.* — Владивосток, 1911. — Т. 36, вып. 2; Журавлев Ю. И. Этнический состав тибетского района КНР и тибетцы других районов КНР // *Восточноазиатский этнографический сборник.* — М., 1961. — С. 93).

Однако в 60–70-е годы XX века интерес у этнографов к изучению полиандрии и полигамии у тибетцев повысился. Об этом свидетельствует, в частности, специальная монография Петра, принца греческого и датского (H. R. H. Prince Peter of Greece and Denmark. *A Study of Polyandry.* — The Hague, 1963). По рассматриваемой проблеме имеются различные точки зрения. А. М. Решетов приходит, на наш взгляд, к правильному выводу: «Нельзя согласиться с теми авторами, которые видят в существовании полиандрии и полигамии в Тибете вплоть до середины XX века пережитки группово-

го брака, норм материнского права и т. д. Их следует объяснять прежде всего из экономики, социального положения тех семей и социальных групп, где эти формы брака встречались» (Решетов А. М. О полиандрии и полигамии у тибетцев в связи с проблемой их общественного строя // Центральная Азия и Тибет. — Новосибирск, 1972. — С. 71–72).

⁶ См.: Кузнецов Б. И. Тибетская легенда о происхождении человека от обезьяны // Этнография. — 1968. — Вып. 6. — С. 26–62).

⁷ Бадма (Падма) — Самбава — индийский проповедник буддизма в Тибете во времена царя Тисрондэвцзана (VIII в.), выходец из Свата (Удияны), тантрийский йог, основатель школы ньинмаба. По датировке Сумба-Хамбо, он прибыл в Тибет в год земли-коровы (749 г.) (см.: Das S. Ch. A Tibetan-English Dictionary. — P. 779; Snellgrove D., Richardson H. Op. cit. — P. 93, 95–99).

⁸ Современная тибетология накопила значительный материал и расширила свои представления об этой древней религии тибетцев. Установлено, что бон-по по своему происхождению не имеет ничего общего с шаманизмом. Основателем бонской религии был Шенраб Мибо из Ирана, а своими корнями она восходит к культу древнеарийского божества космоса Митры (см.: Hoffmann H. Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion. — Mainz; Wiesbaden, 1950; Кузнецов Б. И., Гумилев Л. Н. Бон (Древняя тибетская религия) // Докл. отделений и комиссий ГО СССР // Этнография. — 1970, вып. 15. — С. 72–90. Характеристику позднего и современного «бона» в Тибете см.: Roerich G. N. Trails to Inmost Asia (Ch. XV. Hor-pa and their country). — New Haven, 1931; Stein R. A. La civilisation tibétaine. — Paris, 1962; Snellgrove D. The nine ways of Bon. — L., 1967).

Глава VI

Жизнь Лхасы

¹ Речь идет о дацанах тантрийского культа Чжуд-дод и Чжуд-мад. См. прим. 20 к главе IV.

² Во время Ихэтуаньского (Боксерского) восстания (1898–1901) была организована интервенция восьми держав (Англии, Франции, России, Германии, США, Италии, Японии и Австро-Венгрии), 40-тысячная армия которых подавила борьбу китайского народа за освобождение своей страны от иностранного ига (см.: Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая (1894–1899). — М., 1958; Восстание ихэтуаней: Документы и материалы. — М., 1968).

³ Сокращенное название трех крупнейших монастырей Тибета близ Лхасы — Сэра, Брайбун и Галдан (se-'bras-dg'a-gsum).

- ⁴ Японо-китайская война 1894—1895 г. окончилась поражением Китая, в результате чего 17 апреля 1895 г. был подписан кабальный Симоносэцкий договор (см.: Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая... — С. 55—145).
- ⁵ Агван-Лобсан Доржиев (1857—1938) — бурятский лама из Забайкалья, получивший высшее богословское буддийское образование в Лхасе и ставший одним из учителей молодого далай-ламы XIII Тубдан-Чжамцо. Есть автобиография А. Доржиева на тибетском и монгольском языках, в последнем случае она имеет такое название: *dalai delkeiyi ergijü bitügsen domog soyaqal — un bicig tedii kemekü orosibai*, 23 ff. (см.: Пубаев Р. Е. Агван Доржиев // Национально-освободительное движение бурятского народа. Тез. и матер, докл. и сообщ. — Улан-Удэ, 1989. — С. 94—98).
- ⁶ Характеризуя путешествие О. Норзунова в Тибет, Н. В. Кюннер писал: «Наиболее важным его последствием было опубликование вывезенных им фотографий Бодалы и других достопримечательностей Лхасы, сделанных с помощью аппарата, который был дан ему Русским Географическим Обществом, принявшим на себя издержки по путешествию» (Кюннер Н. В. Указ. соч. — Ч. 1, вып. I. — С. 203). Результаты путешествия О. Норзунова в Тибет отражены и в зарубежной тибетологии. Так, например, Дэникер составил по рассказам О. Норзунова интересную статью о его путешествии в Лхасу (*Deniker. Trois voyages á Lhasa (1898—1901) par O. Norzunoff, pélerin Kalmouk // Tour de Monde. — 1904. — Vol. X, No. 19—20*).

Впервые в России фотографии, сделанные О. Норзуновым в Лхасе, были опубликованы в виде приложения к статье Г. Ц. Цыбикова «О Центральном Тибете» с заглавием «Лхаса и главные монастыри Тибета в фотографиях» в журнале «Известия Императорского Русского Географического Общества». — 1905. — Т. XXXIX, вып. III. — С. 219—227. На первой буддийской выставке в Петербурге в 1919 г. в Эрмитаже были экспонированы фотографии Лхасы. С. Ф. Ольденбург писал: «Для нас, русских, любопытно отметить, что первые фотографии Лхасы, когда-либо снятые, были сделаны русским калмыком Норзуновым и русским бурят-ом Цыбиковым» (Ольденбург С. Ф. Первая буддийская выставка в Петербурге. — Пг., 1919. — С. 39).

- ⁷ По космологии Абхидхармы, мир живых существ подразделяется на шесть разрядов (или миров), из коих три — мученики ада (тама), прета (бириты) и животные — составляют нижний мир «кама-дхату», тогда как другие три — люди, асуры и небожители — верхний мир (см.: Ковалевский О. Буддийская космология. — Казань, 1841).

- ⁸ Так проходит слава земная! (*лат.*)

- ⁹ Вручение книг «Чжан-рай-сиг-ги-ван» и «Цэбагмэд-чжи-ван» символизировало акт разрешения монаху читать религиозные тексты, посвященные бодисатве Авалокитешваре.

Глава VII Управление Тибета

- ¹ Во времена монгольской Юаньской династии в Китае (1280–1368) усилилось влияние Китая в Тибете (см.: Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. // *Филология и история монгольских народов*. — М., 1958. — С. 333–346). Следует заметить, что Г. Ц. Цыбиков несколько преувеличивал влияние Китая в Тибете.
- ² Вопросы отношений Тибета с другими странами представляют сложную научную проблему. Наряду с западными и восточными учеными-ориенталистами этой проблемой интересовались также представители правящих кругов современного Тибета. Книгу о политической истории Тибета, о его внутреннем управлении с древнейших времен написал бывший министр финансов правительства далай-ламы XIV Цэпон В. Д. Шакабпа, бежавший в 1959 г. в Индию (см.: Shakaбpa Tsepon W. D. *Tibet: A political history*. — New Haven; London, 1967. — P. 369). Книга написана на тибетском языке, а издана на английском профессором тибетского языка Вашингтонского университета Таррелем В. Вайли (см. также: Goldstein M. C. *The balance between centralization and decentralization in the traditional Tibetan political system* // *Central Asiatic Journal*. — 1971. — Vol. XV, No. 3).
- ³ Внук Чингисхана, основатель Юаньской династии в Китае (1280–1294); принял буддизм и в политических целях покровительствовал влиятельной секте сакья во главе с Пагба-ламой (1235–1280). Только благодаря покровительству Хубилая секта сакья получила политическую власть в Тибете, что можно считать началом формирования феодально-теократического строя в стране (о тибетско-буддийской политике Хубилая см.: Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. // *Филология и история монгольских народов*. — М., 1958. — С. 340–342; Tucci G. *The Tibetan Painted Scrolls*. — Rome, 1959. — Vol. I. — P. 7–17).
- ⁴ *Тиб. khri-skor bcu-gsum*. Согласно «Пагсам-чжонсану» Сумба-Хамбо (л. 1026–103а), эти 13 областей, или округов, состояли из 6 округов области Уй (Еригон, Пагдуба, Чжам-Йасанва, Цалба, Джа-юл и Лхо-Бруг); 6 округов области Цзан (2 округа южного и северного Верхнего Нгарийя, Чумиг, Шалу, Джан и Бруг), одного отдельного округа Верхний Бруг, не входящего ни в Уй и ни в Цзан. Наряду с таким административным делением существо-

вало еще одно деление Тибета на три области (*chol-kha gsum*) — «учения, людей и лошадей». При этом область распространения буддийского учения считались провинции Уй и Цзан, «областью людей» — Верхний Кхам, «областью лошадей» — Нижнее Амдо. Деление всего Тибета на три области возникло в период правления Хубилая, который, став великим ханом монголов, приблизительно в 1275 г., пожаловал сакьяскому Пагба-ламе указанные 13 округов и «три области». Согласно другим тибетским источникам, рассматриваемое административное деление Тибета было введено в результате переписи 1268 г. и закреплено следующей переписью 1287 г. (см.: Рерих Ю. Н. Указ. соч. — С. 341–342; Tucci G. *Op. cit.* — Vol. I. — P. 13).

Административный строй древнего Тибета и история его развития явились предметом специального исследования венгерского тибетолога Г. Урай (см.: Uray G. *The four Horns of Tibet according to the Royal Annals // Acta Orientalia Hungarica.* — 1960. — Т. X, f. 1. — P. 31–57).

⁵ Юн-чжэн (1723–1735) — цинский император Китая.

⁶ В конце XVII–XVIII в. завершилось маньчжуро-китайское завоевание Монголии и Джунгарии, а в Тибете была установлена власть китайских амбаней. Это вызвало освободительную борьбу народов этих стран против маньчжуро-китайских захватчиков (см.: Маньчжурское владычество в Китае. — М., 1966).

⁷ Речь идет о падении последнего хошутского правителя Тибета Лхавсан-хана (1697–1717) в результате джунгарского нашествия Цэрин-Дондуба в 1717 г., об изгнании джунгаров маньчжуро-китайскими войсками, о так называемой гражданской войне 1727–1728 гг. и об установлении китайского сюзеренитета в Тибете в 1750 г. (см.: Petech L. *China and Tibet in the Early 18th century: History of the establishment of Chinese protectorat in Tibet.* — Leyden, 1950; Мартынов А. С. Указ. соч. — С. 243–244).

⁸ С 23 августа по 24 сентября 1720 г. по приказу императора Кан-си Сычуаньская армия заняла Лхасу, позднее подошла Кукунорская армия во главе с генералом Ян-сыном. В результате была ликвидирована джунгарская оккупация Тибета, но в стране установилась военная власть маньчжуро-китайской армии. 16 октября 1720 г. эта армия привела к власти двенадцатилетнего далай-ламу VII Лобсан-Галсан-Чжамцо (1705–1758), кандидата кукунорских князей.

⁹ В 1720 г. маньчжуро-китайская армия, оккупировав Лхасу, ликвидировала институт регентства — учреждение «дэсрид», которое фактически представляло собою правительство Тибета, и назначила «Совет министров» из лиц, верных Китаю. Опорой власти

- «Совета министров» был сильный китайский гарнизон в 3 тыс. солдат. Весь Юго-Восточный Тибет вместе с Бутаном, Литаном, Дацзянлу и вся область, примыкающая к Центральному Тибету, были переданы в ведение губернатора Сычуани. Иначе говоря, весь Восточный Тибет был отторгнут и включен в состав китайской провинции Сычуань (см.: Petech L. Op. cit. — P. 66).
- ¹⁰ К середине XVIII в. завершился длительный процесс формирования феодально-теократического строя Тибета, которому способствовала маньчжурская династия.
- ¹¹ «Высочайше утвержденные родословные и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана» (*jarlig yiar toytaya ysan yadaγadu tongγ ol qotong aiγtaγ-un vang güng-üd-ün iledek šastir*), которые, по-видимому, были изданы при Цянь-луне в 1799 г. В «Илэтхэл шастире» есть главы, посвященные Тибету. Большой интерес представляют две главы о Хошутском аймаке (см.: Пучковский Л. С. Монгольские рукописи и ксилографы. — С. 53–55). Материалы «Илэтхэл-шастира» по Тибету и Хошутскому аймаку не используются тибетологами. Г. Ц. Цыбиков был первым, кто обратил внимание на этот источник и сделал его перевод, рукопись которого сохранилась в архиве ученого (см. Гос. архив Читинской обл., ф. 1683, оп. 61).
- ¹² Вождь гуркхов Притва Нараян после установления власти в Непале добивался продолжения обращения непальских монет в Тибете, но приблизительно в конце 70-х гг. XVIII в. потерпел неудачу из-за отказа лхасского правительства, за спиной которого стоял Пекин, удовлетворить его домогательства. Побуждаемый неудачей и движимый намерениями грабить богатства Южного Тибета неварский раджа Непала в 1788 г. напал на Тибет, в результате чего непальские войска оказались в южной его части. Тибет был вынужден заключить с Непалом тяжелый мир, согласно которому обязался платить последнему ежегодную дань в триста тибетских слитков серебра, или 9600 китайских унций серебра. За это Непал обязался эвакуировать свои войска из Южного Тибета и освободить занятые ими тибетские крепости. Вероятно, дата 1789 г. — год нападения Непала на Тибет, по Г. Ц. Цыбикову, является ошибочной, ибо гуркхи напали на Южный Тибет в 1788 г. и тибетско-непальский договор был заключен в том же 1788 г. После этого гуркхи вторично вторглись в Тибет в 1791 г., заняли Шихацзэ и Даший-лхунбо, но были изгнаны в 1792 г. (см.: Мартынов А. С. Указ. соч. — С. 243–263). Текст договора между Непалом и Тибетом содержится в сборнике «Циньдин гоэрка цзилюе» («По Высочайшему соизволению напечатанное собрание документов о войне с Непалом»), опубликованном в 1795 г. (см.: Мартынов А. С. Указ.

соч. — С. 245, 256; Camman Sh. Trade Through the Himalayas: The Early British Attempts to open Tibet. — New Jersey, 1951; Diskalkar D. Tibeto-Nepalese War 1788–1793 // Journal of the Bihar and Orissa Research Society. — 1933. — Vol. IX).

Глава VIII

О далай-ламах

- ¹ Проф. А. Грюнведель (1856–1935) — немецкий ориенталист, автор ряда работ по истории буддизма в Тибете. Г. Ц. Цыбиков, по-видимому, имеет в виду работу: *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei.* — Leipzig, 1900.
- ² Согласно тибетской исторической традиции, Ньяти-цзанпо (Няи-цзанбо) — первый легендарный царь Тибета и один из его семи «небесно-престольных» царей (*gnam-la khri-bdun*) — возглавляет родословную линию 30–33-го царей Ярлунгской династии, из которых последний, Намри-Сронцзан, отец Сронцзан-Гампо, считается историческим. По хронологическим вычислениям Сумба-Хамбо, Ньяти-цзанпо родился в год дерева-мыши, т. е. в 417 г. до н. э. (Пагсамжонсан, л. 272а). Датировка Г. Ц. Цыбикова соответствует этой хронологии. Э. Хаар в своем фундаментальном исследовании «Ярлунгская династия» самым скрупулезным образом разбирает данные источников, при этом различая «доисторическую» и «историческую» линии династии (см.: Haag E. *The Yarlung Dunasty.* — P. 33–44).
- ³ По хронологии Сумба-Хамбо, Тисрондэвцзан (802–845) родился в год железа-лошади, т. е. в 790 г. Приведенная Г. Ц. Цыбиковым датировка правления Тисрондэвцзана соответствует датировке Пагба-ламы и Сумба-Хамбо, но не соответствует хронологии других тибетских авторов (см. сравнительную таблицу тибетских царских хронологий между VII–X вв. в кн.: Bunkyo Aoki. *Study on Early Tibetan Chronicles.* — P. 25–26).
- ⁴ Адаг-ти-Рал (866–902) — царь Ралпачан. Указанные даты его жизни соответствуют хронологии Пагбы.
- ⁵ Бром-доньба (Бромтон) жил в 1004–1065 гг.
- ⁶ Сачжа (Сакьяский) Гунга-Нинбо жил в 1092–1158 гг.
- ⁷ В хронологической таблице далай-лам Г. Шулеманна (Schulemann G. *Op. cit.* — S. 476) дата смерти первого далай-ламы Гэндундуба обозначена неправильно (1475 г.). А. И. Востриков приводит список биографий девяти далай-лам (с первого по девятый), тибетские тексты которых были привезены Г. Ц. Цыбиковым, входят в его коллекцию и использованы им в настоящем очерке (см.: Востриков А. И. *Указ. соч.* — С. 306–308).

- ⁸ Год рождения второго далай-ламы Гэндун-чжамцо (1476) Г. Шулеманном и А. И. Востриковым (Указ. соч. — С. 306) также указан неправильно.
- ⁹ Третий далай-лама Соднам-чжамцо (1543—1588) был признан «великим ламой, живым буддой», также и минским императором, т. е. Ши-цзуном (1522—1567).
- ¹⁰ Санан-сэцэн — знаменитый монгольский историк Саган-сэцэн (1604 — после 1662), автор исторического сочинения «Эрдэнийн тобчи» (*xad-un ündüsün-u erdeni-yin Tobci*) и «Истории ханов Индии, Тибета и Монголии» (*Enekeg tübed mongyol qad-un tuuji orosibai*) (см.: Пучковский Л. С. Монгольские рукописи и ксилографы. — С. 24—29; см. также: Schmidt I. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fuzstenhauses, Verfast von Ssanang Ssetsan Chungtaidschi. — Spb., 1829).
- ¹¹ Хошутский Гуши-хан, согласно «Хронологическим таблицам» Сумба-Хамбо, родился в год воды-лошади (1582) и умер в год дерева-лошади (1654). Л. Петех, ссылаясь на Дж. Туччи, дату смерти Гуши-хана указал неправильно — 1655 г. (см.: Petech L. Op. Cit. — P. 267; Tucci G. The Tibetan Painted Scrolls. — Vol. 1. — P. 65—80).
- ¹² Шестой далай-лама Цанян-чжамцо (1683—1706), согласно «Хронологическим таблицам» Сумба-Хамбо, умер в год дерева-мыши (1705).
- ¹³ Цэрин-дондуб, кроме похода в Лхасу в 1717 г., возглавлял по приказу Цэван-рабтана десяти тысячный отряд ойратских войск, овладевших в 1716 г. русской Ямышевской крепостью.
- ¹⁴ Цэван-рабтан — джунгарский хан, правивший с 1687 г. после смерти Галдан-бошокут-хана. О Цэван-рабтане и его полковнике Цэрин-дондубе см.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1965. — С. 341, 344, 319—386.

Глава IX

Эпизод из жизни правящего ныне далай-ламы

- ¹ Далай-лама XIII Тубдан-Чжамир (1876-1933) — крупный политический деятель Тибета, отстаивавший свободу своей страны как от колониальной экспансии Великобритании, так и от гнета Китая. Личность и политика далай-ламы XIII весьма интересовали дипломатов, ученых и журналистов. Из обширной литературы о нем укажем две книги: Козлов П. К. Тибет и далай-лама. — Пг., 1920; Tookan Tada. The Thirteenth Dalai Lama: — The Centre for East Asian Cultural Studies. — Tokyo, 1965 (японский тибетолог

Токан Тада жил в Тибете десять лет — с 1913 по 1923 г. — и считался неофициальным советником далай-ламы XIII). См. также: Bell Ch. *The Portrait of XIII Dalai-Lama*. — London, 1946.

Глава X

Устройство и управление главнейших монастырей в окрестностях Лхасы

¹ По традиционной классификации первый разряд тибетских наук представляет теология (*paṅ-rig-pa*) — «внутренняя наука», которая, в свою очередь, подразделяется на два разряда — «цаннид-тэгба» (лакшанаяна) — «колесницу сущности» (*tshan-nyid-kyi theg-pa*), т. е. буддийскую философию, и «аг-тэгба» (мантрайна) — «колесницу заклинаний-мантр» (*sngags-kyi theg-pa*), т. е. буддийскую мистику. «Цаннид-тэгба» подразделяется на пять отделов: парамиту (*phag-phyin*), мадхьямику (*dbu-ma*), абхидхарму (*pingon-pa*), винаю (*'dul-ba*) и сиддханту (*grub-mth'a*), из которых первые три можно считать философскими, а два остальных богословскими. Эти пять отделов и являются предметами изучения на богословско-философском факультете (цаннид), с одной существенной поправкой. Дело в том, что на факультете «цаннид» в монастырских школах Тибета, Монголии и Бурятии вместо «сиддханты» (дубта) — истории философских школ — в числе пяти предметов одной из первых изучалась логика (*gtan-tshigs rig-pa*), которая по традиционной классификации входит в число пяти основных наук, а не в «колесницу цаннид» (см.: Stcherbatsky Th., Obermiller E. *Abhisamayā-lankāra-prajñāpāramitā-upadeśa-śāstra: The work of Bodhisattva Maitreya* // *Bibliotheca Buddhica*. — 1929. — Vol. XXIII. — P. 11).

² «Намдэл» (санскр. «Праманавартика») — учение о логике». В данном случае у автора речь идет не столько об учении о логике, сколько о первом из семи трактатов по логике (*tshad-ma sde-bdun*) — «Праманавартика» (*gnam-'grel*) Дигнаги (см.: Stcherbatsky Th. *Buddhist Logic*. — Leningrad, 1932. — Vol. 1. — P. 1, 31–39).

³ Ф. И. Щербатский отмечает, что в качестве предмета изучения в монастырских школах Тибета и Монголии вся буддийская литература делится на лакшанаяну («цаннид-тэгба»), или собственно доктрину, и мантрайна («аг-тэгба»), или мистическое богословие, в соответствии с чем в каждом монастыре имеются две школы или факультета — «цаннид-дацан» и «чжуд-дацан». По свидетельству Г. Ц. Цыбикова и других ученых, тантрийские факультеты были далеко не во всех монастырях. Надо отметить, что в последние годы зарубежные тибетологи стали уделять большое внимание изучению философии и культа буддийского тантризма (см.:

Govinda A. Foundation of tibetan mysticism. — L., 1959; Guenther H. The Philosophical Background of Buddhist Tantrism // Journal of Oriental Studies. — Hong Kong, 1965. — Vol. V. — № 1–2. — P. 45–64; Dutt N. Tantric Buddhism // Bulletin of Tibetology. — 1964. — Vol. 1. — № 2. — P. 5–6).

Глава XI

Монастырь Галдан

- ¹ Вообще известны 84 индийских сиддха-чудотворца — «дубчэна», биографии которых в монгольском переводе из нартанского Данчжура под названием «Энэдкэгун найан дурбэн шидди-тэн-у цидиг орошиба» в свое время были изданы в Агинском дацане.
- ² Чжалцаб-дарма-ринчэн (1364–1432) — ученик Цзонхавы, крупный ученый.
- ³ Хайдуб-гэлэг-балсан — ученик Цзонхавы Кхайдуб (1385–1438).

Глава XII

Монастырь Брайбун

- ¹ Тибетское «ро» означает «вкус» и «могила», а «гwa» или «гwa-со» — «рог». Речь идет, видимо, о Ра-лоцзаве Дорчжэ-Дагба (gwa lo-tsaba rdo-tje grags) (см.: Востриков А. И. Указ. соч. — С. 108, 291).

Глава XIII

Монастырь Сэра

- ¹ Сэра — букв. «местность диких роз или шиповника». Полное название монастыря — Сэра-тэгчэн-лин.
- ² Имеется в виду Чжамчэнь-Чойчжэ-Шакчжа-Ешей (1354–1435), жизнь которого описана в 8-й книге «Биографии Цзонхавы», принадлежащей Чахар-гэбши Лобсан-Цультому. Там же содержится и описание Сэра (см.: Kaschewsky R. Das Leben des lamaistischen Heiligen Tsongkhapa Blo-bzan-gragspa (1357–1419). — Wiesbaden, 1971. — S. 221).

Глава XIV

Монастырь Даший-лхунбо

- ¹ Индийский проповедник буддизма в Тибете Шриджняна-Дипанкара, известный больше по имени Чжово-Атиша, прибыл в Западный Тибет в год дерева-лошади (1042 г.). Приведенные автором годы жизни Атиши — 994–1067 — неточны. Согласно «Хроно-

логическим таблицам» Сумба-Хамбо, Атиша жил в 982–1054 гг. О деятельности Атиши в Индии и Тибете имеется большая литература, среди которой наиболее важной работой является: Chattopadhyaya A. *Atisa and Tibet*. — Calcutta, 1967.

² В первом случае речь идет о сражениях, которые имели место в 1717–1718 гг. во время джунгарского нашествия на Тибет, во втором — о битве во время непальско-тибетской войны 1788 г. (см.: Мартынов А. С. Указ. соч. — С. 243–263).

³ Царь центральной провинции Тибета Цзана — известный Цзанба-хан, по-видимому, разрешил деятельность капуцинских миссионеров, что вызвало недовольство далай-ламы V Агван-Лобсан-Чжамцо (1617–1682) и его покровителя хошутского Гуши-хана (1582–1654). Последний предпринял военный поход в Цзан в 1642 г. и разгромил Цзанба-хана. По этому поводу в «Хронологических таблицах» Сумба-Хамбо в год воды-лошади (1642 г.) говорится: «Данцин-Чойчжал (т. е. Гуши-хан) прибыл в Цзан, захватил Цзанба-хана, сокрушавшегося (о потере) лучших земель, подчинил своей власти Цзан и Кон (по) и стал царем Тибета». В результате капуцинская миссия была закрыта в 1652 г. (см.: Кюнер Н. В. Указ. соч. — Ч. 1, вып. 1. — С. 31–32).

Глава XV

Из Даший-лхунбо в Лхасу

¹ Составление и редакция Ганчжура и Данчжура проводились под руководством Будона (1290–1364), причем первые ксилографические доски для печатания текстов были изготовлены в монастыре Нартан, а вся работа по изданию Ганчжура и Данчжура была завершена ламами сект ринпун (gin-sprungs) и кармапа. Печатание Ганчжура и Данчжура в Нартане завершилось в XVIII в. Таким образом, нартанское издание Ганчжура и Данчжура является первым (см.: Snellgrove D., Richardson H. *Op. cit.* — P. 170). После этого Ганчжур и Данчжур были изданы в Дэргэ, Чжонэ, Лхасе, Пекине и переведены на монгольский язык (о различных изданиях Ганчжура см.: Badaraev B. D. Note on a list of the various editions of the Kanjur // *Acta Orientalia Hungarica*. — 1968. — Т. XXI, fasc. 3. — P. 339–351).

Из различных изданий Ганчжура и Данчжура наилучшими в полиграфическом отношении считались дэргэское и пекинское. На тибетском языке полное издание Ганчжура и Данчжура было предпринято в Японии, при этом издатели предпочли пекинское издание (см.: *Tibetan Tripitaka / Reprinted under the Supervision of Otani University, Kyoto; Ed. by Daisetsu T. Suzuki*. — Press, of Tibetan

Tripitaka Research Institute). Издание осуществлено в 150 томах, из которых 45 томов составляют Ганчжур, а 105 томов — Данчжур.

Каталог монгольского Ганчжура издал Л. Лигети (Ligeti Louis. *Catalogue du Kanjur Mongol Imprimé*. — Budapest, 1942).

О монгольском Данчжуре см.: Владимирцов Б. Я. Монгольский Данчжур // Докл. АН СССР. — 1926. — Сер. В. — С. 31–34. Издание монгольского Ганчжура начал Л. Чандра (Mongolian Kanjur / Ed. by Lokesh Chandra. From the Collection of prof. Raghuvira // *Śata Pitaka Series*. — Delhi, 1973. — Vol. 101–105).

Издание каталога монгольского Данчжура было начато покойным академиком Б. Ринченом (*Catalogue du Tanjur Mongol Imprimé par académicien prof. Dr. Rintchen* // *Śata Pitaka Series*. — New Delhi, 1964. — Vol. 33).

- ² Тибетский ученый Будон (1290–1364), издатель-составитель Ганчжура и Данчжура, является также автором известного исторического сочинения «История буддизма» (см.: Obermiller E. *History of Buddhism (chos — hbyung) by Buston*. P. I–II. — Heidelberg, 1931–1932. Собрание сочинений Будона издал Л. Чандра: *The Collected works of Buston* // *Śata Pitaka Series*. — New Delhi, 1965. — Vol. 41 etc.).
- ³ Город Чжан-цзэ в Южном Тибете был открыт для английской торговли в 1904 г. в результате военной интервенции Англии и заключения сепаратного англо-тибетского договора 1904 г., торговые условия которого были подтверждены и англо-китайскими торговыми правилами, установленными в Калькутте 20 апреля 1908 г. Эти соглашения были опубликованы в так называемой английской Синей Книге (*Papers relating to Tibet*. — L., 1904, No. I–II; 1905, № III; 1910, № IV).
- ⁴ Город в Сиккиме, который служил летней резиденцией английского генерал-губернатора Индии в Калькутте. В 70-х гг. XIX в. в Дарджилинг англичанами была подведена железная дорога и был открыт крупный торговый рынок. Дарджилинг служил опорным пунктом английской экспансии в Тибете в конце XIX — начале XX в.

Глава XVI

Поездка в Цзэтан и Самьяй

- ¹ Это замечание Г. Ц. Цыбикова полностью подтверждено новейшими исследованиями, среди которых первое место занимает монография Э. Хаара (*Haarh E. The Yar-lun Dynasty: A study with particular regard to the contribution by myths and legends to the history of Ancient Tibet and nature of its kings*. — Kobenhavn, 1969).

- ² Цзэтан был столицей до VII в., т.е. до времени правления Намри-Сронцзана, последнего царя из 30-ти или 32–33 легендарных царей Ярлунгской династии. Со второй половины VII в. столицей Тибетской империи стала Лхаса. О положении Цзэтана в конце XIX в., кроме Г. Ц. Цыбикова, писали С. Ч. Дас, Учжен-Чжамцо и др. (см.: Кюнер Н. В. Указ. соч. — Ч. II, вып. II. — С. 112).
- ³ Монастырь Самьяй основан в 811 г. (по Санан-Сэзэну), а по Чжалрабу 5-го далай-ламы — в 766 г. (год огненной лошади). По-видимому, ни одна из этих дат не может быть принята. В источниках у исследователей встречаются также следующие даты основания монастыря: 779 г. (год земли-овцы) (Snellgrove D., Richardson H. Op. cit. — P. 275), 787 г. (год огня-зайца) (Богословский В. А. Очерки... — С. 61; Кузнецов Б. И. Тибетская летопись... — С. 17, 39 и т.д.). Мы придерживаемся датировки Сумба-Хамбо, который считает, что Балма-Самбава прибыл в Тибет в год земли-коровы (749), а через три года после этого в 751 г. (т.е. в год железа-зайца) основал монастырь Самьяй (Пагсам-чжонсан, л. 272) (см.: Stein R. A. Une chronique ancienne de bsam-yas: sba-bzhed. Edition du texte tibétain et résumé français. — Paris, 1961).

Глава XVII

Домой

- ¹ Тараната — Таранатха (1575 — ?), тибетский историк и автор «Истории буддизма в Индии», составленной в 1608 г. и переведенной на немецкий А. Шифнером (Schiefner A. Taranatha's Geschichte des Buddhismus in Indien. — Spb., 1869), на русский В. П. Васильевым (История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. — СПб., 1869) и на английский — А. Чаттопадхьяя (Taranatha's History of Buddhism in India: Transl. from Tibetan by Lama Chimpa and Alaka Chattopadhyaya. — Simla, 1970).
- ² Дамские монголы — потомки хошутов, основались в округе Дам, недалеко к северу от Лхасы. На протяжении всего периода правления хошутских ханов в Тибете, начиная с завоевания его Гушиханом в 1642 г. и кончая падением Лхавсан-хана в 1717 г., Дам был оплотом монгольских правителей. Л. Петех пишет: «Гушихан и его преемники не жили в Лхасе; хошуты были настоящими номадами, а их пастбишные земли находились в области Дам — в долине Дамчу к юго-востоку от Тэнгри-нора. В ней все еще обитают самые южные монголы, принадлежащие к племени дам. Они кочевали здесь в течение лета и приезжали только зимою, хотя не всегда, в столицу (т.е. в Лхасу), где останавливались во дворце Галдан-Кансар... Эти вожди (хошуты) имели абсолютный кон-

троль над вооруженными силами и над всем, что касалось их; они также были номинальными главами гражданского правительства» (Petech L. *China and Tibet in the early 18th century.* — P. 8).

- ³ Цокто Бадмажапов — переводчик экспедиций П. К. Козлова по Северо-Восточному и Восточному Тибету. Он в городе Хор-Гамдзэ, проявив выдержку и мужество при осаде его квартиры тибетцами, тем самым спас себя и своих спутников. Этот драматический эпизод описан П. К. Козловым (см.: Козлов П. К. *Монголия и Кам.* — М., 1947. — С. 318–320).
- ⁴ Следует заметить, что Г. Ц. Цыбиков нередко датирует те или иные события в Тибете ссылками на правление китайских императоров, преувеличивая влияние Китая. Хотя при Юаньской династии это влияние было сильным, сразу же после ее падения в 1368 г. и на протяжении всего периода Минской династии (1368–1644) Тибет был политически независимым государством. Только в середине XVIII в. Цинская династия вновь добилась установления сюзеренитета над Тибетом (см.: Мартынов А. С. *Статус Тибета в XVI–XVIII вв.* — М., 1978).

В свете новых исследований некоторые положения и формулировки Г. Ц. Цыбикова, характерные для уровня русского востоковедения XIX–XX вв., вызывают сомнения и даже возражения. Так, например, автор пишет, что в 1642 г. хошутский Гуши-хан вместе с далай-ламой и панчен-ламой направили посольство к маньчжурскому двору в Мукдене «с изъявлением покорности», а на самом деле посольство добивалось признания власти секты гэлугпа в Тибете. Г. Ц. Цыбиков называет не китайские наролы, населяющие завоеванные Китаем территории, «туземцами», «китайскими инородцами», а их выступления против маньчжуро-китайского ига расценивает как «смуты» или «мятежи». Вполне понятно, что антицинское восстание в Лхасе в 1751 г. никак нельзя называть «мятежом» против законного правительства Китая. То же самое можно сказать о дунганском восстании 1862–1878 гг., о «мусульманском разорении» и о храме, «разрушенном во время дунганского движения» (с. 46).

Содержание

Предисловие	5
Автобиографическая заметка	8
Глава I. Паломники в пути от Урги до Гумбума	11
Глава II. Амдоские святыни Гумбум и Лабран	24
Глава III. Дневник паломника от Гумбума до Лхасы	44
Глава IV. Лхаса, город и его главные святыни	75
Глава V. Население Лхасы	104
Глава VI. Жизнь Лхасы	129
Глава VII. Управление Тибета	174
Глава VIII. О далай-ламах	184
Глава IX. Эпизод из жизни правящего ныне далай-ламы.	198
Глава X. Устройство и управление главнейших монастырей в окрестностях Лхасы.	201
Глава XI. Монастырь Галдан.	220
Глава XII. Монастырь Брайбун	230
Глава XIII. Монастырь Сэра.	248
Глава XIV. Монастырь Даший-лхунбо	257
Глава XV. Из Даший-лхунбо в Лхасу	270
Глава XVI. Поездка в Цзэтан и Самьяй	276
Глава XVII. Домой.	281
Примечания	313

- Ц93 Цыбиков Г.
Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 годах / Гомбожаб Цыбиков. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 344 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-113-7

Невероятная миссия вчерашнего выпускника Санкт-Петербургского университета Гомбожаба Цыбикова, продолжавшаяся 888 дней, была в равной степени исследовательской и разведывательной — в Азии на рубеже XIX и XX всков столкнулись интересы Российской и Британской империй. По заданию Русского географического общества, за которым стояло Министерство иностранных дел, под видом паломника, спрятав в молитвенном барабане фотоаппарат, ежедневно рискуя жизнью, Цыбиков сумел проникнуть в закрытый для иностранцев Тибет. За два года, проведенные в Лхасе, он посетил важнейшие монастырские центры, изучал тибетскую медицину и среди других «обыкновенных богомольцев» удостоился аудиенции у далай-ламы. Инкогнито его так и не было раскрыто. Ни один исследователь Тибета того времени не может сравниться с ним в качестве и количестве собранного материала. С публикации тибетских — первых в истории — фотографий Цыбикова началась всемирная слава журнала «National Geographic». За свое путешествие исследователь был удостоен высшей награды Русского географического общества — премии имени Н. М. Пржевальского и золотой медали.

УДК 910
ББК 63.3 (о)

История. География. Этнография

Гомбожаб Цыбиков

Буддист-паломник у святынь Тибета

По дневникам, веденным в 1899–1902 годах

Редактор М. Кузьмин

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 18.02.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 21,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 4902.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13

Тел. (495) 637-45-49

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Гомбожаб
Цыбиков
Буддист-
паломник
у святынь Тибета

По заданию Русского географического общества, под видом паломника, спрятав в молитвенном барабане громоздкий фотоаппарат, Гомбожаб Цыбиков сумел проникнуть в закрытый для иностранцев Тибет. Его невероятная миссия, продолжавшаяся 888 дней, была в равной степени исследовательской и разведывательной — в Азии на рубеже XIX и XX веков столкнулись интересы Российской и Британской империй. За два года, проведенные в Лхасе, Цыбиков посетил важнейшие монастырские центры, изучал тибетскую медицину и удостоился аудиенции у далай-ламы. Инкогнито его так и не было раскрыто. Ни один исследователь Тибета того времени не может сравниться с ним в качестве и количестве собранного материала. С публикации тибетских — первых в истории — фотографий Цыбикова началась всемирная слава журнала «National Geographic»...

ISBN 978-5-91678-113-7

9 785916 781137